ИХ ОРУЖИЕ КИНОКАМЕРА

Фронтовая работа бойца с кинокамерой сходна с действиями пулеметчика, снайпера, артиллериста. Ведь оператор на фронте должен быть так же собран и точен, чтобы объектив камеры успел схватить самое правдивое, самое волнующее, самое важное.

Генерал-лейтенант
Е. И. ЖИДИЛОВ

Честно выполняя долг, оператор с помощью своего неразлучного друга — киноаппарата старался не пропустить ничего в героических буднях солдат: боль отступлений и несокрушимую мощь победных атак, радость побед и горечь поражений, зверства фашистов, тяжелые минуты скорби о гибели друзей по оружию и неиссякаемую веру в победу, мужество, отвагу, оптимизм советских людей.

Дважды Герой Советского Союза
генерал-полковник
А. И. РОДИМЦЕВ

Глядя в тылу кадры фронтовых кинохроник, люди не всегда ясно представляют себе, что значит работать с киноаппаратом в условиях современной войны, чего стоит тот или иной, казалось бы, не особенно внешне эффектный кадр киноленты. Он почти всегда стоит неимоверных усилий.

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

Просматривая старые исторические кадры, всякий раз мысленно представляешь себе тот момент, когда оператор снимает, может быть, последний в своей жизни кадр. Я не могу не думать, когда смотрю фильмы киноэпопеи, о тех, кто делил с нами все тяготы солдатской жизни и умирал, как солдат, на поле боя. Только в руках у него вместо автомата — кинокамера.

Маршал Советского Союза
И. Х. БАГРАМЯН

РАССКАЗЫ ФРОНТОВЫХ КИНООПЕРАТОРОВ 1941-1945

ИХ ОРУЖИЕ КИНОКАМЕРА

Рассказы фронтовых кинооператоров

Москва
«Искусство»
1984

ББК 85.53(2)
И 95

СОЮЗ КИНЕМАТОГРАФИСТОВ СССР

Рецензенты:
полковник *Н. П. Ваулин*, кандидат искусствоведения *В. П. Михайлов*

И $\frac{4910020000-140}{025(01)-84}$ 102-84

Содержание

Навечно в памяти народной

Идут годы. Как далеки и вместе с тем как близки те майские весенние дни сорок пятого года, когда пришла к нам она — долгожданная и выстраданная, добытая кровью и жертвами Победа! Советский народ шел к ней четыре трудных, мучительных года, преодолевая ожесточенное сопротивление гитлеровцев, избавляя от коричневой чумы истерзанные врагом города и села, отвоевывая свои родные поля, растоптанные гусеницами вражеских «пантер» и «тигров».

Вместе с частями Красной Армии прошли по нелегким фронтовым дорогам кинооператоры-документалисты. Это их трудом, мужеством и талантом была создана фронтовая кинохроника, бесценные кадры которой легли в основу многих документальных лент той грозной поры и сложились для сегодняшних поколений в кинолетопись великой битвы советского народа с фашизмом

Навечно остались в памяти истории кадры суровой военной Москвы, в небе которой застыли аэростаты заграждения, исторического парада 7 ноября 1941 года на Красной площади, огни замерзшей Ладоги, по льду которой была проложена «Дорога жизни», соединившая блокированный Ленинград с Большой землей. Всем памятны и кинокадры, снятые в сражающемся Севастополе, в героической Одессе, Киеве, во время боев за Новороссийск и Керчь. Документальная хроника военных лет заставляет нас вновь переживать волнующие минуты освобождения от фашистского ига стран Европы и памятные минуты решающего штурма гитлеровской цитадели, когда над рейхстагом взвился алый флаг Победы. Кинодокументы военных лет с их агитационной прямотой и мобилизующей силой, свойственными публицистическому искусству, звучат и сегодня как обвинение фашизму во всех его проявлениях и обличьях. Живые свидетели истории, эти кинодокументы неопровержимы и безукоризненно точны. И вместе с тем они исполнены высокого пафоса, хранят яркий накал патриотических чувств, ненависть к войне. Каждый раз, когда документальный экран напоминает нам о том, как поднимаются в атаку бойцы или совершают подвиги наши прославленные воины, как напряженно работают в нетопленых заводских цехах те, кто остался в тылу, как совершают свои опаснейшие операции отважные партизаны, сердца зрителей наполняются гордостью за наш народ и за нашу партию, которая уверенно вела нас к победе, неся людям счастье долгожданного мира.

К фронтовой кинолетописи неизменно обращаются и режиссеры игрового кино и художники смежных искусств, когда они ставят своей задачей передать современным зрителям живое и неповторимое дыхание военной поры, великую стойкость человеческого духа, неодолимую и всепобеждающую силу советского воинского искусства.

Заново прочитывая кадры старой хроники, дополняя их живыми воспоминаниями участников боев, видных полководцев, руководивших крупными военными операциями, кинодокументалисты создают новые фильмы, которые продолжают славную повесть о победном завершении Великой Отечественной войны и о том, что эта победа явилась торжеством рожденного Октябрем нового общественного строя.

Киноархивы хранят еще много драгоценных кадров, почему-либо не дошедших до экрана. Немало в тех кадрах незавершенных, нераскрытых судеб людей — участников войны. Расспросы очевидцев и свидетелей, настойчивый розыск в архивах, а порой и простые справки адресных столов нередко венчают труд кинематографистов удачей. Такой поиск героя из документального кадра лег в основу фильма «Подвиг Ленинграда», сделанного Е. Учителем. Памяти героев Могилевской битвы посвятил свою работу И. Вейнерович.

Свой вклад в документальную разработку темы минувшей войны вносит и молодое поколение кинематографистов — назовем работы Д. Фирсовой «Зима и весна сорок пятого», «Битва за Новороссийск»; И. Грабовского «Огненный путь»; М. Литвяков выступил с фильмом «Знаменосцы Победы», рассказывающем о бойцах особого батальона, которые на параде Победы бросали к подножию Мавзолея знамена — штандарты разбитых фашистских полков и дивизий. О рядовых бойцах-героях войны рассказали писатель Константин Симонов и режиссер-документалист М. Бабак в фильмах «Шел солдат» и «Солдатские мемуары».

Иногда раздаются голоса: «Не довольно ли фильмов о войне?..»

Вот что сказал по этому поводу Маршал Советского Союза С. М. Буденный: «Сколько бы ни снималось фильмов о Великой Отечественной войне, наверное, никогда не наступит время, когда можно будет сказать: хватит, достаточно, все уже сказано. Всего сказать, я думаю, не удастся никогда, потому что нет меры трагизму войны, нет меры героизму людей, проявленному в ней, нет меры горечи и страданию, неизмерима и радость Победы. Об этой войне будут помнить всегда — недаром мы ведем отсчет лет, прошедших со дня ее начала, недаром как всенародный праздник отмечаем день, ставший ее концом, День Победы».

Справедливость этих слов подтвердила 20-серийная киноэпопея «Великая Отечественная», которая особенно живо всколыхнула память людскую.

Пожилые участники войны вновь пережили горечь утрат, радость победы. Молодые увидели своими глазами, какой ценой досталась эта победа отцам, матерям, дедам.

Миллионы людей с трепетным вниманием вглядывались в экран, следили за исходом борьбы, многие надеялись увидеть своих боевых друзей, родных и близких, не вернувшихся с полей сражений.

Об этом говорит поток писем, поступивших в адрес Центральной студии документальных фильмов после выхода на экраны киноэпопеи «Великая Отечественная».

«Я просмотрела 20 документальных фильмов «Великая Отечественная», — пишет Ольга Ивановна Капустина из Усть-Каменогорска. — Эти фильмы напомнили мне те горькие дни утрат и пережитых испытаний. Я оплакивала каждый фильм. В кинотеатре «Юбилейный» полон зал людей, в том числе и молодежь. Люди смотрели затаив дыхание. Каждый хотел увидеть родного человека. Я признала своего брата в первом фильме... Два бойца несут раненого. Когда увидела, я чуть не крикнула — братец Алеша! Я сдержала себя, а слезы не могла... Сейчас я живу с растревоженным сердцем».

Из города Арсеньев Приморского края написал бывший фронтовик, прошедший с боями от Старой Руссы до Кенигсберга, Михаил Пименович Суворов:

«Мой отец Суворов Пимен Григорьевич, рядовой саперного батальона, погиб под Тернополем. Но вы поймите, что я пережил, когда в фильме «Освобождение Белоруссии» (киноэпопея «Великая Отечественная») я увидел отца. Вся моя семья погибла. Сестру, комсомольского секретаря, расстреляли фашисты на глазах у матери. Мать не долго пережила ее, отец погиб... В фильме это эпизод, где саперы наводят мост через реку. Двое солдат пилят доску. Один спиной к зрителю, другой, усатый, в застегнутой ушанке, смотрит на пилу — это мой отец...

Пользуясь случаем, я хочу вам сказать «фронтовое спасибо» за фильм, который показывает какой дорогой ценой досталась нам победа, это очень нужный фильм, особенно в наше бурное время. Это и напоминание тем, кто хочет еще раз испытать силу Советской Армии».

Огромный резонанс за рубежом вызвал выход киноэпопеи «Великая Отечественная», созданной кинодокументалистами под руководством Р. Кармена. Она демонстрировалась в США под названием «Неизвестная война», потому что идеологи капитализма в течение всего послевоенного периода пытались замолчать, а когда это не удавалось, принизить роль Советского Союза в разгроме гитлеровской Германии.

Киноэпопея «Великая Отечественная» еще раз напомнила о тех незаметных героях, которые оставили бесценные кадры истории.

Кинолетопись, созданная трудом фронтовых операторов, на века остается зримой памятью истории, будет воспитывать у многих поколений советских людей чувство патриотизма и гордости за нашу Родину, за нашу Коммунистическую партию — организатора и вдохновителя всех наших побед, за наш великий советский народ.

Один из фронтовых операторов, В. Еремеев, посвятил памяти своих товарищей следующие строки:

От зорь июньских, бомбами сожженных,
До дня того, когда рейхстаг был взят,
В громаде Сил Вооруженных
Была нас горстка — двести пятьдесят.
Но не вернулся с фронта каждый пятый,
За киноправду жизнью заплатив,
Оставив в аппарате недоснятый
Свой смертный, свой последний негатив.
Идут года... Но, в кадрах оживая,
Встает опять такою, как была,
Та самая — Вторая Мировая,
Что полпланеты кровью залила.

Памяти тех, кто не вернулся с фронта, «за киноправду жизнью заплатив», посвящается и предлагаемый вниманию читателей сборник.

Составители.

22 июня 1941 г. «Союзкиножурнал», 1941, № 59

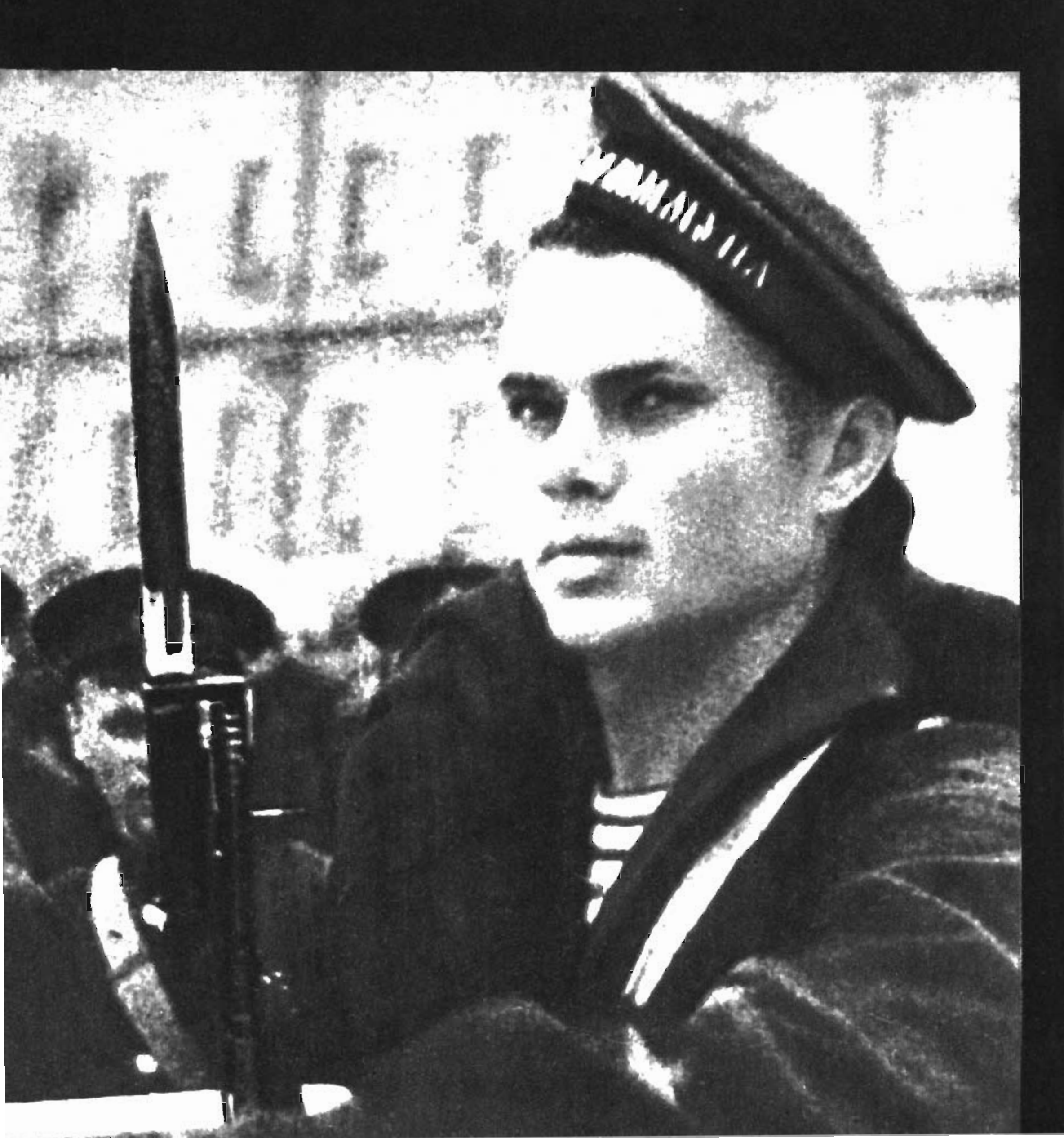

На одном из участков фронта. «Союзкиножурнал», 1941, № 92

Бои у берегов Балтики. «Союзкиножурнал», 1941, № 95

Героическая оборона Одессы. «Союзкиножурнал», 1941, № 91

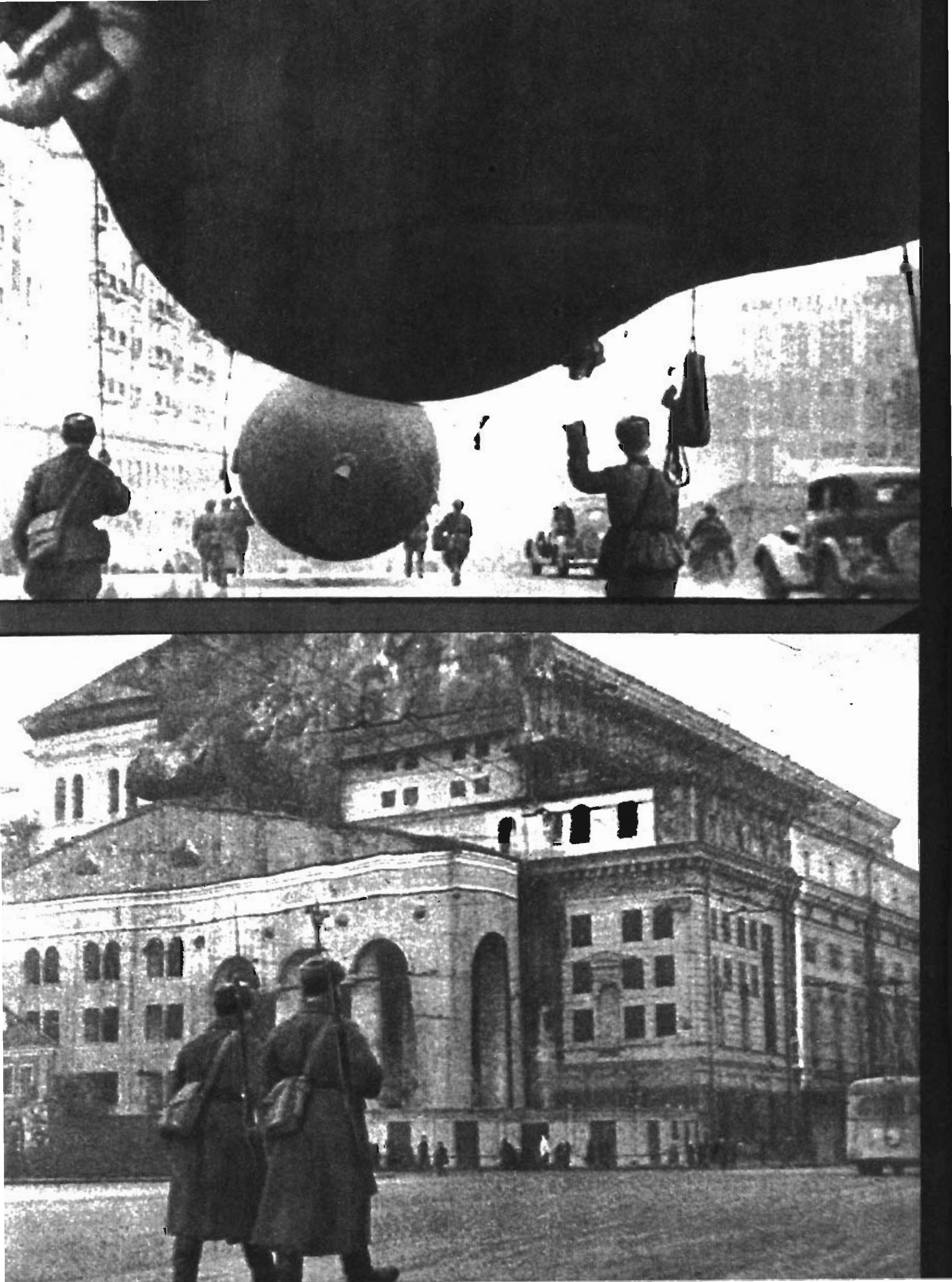
15 июля 1923
в ознаменовани
100 летней годовщи
АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА
ПУШКИНА
13
ПУШКІНСЬКА
13

Бои за Ельню. «Союзкиножурнал», 1941, № 92

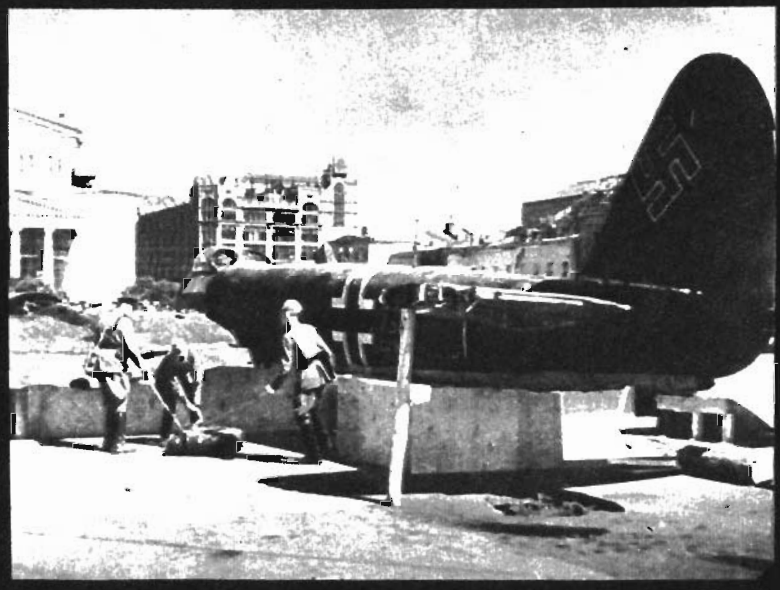

Кинолетопись, 1941 г.

Москва в октябре 1941 г. «Союзкиножурнал», 1941, № 104

Сбитый фашистский самолет на площади Свердлова. «Союзкиножурнал», 1941, № 75

Защитники Москвы. «Наша Москва».

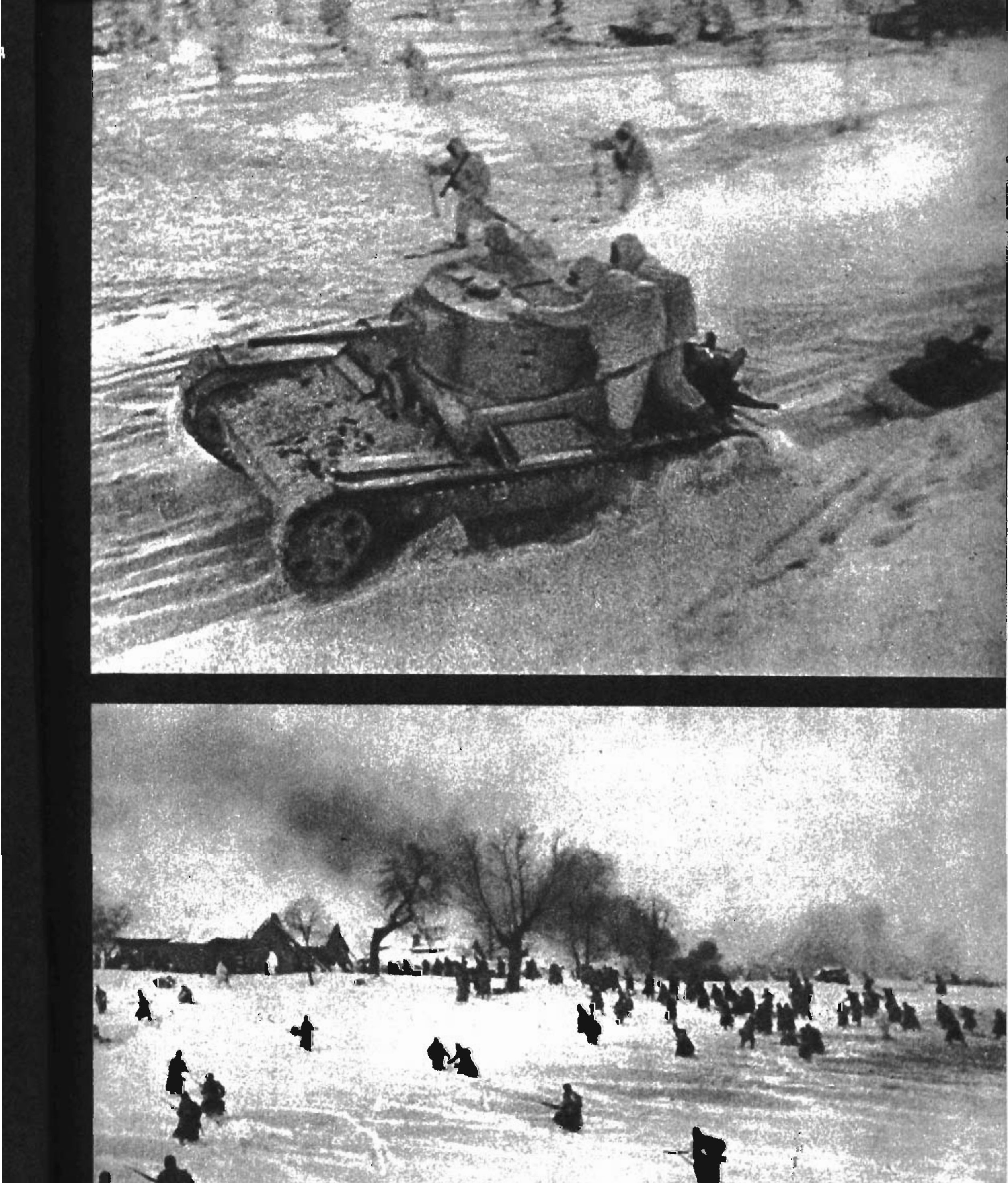
«Народное ополчен

«Военный парад на Красной площади 7 ноября 1941 года»

«Разгром немецко-фашистских войск под Москвой»

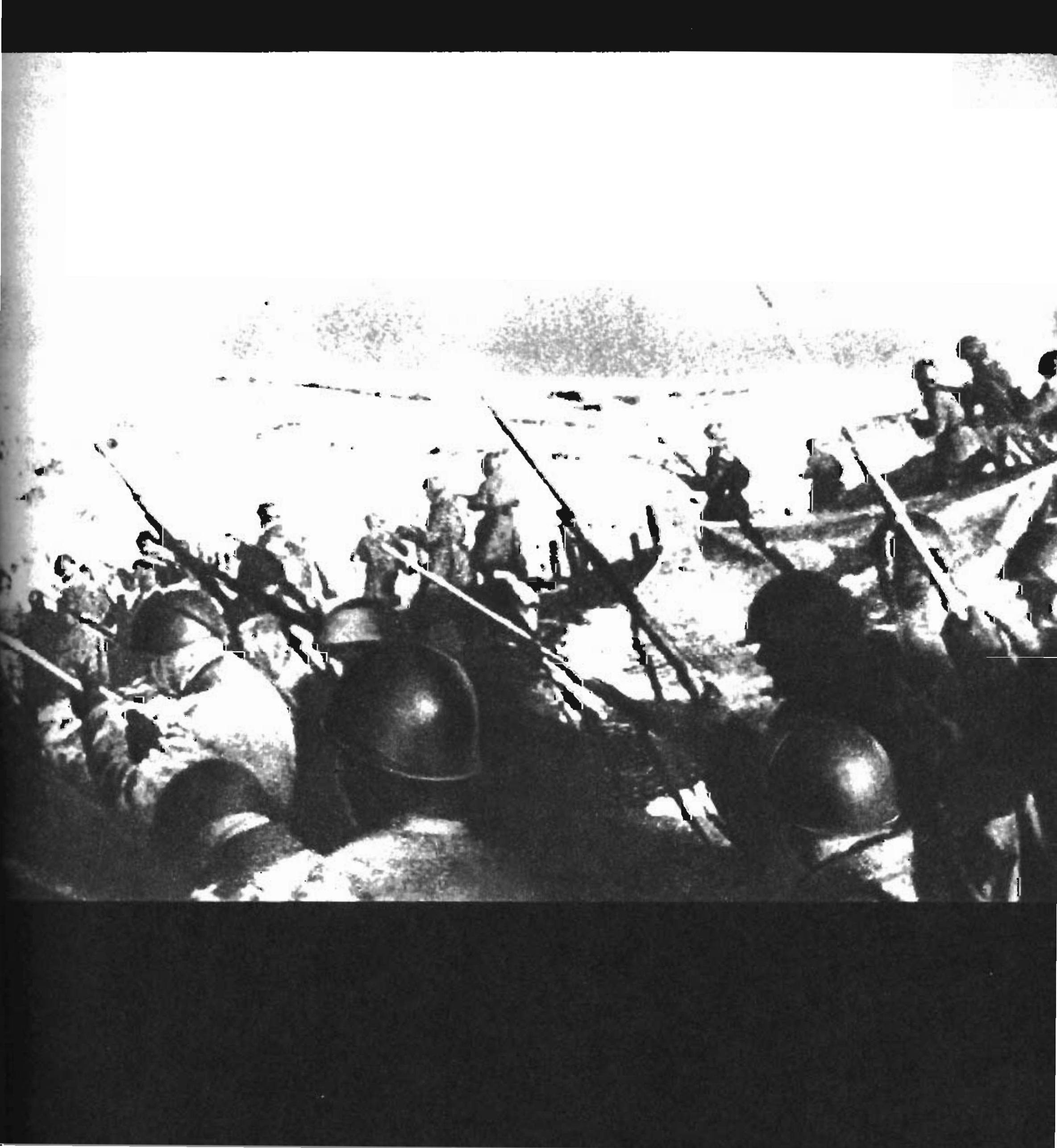

Командующий Западным фронтом генерал армии Г. К. Жуков. «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой»

Пехота поднялась в атаку. «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой»

На дорогах Подмосковья. «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой»

Р. Кармен **В первые дни**

24 июня 1941 г., третий день войны

Мы покидали Москву в ночь на 25 июня. По улицам затемненной столицы студийный автобус, груженный аппаратурой и пленкой, вез нас к Белорусскому вокзалу. Нас было четверо, уезжавших на фронт. Операторы Борис Шер и Николай Лыткин, администратор Александр Ешурин и я. Меня провожала жена Нина. Ей со дня на день рожать.

Ехали молча, каждый погружен в свои мысли. Что ждет нас впереди? Какая она будет, эта война? Что ожидает ребенка, который вот-вот появится на свет?

Настороженная тишина опустевших московских улиц была невыносимо печальной. В мирное время заполночь по теплому асфальту мостовой шли с песнями компании молодежи... Сегодняшняя тишина была чужой, пугающей.

А на привокзальной площади — шумная толчея, толпа, заполнившая перроны. Пройдя вдоль составов, я выяснил, что воинский поезд на Ригу отойдет часа через два-три. Поезд на Ригу!.. Что произошло бы с пассажирами этого поезда, если бы он действительно дошел до Риги? Кто встретил бы на перроне Рижского вокзала воинский эшелон с командирами, которые возвращались в свои части из отпуска?

Никто не знал, что в ближайшие часы падет Рига, что немцы войдут в Каунас, Минск...

Мы сложили свой багаж у вокзальной стены. Рядом, на асфальте, расположились молодые ребята — новобранцы. На расстеленной газете — селедка, соленые огурцы, лук, хлеб, водка. Заправила этой компании — рабочий паренек — поднял стакан, широким жестом обращаясь к окружающим, сказал: «За встречу в Берлине! — и добавил: — За скорую встречу!» Выпил до капли, еще налил себе и товарищам и подтолкнул гармониста. Тот растянул мехи, ребята запели:

Если завтра война,
Если завтра в поход,
Если черная туча нагрянет...

Ребята пели на затемненном перроне «Если завтра война», а она, война, уже третьи сутки бушевала на нашей земле. Шли по полям Украины и Белоруссии нескончаемые колонны фашистских танков, горели города. И отчаянно дрались застигнутые врасплох наши войска.

Гитлеровскую военную кинохронику июня — июля 1941 года я просмотрел лишь много лет спустя. Были там и кадры танковых колонн, были и солдаты с засученными рукавами, смеясь шагавшие по горящим нашим деревням, были и надменные генералы над картами, и трагические образы захваченных в плен советских солдат. Эти кадры и сейчас трудно смотреть...

Но есть кадры, которые смотрятся с чувством гордости. Вражеские солдаты, пригнувшись к земле, ползут в дыму. Окровавленные, искаженные страхом лица. Бегут по дымящейся земле, несут на плащ-палатках своих раненых и убитых, прижимаются к стенам домов.

...Кажется, вечность прошла с той минуты, когда лязгнули буфера и поезд медленно тронулся с московского вокзала. Нам удалось захватить четырехместное купе. Рассовав по полкам аппаратуру и пленку, мы расположились с комфортом, стойко выдерживая натиск людей, колотящих в дверь. Устроившись, вытащили на свет божий бутылку водки, хлеб, консервы, колбасу.

Еще не разорвался над нашими головами первый снаряд, еще не упали мы, прижимаясь к земле под бомбежкой, — все это началось несколькими днями позже. А сейчас — мерное постукивание колес, покачивающийся вагон. Накрепко связаны были мы верой, что если суждено кому из нас попасть в беду, то честная мужская дружба может уберечь на войне человека вернее всего.

Коля Лыткин был в нашей компании, пожалуй, самой штатской личностью. Голубоглазый романтик, он уехал на Дальний Восток, окончив за несколько лет до войны Институт кинематографии. Там, где шли по тайге геологи, строители, где рождались города и заводы, можно было видеть человека с кинокамерой — худощавого, долговязого, с доброй улыбкой. Лыткина знали и любили таежные охотники, летчики, строители, партийные работники, капитаны кораблей, матерые тигроловы. Николай восторженно относился к своей профессии кинорепортера, гордился ею. Сейчас он, увлеченный мыслью о предстоящей работе, расспрашивает меня об Испании, о киносъемке в боевой обстановке.

С Борисом Шером мы уже несколько лет работаем вместе. Он был моим ассистентом, потом его призвали в армию, два года он отслужил в кавалерии, снова вернулся на студию. Любому кинооператору можно было только мечтать о таком напарнике. Скрупулезно точный, любящий аппаратуру и оптику, на вид медлительный, но на событийной съемке прицельно точный, успевающий без излишней суеты занять лучшую точку, запечатлеть кульминационные фазы события. Снайпер кинорепортажа.

Я вспоминал в эту ночь в поезде товарищей-кинорепортеров — Марка Трояновского, Владика Микошу, Мишу Ошуркова, Сережу Гусева, Соломона Когана, Бориса Небылицкого. Они сейчас, как и я, эшелонами, самолетами направлялись на указанные им участки фронта. И никто из нас не знал, что это будет за война. Не знали даже те, кому довелось уже побывать под огнем в Абиссинии, Испании, на Халхин-Голе, Карельском перешейке. А остальные видели боевые действия только на маневрах.

Покачивался вагон. Спать мне не давал Коля, его занимали проблемы сугубо практические: можно ли, например, перед разрывом снаряда слышать шум его полета.

— Можно, Коля, — терпеливо разъяснял я ему, — правда, бывают случаи, что человек, слыша свист летящего снаряда, может не услышать грохота его разрыва.

— Почему?

— Потому что, Коленька, в момент разрыва этот человек иногда становится мертвым.

— Ясно, — улыбался Коля. — А если бомба — то как?..

Больше к нам в купе не стучались. Последними, кто рвался в дверь с необыкновенным упорством и в конце концов прорвал нашу «оборону», оказались двое писателей: Юрий Корольков и Рудольф Бершадский. Они были одеты в новенькую офицерскую форму с комиссарскими знаками отличия в петлицах, опоясаны еще хранящими запах воинского склада, скрипящими ярко-желтыми ремнями, портупеями, кобурами и планшетами. Очень воинственно выглядели Корольков и Бершадский в нашей штатской компании. Я, правда, раздобыл перед отъездом у кого-то из друзей гимнастерку, ремень. К гимнастерке привинтил боевой орден Красной Звезды, которым был

награжден за Испанию, и орден Трудового Красного Знамени, полученный за работу в Арктике.

Однако как просчитался я, надев в дорогу коричневое кожаное пальто, купленное в комиссионном магазине несколько месяцев назад! Светло-шоколадного цвета, пижонское, заграничное, оно привлекало всеобщее внимание. Чуть не каждый наш выход на перрон при остановках поезда кончался тем, что меня вели в комендатуру для выяснения личности. О диверсантах, забрасываемых в наши тылы, тогда сообщалось в сводках Совинформбюро. Мое пальто ни у кого не вызывало сомнения — гитлеровский агент! Не успевал я шагнуть на перрон, как вокруг меня смыкалось кольцо людей. Через минуту они уже торжествующе волокли меня в комендатуру с возгласами: «Знаем мы!..», «Подумаешь, документы...» Ребята мои мчались на выручку.

Эшелон наш был переполнен командирами Красной Армии. С некоторыми мы уже перезнакомились, большинство держало путь на Ригу. Сведения о положении на фронте получали только из сводок Совинформбюро. На каждой станции официальные сообщения пополнялись слухами, самыми противоречивыми, но в общем дающими представление о большой беде, нагрянувшей на страну. Ничего толком не могли сказать и пассажиры встречных поездов. Одно было ясно: там, впереди, бомбят железную дорогу, поезда, станции. Чем дальше, тем сильнее бомбят. И уже не было уверенности, что нашему эшелону удастся пробиться к месту назначения.

Операторы Р. Кармен и Б. Шер. Западный фронт. 1941 г.

У Королькова и Бершадского, как и у меня, было направление Главного политического управления в штаб Се-

веро-Западного фронта в Ригу. Но с каждой остановкой, с каждой сводкой Совинформбюро все меньше оставалось надежды, что мы попадем в Ригу.

25 июня 1941 г., четвертый день войны

Проехали Великие Луки. Простояв несколько часов где-то на запасных путях, снова вернулись туда же и на этот раз, видимо, прочно застряли. С минуты на минуту могли нагрянуть вражеские бомбардировщики. Оставаться в эшелоне было бессмысленно. Снова слухи о парашютных десантах, о танковых колоннах, прорывающихся на восток. В сводке уже «бои на Рижском направлении...». Нужно что-то решать.

26 июня 1941 г., пятый день войны

События разворачивались примерно так. Комендант станции имел лишь отдаленное понятие о местонахождении штаба 22-й армии: где-то в районе Великих Лук. Попутными машинами группа командиров из нашего поезда и я в числе этой «делегации» все же добрались до расположения второго эшелона. Здесь я, расставшись с моими полковниками, нашел оперативную группу политотдела. Посоветовавшись с товарищами, выпросил у них машину и помчался в Великие Луки. Через несколько часов я вернулся к эшелону. Быстро погрузив свое имущество и миновав притихший город, мы помчались по лесной дороге в штаб 22-й армии. Полной ясности — то есть, что нас ожидает, — не было. Но мы, слава богу, наконец расстались с безнадежно застрявшим на путях поездом, едем на машине, чувствуя, что в какой-то мере стали уже частью армии, ибо в политотделе 22-й армии мне обещали помощь, транспорт, обмундирование и даже личное оружие. Оружия, конечно же, нам более всего не хватало, чтобы окончательно ощутить себя военными людьми, хотя мы твердо знали, что главным нашим оружием в войне будет кинокамера.

Вчера вечером, уточняя дорогу, остановили машину, в которой ехали трибунальцы. Узнав, что мы кинооператоры, они посоветовали одному из нас присоединиться к их группе.

— Не пожалеете, — убеждали они. — За два-три дня оператор побывает с нами во многих частях, снимет хорошие кадры. Мы не раз говорили друг другу: как жаль, что нет с нами фотографа или журналиста.

Коля Лыткин увлекся их предложением, и мы, посовещавшись, решили его отпустить, чтобы соединиться через несколько дней. В самом деле, нам, троим операторам, ездить кучно не имело смысла, не будем же мы в три камеры снимать один и тот же объект. Трибунальцы обещали обмундировать Колю, обеспечить аттестатом и прочим.

27 июня 1941 г., шестой день войны

Запись в дневнике: «Штаб 22-й арм. Армейский комиссар Б. собирался расстрелять меня как дезертира». Этой записи достаточно, чтобы вспомнить все события того дня.

Я был обрадован встрече с заместителем начальника Главного управления политической пропаганды Красной Армии: он-то знает обстановку, с ним можно будет разрешить все вопросы дальнейшей работы. Передо мной сидел тучный человек с четырьмя ромбами и орденом Ленина на груди. Он сидел на стуле боком, положив локоть на край стола, я стоял перед ним. Он не предложил сесть, тут уже действовали армейские законы. И я включился в незнакомый мне армейский стиль разговора с высшим военным начальством. Хотя и сознавал, что не обязан стоять навытяжку, что этот большой начальник мог бы уважительнее говорить с кинематографистом, который, в общем-то, ему не подчинялся.

Армейский комиссар был раздражен, говорил со мной грубо, я чувствовал, что вот-вот сорвусь и тоже отвечу ему резкостью.

Внимательно прочитав командировочное удостоверение, он вернул мне

его. Там было сказано, что я назначаюсь начальником фронтовой киногруппы Северо-Западного фронта и следую к месту нахождения штаба.

— Ну и что вы от меня хотите?

— Полагаю, товарищ армейский комиссар, что вы можете помочь мне приступить к работе. Я слышал, что штаб Северо-Западного направления переместился из Риги в Псков.

— Не знаю.

— Моя задача — как можно скорее добраться до штаба направления. Прошу в этом помочь.

Он посмотрел на меня тяжелым взглядом и резко сказал:

— Останетесь здесь.

— Но у меня назначение, меня ждут люди...

Армейский комиссар повысил голос:

— Останетесь здесь! Идет война, люди сражаются. Ваша работа нужна здесь, как и в любом другом месте.

— А кто, в таком случае, товарищ армейский комиссар, сообщит по месту моего назначения, что мною получен новый приказ?

— Останетесь на этом участке фронта! — закричал он, стукнув кулаком по столу. — А если будете рассуждать и нарушите мой приказ, будете сейчас же расстреляны как дезертир!

Тут я разъярился и тоже повысил голос:

— Кто дал вам право называть меня дезертиром, товарищ армейский комиссар второго ранга? Я не в тыл, а на передовую прошу меня отправить!

Армейский комиссар медленно поднялся из-за стола и шагнул ко мне. «А ведь расстреляет, вот так запросто», — подумал я. Но, взглянув в его глаза, замер, пораженный страдальческим их выражением. Огромный, могучий человек, чуть не шатаясь, подошел ко мне, положил обе руки мне на плечи и срывающимся голосом сказал:

— Рига, Псков? Да я сейчас полжизни бы отдал, чтобы знать, где находится штаб фронта! Неужели не видишь, что творится?.. Вот я и говорю: оставайся здесь, немедленно начинай работу. Люди сражаются, умирают, воюют... Понял ты?

Вся трагическая тяжесть положения на фронте словно навалилась на его плечи. Глаза потеплели, когда он повторил:

— Оставайся. Начинай воевать здесь...

28 июня 1941 г., седьмой день войны

По правде сказать, мы были благодарны армейскому комиссару, который решительно определил наше место на войне. Так и нужно было. От бесцельных поисков штаба фронта вся наша энергия, все наши помыслы переключились на работу. Снимать! Отношение к киногруппе политработников 22-й армии было очень внимательным. Так было и впоследствии, на протяжении всей войны. Полное понимание важности работы фронтового кинооператора.

У нас появилось главное — машина. Новенькая полуторка. Из кабины вышел человек в потертом пиджачке, неумело приложил черную ладонь к мятому козырьку кепки и сказал:

— Шофер-красноармеец Левашов Степан Васильевич направлен в распоряжение киногруппы.

В каких только переделках не побывали мы в военные годы с милым, храбрым тружеником Степаном Васильевичем! Верным, добрым другом был он нам и в эти первые дни, и в лесах под Старой Руссой, и в боях под Москвой. А закончил Степан Васильевич войну, залив радиатор своей машины водой из Эльбы.

Теперь наш администратор Александр Ешурин командовал уже настоящим мотомеханизированным подразделением. Он стал своим человеком во всех тыловых органах 22-й армии. И хотя все было в движении — и в перелесках и в палатках, он находил нужных нам людей безошибочно. Необходимые предписания, аттестаты — все это он умудрялся добывать в самый короткий срок.

Ориентируясь по полевой карте, Ешурин безошибочно привел нашу полуторку в густой сосновый лес к сосредоточенным здесь складским машинам. Мы получили все, что положено, — от портянок до звездочек на пилотке. Получили мы и оружие — винтовки, патроны, ручные гранаты. За всю войну ни одному из нас так и не пришлось хоть раз метнуть гранату, но, получив оружие, мы испытали чувство большей уверенности.

Мы сфотографировались. Ужасно боевой вид был у нас. В стальных касках, с гранатами за поясом, с камерой в руках! Как же уныло выглядели мы уже через несколько дней! От героического облика не осталось и следа после того, как мы вдоволь наползались в черной болотной жиже под бомбежками, повалялись в дорожной пыли, вымазались глиной в узких щелях, которые научились выкапывать на любой, даже самой короткой стоянке.

Первая военная трапеза у полевой кухни. Незадолго до войны я с предполагаемой язвой желудка месяц провел в санатории усиленного режима. Ничего жирного, сухарики и отвратительные, похожие на комочки серой ваты паровые котлеты. Боже упаси — глоток пива или рюмку водки! А здесь повар щедро плеснул в котелок доброго солдатского борща, покрытого слоем рубинового жира, горячего, как жидкий чугун. А вместо сухариков — ломоть черного хлеба. С удовольствием ел, вспоминая муки, пережитые в санатории, и в который раз подумал, как единым росчерком война списывает в прошлое привычные нормы мирного времени, как меняет она людей.

Не случайно я несколько отвлекся описанием наших организационных хлопот. Работать без машины, без котелка, в гражданской одежде и без полевой почты нельзя, нельзя обойтись оператору и без знания обстановки, без хотя бы отдаленного представления о переднем крае. Еще в Испании я убедился, что самые точные сведения о переднем крае получишь, когда ползком доберешься до него и удостоверишься, что это и есть действительно передний край, а дальше — за полосой ничейной земли — уже враг.

То, что нам сообщали, имело в лучшем случае суточную давность. А это означало неточность, исчисляемую в километрах вражеских танковых прорывов, бросков моторизованной пехоты противника. Однако в течение ближайших дней мы убедились, что именно на нашем участке фронта гитлеровцы столкнулись с упорным, организованным сопротивлением наших войск и с трудом прогрызали нашу оборону, неся огромные потери.

29 июня 1941 г., восьмой день войны

Война была вокруг нас. Была она во всем, что происходило на дорогах, близких к линии фронта. По дорогам шли беженцы. Одни шагали, видимо, уже из последних сил, катили тележки, несли на плечах пожитки. Другие почти бежали, пугливо оглядываясь, словно чувствуя за спиной настигающего их врага. Эти уже видели огонь и смерть. Спрашивать у них что-либо было бесполезно, то и дело они бросали испуганный взгляд в небо и, если вдали появлялся самолет, хотя бы направляющийся и не в нашу сторону, кидались в придорожный лес.

Часто на дороге попадались сгоревшие или догоравшие машины. Но самым пугающим — это испытали все бывавшие на войне — был вид пустой дороги. Казалось, вот-вот за перелеском столкнешься с врагом. Попадая на такую дорогу, водитель невольно жал на тормоза. И все, кто был в машине, вслушивались в тишину, враждебную тишину, пытаясь уловить далекий шум боя. Левашов на всякий случай разворачивал машину в обратном направлении. Но вот показалась встречная! Останавливаешь, выспрашиваешь... Можно ехать дальше.

Удручающее зрелище — идущие в противоположную от фронта сторону

бойцы. Осунувшиеся, подавленные, растерянные. Командиры останавливают их на перекрестках дорог. Выясняют, из какой части, откуда и почему идут от фронта. Ответы одинаковые: «Немец окружил, зашел во фланги... приказ был отступать». На вопрос, кто же дал приказ отступать, — молчание или путаное: «Говорили, есть приказ». На вопрос, кто говорил, — вновь молчание или путаное: «Говорили, есть приказ». «Кто говорил?» Допытываться, убеждать бесполезно. Их выстраивают, переписывают, подчиняют старшему по званию — сержанту или лейтенанту — и отправляют на передовую. Удивительно, как сразу преображаются люди, построенные в пехотную колонну. Пришибленные неуверенностью и страхом, усталые, они превращаются в солдат. Разговор короткий: «Там ваши товарищи сражаются, бьют врага. Ступайте, в честном бою смоете кровью свой позор, свою вину перед Родиной. Шагом марш!»

30 июня 1941 г., девятый день войны

Въехав в Невель, мы увидели город, полностью снесенный с лица земли. Его развалины уже не дымились. Груды камня, щебня, мертвые печные трубы. Жители исчезли. Ветер гнал над черным частоколом печных труб клочья серых облаков. Но самым тягостным была сверлящая душу тишина.

Вдалеке мы разглядели одинокую фигуру солдата. Он шагал по пустынной ленте асфальта, и полы его шинели развевались на ветру. Подъехали ближе. В пилотке, надвинутой на уши, на тонких длинных ногах, болтающихся в голенищах кирзовых сапог, навстречу нам шагал... Коля Лыткин. Мы крепко обнялись. Коля, облачившись в шинель, нахлобучив пилотку, выглядел еще более штатским. Он был грустен, голубоглазый бравый солдат. Без улыбки смотрел он на нас, видно, уже и на наши лица серой тенью легла война. И в глазах наших он, очевидно, прочел вопрос, который мучил тогда всех:

— Что же происходит?..

Мы снова расстались. Опять условились встретиться. Хотя, говоря откровенно, мы очень смутно представляли, как, где и когда удастся это нам, кинематографистам, гонимым ураганом войны.

1 июля 1941 г., десятый день войны

Так куда же едем? В Себеж? В Идрицу? На наше счастье, на целый день зарядил дождь. Можно было передохнуть от воздушных разбойников, охотившихся буквально за каждой машиной. Вынырнет на бреющем полете из-за верхушек деревьев — и огонь из всех бортовых стволов. Из пушек, пулеметов. Разумеется, все, кто в машине, выскакивают, кидаются в кювет, водитель или бросает машину на дороге, или рывком загоняет ее в лес. Если оставленная на дороге машина не сразу загорелась, фашистский самолет идет на второй, третий заход, чтобы поджечь ее. А заодно разбрасывает мелкие осколочные бомбы по обеим сторонам дороги. Расчет точный — кто останется в живых после этой передряги, морально уже подавлен, прифронтовые дороги парализованы. И не только дороги — враг бомбил рощи, леса, бомбил всюду, где предполагал сосредоточение наших воинских частей; не говоря уж о массированных воздушных ударах по городам, аэродромам, переправам.

Мы ехали под проливным дождем искать штаб дивизии. Остановились в Себеже.

На военном телефонном узле нам сказали, что утром противник разбомбил Идрицу. По непроверенным сведениям — впрочем, проверенных сведений в эти дни было мало, — в районе Идрицы сражается механизированный корпус генерал-майора Д. Д. Лелюшенко. Снять бы наши танки в бою!

2 июля 1941 г., одиннадцатый день войны

В одной деревне мы сняли эвакуацию колхоза. Сначала тронулись в путь два

больших стада — коровы, овцы. За ними по дороге — тракторы, ведущие на прицепе комбайны. На деревенской улице стояли два десятка телег с женщинами и детьми, а также домашним скарбом. У подвод — несколько мужчин с винтовками на плечах и наганами за ремнем, стягивавшим штатский пиджак.

Подводы медленно тронулись, заплакали в голос женщины. Не все мужчины пошли вслед за повозками, те, что были вооружены — человек шесть, — остались на опустевшей улице деревни.

Последняя повозка скрылась за поворотом. Я спросил одного из оставшихся, обросшего рыжей с проседью щетиной, с орденом «Знак Почета» на мятом лацкане пиджака:

— А вы куда?

Он затянулся махорочной самокруткой и, помолчав, ответил:

— Леса у нас заповедные, дремучие, враг туда не сунется. — Потом обратился к односельчанам: — Пошли, что ли, мужики...

Они шли по деревенской улице с винтовками и заплечными мешками, то один, то другой обернется, глянет на опустевшие хаты. Шагали гуськом, вразвалку, а потом пошли в ногу, убыстряя шаг.

Я проводил колхозников до ближайшей рощицы. Снял вслед долгий план: они один за другим скрывались в густой листве ольшаника; помню последний кадр — качающаяся листва. Много позже я осознал, что эпизод этот, снятый в начале войны, был, очевидно, самым первым штрихом в большой киноповести о партизанском движении в годы Великой Отечественной войны. Повесть эту создавали мои товарищи-операторы далеко за линиями фронтов.

...На дороге нас остановил, подняв руку, майор. Спросил, куда едем. Охрипшим голосом попросил передать, сейчас уже не помню кому, что он выдвинул две батареи противотанковых пушек западнее дороги. Мы отметили указанное им место на нашей карте и простились с измученным до предела, но спокойным, уверенным в себе и своих бойцах майором.

Сколько я встречал в те трудные дни командиров, таких, как он. Командиров, убежденных, что немцев можно бить, и с этой верой выполнявших свой воинский долг. Они дрались в обороне, продолжали с тем же упорством сражаться в окружении, сковывая большие силы врага, выходили с боем из окружения. Они были полны решимости дать отпор врагу. Они готовились показать покорителям Европы, что Россия не упадет на колени перед ордами фашистских гуннов.

В Освее в райкоме партии нас встретил работник райисполкома с медалью «За трудовую доблесть» на лацкане пиджака. Город эвакуирован, население ушло. Воинских штабов в черте города нет. Переночевать можно в гостинице. Персонал, правда, эвакуировался.

— Будете сами там хозяевами, — сказал он. — Я сейчас уезжаю эвакуировать МТС.

В гостинице было пусто, занимай любую комнату, ложись на любую кровать, заправленную чистыми простынями. На тумбочках — кружевные накрахмаленные салфеточки. На стене — репродуктор.

Прослушали сводку Совинформбюро. Упомянутые в сообщении города — мы догадывались — были оставлены нами. Рига, Шяуляй, Даугавпилс, Ровно... «Бои в районе Борковичи...» Что-то знакомое. Взглянули на карту, да это же в нашем районе! Совсем близко. Вскипятили на электроплитке чай, открыли две банки консервов. За окном темнота, на горизонте алое зарево.

Какой будет для нас эта ночь?

Перед сном подвели итоги нашей операторской работы. Сняты эпизоды эвакуации. Разрушенные города и деревни, войска на марше, артиллерия, полевые штабы, репортажные зарисовки. Материал живой, в нем тяжкое

дыхание войны, суровая ее правда. Но нет боевых эпизодов. Чего бы это ни стоило, мы должны снять оборонительные бои!

А пока вечером 2 июля мы — Саша Ешурин, Борис Шер и я — заснули тяжелым сном, свалившись, не раздеваясь, на чистые постели. После этой ночи мы ночевали иногда на голой земле или в блиндажах, завешанных в сорокаградусный мороз лишь плащпалаткой, а бывало, и на снегу. Выкопаешь ямку и выложишь ее сосновыми ветками. Гостиниц больше не было.

3 июля 1941 г., двенадцатый день войны

Утром мы включили радио и сразу услышали: «...работают все радиостанции Советского Союза».

Говорил Сталин: «Братья и сестры! К вам обращаюсь я, друзья мои!..» Он никогда так раньше не говорил.

Речь главы государства еще ощутимее раскрывала масштабы постигшего страну бедствия. Миллионы братьев и сестер сражались на фронтах, стояли у станков, увозили на восток детей, умирали у пулеметов, хоронились от врага в дремучих лесах.

Мы шли туда, где за полем пшеницы виднелась деревня Борковичи.

Для поколений русского солдата исстари враг, противник назывался одним словом — «он». «Он наступает», — говорилось про вражеские армии. Ядро, посланное из вражеской пушки, — «он стреляет».

Я ощутил «его», когда в километре от Борковичей над головой рвануло первое облачко шрапнели. «Он» целился в меня. «Его» шрапнель со звоном вонзалась в землю рядом со мной.

Мы лежали у дороги, поджидая, когда утихнет шрапнельный огонь. Около меня раздался легкий стон, похожий на возглас удивления. Солдат-киргиз, лежавший рядом с нами, держал на весу залитую кровью кисть руки, раздробленную осколком снаряда. Даже перевязывая руку солдату-киргизу, я еще не ощутил в полной мере всего, что надвигалось на нас. Марлевой повязкой пытался остановить кровь, текущую из запястья, это происходило в минуты, когда на четырехтысячекилометровой линии фронта лились потоки крови.

Где-то впереди были слышны пулеметные очереди, раскатывались эхом орудийные выстрелы. Мы пошли в сторону выстрелов, означавших, что идет бой, там наши части. Если еще вчера Совинформбюро сообщало, что в районе Борковичи идут бои и за два дня гитлеровцы не продвинулись, значит, крепко наши держат оборону.

Взвалив на плечи камеры, пленку, мы зашагали вперед, изредка падая на землю, когда «его» снаряды ложились близко. Через несколько месяцев я сам поражался беспечности, неведению, с которыми мы трое, оторванные от каких бы то ни было источников связи и информации, шагали на запад. Шли меж спелых хлебов в сторону Берлина. В Берлин мы пришли только через четыре года. А в тот день мы шагали на запад, не представляя себе, что в стороне от нас по десяткам дорог идут на восток колонны фашистских танков. И где-то смыкаются чудовищные черные стрелы на картах СССР, над которыми склонились Браухич, Йоддль, Кейтель, Гитлер.

Вспоминая этот путь в сторону Борковичей, понимаю сейчас, как далек я был тогда от осознания всей меры опасности и несчастья, постигшего нашу страну. Как далек был от представления, что бой будет скоро идти не в Борковичах, а невдалеке от Химок. И у Парка культуры и отдыха и в Дорогомилове будут построены баррикады. И гитлеровские войска дойдут до Волги и Кавказа. И что наступит день, когда на танке я въеду в горящий Берлин. А потом буду снимать приговоренных к виселице Геринга, Кейтеля, Йоддля, Розенберга...

Это я вспоминаю сейчас. А тогда, лежа под шрапнелью, только одно думалось: вот она и началась, война с немецкими фашистами.

А. Казначеев

Родина-мать

Сорок первый год. Шахтерский городок Лисичанск. Сюда я попал в составе киногруппы и именно здесь почувствовал, что война будет жестокой и долгой. Фашистские полчища неудержимо продвигались в глубь страны.

Каждое утро мы понуро стояли около репродукторов и молча вслушивались в последние известия: «...наши

Оператор А. Казначеев. Закавказский фронт. 1942 г.

войска оставили населенный пункт и после жестоких боев отступили на заранее подготовленные позиции». Теперь мы знали, что это значит. Через город проходили толпы беженцев из оккупированных районов, шли и части Красной Армии. В разговорах стали часто слышаться слова: «окружение», «прорыв», «шпион», «десантники». Просачивались страшные рассказы о жестокости и кровавом произволе гитлеровцев.

И наступил день, когда и наша киногруппа стала готовиться к эвакуации. Жители Лисичанска, остающиеся в городе, молча нас провожали. Слов упрека мы не слышали, но читали их в глазах провожающих. В районе шахт раздавались глухие взрывы: шахтеры взрывали шахты. Стараюсь этот день вспомнить, ибо дневники и записи у меня сгорели в автомашине.

Наша киногруппа на открытой полуторке продвигалась к Ворошиловграду. На дороге — тысячи людей, машины, до отказа набитые людьми и скарбом, ревущие стада колхозных коров. И все это двигалось нескончаемым потоком. Пыль и жара, сгорбленные, с поникшими головами фигуры людей...

Стоя на подножке движущейся машины, я снимал происходящее вокруг. Иногда из толпы раздавалось: «Зачем ты это делаешь?!» Но снимал я, твердо уверенный, что истории это будет крайне необходимо. Верил, что наступит время, когда все переменится и мы вернемся сюда.

Поток людей вылился на широкую улицу села. Белые домики с окнами, закрытыми ставнями или забитыми досками, с покрытыми серой тяжелой пылью палисадниками; цветы в них, поникнув головками, как бы прощались с нами. В визире киноаппарата промелькнула фигура женщины. Она стояла на чем-то высоком, и ее видно было издалека. Мы приближались. Она поднимала руки, словно хотела остановить огромный людской поток. Что-то кричала. Ее седая голова была покрыта ветхим платком, концы его спадали на плечи и грудь. В глазах, в движениях мольба. Она бессильно опускала руки и тут же вновь поднимала их. Но люди шли и шли не останавливаясь. Где-то потом я увидел плакат грузинского художника Тоидзе «Родина-мать зовет!». На нем такая же седая женщина, так же покрытая платком, как бы приказывала: «Защитите Родину!» Здесь же, на пыльной дороге, женщина-мать просила, умоляла, и мне казалось, что она кричала: «Остановитесь! Куда же вы?!»

У нее было измученное лицо, огромные серые глаза, наполненные слезами. Я снял, как к ней приблизился красноармеец в гимнастерке, мокрой от пота и покрытой засохшей пылью. Через плечо — винтовка с блестящим граненым штыком. Он снял винтовку с плеча, с головы — сырую пилотку, опустился на колени. Поцеловал край платья женщины, тяжело встал, поклонился и, втянув голову в плечи, побежал догонять свою роту. В кадре в последний раз промелькнуло застывшее женское лицо и бессильно опущенные руки. «Мы вас подождем...».

А. Лебедев, Д. Рымарев

На боевых рубежах Балтики

25 июня 1941 года была отправлена фронтовая киносъемочная группа на Балтику. В состав этой группы входили . Знаменский (начальник группы), операторы Б. Бурт и Павел Лампрехт.

Паша Лампрехт... Так называли его на студии. Неутомимый выдумщик, экспериментатор, остроумный, веселый, талантливый парень, он был всеобщим любимцем. Вот строки из его письма 1936 года другу, оператору Бакинской студии В. Еремееву: «Может быть, наши правнуки будут совершать свою утреннюю прогулку в стратосфере, и, может быть, их первые любовные признания будут произноситься не под луной, а на луне. Для этого мы, тропосферные люди, должны работать так, как работал Николай Островский, а может быть, даже и лучше, ибо молодость еще с нами и по жилам течет горячая кровь...»

Да, горячая кровь текла по жилам Паши Лампрехта, и много блестящих съемок сделал бы этот талантливый оператор для летописи Великой Отечественной войны, но судьба рассудила иначе. Лишь два фронтовых сюжета Павел успел прислать на студию: «На боевых рубежах Балтики» и «На островах Балтики».

Для создания последнего сюжета Лампрехт и Знаменский выезжали на полуостров Ханко. Они снимали боевые действия морских пехотинцев под командованием прославленного капитана Гранина, которые освобождали мелкие острова Балтики.

Главный редактор Московской студии кинохроники Р. Григорьев и оператор П. Лампрехт. Москва. 1941 г.

...Неблагоприятно для советских войск развивались в тот период события на территории Эстонии. Фашистским войскам удалось прорвать оборону нашей 8-й армии и выйти на побережье Финского залива восточнее Таллина.

19 августа противник начал бои на подступах к столице Эстонской ССР. Силы были неравными, и, несмотря на героическое сопротивление наших войск, на активную поддержку береговой обороны, кораблей и авиации Балтийского флота, 24 августа гитлеровцы подошли вплотную к городу.

28 августа солнце над городом померкло от черного дыма пожаров. Горело здание арсенала, пылали цистерны с горючим. В акватории порта рвались тяжелые снаряды. Фашистская артиллерия била по городу методично, квадрат за квадратом.

В этот день Балтийский флот и вспомогательные суда должны были покинуть Таллин.

Знаменский и Лампрехт прибыли для эвакуации на транспорт «Врония», где ранее базировался штаб Балтийского флота.

Здесь уже были операторы Сумкин и Фомин.

Каюты, коридоры, внутренние трапы были переполнены. Люди стояли, сидели, лежали.

С помощью буксира под обстрелом противника «Вирония» вышла из ворот Таллинского порта.

Для перехода в Кронштадт и Ленинград вытянулся огромный караван. Кроме боевых кораблей в переходе участвовали 55 транспортных и вспомогательных судов.

Гитлеровская печать в те дни похвалялась, что при эвакуации из Таллина будет потоплен весь Балтийский флот. Для этой цели Финский залив между Таллином и Кронштадтом был минирован. Гитлеровское командование перебросило в этот район большое количество бомбардировщиков с опытными экипажами, которые участвовали в битве за Атлантику.

Базируясь в финских портах и многочисленных шхерах, подводные лодки и торпедные катера противника подстерегали наш караван на всем пути следования.

На «Виронии» пришло время ужина. Киноработников пригласили в кают-компанию. Но как только они сели за стол, завыла сирена воздушной тревоги. Всем пришлось выйти на верхнюю палубу.

Фашистские бомбардировщики набрасывались на транспорт с разных сторон, не давая передышки экипажу и зенитчикам. «Вирония» вышла из кильватерной колонны и, маневрируя, отстреливалась зенитными пушками. Один вражеский самолет был подбит и, пустив черный шлейф дыма, врезался в море. Но атаки следовали одна за другой. Истошно выли моторы пикировщиков, пронзительно свистели бомбы, оглушительно бухали зенитки

И вдруг транспорт вздрогнул от мощного взрыва. Многие находившиеся на палубе были сброшены за борт взрывной волной. «Вирония» дал сильный крен.

Сергей Фомин рассказывал, что стоящий рядом с ним матрос крикнул ему: «Товарищ командир! Надо прыгать!..» И они прыгнули в воду.

Вскоре подводная лодка торпедировала «Виронию». Раздался страшный взрыв, и транспорт быстро затонул.

Фашистские самолеты летали над плавающими в воде людьми и расстреливали их из пулеметов. Оставшихся в живых через некоторое время подобрали катера-охотники и другие мелкие суда.

Позже фотокорреспондент ленинградской «Правды» Янов рассказывал, что он видел в воде мертвого П. Лампрехта с разбитой головой, которого поддерживало на плаву распластанное кожаное пальто. Об обстоятельствах гибели А. Знаменского ничего не известно.

Транспорт «Вирония» был одним из 53 погибших судов. Считая, что на нем

все еще находится штаб Балтийского флота, гитлеровцы специально охотились за ним.

Несмотря на отсутствие авиационного прикрытия, ни один из боевых кораблей не был потоплен авиабомбами противника.

30 августа основная часть боевых кораблей Балтийского флота, транспортов и вспомогательных судов, совершив исключительный по трудности прорыв, прибыла в Кронштадт и Ленинград. Умелые действия и массовый героизм советских моряков сорвали планы гитлеровского командования по уничтожению Балтийского флота.

Прошло лишь два месяца войны. Десятки фронтовых операторов продолжали самоотверженно трудиться, создавая героическую кинолетопись Великой Отечественной, но среди них уже не было лирика и мечтателя, талантливого оператора Паши Лампрехта.

Н. Лыткин

На Северо-Западном фронте

Август 1941 года. В политуправлении Северо-Западного фронта батальонный комиссар Башрак показал мне на карте одну деревню около Демьянска. Добрался я туда с саперами. Был жаркий день. В деревне пусто, никого нет. Кругом валяются остатки разгромленного немецкого штаба: кучи бумаг, документы, какие-то деньги, машины, мотоциклы, снаряды в огромных плетеных корзинах. Запах гари и разлагающихся трупов. Тут же три свежие могилы с березовыми крестами и надписями готическим шрифтом. Такая тишина, будто нет никакой войны. Вижу все это впервые, торопливо снимаю, перезаряжаю аппарат, понимая ценность каждого кадра и помня, что дорога каждая минута. Под горой у моста что-то делают саперы. Невдалеке стоит грузовая машина, на которой я приехал. Снимаю и вдруг слышу, как заработал мотор. Саперы кричат мне:

— Ты что, такой-сякой, у немцев хочешь остаться?

Пока дошел до меня смысл сказанного, машина тронулась. Я побежал за ней, наверное, с такой же скоростью, как когда-то от тигра на Дальнем Востоке. Бежал, прижимая к груди аппарат и мешок с кассетами, пока солдаты не втащили меня через борт в кузов. В это время появились немецкие мотоциклисты, почему-то не обратившие на нас внимания. Мы упали на дно кузова и притаились там, пока машина газовала по перепаханному полю.

Та деревня снова была у немцев, но три бобышки по тридцать метров были использованы в номерах киножурнала за 1941 год.

В тот год страна знала, что наша армия, отступая, изматывает противника, но как это показать, когда результаты этого изматывания видны лишь в тылу врага? В отличие от литераторов-журналистов кинохроникеры должны были, как говорится, своими лбами упираться в показываемые события. Только позднее, когда мы будем наступать, на экранах в изобилии появятся и пленные и разбитая вражеская военная техника.

Сентябрь 1941 года. Новгород оставлен. Фронт стабилизировался. С кинооператором Иваном Сокольниковым снимаем бои в болотах около Ленинградского шоссе. Съемки войдут в киножурнал 1941 года.

Однажды мы ехали на полуторке где-то около Мсты. Я сидел рядом с шофером. В открытом кузове находились операторы И. Сокольников и Н. Салютин. Их обязанность — следить за «воздухом». Тогда гитлеровские самолеты охотились за каждой отдельной машиной. Через заднее стекло я вижу, что мои коллеги играют в

карты и за «воздухом» не следят. Останавливаемся, ругаемся и едем дальше. На шоссе мы одни. Проезжаем мимо какой-то сгоревшей деревни. Людей не видно. Мои приятели продолжают игру. Вдруг я вижу, как рядом с дорогой, в кювете, ползет солдат. Хватаю за руку шофера, кричу: «Стой!» Резко скрипят тормоза, а впереди, метрах в десяти, возникает огромный красный костер рвущейся фугасной бомбы. Не заметь я этого солдата, не было бы и этого рассказа и всех нас с машиной.

Наступила осень. Кинохроникеры нашего фронта объединились парами, и каждая пара получила машину и шофера. Обыкновенная крытая полуторка стала нашим домом на колесах. Кузов внутри был похож на двухместное купе. Там была печка, хранилась аппаратура, пленка и горючее. Шофер был завхозом и поваром. В будущем музее истории советского кино такая машина, думается, станет интересным экспонатом.

Киногруппы были созданы при политуправлениях всех фронтов и подчинялись непосредственно председателю Кинокомитета. Мы объединились с Евгением Ефимовым и работали очень дружно. Иногда, знакомя Ефимова с кем-нибудь, я представлял его полушутя как оператора, снимавшего известный тогда фильм «Если завтра война». Он действительно участвовал в съемках этого шапкозакидательского фильма, упоминание о котором вызывало горький смех.

Самой удачной нашей совместной работой была съемка операции по освобождению города Тихвина в декабре 1941 года. Захватом Тихвина гитлеровцы создавали угрозу образования второго кольца окружения Ленинграда. Наши войска под командованием генерала Мерецкова решительным ударом разгромили дивизии генерала Шмидта и освободили Тихвин. В Тихвинском монастыре был обнаружен большой склад вражеского оружия. Впервые на дверях склада мы увидели надпись: «Начальник трофейного отдела Васильев». Это порадовало нас. В Тихвине жил когда-то композитор Римский-Корсаков, мне показали его разграбленный дом. На полу музея валялись ноты, книги, архивные документы. В захваченных штабных машинах найдено много женских туфель, чулок.

Короток на Севере зимний день, в три часа уже нельзя снимать. Вдруг мы заметили каких-то солдат с киноаппаратами. Кто такие? Они оказались нашими ленинградскими коллегами. Это были кинооператоры Г. Симонов и Н. Голод. Радостная встреча. Зашли в какой-то дом, растопили снег, устроили чай. Мы впервые слышим о том, что происходит в осажденном Ленинграде, как там страдают люди, как воюют. Ленинградцы спешили в свой город. Мы с Ефимовым отдали товарищам все накопленные банки консервов и разъехались в разные стороны.

На материале наших с Ефимовым съемок был выпущен «Союзкиножурнал» (1942, № 3), посвященный освобождению Тихвина.

Отдельные участки нашего фронта держали партизаны, а в тылу у немцев был большой район, где сохранилась Советская власть, колхозы, где все взрослое население вело партизанскую войну. Через несколько дней мы с Ефимовым оказались у партизан.

Группа получила задание взять «языка». Третий день бродим по глубокому снегу в лесу. Вдруг затрещали сучья, и к нам на поляну партизаны выталкивают каких-то странных субъектов. Мы снимаем. Закутанная в одеяло фигура оказалась ефрейтором, а другая, с замотанным на голове полотенцем, — старшим стрелком, оба из 386-го полка 218-й дивизии.

Снимаем допрос пленных. Полученные сведения были тут же переданы радистом в разведотдел армии.

Сняли перевязку раненых, военные занятия, политбеседу. Пленка кончилась, пора возвращаться, чтобы ско-

рее отправить материал в Москву. Обратно движемся на мирных лошадках, закутанные в тулупы, а за нами везут пленных немцев.

Обоз, груженный боеприпасами, возвращается в освобожденный район, а снятые нами кадры появятся в «Союзкиножурнале» (1942, № 3), на страницах газеты «Известия» и останутся в кинолетописи Великой Отечественной войны.

С. Коган

Одесса не сдается

Еще в апреле 1941 года при Главном управлении политической пропаганды Красной Армии была создана военная киногруппа. Костяк ее, основное ядро составили люди, уже участвовавшие в боевых действиях, понюхавшие пороху. Автору этих строк и оператору В. Ешурину, например, довелось снимать боевые действия на Карельском перешейке.

Суровая школа боевых действий лютой зимой 1939/40 года была зачтена нам при аттестации в апреле 1941 года. Мне присвоили звание военинженера третьего ранга. С новенькими шпалами на «молоткастых» (инженерных) петлицах, с первой своей боевой наградой — орденом Красного Знамени, но, по сути дела, еще полуштатским, не привыкшим к военному укладу человеком отправился я ранней весной 1941 года на съемки восхождения армейских спортсменов на Эльбрус.

В ассистенты мне выделили двух красноармейцев — выпускников ВГИКа С. Стояновского и Л. Котляренко (впоследствии оба стали операторами, летописцами Отечественной войны). Альпинизм — одно из самых ранних моих увлечений. Им я стал заниматься еще в 1930 году. Как имевшего уже некоторую спортивную подготовку, меня в 1934 году взял своим ассистентом оператор Беляков на съемки документального фильма «Штурм Эльбруса». Это были первые съемки всего восхождения от начала до конца. Только Беляков имел уже за плечами восхождение на Казбек, остальные прибывшие на Эльбрус операторы такой подготовки не имели и до вершины не дошли. Я надежды оператора оправдал; задача моя, правда, была несложной — таскать на себе стационарную камеру. Но в физическом отношении испытание оказалось не из легких. И вот теперь, семь лет спустя, — снова на Эльбрус, уже оператором.

От Нальчика к подножию Эльбруса поднимались по Баксанскому ущелью на грузовике. Лил дождь, шумел разбухший Баксан. Под мокрым, тяжелым брезентом тесной группкой сидели режиссер Леонид Васильевич Варламов, я и два наших ассистента — Семен Стояновский и Леонид Котляренко. Брезент мы держали на головах, чтобы спасти от ливня аппаратуру и пленку. Сами промокли, что называется, до нитки. В местах соприкосновения брезент пропускал воду, и она холодными струйками сбегала нам за воротники.

Это было 19 июня 1941 года. 20-го мы были уже в альпинистском лагере «Терскол».

Здесь на обширной, сравнительно ровной поляне длинными рядами выстроились белые армейские палатки. Около них хлопотали бойцы.

В специальных горных панамах и ботинках они походили скорее на изыскателей или путешественников, чем на военных.

Нам выделили новый рубленый домик. В нем не было еще никакой мебели. Спать в первую ночь пришлось на голом полу. Но уже назавтра домик завалили полученным горным снаряжением: спальными мешками, непромокаемыми брюками и «штормовками», свитерами, веревками, ледорубами и такими же, как у бойцов, широкополыми панамами.

Восхождение должны были совершить несколько сот человек; к нему тщательно готовились, а в последний перед восхождением субботний день объявили отдых. Мы решили воспользоваться этим и прогуляться в альпинистский лагерь «РотФронт», принадлежавший спортивному обществу «СКИФ» (Союз кино и фото).

Провели чудесный вечер с друзьями у костра. В ночь разыгралась

Операторы М. Трояновский и С. Коган. Одесса. 1941 г.

буря, вышла из строя электростанция лагеря. Умолкли лишенные питания радиоприемники. И мы, как отрезанные от мира, до середины следующего дня не знали, какая страшная буря разразилась в тот день над всей нашей страной.

Веселые, беспечные, возвращались мы в свой «Терскол». Еще издали, услышав чье-то выступление с трибуны, решили, что проводится перед штурмом митинг. И, досадуя на свое опоздание, ускорили шаг.

Сообщение о войне восприняли с усмешками. Мало ли «войн» объявляется в частях, да еще в лагерных условиях. Сейчас выйдет начальник сборов и зачитает приказ: «...«противник» силами до батальона пехоты высадился из транспортных самолетов и штурмует южные склоны Эльбруса. Мы атакуем «врага» неожиданно со стороны перевала...» Или что-нибудь в этом роде. Прозвучит сигнал горна, и мы начнем восхождение — совмещенную с боевой учебой спортивную тренировку.

Однако в лагере витал уже дух далеко не спортивный. Розданный накануне спортинвентарь был сложен и увязан в общие тюки. Непрерывная вереница машин увозила бойцов не к перевалу, а к железнодорожной магистрали...

Значит, война... не понарошку, а настоящая. С трудом укладывалось это в сознании. Но эфир приносил вести... Гитлеровские полчища топчут уже нашу землю, жгут, уничтожают наши села, бомбят наши города. Страшным огненным смерчем война катится по стране.

Возвращенные с Эльбруса бойцы были переброшены на станцию Прохладная. Относительно киногруппы никаких распоряжений не поступило, и мы решили, не теряя времени, добираться до дислоцировавшегося в Одессе штаба округа попутным транспортом.

Всегда залитая огнями, многолюдная Одесса в ночь с 23 на 24 июня погрузилась в темноту. Накануне была бомбежка, и светившиеся до этого разными огнями окна теперь были завешаны, закрыты ставнями.

Молчаливой и мрачной выглядела шумевшая всегда нарядной толпой Дерибасовская. Озабоченно сновали по ней люди с противогазами, огнетушителями. На крышах домов виднелись силуэты дежуривших бойцов ПВО. Небо бороздили лучи прожекторов, выла сирена, хлопали зенитки то где-то в степи, то на Пересыпи.

Уже за полночь нас принял член Военного совета округа корпусный комиссар А. Ф. Колобяков. Разъяснил обстановку, отдал распоряжение, чтобы нам выделили полуторку. На рассвете мы отправились через Кишинев к советско-румынской границе.

Занимался знойный, солнечный день. Пылили дороги. В кабине рядом

с шофером сидел Варламов. Я, Котляренко и Стояновский расположились в кузове по привычке мирного времени спинами к кабине. Усеянное легкими облачками по-южному синее небо, обступившие дорогу тополя, массивы золотой, наливавшейся уже пшеницы — все казалось таким мирным... И вдруг работающие в поле разбегаются... Из-за ажурного облачка пикируют фашистские бомбардировщики. Стучим по крыше кабины. Машина останавливается, спрыгиваем в кювет. Ремень моей камеры за что-то цепляется, камера остается в кузове. Уже свистят бомбы, но камеру оставлять в машине нельзя — залезаю опять в кузов, беру камеру и, подхваченный, видимо, воздушной волной взрыва, неловко падаю в кювет. Резкая боль пронизывает щиколотку правой ноги. Поначалу думаю, что ранен.

Оказывается, простой вывих, но наступить на ногу не могу.

По настоянию Варламова вновь возвращаемся в Кишинев, заезжаем в госпиталь. На ногу мне накладывают шину, наступать не велят, передвигаться можно только на костылях. Но с камерой в руках много ли накостыляешь? А события стремительно разворачиваются — надо снимать. Близость войны чувствуется и в Кишиневе. Город во многих местах горит. По улицам стелется смрад. Дружинники ПВО, жители тушат пожары, засыпают песком зажигалки, оттаскивают от свежих бомбовых воронок убитых и раненых.

За городом чадит сбитый гитлеровский самолет. По улице проводят захваченных в плен летчиков сбитой машины — первые пленные. Это просто необходимо снять. Пробую снимать с автомашины, подкладываю под вывихнутую ногу сено, упираюсь спиной в кабину — положение более или менее устойчивое. Договариваемся, что пока так и буду снимать.

С первыми отснятыми роликами Варламов улетел в Москву. Запечатленные нами эпизоды оказались первыми в кинолетописи Отечественной войны.

По фронтам к этому времени были уже разосланы укомплектованные в Москве киногруппы. Группа Южного фронта должна была прибыть под Винницу. Нам предписывалось найти ее. Путь пролегал опять через Одессу. Всего несколько дней не видели мы ее. Город еще более военизировался, посуровел.

Оператор А. Каиров, директор группы А. Кузнецов и оператор Л. Мазрухо. Южный фронт. 1941 г.

Вывих ноги у меня оказался довольно серьезным. Несколько суток пришлось пролежать в гостинице «Южная». От бомбежек стены здания потрескались, но жизнь гостиницы, как, впрочем, и всего изрядно уже пострадавшего от авианалетов города, протекала по четкому распорядку. Только сосредоточеннее, молчаливее стали одесситы.

Когда боли в ноге поутихли и я смог уже передвигаться с палкой самостоятельно, отправились в Винницу. Киногруппы там не оказалось, разыскали ее в Тирасполе.

Возглавлял группу известный еще до войны документалист оператор Марк Трояновский. За труднейшие съемки в Арктике, заслуги в развитии документального кино Трояновский еще в довоенное время был награжден

орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды и «Знак Почета». В войсках его принимали как героя арктической эпопеи, но держался он всегда скромно и просто, быстро сживался с людьми, ко всем был внимателен, охотно помогал даже незнакомым. Всегда справедливый, требовательный к себе и другим, он и в работе оставался таким же — не терпел ни малейшего вымысла, инсценировки, всюду все проверял сам.

В дивизии полковника Лапшова нам сообщили, что на переезде через железнодорожное полотно в районе станции Колбасная нашими частями захвачено много пленных и трофеев. В первые недели войны такое случалось не часто. Трояновский решил проверить донесение сам. Взял с собой меня и оператора Сологубова. Машину вел опытный, уже обстрелянный в боях Сергей Лопач.

Мчимся, чтобы не опоздать, к переезду напрямик, полевой дорогой. По обе стороны — тучная пшеница, высокая кукуруза. Поднимаемся на увал и видим в нескольких метрах от себя на переезде устанавливающих миномет гитлеровцев. То ли переезд указан был в донесении не тот, то ли он вновь перешел в руки фашистов... С удивительной расторопностью Сергей затормозил и включил заднюю скорость. Гитлеровцы тут же застрочили из автоматов, пустили в ход миномет, но огонь вели уже вслепую. Машина мгновенно скрылась в густом облаке пыли. Пыль укрыла нас, как дымовая завеса.

Все же у машины осколками мин и пулями пробило радиатор, лобовое стекло, все четыре камеры. Лопач отвел ее в укрытие на ободах. Мы, выпрыгнув из кузова, уходили из-под обстрела ползком. Я обронил пистолет. Пришлось возвращаться за ним. Одного меня Марк не пустил, пополз обратно под пули вместе со мной. К счастью, пистолет оказался неподалеку.

В Запорожье получили сообщение, что Одесса отрезана от главных сил Красной Армии и ведет тяжелейшие оборонительные бои в полукольце врага. Единственной дорогой жизни для нее остается море.

Трояновский принимает решение отправиться в Одессу через Севастополь. Берет с собой меня.

В Севастополе формировался полк морской пехоты. Теплоходом его перебросили в Одессу. С морскими пехотинцами прибыли в героический город и мы. При разгрузке теплохода на трапе встретились с писателем К. Симоновым и фотокорреспондентом Я. Халипом. Блокнот Симонова был полон героических эпизодов, богатый опыт работы в боевой обстановке имел и Халип. Мы сообща обсуждали, что и как надо будет снять нам, прикидывали возможные сюжеты.

Через несколько дней Симонов и Халип улетели на Большую землю. Симонов, согласовав с командованием, передал нам выделенную ему еще в начале оборонительных боев легковую машину, мне подарил свою шинель — я из-за частых переездов не успел полностью экипироваться, а вечера и ночи у моря бывали прохладными.

Новый водитель, Золотарев, оказался весельчаком — типичным одесситом. Он никогда не ездил по прямой, всегда колесил.

— Печать профессии, — с присущим одесситам юмором признавался бывший таксист. — Забываю, що счетчика уже нема.

Гостиница, в которой мы останавливались по пути в Тирасполь, оказалась разрушенной, ее словно разрезали пополам. От нашего номера остался лишь угол с болтавшимся на потолке абажуром и покосившимся шкафом.

Разместились вначале в сохранившемся полностью здании Водного института, но из-за частых бомбежек и артобстрелов вынуждены были вскоре перебраться в подвальное помещение Дома Красной Армии. Просторная бильярдная была нам и столовой, и

спальней, и «конференц-залом». По заведенному Трояновским порядку каждый вечер, несмотря ни на что, мы детально обсуждали планы съемок, разъездов на следующий день, писали монтажные листы отснятого материала, письма родным. Трояновский любил писать письма сам и привил такую любовь нам. В условиях блокады это оказалось просто необходимым для души живительным средством.

Одесса переживала трудные дни. Полукольцом наседали на город впятеро превосходившие силы врага. Круглосуточные артобстрелы, бомбежки — сотни тонн смертоносного металла. Захвачена снабжавшая Одессу водой насосная станция, находившаяся в 35 километрах от города. В самой Одессе пресная вода на большой глубине под огромной толщей ракушечника. Чтобы добыть ее, надо бурить скважины в каменистом грунте на десятки метров. Но без воды нельзя прожить и недели. Около полутора тысяч одесситов было мобилизовано на рытье колодцев, пришлось ввести в городе строжайший рацион — пять литров воды на человека в день. Но и его соблюсти было трудно: вырытые колодцы затягивало плавуном, цистерны, в которых развозили воду, пробивало осколками снарядов, бомб, и мучимые жаждой люди собирали драгоценную влагу с мостовых.

Нехватка воды, продовольствия, боеприпасов. В руины превращены целые улицы. Смрад пожаров заслонял небо, нечем было дышать. Но день и ночь кипела на оборонительных рубежах работа.

Партийные организации города и области объявили себя полностью мобилизованными на активную борьбу с врагом.

В записной книжке у меня сохранились некоторые цифры: 14 тысяч коммунистов и 73 тысячи комсомольцев ушли на оборонительные рубежи добровольцами; свыше 7500 одесситов вступили в отряды самообороны; 3500 патриотов образовали 6 отрядов для ведения уличных боев; 3 тысячи одесситок стали медсестрами, санитарками, связистками; из 900 девушек-комсомолок был укомплектован истребительный батальон.

Лучшие стрелки Осоавиахима стали снайперами. На всю страну прославилась одесская девушка-снайпер Людмила Павличенко, уничтожившая под Одессой своим метким огнем 187 фашистов.

Работница одесской трикотажной фабрики Нина Онилова, попав в дивизию, которой в годы гражданской войны командовал Чапаев, пожелала стать пулеметчицей, как героиня фильма «Чапаев» Анка. «Анкой» стали называть в дивизии и Нину. Более 500 гитлеровцев уничтожила из своего пулемета «Анка» — Онилова.

Как один поднялись одесситы на защиту своего города. Перекрестки и пригороды превращены были в укрепрайоны. Повсюду — противотанковые ежи и надолбы. Из брусчатки мостовой сооружены баррикады. Тарахтя, патрулируют по улицам одетые в броню тракторы. Не расстававшиеся с шуткой одесситы прозвали их «тихоходно-тяжелыми. На испуг врага» (сокращенно «Т-ТНИВ»). Так и писали на башнях самодельных танков. Но действовали они не только на испуг. Батальон ополченцев на 35 таких танках при одной из атак подавил 50 огневых точек врага, захватив 40 орудий, 10 пулеметов, много пленных. В Одессе было сделано 55 тракторов-танков.

На заводе Январского восстания мы снимали сборку самодельных бронепоездов. Обычные платформы обшивались листами брони, вооружались пушками, пулеметами. Люди работали бессменно по трое суток, и сами же потом водили свои бронепоезда в бой.

Рабочие завода К. Бондаренко, М. Добровольский, В. Кучеренко и другие, получив ответственное оборонное задание, проработали бессменно 72 часа и выполнили заказ не только досрочно, но и отлично.

Беспримерный героизм одесситов и частей, оборонявших город, ошеломлял врага. На захват всей Франции Гитлеру понадобилось, как известно, всего 43 дня. Блокированная, зажатая в полукольце Одесса продержалась 73 дня.

Еще 9 августа Геббельс хвастливо объявил, что наутро Одесса станет столицей Транснистрии. Но все атаки рвавшихся к городу дивизий врага были отбиты. «Завершающий штурм» города гитлеровцы вынуждены были перенести на 20-е. Захлебнулся и он. Отчаянную попытку взять город предприняли румыно-немецкие войска 25 августа, но были отброшены и на этот раз. Антонеску назначил парад своих войск в Одессе на 4 сентября — парад не состоялся, состоялась «панихида»: тысячи своих солдат и офицеров потеряли фашисты в яростной схватке с защитниками Одессы.

Героизм на оборонительных рубежах города был массовым — все строже делали мы отбор эпизодов, сюжетов для съемки. Запасы пленки кончались, и надежд получить ее из Москвы было мало: все сухопутные коммуникации перерезаны, море блокируется флотом и гидроавиацией противника, в небе постоянно рыщут «мессеры» и «рамы».

Поэтому каждую кассету мы старались тратить только на яркий материал, добирались до самых передовых рубежей; чаще всего бывали у морских пехотинцев, с которыми сдружились еще при формировании их отрядов в Севастополе.

Всего в отрядах морской пехоты в Одессе насчитывалось около восьми тысяч моряков-добровольцев с боевых кораблей Черноморского флота. Образцы беззаветной храбрости и лихой отваги, выдержки и находчивости показывали они в боях.

Морякам-пехотинцам поручались самые ответственные участки самых трудных секретов нашей обороны. А впоследствии, как известно, командующим Одесским оборонительным районом был назначен контр-адмирал Г. В. Жуков, в прошлом балтийский матрос, прошедший боевую школу гражданской войны.

Первым полком морской пехоты командовал Яков Иванович Осипов; как сейчас, вижу его волевое, удивительно располагающее к себе открытое лицо с сосредоточенно-пристальным взглядом и мягкой улыбкой. Он тоже матрос революционного Кронштадта, один из тех, кто прошел по сухопутью чуть ли не все фронты гражданской войны, участник боев под Царицыном, Казанью, Астраханью, соратник Кирова. Удивительным командиром был Яков Иванович: расчетливым и бесстрашным, требовательным и человечным, военачальником и партийным вожаком масс. Каждый из его бойцов на вопрос, какой части, с гордостью отвечал: «Осиповец».

О воинах-осиповцах знала вся страна. Это о них писал Константин Симонов:

Днем, по капле нацедив во фляжки,
В сотый раз переходя в штыки,
Разодрав кровавые тельняшки,
Молча умирали моряки.

Этот полк был создан из добровольцев с разных кораблей. Осипов и его комиссар, бывший донецкий шахтер Митряков, сумели сплотить людей в тяжелейших боях.

Для гитлеровцев осиповцы были первейшей угрозой, их позиции они держали под непрерывным минометно-пулеметным обстрелом.

Помню, приехали мы с Трояновским в полк на съемки как раз в обед, повар принес нам по миске горячего флотского борща. Устроились за каким-то укрытием. Не успел я поднести к губам и первой ложки, как в миске что-то зашипело, борщ вспенился и стал выплескиваться — в миску угодил горячий осколок мины. Пришлось «приправленный осколком» борщ заменить и спуститься в укрытие понадежнее.

Привыкших же к подобным обстрелам осиповцев это лишь позабавило.

— У нас такой «дождичек» частенько.

В штабной землянке я поинтересовался сводкой, которую готовил писарь. За три дня боев полк Осипова уничтожил два полка вражеской пехоты и четыре их танка, захватил шесть танков, восемнадцать орудий, восемь минометов, семнадцать пулеметов, двадцать автоматов, сотни винтовок, тысячи снарядов, гранат, патронов, взял в плен двести пехотинцев и эскадрон кавалерии вместе с его командиром.

Больше всего гитлеровцы досаждали городу артиллерийским обстрелом с Александровки и Новой Дофиновки. Единственные «ворота жизни» — порт вынужден был из-за этого работать с перебоями. Нашим командованием был разработан план тактических действий. При поддержке подошедшей из Новороссийска 157-й дивизии части Одесского оборонительного района обрушились на обосновавшегося в Новой Дофиновке врага с тыла как снег на голову. Комбинированным ударом с моря, воздуха и с суши гитлеровцы на этом участке были отброшены на 5—8 километров. Десантники захватили пятьдесят орудий врага, привезли их в Одессу. На одной из пушек кто-то написал: «Больше по Одессе стрелять не будет». Ее провезли по всему городу. С каким ликованием встречали одесситы героев-десантников! За пушкой с символической надписью шла толпа. Мы подробно отсняли эту своеобразную процессию.

Ожил избавленный от артобстрелов порт. Но в небе над Одессой все еще рыскали «мессеры» и «юнкерсы». Наряду с обычными бомбами гитлеровцы сбрасывали на парашютах огромные сигарообразные мины замедленного действия. Одна из таких мин упала на аэродром истребительного авиаполка, которым командовал Герой Советского Союза Л. Шестаков.

В мине — адская машина, слышно тиканье часов. Сила взрыва такой мины огромна, образуется воронка метров пятнадцать в ширину и метров восемь в глубину. Да и когда произойдет взрыв — через час, через сутки, через неделю?

Взлетная полоса оказалась парализованной. Мину надо обезвредить.

И вот находится доброволец — моряк-минер, плечистый, усатый мичман. Конструкция мины неизвестна, взрывной механизм скрыт под винтовой заглушкой. Ее не взять ни ключами, ни отверткой. Сверлить дыры опасно. Минер вооружается обыкновенным зубильцем и молотком. Делает уголком зубила на заглушке засечку, легкими постукиваниями начинает ее развинчивать. Нет гарантий, что мина не взорвется, но даже в такие напряженные минуты привыкший к своей рискованной профессии минер не расстается с изящной трубочкой. Мерно попыхивает из нее дымок.

Гулко раздаются на притихшем аэродроме осторожные постукивания молотка, угрожающе тикают часы адской машины, вечностью тянутся минуты. Для укрытия от взрыва метрах в пятнадцати от мины вырыта щель (ближе она бесполезна — взрывом такой силы ее все равно сдавит).

Но хочется снять крупно глаза, руки бесстрашного минера, приходится в какой-то мере рисковать и нам. Снимаем с Трояновским одновременно с разных дистанций разные планы.

Чуть ли не каждый день бомбили гитлеровцы аэродром полка, а перенести его было некуда. Чудеса бесстрашия проявляли летчики, взлетая порой прямо под бомбами в дыму разрывов. Примеры мужества показывали коммунисты. И чем труднее складывалась обстановка, тем больше поступало в парторганизацию полка заявлений: «...прошу принять в ряды партии», «...хочу стать коммунистом». Вручение партбилетов, кандидатских карточек становилось все более и более массовым. Одно из таких массовых вручений партдокументов накануне сложной боевой операции нам с Трояновским удалось заснять.

В моем старом фронтовом блокноте записаны цифры: с начала войны по 3 сентября летчиками авиаполка совершено свыше двух тысяч боевых вылетов (примерно по 30 вылетов в сутки). Летчик С. А. Куница за 150 вылетов сбил 6 вражеских самолетов. Летчик А. Т. Череватенко за 220 вылетов уничтожил 13 истребителей и бомбардировщиков врага.

Дерзко и отважно действовали летчики и 40-го авиационного полка, особенно командир 1-й эскадрильи майор Цурцумия. 18 августа его эскадрилья разгромила направленный румынами в Одессу морской десант в количестве 12 транспортов и 10 сторожевых катеров. Два транспорта были потоплены, один поврежден, остальные рассеяны — коварный замысел врага был сорван.

Героями наших сюжетов были и артиллеристы и разведчики. Всей стране стало известно имя депутата Одесского областного Совета, секретаря комсомольской организации 40-го отдельного артиллерийского дивизиона младшего сержанта Нечипоренко и неразлучных с ним его боевых друзей Михаила Колодина и Александра Подковки. Отважная тройка комсомольцев показывала чудеса храбрости.

Позиции подразделения, в котором они служили, долгое время обстреливались минометной батареей врага, которую никак не удавалось подавить ни артиллерийским огнем, ни бомбардировками с воздуха. Смельчаки с разрешения командира пересекли линию фронта, углубились на несколько километров в степь и подобрались к огневым позициям минометчиков противника со стороны тыла, откуда те не ждали никакого нападения. Три тяжелых миномета и палатку с личным составом бойцы забросали гранатами — батарея была выведена из строя целиком.

Некоторое время спустя тот же Нечипоренко совершил свой второй, еще более ошеломляющий храбростью и находчивостью подвиг. Находясь в тылу врага в разведке, он наткнулся на расчет противотанковой пушки. Гитлеровцы заняты были оборудованием огневой позиции. Нечипоренко забросал их гранатами и с возгласом «За мной! Вперед!» кинулся на фашистов. Хитрость удалась — уцелевшие в живых гитлеровцы решили, что их окружает несколько человек, и разбежались. С богатыми трофеями вернулся лихой разведчик-артиллерист: запряжка с тройкой лошадей, противотанковая пушка, семьдесят снарядов, ящик бронебойных патронов.

Легендарные по смелости бои вела на оборонительных рубежах Одессы 25-я Чапаевская дивизия. Мы часто посещали ее, вели в ее подразделениях съемки.

В одно из посещений прославленной дивизии с нами произошел казус. Мы знали, что «чапаевцев» фашисты бомбят и обстреливают дни и ночи. Когда кончаются запасы бомб, бросают с самолетов даже пустые бочки, лишь бы не дать «чапаевцам» подняться в контратаку.

И вот однажды уже у самых позиций дивизии нас вдруг оглушило невероятным грохотом, ослепило вспышками каких-то мощных разрывов. Ни свиста снарядов, ни воя бомб мы не слышали, а вокруг — море огня. От неожиданности даже наш видавший виды шофер растерялся, крутанул руль — и наша «легковуха» перемахнула через кювет, запрыгала по каким-то кочкам.

Однако вреда «чудовищные взрывы» нам не причинили. Машина от тряски заглохла, остановилась, и мы, как грозное эхо, услышали более мощные разрывы, увидели еще более ослепительное море огня над позициями гитлеровцев. Это был первый увиденный нами залп установки реактивных снарядов.

К октябрю, как известно, сильно возросла угроза захвата фашистами Крыма, а следовательно, города и

порта Севастополь — главной базы Черноморского флота. Поэтому наше командование приняло решение эвакуировать Одессу, усилить частями Одесского оборонительного района Крымскую группировку.

Приказом Ставки так и предписывалось: «Храбро и честно выполнившим свою задачу бойцам и командирам Одесского оборонительного района в кратчайший срок эвакуировать войска Одесского района на Крымский полуостров».

«В кратчайший срок»... На оборонительных рубежах Одессы сражалась тридцатичетырехтысячная армия, оснащенная самой разнообразной техникой, а путь эвакуации один — находящийся под непрерывными бомбежками и артобстрелами порт, море, над которым день и ночь рыщут самолеты противника, которое бороздят вражеские эсминцы, торпедоносцы. Могли ли в штабах врага предположить, что такую сложную эвакуацию в такой тяжелейшей обстановке советские войска проведут за несколько дней.

Все было похоже на сказку, особенно ночь, когда снимались с позиций последние тысячи войск.

Базировавшиеся в порту военные корабли, береговые батареи, авиация обрушились на врага одновременно огневой атакой; всю ночь грохотала канонада, перепахивали позиции врага бомбы, снаряды, мины. Загнанные огневым налетом в укрытия, прижатые к земле гитлеровцы не видели, как снялись со своих позиций основные части оборонительных рубежей города, тем более что оставленные для прикрытия подразделения, кочуя по опустевшим окопам, непрерывно имитировали массированный пулеметно-автоматный огонь, создавали впечатление заполненности всех траншей и даже ходов сообщения.

А по всем ведущим к порту улицам города двигались тем временем войска — тысячные колонны с танками, пушками, автомашинами, строжайше соблюдая светомаскировку и четкий, идеальный порядок.

Погрузка войск производилась одновременно на семнадцать транспортов, два крейсера, четыре эсминца, четыре тральщика, десятки моторных шхун и барж. Порт кишел людьми. Как гигантские ночные птицы, проносились над головами людей подхваченные стальными руками кранов танки, пушки, автомашины. Всего за несколько часов была произведена погрузка и отправка тридцатитысячного войска.

Не предполагавшие ничего подобного фашисты почти весь следующий день пролежали перед пустыми окопами наших войск, стараясь разгадать наступившее вдруг «непонятное молчание русских» — уж не ловушка ли?

Только к вечеру поняли враги, что город эвакуирован, и лишь утром 17-го осмелились вступить в его предместья, но были сразу же обстреляны партизанами из катакомб. Ушли войска, остались партизаны. Эвакуированный город продолжал борьбу.

На съемки эвакуации нам не хватило пленки. Мы перерыли все склады Одесской киностудии, но нашли лишь несколько роликов позитивной ленты. Снимали на нее.

Отплыли с последним тральщиком уже на рассвете. На полпути к Севастополю нас атаковали итальянские торпедоносцы. Экипаж тральщика вел с торпедоносцами героическую борьбу, но у нас не было уже ни метра даже позитивной пленки.

В Москву прилетели в самые тяжелые для нее дни. Кое-кто был охвачен паникой. Для нас после того, что видели мы в Одессе: чудеса храбрости, чудеса военного искусства, было неопровержимым — выстояла Одесса, выстоит и Москва, вся страна выстоит. Оборона Одессы — лишь эпизод гигантской битвы, но и он убеждал в том, что победа над врагом будет одержана. Массовый героизм на фронтах, четкая работа командования, самоотверженный труд тыла тому порукой.

А. Крылов

На Ельнинском выступе

Нас двое: я и Георгий Бобров — оператор с новосибирской студии «Техфильм», немного педантичный, замкнутый, может внезапно вспылить и так же быстро отойти, а в общем отзывчивый, чуткий товарищ. Направляемся мы в 24-ю армию, где должны начаться бои по ликвидации так называемого Ельнинского выступа.

Уже месяц, как я в составе большой группы операторов на Западном фронте. Срок небольшой, но пережито много... Суровые дни отступления. Полевой аэродром под Оршей, мой первый фронтовой сюжет, «Летчики-истребители», о людях удивительного мужества, беспримерной отваги — Коккинаки, Ануфриенко, Брянцеве, Кобанове, Остапове и других. Многих снятых на взлетах не пришлось снять возвратившимися с задания.

А вереницы уходивших из сел и городов людей?!.. Не могу забыть одну женщину. Она стояла у дороги с грудным ребенком на руках. Через пеленку сочилась кровь. А рядом, на земле, лежал второй ее ребенок, постарше. Он был мертв. Женщина просила довезти ее с детьми до Смоленска, до больницы. В отчаянии она даже не понимала, что одному из ее детей уже ничто не поможет и его надо похоронить. Нас было трое кинооператоров. Ни у кого не поднялась рука снять убитую горем мать...

Страшными были дороги отступления и теперь, но чувствовался уже перелом: местами оборонявшиеся части сами переходили в наступление, и это заметно поднимало дух в войсках и среди населения.

До штаба армии мы доехали спокойно. Правда, по пути к КП нам советовали оружие держать наготове: «Попадаются, знаете ли, «кукушки» и парашютисты».

В дивизию сразу не пустили: «Днем?! Одни?! Ни в коем случае! Только ночью! И только в сопровождении броневика! Снайперы, десанты!»

И вот... Чудесная лунная ночь. Дорога через поля, рощи, местами даже под пение птиц. Не война, а увеселительная прогулка. И только тарахтящий впереди броневик да приближающийся грохот артиллерийской перестрелки разбивают идиллию. Поворот, другой, третий, окрик часового. Приехали, но, как выяснилось, совсем не в ту дивизию. Нам нужна была ордена Ленина 100-я, которая отличилась в боях под Минском и на восточном берегу Березины.

Несмотря на разразившуюся вдруг грозу, проливной дождь, опять тронулись в путь. Добрались до места к утру следующего дня. Командира дивизии генерал-майора И. Н. Руссиянова не застали. Старший батальонный комиссар И. К. Филяшкин долго и обстоятельно беседовал с нами, вводил в курс дела, разъяснял обстановку, знакомил с людьми.

Все складывалось хорошо. Первой нашей работой была съемка партийного собрания, на котором принимали в партию новых членов. Проводилось оно метрах в ста от окопов первой линии, и, чтобы не демаскировать траншеи и не мешать ведению огня, принимаемые в партию вызывались по одному в поросшую кустарником ложбинку.

Через головы перелетали наши и немецкие снаряды, в небе то и дело завязывались схватки истребителей. Грохотали артиллерийские батареи. Под такую «симфонию» и проходило партийное собрание.

Первым вызывается снайпер Васильев. Зачитаны заявление и решение партийного бюро, уточнены анкетные данные.

— Расскажите о своих боевых подвигах, — предлагает парторг.

Васильев смущенно пожимает плечами:

— Какие ж у меня, товарищ старший политрук, подвиги? Может, будут, а пока никаких.

— Ну как же... — возражает парторг. — Жизнь командиру спас? Свой снайперский счет открыл?

— Так разве ж я один? — все так же пожимает плечами Васильев.

Решением собрания снайпер Васильев, представленный за проявленное в боях мужество и отвагу к правительственной награде, принимается в кандидаты партии. Вызывается следующий...

Уже в сумерки, возвращаясь с передовой, увидели залпы «катюш», разрывы реактивных снарядов' над окопами врага — зрелище потрясающее. Решили заснять его, стали проситься в самые ближние к противнику траншеи.

— Хорошо, — согласился старший политрук Ишмаков. — Проведу в самые ближние!

Захватив с собой длиннофокусную оптику (тогда объективов длиннее 220 мм у нас еще не было), направились опять к передовой.

Оказалось, что роты за последние часы продвинулись вперед. Мы задержались на несколько минут у старых позиций. Слева на небольшой возвышенности была деревня Ушаково, за освобождение которой уже несколько дней шли ожесточенные бои, и от деревни осталось, пожалуй, только ее название. Правее виднелась деревня, которая в записях у меня помечена буквой «К», и сейчас уже не могу вспомнить полное ее название. На горизонте маячила труба кирпичного завода — окраина города Ельни, взять который и предстояло.

Стали пробираться по кустам и канавкам дальше.

Везде кипела боевая жизнь: окапывались бойцы, связисты тянули линию, занимала новые позиции полковая артиллерия. Шла подготовка к очередному бою, который должен был состояться ночью. А пока было тихо, спокойно, хотя передвигаться приходилось где пригнувшись, где бегом, так как местность хорошо просматривалась и простреливалась.

Операторы А. Крылов и А. Щекутьев. Западный фронт. 1941 г.

Ничего существенного снять в первый день не удалось. Только на обратном пути попали в действительно боевую обстановку — заговорила вдруг наша артиллерия, противник ответил минометным огнем.

— Побывайте-ка у артиллеристов, разыщите Ковуна, — предложил парторг.

Артиллерист Иван Ковун прославился тем, что прямой наводкой из гаубицы подбил два вражеских танка и пушку. Задумали о нем целый сюжет, заканчивающийся мощным залпом батареи. Этот последний и, как нам представлялось, самый эмоциональный кадр оказался самым сложным. Сняли все, а залпа нет. Соседние подразделения стреляют, а батарея Ковуна молчит. Нам — горе, а артиллеристы посмеиваются:

— Раз нет команды на огонь, значит, цель подавлена. Приходили бы раньше — была канонада!

И так случалось не раз. Куда бы мы ни приходили, везде разговор, как правило, начинался со слов: «Где же были раньше? Вчера вот была атака»... «Чего же вы позавчера не приезжали? Немцев отбросили километров на семь»... «Эх, вот бы три дня назад... захвачен был немецкий штаб»...

Решили поговорить о своих неудачах с комиссаром дивизии. Он-то уж, наверное, знает, где и как будут разворачиваться события, где быть нам.

Принял нас комиссар Филяшкин глубокой ночью. До этого он трое суток не спал и, перед тем как лечь наконец, мыл в тазу ноги.

Выслушав наши сетования на отсутствие боевого материала, сказал:

— Конечно, сделали мы еще очень мало — продвинулись всего на километр-полтора, и пока хвалиться нечем. Дня через два скажу определеннее: стоит вам здесь сидеть или незачем.

— Как, — удивился Бобров, — может оказаться, что и незачем?

— Дай-ка карту, — попросил комиссар.

Бобров развернул нашу десятикилометровку.

— Прежде всего надо уточнить линию фронта, чтобы яснее было, что представляет из себя Ельнинский выступ, — начал комиссар. Проведя карандашом извилистую черту, он пояснил, что враг рвется к Дорогобужу и сосредоточивает поэтому в Ельнинском выступе крупные силы. Вопрос — кто кого — еще неясен... Ну а чтобы вам не сидеть, как вы говорите, без дела, советую съездить к нашему соседу справа, в 107-ю дивизию, — добавил комиссар. — Там есть некоторые успехи, возможно, найдете что-нибудь интересное для съемок.

Командный пункт 107-й дивизии долго искать не пришлось, он располагался в каких-нибудь 10—15 километрах от 100-й. Труднее пришлось, когда нас направили в 508-й артиллерийский полк 107-й дивизии. Его мы так и не нашли, хотя был он где-то тоже рядом. Вернулись на дивизионный КП ни с чем.

К начальству на правах старшего пошел Бобров, я остался около машины.

Было уже под вечер, тихо, спокойно... В лесу щебетали птицы, из соседней деревни доносился лай собак.

Оператор Г. Бобров. Западный фронт. 1941 г.

Потом над лесом, где стояла наша машина, начали кружиться ,,МИГи". Завязался воздушный бой. Как ни увертывался «фриц», все же ему крепко досталось. Еле дотянул до своих и рухнул. Вслед за этим появились два бомбардировщика противника, с азартом ,,МИГи" набросились и на них. Одному из фашистских самолетов наш ,,МИГ" буквально сел на хвост и гнал до тех пор, пока не подбил. Правда, и сам ,,МИГ" возвратился изрядно «чихая». Второй бомбардировщик увернулся от нашего истребителя. Но и это была, оказывается, только «прелюдия». Через некоторое врем

воздух наполнился мощным гулом моторов. Со стороны фронта летело уже одиннадцать бомбардировщиков. У леса, где располагался КП дивизии, они начали делать круги. Затем появилось еще восемнадцать «юнкерсов». Закружились над лесом и эти. Потом произвели какой-то маневр и, зайдя со стороны закатного солнца веером, устремились в пике.

В поисках подходящего убежища я залез в канавку глубиной не более полуметра. Чтобы спрятаться в ней, пришлось скрючиться, и все равно плечи торчали на уровне земли. А со стороны фронта надвигался еще эшелон бомбардировщиков, считать которые было уже некогда: началось настоящее столпотворение. Пикируя, самолеты бомбили и лес и открытые места, лишь бы сбросить поскорее бомбовый груз.

Отбомбившись, строчили по земле из пулеметов.

Минут через пятнадцать все вдруг стихло и я услышал голос шофера:

— Крылов! Ты жив?

Побежали к своему пикапу. Он чудом оказался неповрежденным. Оставалось неизвестным, что с Бобровым. Сразу же после налета самолетов в расположение штаба посыпались немецкие мины. И вдруг слышим команду Боброва:

— Заводи машину!

Ура! Жив и он! Значит, порядок.

Перебираемся во второй эшелон 100-й дивизии. По дороге видим результаты налета: перевернутая «эмка», поврежденная полуторка, убитые лошади, горящий дом.

На следующий день поехали опять в 107-ю.

На КП дивизии нам сказали, что из армии к нам едут еще два кинооператора. Кто бы это мог быть?

Дорога неимоверно пыльная. Машин не видно, вместо них движутся облака пыли. Пыль ест глаза, скрипит на зубах, набивается в уши, нечем дышать. И вот из одного встречного облака пыли вдруг раздается:

— Крылов! Стой, Крылов! Здравствуйте!

Вот они! Беров и Николаевич-Курьяк. Беров с картой в руках, Николаевич, как всегда, «во всеоружии» — на плече винтовка, на поясе наган, шашка, граната и противогаз.

После краткого «уточнения обстановки» Беров и его ассистент перегружаются в наш пикап. Оказывается, и они гоняются за боевым материалом.

Что считать «боевым материалом»? Колонна пушек на лошадиной тяге... непролазная грязь, лошади выбились из сил, измотаны и артиллеристы, торопятся на новые позиции, а пушки засасывает трясина. Боевой это материал или нет? Еще пример: артснарядом разбита кухня, убита лошадь. Оставшийся в живых повар собирает остатки пищи в переносный заплечный термос, с трудом тащит его к передовой. Сейчас ни у кого не возникло бы сомнения в том, что это материал боевой, а тогда разгорались споры. Многие утверждали, что боевой материал лишь тот, где есть стрельба, атаки, победы, хотя никто еще из операторов в атаках не участвовал и с трудом представлял себе, как и что можно в них снять.

К тому же это было время обостренной настороженности. Немцы забрасывали шпионов, парашютистов, диверсантов, «кукушек», и человек с киноаппаратом на передовой вызывал подозрение. До сих пор помню, как один красноармеец заставил меня лечь вниз лицом и наставил на меня винтовку со взведенным курком только за то, что я начал, как он выразился, «непонятно зачем» снимать горевший на окраине деревни трактор. Пришлось лежать, пока не пришел офицер и не проверил мои документы.

К этому времени наши дивизии начали активизировать свои действия. Полукольцо вокруг Ельни сжималось. Артиллеристы не давали ни минуты покоя, авиация и танки способствовали продвижению пехоты. Уже была перерезана ведущая к городу шоссей-

ная дорога, разрушена железнодорожная магистраль.

С продвижением наших войск двигались и мы. Наступили дни бурной деятельности и для нас. Началось это в конце августа, числа 27-го. Ранним утром в одном из полков нас встретили обычным вопросом: «Ну где вы были раньше?» Только на сей раз сказанное звучало куда с большим укором. Оказалось, ночью была проведена успешная операция по прорыву немецкой обороны; фашистов изрядно потеснили, освободили несколько деревень, и командование полка сожалело, что на такой операции не было кинооператоров. Нам пришлось довольствоваться съемками, род которых позже стал именоваться «по дорогам войны».

Поспешили в освобожденную деревню, к месту только что отгремевшего жаркого боя. Впечатление ошеломляющее. Изрытая окопами возвышенность. Неубранная, полувыжженная, примятая к земле золотистая рожь. На господствующей высоте наши бойцы мастерят уже новый наблюдательный пункт, а позади них еще дымятся обгоревшие подбитые танки, бронетранспортеры, валяются исковерканные пушки, минометы. Бойцы собирают оставленные гитлеровцами мины. Недалеко — деревня, которая не дымит только потому, что все в ней уже сгорело.

Это было первое увиденное мною поле войны. Долго ходил я по нему с киноаппаратом. Надо снимать, а горло сдавливают какие-то спазмы.

Были такие же поля боя и потом, но первое запечатлелось особенно остро.

Войска продвигались вперед. Двинулись вслед за наступавшими частями и мы. На Ельню — через многострадальную деревню Ушаково. Много советских воинов полегло за нее. Немцы превратили село в крепость, рассчитанную на длительную оборону. Разветвленная сеть траншей связывала хорошо оборудованные доты и дзоты, которые обеспечивали обстрел каждого метра подступов. Правда, теперь это было уже жалкое зрелище — земля словно вывернута наизнанку. Доты и блиндажи разворочены, всюду — подбитая техника: пушки, минометы, пулеметы.

Оператор В. Комаров. Западный фронт. 1941 г.

Дорога в Ельню забита войсками. Вслед за наступающими частями спешно подтягивались их тылы, штабы. По обочинам — застрявшие подбитые вражеские машины, бронетранспортеры, бесконечные ряды аккуратно оформленных могил. Хватит ли фашистам аккуратности «украшать» свои могилы до Берлина?

Ельня встретила нас завалами разрушенных домов, зияющими проломами стен, глазницами выбитых окон, паутиной оборванных, спутавшихся проводов.

В блокноте у меня записано: «Это ярчайший пример хозяйничанья вандалов XX века. Все, что можно было разрушить, — разрушено, все, что можно испоганить, — испоганено. Даже церкви «новые крестоносцы» превратили

в конюшни, не говоря уж о разрушенных школах, больницах, яслях».

В первый день освобождения города снимать было трудно — гитлеровцы, отступая, еще обстреливали Ельню из дальнобойных орудий. Жителей не было. Они стали возвращаться только на второй, третий день. Сначала робко, с оглядкой, еще не веря в реальность освобождения... Потом город заполнился наконец своими настоящими хозяевами и ожил.

Так закончилась ликвидация Ельнинского выступа, одним из свидетелей которой был я со своим киноаппаратом.

П. Касаткин

«На защиту родной Москвы»

Так назывался один из киножурналов военных лет. Его жизнь была короткой — с ноября 1941 года по февраль 1942-го, но у многих из фронтовых операторов сохранились в памяти эпизоды, связанные со съемками для этого журнала.

Ноябрь 1941 года. Фашистские армии рвались к Москве. Настроение было плохое. Ясно только одно — дальше отступать некуда.

Поверить в то, что фашисты могут оказаться в Москве, не позволяло сердце. С таким настроением я и оператор Т. Бунимович прибыли в авиачасть, которой командовал полковник Образков.

Обычно киножурналистов встречали радушно, но на этот раз — ни обеда, ни разговоров. Утром полковник и комиссар, чисто выбритые и подтянутые, попросили извинить их за сухую встречу, пояснив, что до позднего вечера проводили боевые операции. За короткий ноябрьский день летчики делали по шесть-восемь боевых вылетов, бомбили скопления немецкой пехоты, танков и артиллерии. Сидя в теплой, уютной комнате штаба, беседуя за чашкой чая с командиром и комиссаром, мы заочно познакомились с лучшими летчиками части. Нам стало ясно, что приехали не напрасно, что здесь сумеем снять много интересного.

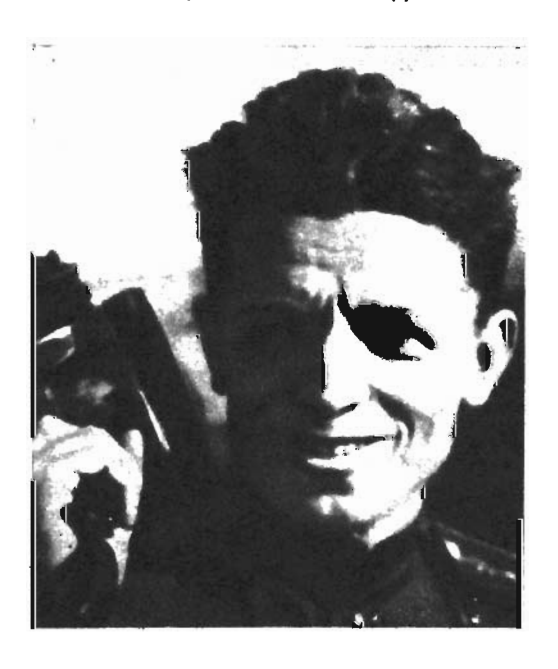
Была, конечно, мечта и самим принять участие в вылетах на боевых самолетах, снять работу авиации с воздуха.

Но когда мы заикнулись об этом, то получили категорический отказ, да еще и с просьбой больше не возвращаться к этому вопросу. Причин отказа было две: нам не могли гарантировать безопасность да и места, подходящего для кинооператоров, в боевом самолете не было.

Первую нашу беседу пришлось прервать — дежурный по части доложил, что самолеты готовы к вылетам.

День выдался пасмурный. Тяжелые машины были на колесах, а снега на летном поле намело изрядное количество.

Оператор А. Крылов. Западный фронт. 1941 г.

Операторы П. Касаткин и Т. Бунимович. Западный фронт. 1941 г.

Сигнал — и груженая машина начинает разбег. Казалось, еще немного — и она завязнет в снегу, но умение летчиков побеждало. Машина с надрывным, тяжелым гулом постепенно набирает скорость, оставляя за собой снежный вихрь. Потом звук становится ровнее. И где-то в тумане, на самой границе летного поля, самолет взлетает, ложится на боевой курс.

Одна за другой уходили в снежную мглу тяжелые машины. Вот и последняя растворилась в туманной дымке.

В первый же день мы сняли немало интересного материала. Увидели, с каким энтузиазмом и упорством уже уставшие летчики, не передохнув после одного боевого вылета, торопили технический персонал подготовить самолет к следующему.

Наблюдая за слаженной работой техников и пилотов, мы вновь убеждались, что буквально за час можем снять великолепный киноочерк о наших летчиках, вставших грудью на защиту родной Москвы.

Однако «гвоздем» очерка казался нам вылет на боевое задание. И мы еще раз попробовали добиться разрешения на полет. Нас поддержали сами летчики: устроиться, по их мнению, можно было в хвостовом отсеке вместе со стрелком-радистом.

Не забывайте, что самолеты пикирующие. Пилот самолетом «прицеливается», бросает машину на цель, как снаряд, и в наиболее благоприятный момент отпускает бомбы. Они продолжают падение, а машина резко выходит из пике вверх и в сторону. Сами понимаете, какие перегрузки. Мы привыкли, а как вы? Удержите ли в руках аппарат?

Нам было ясно одно — нужно испытать и проверить все самим.

...Слышен шум последних возвращающихся с задания машин. Все с напряжением всматриваются в небо. Минуты ожидания и тревоги. Самолеты один за другим садятся, подруливают к стоянкам.

— Сегодня все! — с облегчением говорит комиссар.

Хорошие результаты полетов — хорошее настроение и у командира. При поддержке летчиков нам удается добиться своего: разрешение на полет получено. Летим оба. Чуть ли не вся ночь прошла в разговорах, планах, расчетах. Рассвета не дождались, встали раньше других.

Шел мелкий редкий снег. Нагруженные аппартурой, пришли на летное поле и только тут поняли, что лететь нужно уже при полном рассвете со второй или третьей группой.

Удивительно медленно отвоевывал день свои права у ночи. Серый рассвет словно остановился. Только к девяти часам стало более или менее светло.

Из разведки вернулся летчик Балабанов. На дорогах южнее Каширы и у

города Истра обнаружены крупные мотомеханизированные колонны противника, скопления танков.

— Работы будет предостаточно, — закончил свое сообщение летчик.

Решаем лететь со второй группой. Одеваемся в летную форму. Бунимовичу она велика, и он выглядит в ней довольно забавно — этакий колобок, увешанный киноаппаратурой и оружием.

В самолет я забрался первым. Стрелок-радист помог пропихнуть все мое снаряжение в заднюю кабину, в которой нам предстояло лететь.

Еще на КП договорились, что я буду пользоваться нужным мне для съемки местом, когда оно не будет занято стрелком.

Самолет еще не вышел на старт, а я уже освоился в кабине, наметил точки, откуда можно производить съемку. Это верхние и нижние люки, через которые стрелок ведет огонь из крупнокалиберного пулемета.

И вот мы в полете. Забыты страхи и сомнения. Все мысли сосредоточены на одном — снять как можно интереснее. Сквозь пелену снега различались контуры соседних самолетов: они подстраивались к ведущему и набирали высоту. Вверху было светлее, уже можно было снимать. Я высунул аппарат за предохранительный щиток. Сильный поток воздуха резко рванул камеру, я с трудом удержал ее. Самолеты шли плотно, красиво. Я так увлекся съемкой, что даже не услышал конца завода пружины.

Вдруг на крыле самолета пламенем вспыхнуло солнце, и видны стали уже не облака, а их тени, несущиеся по заснеженным полям.

Еще на аэродроме нам сообщили наш курс — летим в сторону Каширы. Получаем предупреждение, что подходим к району действий. Цель может появиться каждую минуту. Устраиваюсь около нижнего люка. Бомбы должны пролетать прямо подо мной. Лежать неудобно, ноги выше головы, в руках съемочная камера. Глаза слезятся от сильного потока воздуха, руки начинают затекать.

Вижу на дороге какие-то точки. Они движутся, потом рассыпаются, исчезают с дороги. Это гитлеровцы.

Самолет встряхнуло. Я нажал кнопку аппарата. Через визир вижу, как из-под брюха самолета высыпаются бомбы. Они плывут к хвосту, отставая от самолета. Камеру не выключаю. Жду разрывов. Хватит ли завода пружины?

Взрывы, словно плотные кусты, мгновенно выросли вдруг на дороге, и в каждом кусте — яркая огненная вспышка. Камера работает, но чувствую, что скоро остановится. С трудом завожу пружину. Внизу уже много пожаров, горят подбитые машины. Ловлю в визир дорогу со следами бомбежки, но вдруг все пропадает — самолет резко отваливает в сторону. Горизонт принимает вертикальное положение. На меня наваливается пулемет, прижимает левую руку. Но вот самолет снова выравнивается, рука освобождается. Стрелок знаками объясняет, что сейчас будем пикировать. Первые бомбы были сброшены на горизонтальном полете. Уступаю место стрелку, он ложится за пулемет. Тут же меня подбрасывает куда-то вверх. Страшный рев моторов и необычайная легкость тела. Кабина наполняется грохотом и дымом. Это заработал пулемет. Снимаю пару планов через плечо стрелка. При такой скорости на земле почти не «читаются» отдельные предметы.

Самолет делает разворот. Стрелок показывает рукой куда-то в сторону, что-то говорит, я с трудом понимаю: летим домой. Солнце опять заволокло тучами. Оно словно нарочно «посветило только для съемки».

Снято немного. Всего одна тридцатиметровая бобышка. Тридцать метров — одна минута на экране, а сколько усилий, волнений, переживаний. И все ли еще получилось? Об

этом узнаем только на студии, после проявки пленки.

Вернулись неожиданно быстро. Вот уже и миновали линию фронта. Еще несколько минут — и самолет коснулся колесами земли. Садились в сплошную снежную мглу.

Когда подрулили к капонирам, я мешком вывалился из самолета. Ноги не держат, устал, как никогда в жизни. И это за один полет, а летчики, штурманы, стрелки вылетают за день до восьми раз.

Кто-то бежит к самолету. Оказалось — Бунимович. Он уже минут двадцать как вернулся, снял тоже тридцать метров. Летали они на Истру, бомбили немецкую переправу.

Мы поблагодарили экипажи за помощь. Довольным осталось и командование — съемки прошли без ЧП.

При расставании нас, конечно, спросили:

— Когда, в каком журнале можно будет увидеть снятый материал?

Мы ответили:

— Если будет все в порядке, смотрите в журнале «На защиту родной Москвы».

14 декабря 1941 года журнал с нашими съемками вышел на экраны столицы.

Т. Бунимович

Бои за Москву

Кипучая, сверкавшая когда-то огнями Москва давно уже изменила свой облик, стала строгой, суровой; разрисованы в целях маскировки дома, обложены мешками с песком витрины магазинов. Москвичи научились бороться с зажигалками и пожарами, быстро ликвидировать следы фугасок. Но теперь, к середине октября, Москва становилась уже фронтовым городом, улицы перегораживались баррикадами и противотанковыми «ежами», на площадях и проспектах устанавливались зенитные орудия, каждый вечер над городом поднимались аэростаты воздушного ограждения.

Из развешанных по всему городу громкоговорителей то и дело раздается: «Граждане, воздушная тревога!»

Сотни вражеских самолетов шли на Москву, прорывались же единицы. Однако и они несли смерть, разрушения.

Небо озарялось прожекторами. Вот скрестились два, три, четыре луча, и в их свете блестящая точка — самолет. Раздаются возгласы: «Ведут! Ведут!». Мрак разрезается сверкающими трассами снарядов.

В Серебряный бор пришли москвичи строить противотанковый ров; большей частью — женщины и девушки; им тяжело, но работают с полным напряжением сил, как заправские землекопы. Во дворе Тимирязевской сельскохозяйственной академии идет запись добровольцев на фронт. Рабочие и служащие получают зимнее обмундирование, оружие — винтовки, гранаты, пулеметы; прямо отсюда отправляются на участки боев. Рабочий завода «Серп и молот» Березанский привел с собой хорошо обученную служебную собаку. Вместе с ней добровольца зачисляют в разведку. В железнодорожных мастерских в рекордные сроки отремонтирован бронепоезд; вот он, украшенный транспарантами, выходит из депо, и мы снимаем этот подарок 24-му Октябрю.

В те же дни родилась идея выпускать киножурнал «На защиту родной Москвы». Пожалуй, в мире не было киножурнала, который создавался бы в подобных условиях. Всего сделано было девять выпусков. Каждый из них представляет сейчас большую историческую ценность. Тогда их показывали в кинотеатрах, в заводских и фабричных клубах, в воинских частях. Защитники Москвы не только видели себя на экране, но и воочию убеждались в стойкости, жизнеспособности своего города: продолжает работать даже ки-

ностудия, оперативно и четко откликаясь на все важнейшие события, — значит, панике противопоставлены спокойствие и организованность советского народа.

Торжественным юбилейным заседанием отметили москвичи самый дорогой для советского человека праздник — день Октябрьской социалистической революции.

Оно состоялось вечером 6 ноября на станции метро «Маяковская».

Утро 7 ноября 1941 года было морозным. Во дворе киностудии — людно. Все столпились под укрепленным на столбе репродуктором, ждут сообщений.

Будет ли парад?

Репродуктор молчит; никто ничего не знает.

Все, конечно, понимают: заблаговременное сообщение о параде может быть перехвачено врагом. Томительно тянутся минуты ожидания.

И вдруг кто-то сообщает:

— Парад будет!

Получаем задание снимать все, что удастся; мчимся к Красной площади. Манежная оцеплена, проехать нельзя, выходим из машины.

Выбегаем на середину улицы и, став спиной к оцеплению, начинаем снимать приближающуюся колонну бойцов; пятясь, продолжаем съемку с движения.

Сняты проходы войск по Манежной площади и на фоне гостиницы «Москва».

Последнее оцепление — снова применяем метод съемки с движения, — проникаем на Красную площадь.

Все же выступление И. В. Сталина осталось не заснятым. По настоятельным просьбам хроникеров ему пришлось произнести вошедшую в историю речь повторно. Это было необходимо: традиционный парад войск, на трибунах — члены правительства, спокойно выступающий Сталин. Уверенность в силы Родины вселяли потом эти кадры в миллионы солдатских сердец.

На всю жизнь врезались мне в память съемки этого необычного в истории нашей страны парада. Густой снегопад. Мерным шагом проходят по Красной площади солдаты, чтобы отсюда отправиться прямо на фронт.

Он был рядом. При желании можно было ночевать дома, а через час после выезда уже пробираться по траншеям и искать материал для очередного номера киножурнала.

Мы ехали по безлюдной фронтовой дороге без какого-либо определенного задания; приближались к месту, где необходимо было уже оставить машину и затем пробираться дальше пешком.

Впереди, на опушке леса, появилась довольно странная группа людей. Двое — в белых халатах, на лыжах, остальные — в каком-то тряпье. Оказалось, два наших разведчика взяли в плен трех фашистов. У меня сохранились фамилии разведчиков — К. В. Лебедев и И. В. Меленчук.

И мы с Касаткиным отсняли эпизод довольно подробно.

— «Языков» ведем, — сказал нам один из лыжников. — Нашего командира наградили орденом Ленина, и это — наш ему подарок.

До штаба лыжного батальона мы добрались только назавтра. Он располагался на окраине села, вытянувшегося вдоль оврага; другая окраина села была занята противником.

И вот беседуем с командиром батальона — старшим лейтенантом Георгием Топуридзе.

— Нас фашисты называют «белыми дьяволами», — говорит он, — потому что мы в белых халатах и появляемся всегда не с той стороны, откуда они нас ждут.

Он рассказал, как немцы заминировали у себя в тылу дорогу и, чтобы не наткнуться на свои же мины, поставили указатели. А лыжники батальона в одну из ночей, пробравшись к гитлеровцам в тыл, переставили указатели.

И наутро было видно, как взлетали на воздух, подрываясь на собственных же минах, вражеские машины и танки.

— Вот бы снять такое! — позавидовали мы.

Топуридзе взял карту, указал какой-то населенный пункт и сказал:

— Мы завтра здесь пошумим, а вы снимете что удастся.

Фашисты в этом месте могли ожидать чего угодно, только не лобовой атаки средь бела дня, и опомнились, когда наши лыжники уже ворвались в село.

Нам трудно было поспевать за тренированными, выносливыми разведчиками, но многое мы все же сняли. Так родился сюжет «Белые дьяволы».

Через четверть века, в юбилейные дни битвы за Москву, газета «Вечерняя Москва» напечатала мои воспоминания об этом эпизоде. В корреспонденции была фраза: «Передо мной лежит фотография Георгия Топуридзе; на меня смотрят добрые глаза красивого молодого человека, беспредельно отважного и изобретательного. Жив ли он?»

Вечером меня позвали к телефону, и я услышал:

— С вами говорит Георгий Топуридзе.

Я обалдел.

— Топуридзе! Вы живы?

— Говорит его сын, я тоже Георгий. Отец жив, вы с ним встретитесь, но до этого мне надо вас повидать.

И вот я беседую с молодым Георгием Топуридзе; он очень похож на отца, только, пожалуй, поуже в плечах и без усиков.

— Отец просит вас и Касаткина зайти к нам, но хочу вас предупредить: в 1942 году во время одной из атак отец в загоревшемся танке получил сильные ожоги. Лицо и руки остались изуродованными. Там, где он работает сейчас, о его прошлом знают немногие. Не все знаю даже я — отец не любит о себе рассказывать.

Слова сына Топуридзе заставили меня задуматься: выросло новое поколение, и подчас наши дети, внуки даже не знают, что рядом с ними живет и работает герой.

Не наша ли это недоработка? Все ли сделали мы, летописцы героических дней?

Шел декабрь 1941 года.

По активизации действий нашей авиации, по усилившемуся передвижению войск, напряженности в армейских штабах чувствовалось — назревают важные события.

Не знаю почему, но в тот запомнившийся мне декабрьский день на передовую со мной выехал не Касаткин, а кинооператор Алексей Лебедев.

Расположение частей на участке, где мы часто снимали до этого, мне было хорошо известно. Вот лесочек, от которого надо бы идти уже пешком, а чуть дальше — ползти.

Но никого у лесочка нет, не чувствуется и близости противника. Проехали немного дальше — тихо. Вернулись в расположение штаба полка — пусто и здесь, штаб переехал. Снова поехали вперед. Весь день прошел в поисках, мы ничего не сняли, зато поняли: наступило долгожданное, началось... Враг повернул вспять, надо брать больше пленки и торопиться.

Назавтра, следом за наступавшими частями, мы с Касаткиным выехали в Солнечногорск.

Немцев выбили из города утром. Еще вчера в нем хозяйничали фашисты. Мы впервые увидели людей, перенесших оккупационное иго. Они обнимают, целуют нас. Нашими консультантами в городе стали ребята, они знали все: где брошены длинноствольные орудия, из которых немцы собирались обстреливать Москву, где аэродромная площадка с разбитыми самолетами и многое другое. Вернулись в город партизаны. И их командир, председатель горсовета Артемий Иванович Батов, сразу же занялся делами горо-

да. Все это мы снимали, но нам стало ясно, что отбитые у врага города меняют свой облик чрезвычайно быстро и надо въезжать в них сразу же с передовыми частями.

Клин, как известно, был атакован с трех сторон: с севера — частями генерал-майора Ф. В. Чернышева, с востока — воинами полковника А. С. Люхтикова и с юга — частями генерал-майора П. С. Иванова. Мы шли с южной группой и ворвались в город, когда на западной его окраине еще кипел бой.

Боясь окружения, немцы бежали по единственной не перерезанной еще дороге — на Волоколамск.

Мы поспешили к домику Чайковского и увидели там страшную картину хаоса. Перед домом стоял худой, обросший мужчина — искусствовед, директор музея товарищ Шапшал, — смотрел на распотрошенные папки нот, поломанную мебель и уже прикидывал, с чего начинать уборку, восстановление обезображенного врагами музея.

— Я не мог бросить музей, — сказал Шапшал. — На меня, старого человека, немцы не обращали внимания, и я стал свидетелем фашистского вандализма и бескультурья.

В комнатах, где гениальный композитор создавал бесценные произведения, гитлеровцы устроили слесарную мастерскую, ремонтировали мотоциклы.

Двери, стены, мебель, театральные макеты — все было изгажено или разбито. Мы переходили из комнаты в комнату, снимая следы разрушений, оставленных варварами XX века.

— Может быть, их бескультурье и спасло дом, — продолжал Шапшал. — Если бы они знали, как дорого нам все, что связано с именем Чайковского, непременно бы взорвали, уничтожили и постройки и сад.

Дорога от Клина на запад на многие километры была завалена брошенными автомашинами, бронетранспортерами, танками.

С нижних точек показать масштабы разгрома было трудно. Путь немцев «туда и обратно» был снят оператором Беляковым с самолета.

Добравшись до села Петровское, мы увидели нечто еще более грандиозное: повторилась та же картина, что и на дороге, но как бы сосредоточенная в одном месте, на одном поле.

Касаткин забрался на автомашину и снял панораму почти на триста шестьдесят градусов.

Зима 1941 года.

Ожесточенная битва за Москву развернулась на огромной территории, почти на тысячу километров по фронту.

С обеих сторон в ней участвовало более двух миллионов человек. А нас, кинооператоров, было мало, да и работали мы к тому же еще спаренно. Как успеть хотя бы в наиболее важные места?

Касаткин и я шли с 1-й ударной армией генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова, операторы Р. Кармен и Г. Бобров снимали бои за Волоколамск, М. Шнейдеров и А. Крылов — взятие городов Сталиногорска и Венева, Б. Небылицкий — освобождение Калинина, А. Лебедев и А. Эльберт совершили рейд с конницей генерала П. А. Белова, В. Фроленко снимал парашютный десант, И. Сокольников вел съемки в партизанском отряде, авиасъемки вел И. Беляков.

Нелегко давались операторам эти эпизоды. Вспоминается, например, бой за село Спас-Помазкино. Его вели бойцы ударной группы генерал-майора Н. В. Захватаева. Дорога к селу сильно обстреливалась из автоматов и минометов. Пришлось ползти, снег забивался в валенки, в рукава полушубка, в объектив аппарата. Несмотря на тридцатипятиградусный мороз, нам было жарко, мерзли только руки, лицо, механизм киноаппарата, и это было самым страшным: перед каждой съемкой приходилось, лежа в снегу, отогре-

вать аппарат под полушубком. Мучения доставляла перезарядка камеры: окоченевшие руки отказывались действовать.

Фашистские автоматчики, прикрывавшие отход своих частей, залегли в подвале кирпичной двухэтажной школы на окраине села.

Мы снимаем, как несколько наших бойцов подползают к школе и бросают в окна подвала гранаты. Автоматчики

Оператор И. Беляков. Московская база кинохроники. 1941 г.

врага умолкают. Еще несколько минут — и уже можно встать, подойти к зданию. Бой перемещается к центру села, но нам приходится задержаться у школы. У задней стены ее мы увидели страшную картину: в кучу свалены тела расстрелянных стариков, женщин, детей. Чуть в стороне, обнявшись, как живые, лежали старик и молодая женщина с ребенком. Ребенок был, по-видимому, завернут в одеяло или платок; палачи сорвали его. Женщина прижимает к себе голое тельце дочки. В плече и груди ребенка пулевые раны. Кровь застыла на морозе багровыми полосками; на белом безжизненном тельце младенца она выглядела особенно жутко.

В те дни в газетах много писалось о фашистских зверствах, но кое-кто сообщениям такого рода еще порой не совсем доверял: написать, мол, можно что угодно. Неужели представители культурной нации способны себя так вести! И мы должны были показать истинное лицо фашизма всему миру. Перед объективами наших аппаратов проходили бойцы с горячими еще от выстрелов автоматами, задерживались в скорбном молчании и гневе у трупов, сжав губы, уходили туда, где еще раздавалась стрельба и разрывы гранат. Вот когда в полной мере осознали мы, какому великому делу служим — ведь запечатленное на пленку под сомнение не возьмешь!

В Можайске группа гитлеровских автоматчиков укрылась за толстыми стенами вокзала. Подобравшись к вокзальной площади, мы дождались подхода артиллерии. Под прикрытием прямого орудийного огня наши бойцы ворвались в здание вокзала и уничтожили фашистов. Съемка длилась несколько часов, а на экране все это промелькнуло в считанные секунды.

В штабе 5-й армии нам сообщили, что в боях за Можайск особенно отличился полк майора Айрапетова. Через час мы были на командном пункте полка в штабной автомашине. После яркого солнечного света я с трудом рассмотрел в машине склонившихся над картой командиров. Один из них поднял голову.

Какое знакомое лицо! Где я с этим человеком встречался?

И вдруг вспомнил: инструктор альпинизма Айрапетов, помогавший нам при съемках фильма «Покорители горных вершин». Тогда он командовал всего лишь одним артиллерийским расчетом, принимавшим участие в восхождении на Казбек.

Теперь по его команде с минуты на минуту должен был открыть огонь целый полк дальнобойных орудий.

Вот уже выпущено двадцать снарядов, и с наблюдательного пункта сообщают:

— Немцы покидают село.

— Просто не поспеваю за ними со своими тяжелыми «игрушками», — жалуется нам Айрапетов.

И мы видим, как большие гусеничные тракторы уже вытаскивают орудия из глубокого рыхлого снега и торопятся вперед.

Вперед, на запад.

Все кинооператоры, снимавшие битву за Москву, работали с предельным напряжением с рассвета и до заката, а в Москве на киностудии кинорежиссеры Леонид Варламов и Илья Копалин в содружестве с писателем П. Павленко, поэтом А. Сурковым и композитором Б. Мокроусовым уже подбирали эпизоды для эпопеи о разгроме немецко-фашистских войск под Москвой.

18 февраля 1942 года в кинотеатрах столицы начал демонстрироваться полнометражный фильм «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой», посвященный первой крупной победе Красной Армии, завершившейся взятием Можайска и полным очищением Московской области от врага.

Миллионы советских людей на фронте и в тылу просмотрели этот волнующий фильм. С большим успехом прошел он на экранах мира. Люди мира увидели, что есть такая сила, которая может разгромить гитлеровскую военную машину.

Фильм «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» был удостоен Государственной премии, а режиссеры И. Копалин, Л. Варламов и операторы Т. Бунимович, Г. Бобров, П. Касаткин, А. Крылов, А. Лебедев, М. Шнейдеров, А. Эльберт — звания лауреатов Государственной премии.

Американская Академия киноискусств присудила фильму «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» премию «Оскара», признав его лучшим фильмом 1942 года.

Д. Рымарев

Севастополь сражается

Война неотвратимо приближалась к Севастополю. Немцы заняли Симферополь. Фашистские танки вышли в район Евпатория — Саки. Наши измотанные в боях части отступали через горный хребет на Алушту, Ялту, с тем чтобы выйти на Севастополь по южному берегу Крыма. По горным тропам они могли дойти дня через три-четыре. А пока город прикрывали разрозненные отряды и батареи.

Всего два дня назад мы с Владиславом Микошей снимали на Ишуньских позициях. Положение было напряженным, но не казалось безнадежным. Когда на обратном пути проезжали Симферополь, он вовсе не оставил впечатления обреченного города: активно действовали тыловые армейские учреждения и комендатура, работали редакции фронтовых газет, на улицах было людно, кое-где из окон домов слышалась даже музыка.

И вдруг — в Симферополе немцы, почти весь Крым оккупирован, враг стоит у стен Севастополя.

На душе было тревожно, но надежда не умирала. Мы не допускали мысли, что фашисты ворвутся и в Севастополь.

Вечером, когда уставшие после съемки бесконечных бомбежек, зенитных залпов, горящих зданий мы собрались на базе (в филиале Сеченовского института), Микоша снова, уже не в первый раз, начал разговор об отправке снятой пленки на Большую землю.

Мне не хотелось в такой тяжелый, но и интересный момент прерывать съемки. Не хотелось и Микоше. Бросили жребий. Доставка пленки выпала ему.

Через пару дней в Новороссийск отходил транспорт «Чапаев». С ним и отправились Микоша и звукооператор

М. Соболев. Пленку упаковали в железный ящик, который заклеили еще водонепроницаемой изоляцией и обвязали крест-накрест пробковыми поясами, чтобы в случае гибели корабля пленка не утонула.

Грустно было расставаться с друзьями, оставаться без них на осажденном гитлеровцами клочке земли.

Готовясь к генеральному штурму, гитлеровцы днем и ночью бомбили город. Не работали электростанции и водопровод. Улицы превращены в руины, завалены телеграфными столбами, перевернутыми трамваями.

Перед отплытием в Новороссийск Микоша рекомендовал нам поселиться на крейсере «Червона Украина», с командиром которого, капитаном третьего ранга Зарубой, он подружился в дни боев за Одессу.

По решению Военного совета в ночь на 1 ноября основные силы Черноморского флота были выведены из-под угрозы потопления вражеской авиацией. Под покровом темноты эскадра ушла в порты Кавказского побережья. Для поддержки Севастопольского оборонительного района были оставлены крейсеры «Червона Украина», «Красный Крым» и четыре эсминца.

Крейсер «Червона Украина» стоял на якорях в Северной бухте, вблизи Графской пристани. Командир крейсера встретил меня и Федора Коротковича гостеприимно, предоставил в наше распоряжение офицерскую каюту.

Мы вновь обрели забытый комфорт: на корабле было тепло, уютно, всегда можно было принять горячий душ, в каютах горел электрический свет. В общем, устроились как дома. По утрам выезжали на различные участки фронта, вечерами с удовольствием возвращались в свою каюту, читали книги, слушали по радио вести с фронтов.

К сожалению, «уютная жизнь» продолжалась недолго.

Утром 12 ноября нас разбудил колокол громкого боя. На крейсере сыграли боевую тревогу. Гулко застучали над головой матросские ботинки. Личный состав корабля занимал боевые посты.

Не успели мы с Федором одеться, как грянул первый бортовой залп. От мощного удара вздрогнул, загремел корабль. Казалось, заклепки выскочат из стальных листов обшивки. За первым залпом грянул второй, третий... «Червона Украина» вела интенсивный огонь артиллерией правого борта по наступавшим фашистским танкам.

Мы поднялись наверх. Солнце еще не взошло. Зеркально гладкие сиреневые бухты тонули в утренней дымке. Остовы домов на холмах Севастополя четко вырисовывались на фоне неба, подернутого легкими облаками.

Вокруг города уже клокотал бой. Гитлеровцам не спалось. Они все еще не теряли надежды с ходу взять базу Черноморского флота.

— Федя! А пожалуй, сегодня не поедем под Балаклаву, — сказал я. — Смотри, как наш корабль воюет. Надо поснимать здесь.

— Может быть, попросим у командира корабля катер, снимем залпы с воды? — предложил Короткевич.

Зарубу мы нашли в боевой рубке. Вместе с командиром «БЧ-2» он наносил на карту данные, полученные от корректировщиков с Северной стороны.

Выслушав нашу просьбу, капитан отдал соответствующее распоряжение по телефону.

Пока готовили катер, мы спустились в кают-компанию, чтобы глотнуть по стакану горячего чая.

Когда снова поднялись наверх, нас окликнул вахтенный офицер:

— Товарищи операторы! Катер у трапа.

Взяв аппараты, мы отплыли на достаточное расстояние, чтобы в кадре умещался весь корабль, и начали съемку. Крейсер дышал огнем. Пламя и дым выстрелов отражались в зеркале бухты.

Когда корабль был снят с разных

точек, мы подрулили к трапу и, поднявшись на кормовой мостик, начали снимать стрельбу орудий с верхней точки.

— Самолеты противника по правому борту!.. — раздался возглас сигнальщика.

Зенитные пушки, разворачиваясь, извергая пламя, яростно загрохотали, а я, прижавшись глазом к визиру своей камеры, снимал четкую работу артиллерийских расчетов. Затем направил аппарат в небо и увидел в визире эскадрилью «юнкерсов», которые, покачиваясь среди зенитных разрывов, но не теряя строя, шли прямо на нас.

Снимая, я видел, как одна из машин первого звена вспыхнула ярким пламенем и штопором пошла вниз.

От самолетов отделились черные точки.

Бомбы...

Секунду они летели вниз горизонтально, потом, разворачиваясь боевыми головками вниз, увеличивали скорость и становились невидимыми.

Я не слышал разрывов. Помню только какое-то шипение. Взрывная волна подняла меня и швырнула в сторону. Я ударился бедром о стальную переборку. По обоим бортам взметнулись в небо колоссальные фонтаны воды. Одна из бомб упала в восьми метрах от нас, пробила железную палубу и разорвалась внутри корабля, в машинном отделении.

Операторы В. Микоша и Д. Рымарев. Севастополь. 1941 г.

Черный едкий дым окутал кормовой мостик, языки пламени жгли лицо и руки... Дышать было нечем. Я на ощупь нашел поручни трапа, спустился вниз, побежал в сторону кормы и, вырвавшись наконец из удушливого дыма, вздохнул полной грудью.

Я огляделся. Федора нигде не было. Огромный столб дыма поднимался вы-

соко в небо. Вырываясь из зияющей пробоины, полыхало пламя пожара.

Рядом с местом пожара размещался корабельный склад боеприпасов... Казалось, несколько минут — и мы взлетим на воздух...

Вверху на мачте в дыму пожара появилась фигура человека в офицерской шинели, без фуражки, с русыми волосами, развевавшимися по ветру. Это был третий помощник командира корабля старший лейтенант Попов. Он энергично распоряжался аварийными командами, которые боролись за жизнь корабля. Матросы раскатывали брезентовые шланги, пускали воду и упругими струями ее сбивали пламя. Пожар был укрощен.

Зенитчики, больше всех пострадавшие от бомбовых осколков, перевязывали друг другу раны. Один из бойцов стоял задрав тельняшку к подбородку. Грудь и живот его были залиты кровью. Товарищ оказывал ему первую помощь.

Матрос, которому осколком перебило голень, поднял лежавший на палубе стул дежурного и, опираясь на него коленом, зашагал в санчасть. Ногой, стулом... Ногой, стулом... Молодое лицо было перекошено от боли.

Снизу, из машинного отделения, выносили обгоревших и раненых.

Я лишь успевал заводить ключом пружину аппарата и снимать все, что происходило вокруг.

Некогда было уже думать об опасности, о грозящем взрыве, о том, наконец, что могут прилететь еще самолеты противника. Заботился только о том, чтобы все было в фокусе, чтобы правильной была диафрагма, чтобы не дрожала в руках камера.

И снова возглас:

— Самолеты по правому борту!..

И опять я снимал огонь зениток, сбитые самолеты... Снова корабль дрожал как в лихорадке, палуба уходила из-под ног.

Крейсер был искалечен. Он стоял с дифферентом на нос и сильным креном на левый борт. По наклонной и скользкой палубе трудно было ходить. К тому же на ней зияла пробоина от бомбы. Находившийся рядом торпедный аппарат, заряженный тремя боевыми торпедами, был сломан у основания и упал в море вместе с невзорвавшимися каким-то чудом торпедами.

Заруба приказал команде покинуть крейсер.

Я спустился в свою каюту, собрал вещи и вместе с матросами переправился на Графскую пристань. Только здесь увидел Федора Короткевича. Он во время бомбежки вывихнул, оказывается, в щиколотке ногу, и матросы вынесли его на берег.

На ночь нас приютил фотограф Дома Военно-Морского Флота Леонид Подгорецкий. Усталые, измученные, мы крепко уснули в его фотолаборатории прямо на столе для проявки негативов.

Проснувшись утром, я выглянул в окно и вместо крейсера увидел лишь верхнюю часть его стальной мачты, косо торчавшую из воды.

Во всех подробностях вспомнилась вчерашняя бомбежка. Я оказался в такой переделке впервые и теперь даже самому было удивительно — с каким спокойствием снимал. Видимо, потому, что и все вокруг с деловитым спокойствием исполняли свои корабельные обязанности. Свои профессиональные обязанности исполнял и я — вот и не оставалось места страху.

Мы поселились в «лесу». Так было названо нами просторное помещение в одноэтажном каменном доме с толстыми стенами, потолок которого, как в угольной шахте, был подперт бревнами. От прямого попадания такие крепи, конечно, не спасали, но они могли предотвратить обвал при взрывах по соседству с домом.

Нам предлагали койки в штольнях, но мы пожелали жить на поверхности земли.

Скоро наш «лес» превратился в филиал киностудии. Вечерами мы перезаряжали здесь кассеты, проявляли пробы и фотонегативы. Каждое утро,

погрузив кинокамеры на зеленый газик, мчались снимать на какой-нибудь из участков обороны. К обеду спешили в редакцию флотской газеты «Красный черноморец», где нас поставили на довольствие.

Редакция помещалась в каменном доме, который тремя этажами выходил на улицу Ленина, а еще четырьмя спускался вниз, к Южной бухте. В самом низу, для безопасности, размещались типография и жилые помещения работников редакции.

Однажды во время обеда в нашу столовую вошел... Микоша.

— Дима! Жив?! — воскликнул он. Мы крепко обнялись.

Прибыв в Севастополь морем, он увидел мачты затопленного крейсера «Червона Украина» и беспокоился за мою судьбу. Я коротко рассказал историю гибели крейсера, показал ключ от каюты, которая была теперь на дне бухты. А ключ, как память, я носил с собой. Он и сейчас хранится у меня рядом с самыми дорогими реликвиями.

С Микошей прибыл Моисей Левинсон, назначенный заместителем начальника киногруппы Черноморского флота. А через несколько дней мы получили в помощь в качестве ассистента оператора морского пехотинца Константина Ряшенцева, с которым познакомились еще на Перекопе.

Короткевич повез на Большую землю очередную партию снятого материала.

Микоша жить в «лесу» не пожелал. Общежитие в «Красном черноморце» тоже его не устраивало. Он предложил поселиться в гостинице «Северная», где мы всегда останавливались до войны. Его не волновали ни бомбежки, ни артобстрелы. Пошли выбирать номера.

Улица Ленина была совершенно безлюдной — гудок Морского завода недавно оповестил о воздушной тревоге.

Впереди нас, слабо просвистев, разорвалась во дворе дома небольшая бомба. За невысокой каменной оградой послышались тревожные голоса, плач. Мы поспешили на шум. Посреди дворика, обсаженного кустами сирени, лежала девушка. Смерть настигла ее так мгновенно, что лицо было совершенно спокойным. Широко открытые, с голубоватыми белками, глаза, казалось, с укором смотрели на этот нелепый, бессмысленно жестокий мир. Вся тонкая фигурка ее была как-то неестественно изогнута, а одна рука в белоснежном рукаве кофточки закинута за голову.

Вокруг бестолково суетились подавленные горем родственники.

— Будьте вы прокляты, ироды! — исступленно голосила мать, грозя кулаком в голубое небо. — Доченька моя милая... Лучше бы уж меня, старую...

Как выяснилось, семья пила чай на веранде дома. Девушка, дочь хозяев, встала из-за стола и вышла в садик. Здесь и настиг ее осколок разорвавшейся бомбы.

В дни обороны Севастополя сигналы воздушной тревоги раздавались так часто, что жителям невозможно было каждый раз бросать все дела и бежать в городские бомбоубежища. Кроме того, бомбы часто падали и без объявления тревоги. Жертвы среди населения города были, конечно, неизбежны.

Мы ничем не могли помочь родственникам девушки и пошли дальше.

«Северная», лучшая гостиница Севастополя, стояла на Нахимовской улице почти напротив Сеченовского института (теперь Дворец пионеров).

Из всего персонала в гостинице оставались только две пожилые горничные: тетя Дуся и тетя Таня. Они содержали в полном порядке пустые номера на всех трех этажах. Им надоело слоняться по безлюдным коридорам гостиницы, и они были рады нашему приходу; от денег отказались.

Поселились мы на третьем этаже, чтобы меньше было охоты бегать по ночам в бомбоубежище.

Вскоре нашему примеру последо-

вали и другие представители культурного фронта. В гостинице поселились писатели, композиторы, художники. По вечерам, вернувшись с передовой, мы часто собирались вместе: знакомились с новыми зарисовками Решетникова и Сойфертиса, слушали еще «тепленькие» песни Макарова и Чаплыгина, статьи и рассказы Соловьева и Лагина, стихи Алымова.

К корреспондентскому корпусу присоединилась концертная бригада, прибывшая в осажденный город из Москвы. Гостиница ожила.

— Если дело и дальше так пойдет, — шутила тетя Дуся, — придется разыскивать табличку «Мест нет».

Артисты давали концерты в частях Севастопольского оборонительного района, и мы сняли их выступления перед бойцами морской бригады полковника Жидилова.

В феврале 1942 года положение в осажденном Севастополе стабилизировалось, и никто из живших в городе не верил в возможность прорыва немцев.

Секретарь горкома партии Борисов и председатель горисполкома Ефремов много потрудились над тем, чтобы нормализовать жизнь отрезанного от советской Родины города. Улицы очищались от завалов, водопровод, электростанция приводились в порядок. В центре города по кольцевой линии в обе стороны снова забегал трамвайчик. Он весело позванивал. Во время бомбежек трамвай останавливался, пассажиры укрывались в убежищах, в подвалах домов, в скальных нишах.

Население города было полно энтузиазма. Мы снимали работу подземных заводов в штольнях Инкермана, где вытачивались стволы минометов, корпуса мин и гранат, так необходимых фронту.

Рыбаки закидывали сети под пулеметным обстрелом немецких истребителей, добывая рыбу, чтобы улучшить скудный рацион горожан и бойцов Севастопольского гарнизона.

Огородники выращивали тонны редиски и зеленого лука рядом с передовыми траншеями.

Работала городская почта. Я хорошо помню неутомимого почтальона — сухонькую старушку тетю Капу, которая, как и в мирное время, аккуратно разносила по адресам весточки с Большой земли.

Словом, Севастополь жил, Севастополь трудился, Севастополь давал отпор.

В семь утра гитлеровцы начинали обычно бомбежку города. Нарастающий грохот зениток, свист падающих бомб служили для нас побудкой. Так было и в сто сорок первый день обороны Севастополя.

Но в привычном шуме я уловил вдруг вой сбитого самолета... Бросился к окну, увидел «юнкерс» с длинным шлейфом черного дыма. Самолет упал где-то в районе вокзала.

— Полундра! — заорал я что было сил.

Микоша вскочил.

— Ты что? С ума сошел?..

— «Юнкерс» сбили в районе вокзала...

Быстро оделись, сбежали по черной лестнице во двор гостиницы. В кабине своего «козла» спал Петро. Минут через десять мы были уже у вокзала.

Фашистский стервятник врезался в угол железнодорожного депо. Из большой дыры торчал в небо закопченный хвост с паучьей свастикой, рядом на земле дымились обугленные трупы летчиков, их выволокли из кабины самолета солдаты. Мы подробно отсняли всю эту картину и отправились катером на Северную сторону к батарейцам капитана Матушенко.

Повезло нам и у них. Батарея вела огонь по станции Мекензиевы Горы, где наблюдалось скопление войск противника.

Отстрелявшись, наши друзья пригласили нас на обед.

Но не успели мы съесть и по тарелке флотских щей, как на Корабельной стороне завыл гудок Морского завода и тотчас же со стороны совхоза «Софья Перовская» послышался гул самолетов.

На батарее объявили боевую тревогу.

Загремели первые зенитные залпы. В небе появились вражеские бомбардировщики. Часть их отделилась от общего строя и направилась в сторону батареи. Мы начали снимать. Посыпались бомбы, и было видно, что они летят на нас.

— Владька! Бомбы!.. — крикнул я и прыгнул в оказавшийся поблизости окопчик. — Прыгай сюда!

Но увлеченный съемкой Микоша стоял широко расставив ноги и жал кнопку своего аппарата.

— Ложись!.. — еще раз крикнул я, но мой голос потонул в грохоте взрывов. Тучи дыма и пыли закрыли все вокруг. Постепенно они рассеялись; Микоши на прежнем месте не оказалось. Его отбросило в сторону. Он лежал с мертвенно-бледным лицом и закрытыми глазами. Я бросился к другу.

— Что с тобой?.. Ты ранен?

Микоша открыл глаза.

— Ничего... немного швырнуло.

— Черт упрямый! — выругался я. — Скажи спасибо, что не оторвало голову.

— Спасибо, — не преминул свести все на шутку Микоша.

Фашистские летчики промахнулись: 10-я батарея не пострадала.

Руины Севастополя клокотали зенитным огнем. Бой разгорелся над Северной бухтой. Вражеская бомба попала в танкер с горючим, пришедший накануне из Новороссийска. Черный нефтяной дым тучей поднялся в небо.

В то же время зенитный снаряд угодил в один из немецких бомбардировщиков. «Юнкерс» вспыхнул и в огненном штопоре врезался в землю на берегу бухты. Скальный грунт содрогнулся — рванули бомбы, которые фашисты не успели сбросить.

Мы стояли в нерешительности... Что снимать: горящий танкер или взорвавшийся самолет? Вмешался Матушенко.

— Покойники подождут, — сказал он. — Бегите к причалу — там стоит наш катер. Передайте старшине мое приказание доставить вас к танкеру, а потом отправляйтесь к месту взрыва самолета.

Поблагодарив капитана, поспешили к горящему танкеру. Команда его героически боролась с пожаром. На подмогу подошел морской пожарный буксир, и мы снимали, как люди сшибали пламя струями воды. Скоро огонь был укрощен, а дым стал ниже и светлее. Люди справились с бедой.

Теперь надо было спешить к месту взрыва вражеского бомбардировщика.

Куски самолета разбросало. Мы долго искали останки экипажа. Нашли наконец лишь одну оторванную по локоть руку. Мы сняли ее, и этот кадр вошел потом в фильм «Черноморцы» с соответствующим дикторским текстом о возмездии зарвавшимся фашистским бандитам.

В тот день нам так и не суждено было пообедать. Катер Матушенко высадил нас на Графской пристани, и мы побежали к нашему газику.

В 16.00 должен был выйти на огневую позицию бронепоезд «Железняков» — подарок рабочих Морского завода защитникам Севастополя.

«Железняков» стоял уже на запасном пути, под склоном горы. Мы представились командиру бронепоезда инженер-капитану Харченко и комиссару Порозову.

Железняковцы — моряки, сошедшие с боевых кораблей, сменившие палубу на бронеплощадку, — деятельно готовились к бою, заканчивали погрузку боезапаса.

Наконец все было готово.

Пыхтя и отплевываясь клубами белого дыма, стальной состав нырял в бесчисленные тоннели, которые могли

служить ему хорошим укрытием от вражеской авиации. Извиваясь на поворотах, ощетинившись стволами пушек и пулеметов, бронепоезд с грохотом мчался к огневой позиции. Мы снимали его на ходу.

Ряшенцев фотографировал боевые расчеты, снял Харченко и Порозова, а заодно и нас с Микошей за работой.

На подходе к станции Мекензиевы Горы бронепоезд остановился. Пока артиллеристы делали расчеты, мы спустились на землю, чтобы снять стрельбу общим планом.

Железняковцы проявили трогательную заботу о нас. Особенно беспокоился командир пулеметного расчета мичман Александров.

— Противник в любой момент может открыть ответный огонь! — кричал он нам с платформы. — Стоять рядом с бронепоездом в открытом поле нельзя!

— Что делать, — ответил Микоша. — Иначе не будет необходимого общего плана стрельбы.

Едва успели мы выбрать точку, начался ураганный артогонь. Ответил огнем и противник. Первые мины грохнули с недолетом. Мы вернулись на свою бронеплощадку и продолжали снимать из амбразур. Осколки мин лязгали по броне.

«Железняков» подавил артиллерийей выявленные огневые точки врага; и тут мы увидели такое, что не часто случалось видеть и снимать фронтовым операторам.

Ободренные мощной огневой поддержкой бойцы славной морской бригады полковника Потапова поднялись в лихую атаку. У бегущих моряков, словно крылья, развевались накинутые на черные бушлаты плащ-палатки. Гитлеровцы в панике покидали траншеи.

А бронепоезд «Железняков», сделав свое дело, так же быстро скрылся, как и пришел.

Вечером мы отдыхали на скамейке Исторического бульвара. Весенний воздух был напоен ароматом цветущих деревьев. В сумерках не было видно страшных ран Севастополя, и с высоты бульвара город казался нам таким, каким мы привыкли видеть его до войны.

Бой утих на всех участках фронта. Только на Малаховом кургане бухала неугомонная пушка.

Севастополь стоял как неприступная скала, о которую разбивались мутные волны фашистского нашествия.

Таким оставался он в моей памяти и тогда, когда по приказу командования наши войска временно оставили город.

Героический рейс

А. Лебедев, Д. Рымарев

В истории создания кинолетописи Великой Отечественной войны одним из ярчайших и драматичнейших эпизодов являются съемки последнего рейса знаменитого лидера черноморских эскадренных миноносцев — «Ташкент». Его запечатлел на пленку фронтовой кинооператор Александр Ильич Смолка.

Александр Ильич родом из Краснодара. Возможно, поэтому он близко сдружился со своим прославленным земляком, тоже краснодарцем, Василием Николаевичем Ерошенко — командиром «Ташкента».

Это хорошо вооруженный и самый быстроходный на Черном море корабль доставил гитлеровцам в 1941—1942 годах немало хлопот.

К концу героической обороны Севастополя только этот корабль обеспечивал снабжение осажденного города боеприпасами и подкреплением, которые приходилось доставлять из Новороссийска. Большая протяженность коммуникаций не давала возможности нашей авиации прикрывать надводные корабли. Транспортные и военные суда несли большие потери от авиации, подводных лодок и торпедных

катеров противника, и только «Ташкент» мог за короткую летнюю ночь прорваться в Севастополь и уйти обратно, забрав раненых, эвакуируемых женщин, детей, стариков.

В ночь на 26 июня 1942 года, вернувшись накануне из очередного рейса в Севастополь, Ерошенко узнал о решении Военного совета флота в тот же день снова направить в израненный Севастополь «Ташкент» и эсминец «Безупречный».

К утру на корабль были погружены более тысячи бойцов сибирской бригады, несколько полевых орудий и 120 тонн боеприпасов и продовольствия.

«Ташкент» вышел из Новороссийска в 15 часов.

Оператор Смолка, который часто сопровождал лидер в его боевых походах, и на этот раз стоял рядом с Ерошенко на командирском мостике корабля. Был здесь и еще один пассажир — писатель Евгений Петрович Петров, который добился разрешения командования на участие в походе, чтобы своими глазами увидеть героический Севастополь.

Как только «Ташкент» вышел в открытое море, оператор Смолка приступил к работе. Показывая Е. Петрову корабль, Александр Ильич одновременно снимал солдат-сибиряков, которые устраивались на палубе, прилаживая ПТР и пулеметы для отражения возможных атак противника с воздуха и с воды.

— Основательные мужики, — пошутил Петров. — С такими не пропадем, прорвемся.

Потом Смолка снимал Петрова на командирском мостике рядом с Василием Николаевичем Ерошенко и самого командира, который часто поглядывал в бинокль в ту сторону, где скоро должен был показаться эсминец «Безупречный».

Обладая значительно меньшей скоростью, чем «Ташкент», «Безупречный» вышел из Новороссийска на несколько часов раньше, и встреча с ним должна была произойти за Ялтой, примерно на траверзе мыса Ай-Тодор, где прилепилось на скале знаменитое «Ласточкино гнездо».

На подходе к месту встречи «Ташкент» был атакован фашистскими бомбардировщиками. Налет отражали, как всегда, шквальным огнем всех зенитных батарей с крутыми поворотами орудий на полном ходу.

Не сумев нанести кораблю повреждений, вражеские самолеты ушли.

Ерошенко все чаще поднимал бинокль, оглядывая горизонт.

И вдруг там, где вот-вот должен был показаться «Безупречный», взметнулся в небо огромный столб дыма и воды. Стало ясно, что с «Безупречным» случилась беда.

Когда подошли ближе, увидели на поверхности моря большое мазутное озеро, в котором, держась за обломки, плавали уцелевшие моряки с утонувшего эсминца, а над ними, как воронье, кружилась стая фашистских самолетов, добивая пулеметными очередями беззащитных людей.

Оператор А. Смолка. Черноморский флот. 1941 г.

С содроганием снимая эту страшную картину, Смолка заметил, что плавающие в воде люди не зовут на помощь, а показывают жестами, чтобы «Ташкент» не стопорил ход и следовал дальше по курсу.

Артиллеристы «Ташкента» открыли огонь по стервятникам. Ерошенко отдал приказ готовить к спуску шлюпки, но в это время с разных сторон на корабль ринулись две группы бомбардировщиков. Пришлось сбросить спасательные круги, плотики и дать полный ход, чтобы бомбы с самолетов падали подальше от того места, где плавали люди.

Фашистские самолеты группами атаковали корабль через каждые пять-семь минут. На палубе было уже немало убитых и раненых.

Из штаба флота поступила радиограмма: «Следовать по назначению, помощь экипажу «Безупречного» высылается».

Киногруппа Черноморского военно-морского флота. 1943 г.

Да, законы морской войны неумолимы. Нельзя было рисковать таким кораблем, как «Ташкент». Спасешь двадцать-тридцать человек, но погубишь корабль с экипажем и тысячью бойцов, оставишь Севастополь без подкрепления.

Атаки одиночных самолетов на «Ташкент» продолжались до заката солнца и даже при луне, а у мыса Феолент итальянский катер выпустил по лидеру две торпеды, но, к счастью, промахнулся.

В ночь на 27 июля «Ташкент» благополучно вошел в Камышовую бухту.

Вот что писал Евгений Петров, увидя Севастополь с мостика корабля: «Я знал, как невелик севастопольский участок фронта, но у меня сжалось сердце, когда я увидел его с моря. Таким он казался маленьким. Он был четко обрисован непрерывными вспышками орудийных залпов. Огненная дуга!»

Вместо двух кораблей в Камышовую бухту пришел только один, а на причале собралось около трех тысяч

человек: раненые бойцы и женщины с детьми.

Василий Николаевич Ерошенко решил взять на борт всех. После выгрузки подкрепления немедленно началась погрузка людей. Были забиты до отказа все кубрики, коридоры и внутренние трапы. Кроме людей взяли на борт около семидесяти рулонов и тюков — остатки знаменитой панорамы Севастопольской обороны 1854—1855 годов, которую разбомбили фашистские варвары накануне, грузили писатель Петров, оператор Смолка, его помощники Кузьмин и фотокорреспондент Межуев.

В два часа ночи, забрав с причала всех до единого, перегруженный лидер выходил из Камышовой бухты.

Когда рассвело и Смолка, зарядив побольше кассет, поднялся наверх, он обнаружил, что весь экипаж во главе с командиром одет в парадную форму. Такова традиция русских военных моряков — идти в смертельный бой в парадной одежде, с орденами. Смолка и сам хотел пойти переодеться, но в это время сыграли боевую тревогу и на горизонте появились первые фашистские бомбардировщики. С этой минуты потянулись часы, которые Александр Ильич вспоминает всю жизнь как нескончаемый кошмарный сон.

«Юнкерсы» входили в пике по два то с одного борта, то с другого. Как только одна пара, сбросив бомбы, выходила из пике, начинала пикировать другая пара. И так — бесконечной цепочкой, не давая экипажу корабля ни минуты передышки.

Лидер поминутно вздрагивал от взрывов бомб, упавших недалеко от борта. Уклоняясь от бомб, выписывая сложные зигзаги, «Ташкент» часто нырял в огромные фонтаны воды, поднятые мощными взрывами.

Очень трудно было снимать на переполненном людьми корабле. Некуда было ступить ногой. Всюду раненые бойцы, женщины, в ужасе прижимавшие к груди своих детей. Но Смолка снимал, стараясь не пропустить ничего значительного. Он знал, что экипажу корабля, его артиллеристам-зенитчикам еще труднее работать в этой жуткой обстановке. А ведь от четкой, слаженной работы этих людей зависело, жить «Ташкенту» и всем находящимся на нем или идти на дно морское.

Вот, сбитый зенитчиками, врезался в воду «юнкерс», через некоторое время — второй.

Перекрывая рев моторов и шум боя, восторженно кричали измученные, промокшие до нитки люди, приветствуя очередную победу артиллеристов.

Но в небе уже появились десятки других вражеских самолетов, у которых были подвешены крупные бомбы по 250—500 килограммов.

Запечатлевая на пленку перипетии сражений, Смолка внимательно следил за действиями своего славного земляка — командира корабля. Благодаря его хладнокровию, его точному расчету, его умелому маневрированию кораблем в «Ташкент» не попала ни одна бомба.

И все же одна из бомб разорвалась совсем близко от кормы. В результате заклинило руль. Теперь управлять лидером можно было только с помощью машин. Это сильно снизило скорость движения судна и облегчило вражеским самолетам прицеливание.

Вскоре две крупные бомбы упали слева и справа по носу. Нос корабля осел, получив, видимо, подводные пробоины. Ерошенко приказал пассажирам перейти с полубака на корму.

Среди зенитчиков были раненные осколками бомб. Стволы пушек и пулеметов раскалились. Их приходилось охлаждать водой. В этом активно помогали женщины-пассажирки.

Еще две бомбы упали очень близко с правого борта. Через большую пробоину вода ворвалась в первое котельное отделение. Кораблю грозила катастрофа — взрыв котла. Эту катастрофу ценой своей жизни предотвратили котельные машинисты.

Теперь корабль кренило на правый борт, а нос все более зарывался в воду. По приказу командира за борт сбрасывалось все, что только можно было сбросить.

Смолка продолжал зорко наблюдать за происходящим, стараясь не пропустить ни одного важного кадра, ободряя улыбкой и шуткой пассажиров, находившихся рядом.

Рев пикировщиков, треск зениток, взрывы не прекращались. Позади «Ташкента» разорвалось несколько бомб, встряхнувших корму, и от этой встряски сам по себе выровнялся руль. Это дало возможность увеличить ход корабля.

И все же перегруженный «Ташкент», принявший через пробоины много воды, медленно тонул. Боеприпасы были на исходе.

Когда надежды на спасение уже не оставалось, вдруг со стороны Новороссийска появились два краснозвездных бомбардировщика «Пе-2». Они набросились на «юнкерсов», строча по ним из своих пушек. Фашистские бомбардировщики торопливо сбросили бомбы и ушли на запад.

Скоро прилетели и наши истребители, а потом подошли торпедные катера, эсминцы «Сообразительный» и «Бдительный», катера-охотники, спасатель «Юпитер». Пассажиры с «Ташкента» перешли на борт других кораблей и катеров. Спасатель начал откачивать воду из затопленных отсеков лидера.

Вскоре весь караван судов достиг Новороссийска.

Прошло несколько дней. «Ташкент» все еще стоял у стенки Новороссийского порта. Штормовая погода не позволила ему уйти для ремонта в Поти.

В полдень 2 июля три десятка вражеских бомбардировщиков, которым внезапно удалось прорваться в Новороссийск, пробомбили порт и двумя бомбами прямо у причала потопили «Ташкент».

В этот же день и почти в тот же час на пути из Краснодара в Москву разбился на самолете писатель Евгений Петров. «Красная звезда» опубликовала найденный в его полевой сумке неоконченный очерк «Прорыв блокады», в котором писатель рассказывал о последнем героическом рейсе «Ташкента».

Василий Николаевич Ерошенко воевал до победы. Но вскоре после войны умер. Видимо, сказалось нечеловеческое напряжение в дни войны. Его именем названа одна из улиц города-героя Севастополя. До последнего дня войны находился на фронте и кинооператор Александр Ильич Смолка.

Д. Рымарев

В июле сорок второго

В июле 1942 года политуправление Черноморского флота направило меня и моего ассистента К. Ряшенцева в Майкоп, где базировалось крупное соединение авиации Черноморского флота. Самолеты-бомбардировщики летали в те дни бомбить крымские порты, где накапливались быстроходные десантные баржи, торпедные катера, подводные лодки противника. Несколько дней мы ожидали возможности произвести съемки во время боевого вылета. Наконец командир эскадрильи «дал добро». Намечалась бомбежка всей эскадрильей укреплений противника в районе Ялтинского порта.

Вечером накануне полета мой ассистент Костя Ряшенцев сказал:

— Дима, может быть, мне одному слетать на бомбежку? А ты поснимаешь здесь, на аэродроме. Путь далекий, опасный. Стоит ли рисковать двоим? У тебя — жена, ребенок, а у меня нет никого, кроме матери.

— Нет, дорогой Костя! Полетим

вместе. Студия ждет от нас боевых эпизодов для киножурнала, а мы после ухода из Севастополя ничего еще не послали. Одному бомбежку не снять. Ты полетишь на головной машине и снимешь строй самолетов в момент бомбежки, а я буду снимать через нижний люк последней машины, и у меня в кадре будут падающие бомбы со всех самолетов и разрывы внизу.

На следующее утро авиаторы готовились к боевому вылету. Подвешивали бомбы, заправляли баки горючим, проверяли моторы. Затем самолеты один за другим стали взлетать, кружить над аэродромом, подстраиваясь в воздухе друг к другу.

На последней, двенадцатой машине, в фюзеляже которой я изнывал от майкопской жары, механики все еще возились с левым мотором. Наконец, взлетел и наш самолет, занял свое место в строю бомбардировщиков, которые взяли курс к турецким берегам.

Расчет был такой: сделав крюк, выйти на Ялту с юго-запада из-под солнца, чтобы налет оказался внезапным и противник не успел вызвать свою истребительную авиацию с крымских аэродромов.

Дальний бомбардировщик разделен сплошной перегородкой на две части: в передней кабине находятся летчик и штурман, в хвостовой части — стрелок-радист и второй стрелок. Стрелок-радист должен следить за истребителями противника из шарообразного прозрачного фонаря и в случае необходимости вести огонь из зенитного подвижного пулемета. Задача второго стрелка — отстреливаться от вражеских истребителей, атакующих снизу. Для этого в полу фюзеляжа имеется круглый люк, в который вдвинут ствол другого пулемета.

Оба стрелка надели парашюты. Третий парашют оказался американским, и я не мог разобраться в его лямках. Радист предложил мне свой парашют, но я решительно отказался: если самолет будет подбит, то уж лучше погибнуть, чем попасть в плен.

Парашют пригодился мне как удобное сиденье.

Самолеты шли на высоте четырех тысяч метров. Стало очень холодно. Пальцы рук и ног окоченели.

Вдали в голубой дымке показались легкие очертания крымских берегов. Я занялся приготовлением к съемке: отвел в сторону ствол нижнего пулемета и завел до отказа пружину камеры.

Резко снижаясь, бомбардировщики вышли на Ливадию. Рядом с машинами возникали яркие вспышки огня. Они мгновенно обрастали рваными лохмотьями серо-оранжевого дыма и уносились назад, скрываясь за хвостовым оперением. Самолет бросало, словно катер в штормовую погоду.

Внизу проплыл Ливадийский дворец, квадраты виноградников. Я лег лицом вниз на пол, уперся одним плечом в ствол пулемета, другим — в край люка и прильнул глазом к визиру аппарата.

Резко прозвучал ревун: это штурман давал сигнал начала съемки. Окоченевшим пальцем я нажал кнопку камеры. В визире увидел бомбы своего самолета, стремительно летящие вниз, а ниже — много летящих точек: бомб с передних самолетов. А там, еще ниже, — Ялтинский порт. У причалов — торпедные катера, десантные баржи, грузовые транспорты. Море вскипело вокруг. Мощные шапки разрывов возникали на судах, на причалах, в воде. Одни суда тонули, на других вспыхивали пожары.

Я жал кнопку до тех пор, пока не кончился завод пружины, быстро завел опять и продолжал снимать затянутый дымом удаляющийся порт.

Наши самолеты, набирая высоту, ушли в море. Довольный съемкой, в отличном настроении, я переместился в верхний фонарь, чтобы в последний раз взглянуть на Ялту, и вдруг увидел приближающийся «мессершмитт»... Я кубарем скатился вниз, уступая место стрелку-радисту.

Затарахтели пулеметы. Началась воздушная дуэль. К счастью, «мессер»

вскоре отстал. Видимо, горючего было маловато.

В хвостовой части самолета оказалось несколько пулевых дыр, в двух местах зияли осколочные пробоины, но никто не пострадал.

С разрешения стрелка-радиста я снова поднялся в прозрачный фонарь. Крымский берег растаял вдали. Внизу — огромный синий диск моря, вокруг — голубое безоблачное небо. На душе радостно: работа сделана и, кажется, неплохо. Все самолеты целы и возвращаются домой.

Мой взгляд задержался на ведущей машине. Что это?.. У головного самолета нет прозрачного фонаря... Сорвало взрывом?.. Но ведь из него снимал Костя Ряшенцев!..

Прекрасное настроение как рукой сняло. Как только приземлились на Майкопском аэродроме, я выскочил в нижний люк и побежал к ведущему самолету.

Навстречу шел улыбающийся Костя. Мы крепко обнялись. Все было в порядке. Сняв самолеты во время бомбометания, Ряшенцев спустился в фюзеляж, когда взрывом зенитного снаряда сорвало верхний фонарь. Вместе с ним улетела за борт и Костина фуражка.

На этот раз Косте повезло. Как говорится, еще не была отлита та пуля, которая могла бы прервать его жизнь. Эта пуля была отлита значительно позже — через двадцать восемь лет после этого полета. К тому времени ему было уже без малого 48 лет, мне перевалило за шестьдесят. В августе 1970 года Центральная студия командировала нас в Иорданию, чтобы сделать кинорепортаж о последствиях израильской агрессии 1967 года.

Внутриполитическая обстановка в те дни в Аммане, да и во всей Иордании, была тревожной. Агенты израильской разведки и американского ЦРУ часто провоцировали вооруженные стычки между арабами. Особенно ожесточенным и кровопролитным оказался вооруженный конфликт, начавшийся 17 сентября 1970 года. Вокруг небольшого двухэтажного отеля, в котором мы жили, день и ночь рвались снаряды и мины, оглушительно гремели пулеметные и автоматные очереди. Одна из пуль поразила Костю в лоб, выше правой брови. Смерть наступила мгновенно. Так погиб инициативный, энергичный оператор Центральной студии документальных фильмов Константин Михайлович Ряшенцев.

Это было через двадцать восемь лет. А пока? Пока мы радовались благополучному возвращению с бомбежки и удачной съемке.

Снятую пленку срочно отправили в Москву, а через несколько дней получили телеграмму. Студия благодарила за отличную съемку, которая вошла в очередной «Союзкиножурнал».

На страже ленинградского неба. «Ленинград в борьбе»

На Невском проспекте. «Ленинград в борьбе»

Одна из бесчисленных жертв блокады. «Ленинград в борьбе»

Народные ополченцы. «Ленинград в борьбе»

ЧЕМ БОЛЬШЕ
РЕЙСОВ

«Дорога жизни» через Ладожское озеро. «Ленинград в борьбе»

Корабли Балтийского флота помогают фронту. «Ленинград в борьбе»

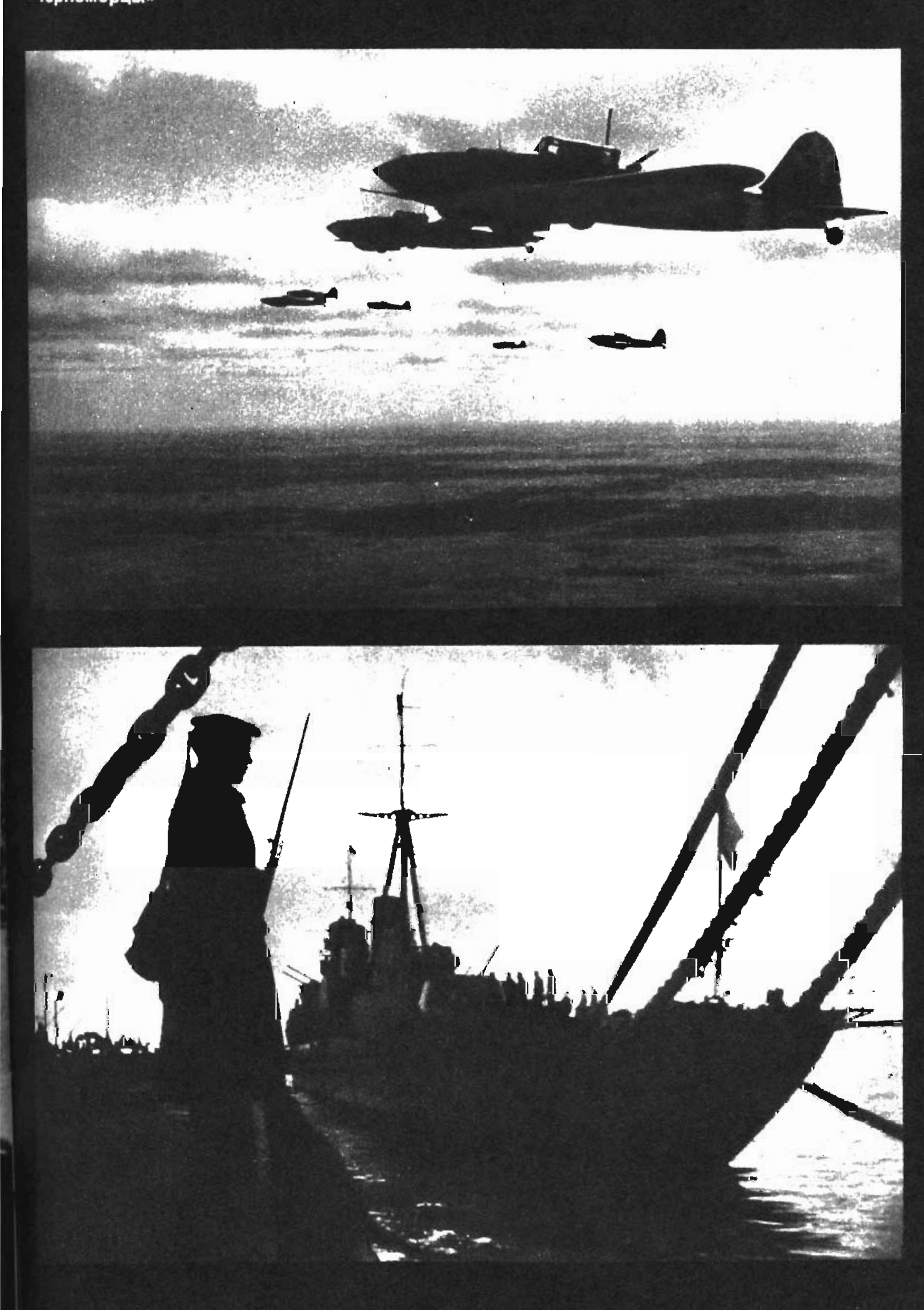

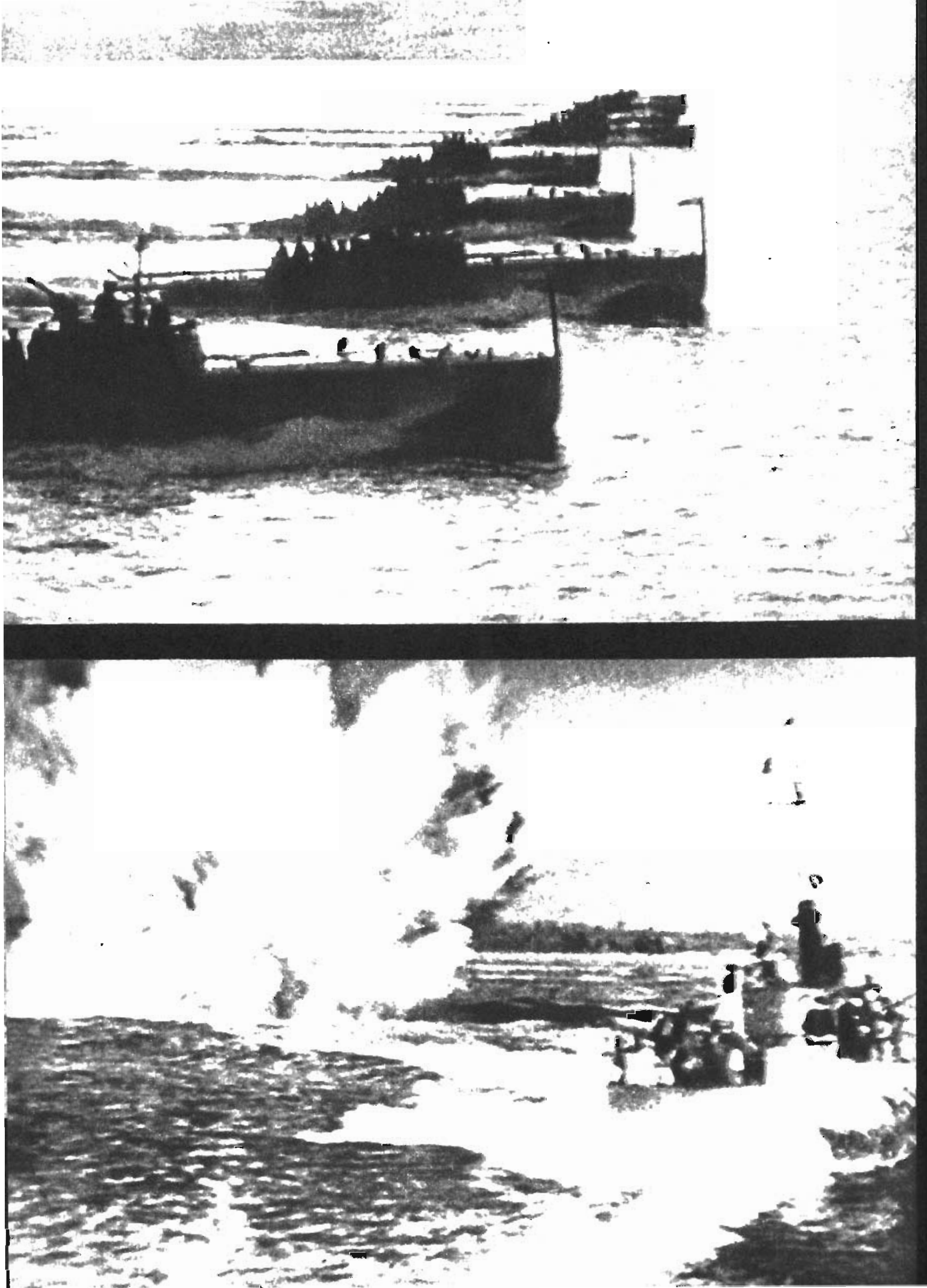

Севастополь. Май 1942 г. «Черноморцы»

На помощь осажденному Севастополю. «Черноморцы»

На ночной вахте. «Черноморцы»

Торпедные катера атакуют противника. «Союзкиножурнал», 1942, № 18.

Глубинная бомба поражает подлодку врага. «Союзкиножурнал», 1942, № 18

Орудия главного калибра ведут огонь. «Черноморцы»

Эвакуация жителей Севастополя на лидере «Ташкент». Кинолетопись

На торпедном катере. «Союзкиножурнал», 1942, № 18

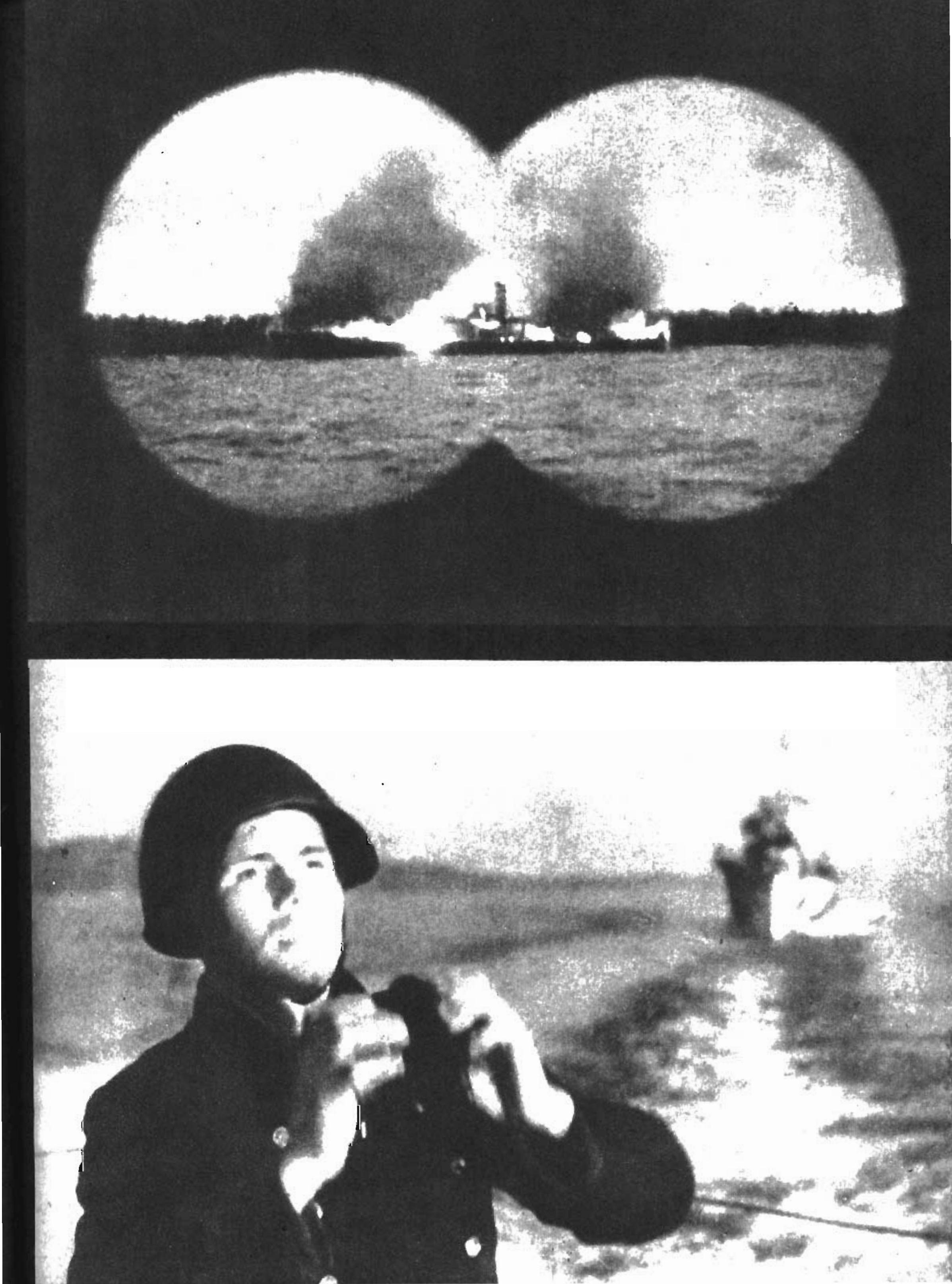
Морской десант на мотоботах. «69-я параллель»

Потопление вражеского транспорта. «69-я параллель»

В боевом походе. «69-я параллель»

Герой Советского Союза капитан Колышкин. «69-я параллель»

Караван судов идет в Мурманск. «69-я параллель»

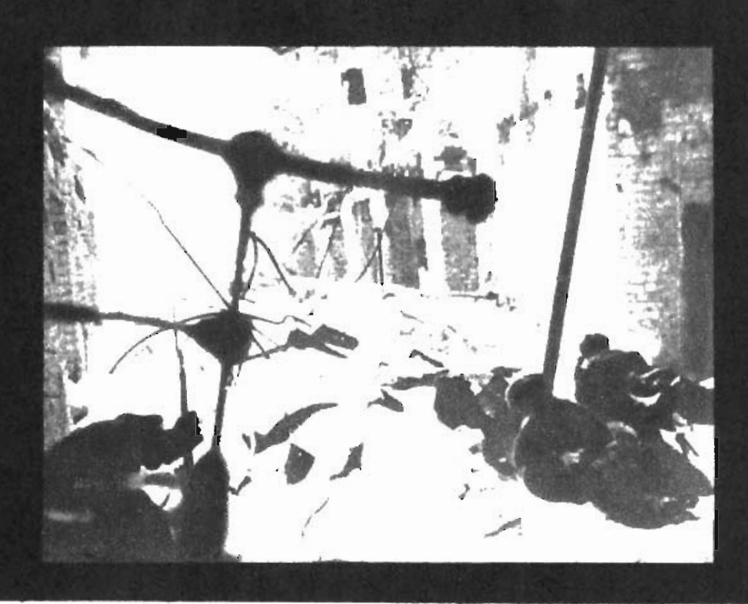
Бои на заводе им. Войкова в Керчи. «Союз-киножурнал», 1942, № 10

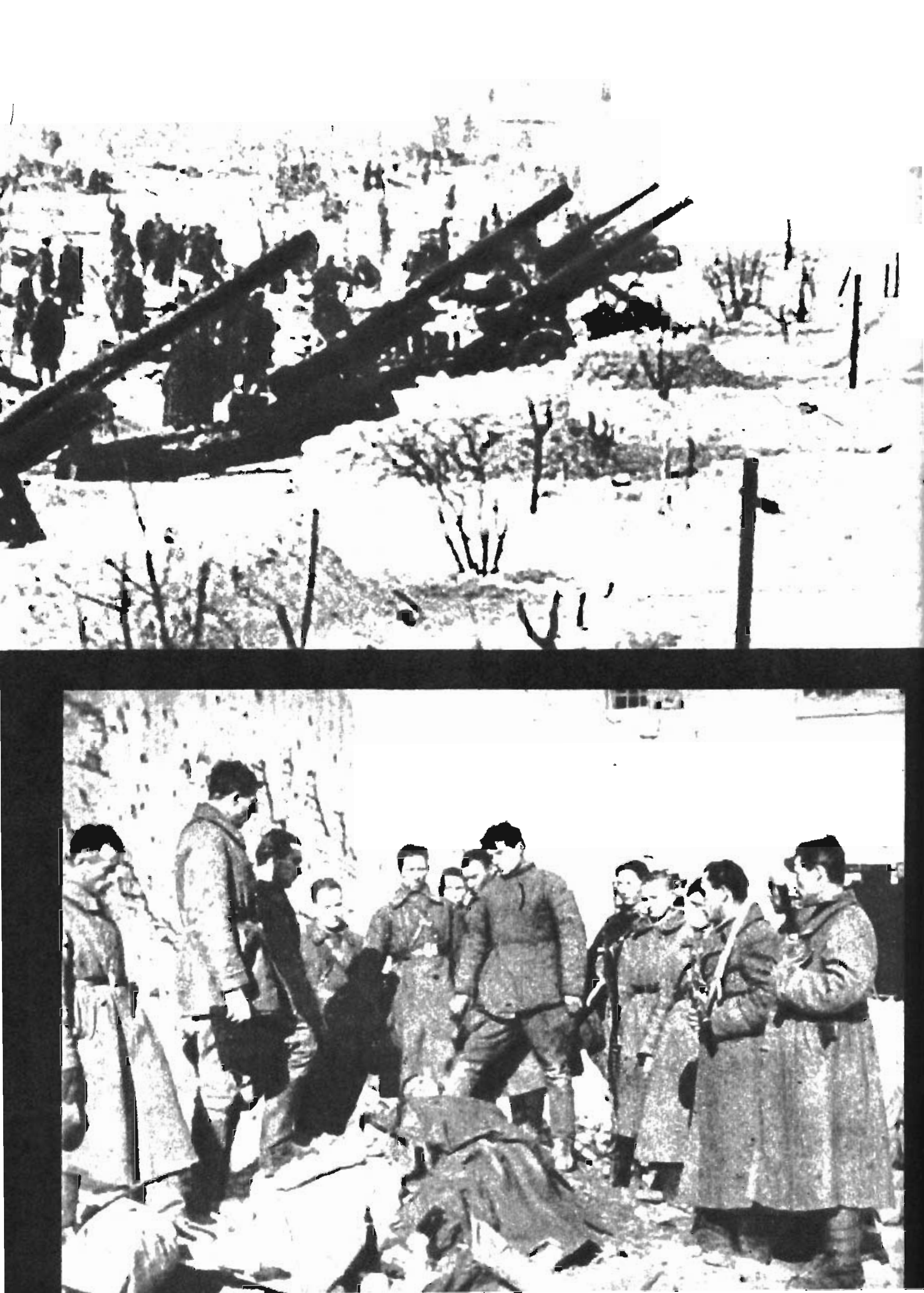

Защитники Сталинграда контратакуют врага.
«Сталинград»

Враг не прошел! «Сталинград»

Горят вражеские танки. «Сталинград»

На артиллерийских позициях под Сталинградом. «Сталинград»

Прощание с боевым товарищем. «Сталинград»

Войска Сталинградского и Донского фронтов сжимают кольцо. «Сталинград»

Знамя Победы над Сталинградом. «Сталинград»

Пленные гитлеровцы «переходят» Волгу. «Сталинград»

А. Богоров **Ленинград в борьбе**

Конец июня 1941 года. По-летнему светит солнце. Жарко. На площади перед Московским вокзалом масса людей. Люди заполнили все помещения вокзала, его залы, платформы.

Ленинградцы пришли проститься со своими детьми. Малышей эвакуируют на восток страны. Вот они идут парами, держа друг дружку за руки. У каждого через плечо висит сумочка или мешочек, на них руками родителей вышиты имя и фамилия. Дети идут сквозь строй провожающих — растерянных, плачущих матерей, бабушек, молчаливых отцов.

А дети веселы, беззаботны — им нравится такая «игра».

Один за другим отходят от платформы заполненные поезда. Какой-то из них увез и нашу Галку.

Всего неделя прошла с первого дня войны, а жизнь города уже резко изменилась, приобрела новый ритм.

Казалось бы, все по-прежнему: открыты магазины, много посетителей в кафе и ресторанах, по улицам движутся людские потоки. Людей стало даже больше — съехались бежавшие от немецко-фашистских войск жители Прибалтики, Пскова, Петрозаводска... На сто тысяч человек увеличилось население Ленинграда только за первую неделю войны, и это тоже накладывало на город печать тревоги; все озабочены, все спешат.

С каждым часом менялся облик улиц. Великолепные памятники закладывались мешками с песком, заколачивались досками. Защитно-маскировочная окраска скрыла позолоту Исаакиевского собора и шпиля Адмиралтейства. Перекрестки, углы домов запестрели указателями бомбоубежищ, на каждом свободном от асфальта клочке земли вырыты щели. На Марсовом поле и других площадях города подняли к небу свои стволы зенитные орудия.

Каждый день ждали налетов на Ленинград, но ни в июне, ни в июле, ни в августе над городом не появлялись вражеские бомбардировщики. На улицах не разорвалось ни одного снаряда, хотя война была уже рядом.

На Ленинградской студии кинохроники были созданы фронтовые группы. В Таллин, на боевые корабли Балтийского флота, вылетели операторы Сергей Фомин и Владимир Сумкин. В Псков уехал Герман Шулятин. На Карельском перешейке в воинских частях снимали операторы Григорий Донец, Георгий Симонов, Филипп Печул, Ефим Учитель. Меня прикрепили к корпусу противовоздушной обороны. Константин Станкевич, Владимир Страдин снимали строительство оборонительных сооружений и жизнь города.

Навстречу немецко-фашистским войскам уже выступили дивизии народного ополчения и моряки Балтийского флота. На какой-то период гитлеровское наступление было приостановлено. Но потом, подтянув свежие силы, гитлеровцы двинулись опять.

25 августа ими была занята станция Чудово — перерезана Октябрьская железная дорога. 31 августа они захватили станцию Мга. Последняя соединявшая со страной магистраль

оказалась перерезанной. В начале сентября противник занял Шлиссельбург.

Вокруг Ленинграда образовалось кольцо блокады. И оно стало постепенно сжиматься.

Но и в этих условиях мы продолжали съемки. Я работал у зенитчиков и на аэродромах истребительной авиации. Многие снимали боевые действия войск. В наших рядах были уже первые жертвы. В боях пали Филипп Печул и Дмитрий Эдельсон. На одном из кораблей при бомбежке погиб оператор Владимир Сумкин, ранен был Яков Славин.

8 сентября под городом был сбит немецкий самолет. Снимая его останки, я увидел на фюзеляже машины любопытный рисунок: английский лев с поджатым хвостом на островке... Он со страхом смотрит вверх, на немецкого орла, выпускающего из когтей авиабомбу. По-видимому, сбитый нашими зенитчиками немецкий летчик участвовал в бомбардировке Лондона.

Домой в этот день я вернулся около шести утра. Было еще светло и полетнему жарко. В квартире тихо и пусто. Все жившие в ней, кроме меня, эвакуировались. Я присел на подоконник и с высоты четвертого этажа стал смотреть на улицу.

Шла обычная жизнь большого города. Звенели трамваи, мчались автомобили, тротуары были заполнены людьми.

И вдруг, заглушая шум улицы, завыли сирены. Но ленинградцы, не знавшие воздушных налетов, не обратили на сигнал тревоги особого внимания.

Раздались залпы зенитных батарей.

В южной части города, в районе Московской заставы, над домами поднялись черные клубы дыма. Сброшены были, видимо, зажигалки.

Раздался телефонный звонок. Звонил заместитель директора студии Наум Голод.

— Камера у вас дома? — спросил он.

— Да, — ответил я.

— А пленка есть?

— Есть.

— Ждите меня, я сейчас за вами приеду.

Это был первый массированный налет немцев на Ленинград. В тот день они сбросили свыше шести тысяч зажигательных бомб, из них пять тысяч на Московский район, где находилось одно из самых крупных продовольственных хранилищ — склад имени Бадаева.

Мы подъехали к месту пожаров. Масштабы их ошеломляли. Кипели и таяли тонны маргарина, по грязной земле текли ручьи расплавленного сахара, горела и тлела мука. В удушливый запах гари и дыма врывались порой ароматы корицы, гвоздики и других специй. Все полыхало, шипело, трещало.

Первым желанием было помочь людям, гасившим этот страшный костер. Я кинулся помогать, но надо было и снимать.

Солнце уже село, наступили сумерки, но света от гигантского пожара вполне хватало для экспозиции.

Снимая объятый пламенем склад продовольствия, я, конечно, не подозревал, что буду еще не раз снимать на этом пепелище и сам, вместе с другими, разрывать ослабевшими от голода руками смерзшийся снег, искать под ним кусочки расплавленного и застывшего сахара, косточки чернослива и другие пищевые остатки.

Всего 8 сентября 1941 года от бомб в Ленинграде вспыхнуло 178 пожаров.

На Бадаевских складах огонь бушевал до пяти часов утра.

Помню, как усталые, черные от копоти, с тяжелым чувством непоправимого несчастья возвращались мы на студию.

Когда подъезжали к Кировскому мосту, опять раздались сигналы воздушной тревоги и буквально одновременно с ними — оглушительный

взрыв. Вместе с зажигалками немцы стали сбрасывать и фугасные бомбы.

Утром я снимал разрушенные дома, работу спасательных команд.

К концу дня завернул в Зоологический сад. Почти всех животных и птиц вывезли. Я снял пустые аллеи сада, сгоревшее от бомб здание обезьянника, разрушенный слоновник. Под рухнувшими колоннами его лежала любимица ленинградских малышей слониха Бетти. Она была мертва. Пошел по пустынным аллеям дальше. И вдруг в «раковине» для оркестра увидел маленькую обезьянку. Она сидела на задних лапках, а передние сложила на брюшке. Чтобы не спугнуть, я снял обезьянку издали, затем стал осторожно приближаться к ней. Обезьянка сидела не шевелясь. Я подошел совсем близко и увидел, что обезьянка ранена в живот. Передними лапками она прикрывала рану.

А над городом выла и выла сирена воздушной тревоги.

До войны Ленинградская студия кинохроники располагалась в одном из самых красивых мест города — на Каменном острове. Небольшой дом стоял в саду. Здесь, под большими старыми липами, мы вырыли щели и обшили их досками. В этих щелях хранились съемочные камеры, оптика, пленка. Рядом были вырыты укрытия для людей.

На одной территории со студией была копировальная фабрика. Пока в городе было электричество, работали водопровод и отопление, снятый нами материал обрабатывался на копировальной фабрике.

В конце сентября фронт стабилизировался. Немцы поняли, что взять штурмом Ленинград не удастся, и перешли к длительной осаде — к систематическим бомбежкам, артиллерийским обстрелам. Уже в сентябре они совершили 29 массированных авианалетов. Передний край обороны проходил по окраинам города, и попасть туда можно было на трамвае. Они в то время ходили еще регулярно.

Большинство хроникеров поселились на студии, чтобы по первому же сигналу воздушной тревоги выезжать на съемки с пожарными частями и отделами ПВО.

Много горьких и страшных кадров запечатлели наши камеры: разрушенный фугасными бомбами госпиталь на Суворовском проспекте (погибло 6000 человек), уничтоженный разорвавшимся артиллерийским снарядом набитый людьми вагон трамвая, извлеченные из-под обломков разрушенного здания трупы женщин и детей.

Я снял разрушенный двухэтажный дом. На одной его стене уцелели каким-то чудом книжная полка и даже стоявшие на ней безделушки.

Были дома, будто вскрытые ножом хирурга: срезан весь внешний покров, а внутренние помещения не тронуты совершенно.

В этот период было снято много эпизодов о дружинницах из отрядов ЛПВО, о восстановительных бригадах. Снимали спасение засыпанных в бомбоубежище людей, заводские цехи, рабочих, не отходивших от станков даже в часы обстрелов и воздушных налетов, ленинградцев, возводивших на улицах укрепления и баррикады.

Ленинград становился городом-бойцом. Окна и двери угловых домов закладывались кирпичом, дома превращались в доты.

С момента блокады прошло уже 53 дня.

Рано началась в том году зима — снежная, морозная, а сугробы с улиц убирать было некому.

Жизнь в городе стала замирать.

Правда, еще ходил трамвай, еще горело электричество, работал телефон, но все двигалось, работало уже в лихорадке. Внезапно останавливались и подолгу стояли трамвайные вагоны, вдруг умолкал телефон, и никто не знал, когда он будет включен вновь; перестали ходить автобусы — не хватало бензина.

Менялся привычный облик города: тысячи людей шли мимо остановившихся трамваев и автобусов пешком. На углу Невского и Литейного у заколоченной досками витрины, над которой сохранилась еще вывеска «ТЭЖЭ», постоянно стояла очередь за водой: здесь (непонятно почему) бесперебойно работал водопровод. Такие же очереди выстраивались у «источников», бивших из лопнувших водопроводных труб прямо на мостовую.

Неизменными оставались только артиллерийские обстрелы и авиабомбежки.

Студия все еще работала. Режиссеры, операторы, монтажницы, осветители, шоферы жили в студийных помещениях. Были еще небольшие запасы бензина, кинопленки.

Все труднее становилось в городе с питанием.

20 ноября ежедневная норма хлеба была снижена до 250 граммов рабочим и до 125 граммов — служащим, иждивенцам и детям.

25 ноября я должен был снять в одном из магазинов выдачу пайков.

Осветительную и съемочную аппаратуру завезли в магазин на день раньше. За ночные часы должны были установить и подключить осветительные приборы, чтобы ранним утром снять первых пришедших за своим блокадным пайком людей.

В магазине было холодно и сыро. Под потолком тускло светила электрическая лампочка. Продавцы, собравшись у печки-буржуйки, на которой грелся большой чайник, о чем-то беседовали. Осветители устанавливали приборы.

Наконец ко мне подошел их бригадир Михаил Пирогов и доложил:

— Все готово. Можно попробовать?

Под яркими лучами прожекторов заиграли, засверкали стекла и мрамор витрин. И вдруг нам показалось, что нет ни войны, ни голода. В мясном отделе громоздились разделанные говяжьи и свиные туши... На полках бликовали наполненные вином бутылки. В молочном отделе высились пирамиды сыра. Вазы, наполненные фруктами, нарядные коробки конфет...

Но, увы, все это было призрачным, прожектора «оживили» остатки декоративного оформления магазина: муляжи, бутафорию.

Наступило утро, и магазин наполнился людьми, пришедшими за своим пайком — куском хлеба в 125 граммов. Даже по внешнему виду он не похож был на привычный всем нам хлеб. Это кусочек темной, ноздреватой, полусырой массы, замешенной из муки наполовину с суррогатами.

Никто из посетителей магазина не обращал на нашу работу ни малейшего внимания. Надо было видеть, с какой скрупулезностью, по-аптекарски точно отрезали и взвешивали куски хлеба продавцы и с каким трепетом брали их женщины, дети, старики, боясь уронить даже крошку.

Голод только начинался, еще не наложил на лица людей своей страшной печати. По карточкам еще выдавались и другие продукты кроме хлеба. В тот день, например, по «сахарным талонам» выдавали шоколад, а вместо мяса — по коробке сардин. Мы знали: не от хорошей жизни пошли в ход деликатесы. Просто это были последние запасы.

После съемки в магазине мы перевезли аппаратуру в Публичную библиотеку, в зал научных работников.

Вдоль стен в библиотеке стояли ящики с песком. В них лежали большие железные щипцы, асбестовые рукавицы — инвентарь для тушения зажигательных бомб.

Температура в помещении не выше 4—5 градусов. И все же зал полон. Работники библиотеки — в шубах, валенках, теплых платках, перчатках. Так же одеты и посетители. Среди них находились и военные. Вижу знакомое лицо: сценарист Владимир Недоброво. В армейской ушанке, шинели. Не тогда ли и задумал он сценарий фильма «Жила-была девочка»?

В зале привычная тишина. Ни бомбежки, ни холод, ни лишения не прервали работы крупнейшей в городе библиотеки.

Наступил декабрь. Полностью прекратилась подача электроэнергии, воды, тепла. Город погрузился в темноту. Вдоль улиц — замороженные, засыпанные снегом вагоны трамваев, автобусы, троллейбусы... На столбах повисли оборванные бомбежкой провода. По протоптанным в сугробах стежкам медленно движутся истощенные люди.

Разошлись со студии по своим квартирам и мы, но студию все же продолжали посещать. Казалось бы, что там теперь было делать? Копировальная фабрика не работала, проявлять пленку негде. Однако каждый, кто способен был еще передвигаться, приходил в студийный особнячок.

А путь был нелегок. У меня, например, на дорогу в один конец уходило три часа. Каждый день встречались мы с режиссером Валерием Соловцевым на Исаакиевской площади и пешком по сугробам отмеряли почти десять километров. С каждым днем путь становился для нас длиннее и тяжелее.

В этих, казалось бы, нечеловеческих условиях продолжали работать заводы. В замороженных цехах, согреваясь у разложенных тут же костров, истощенные рабочие ремонтировали танки. Вместе с ними работали женщины и подростки. Слабые женские и детские руки изготовляли мины, делали патроны — все необходимое фронту. А воины на переднем крае непрерывно изматывали врага, ни на минуту не давая ему покоя.

Мы, ленинградские хроникеры, отлично понимали, что наш долг — запечатлеть на пленке борьбу и героизм ленинградцев, и, пока были силы, ни на один день не прекращали съемок. «Транспортом» для перевозки съемочной аппаратуры стали детские санки.

Вдоль набережных стояли вмерзшие в лед корабли Балтийского фло-

Оператор В. Страдин. Ленинградский фронт. 1941 г.

та. Уже мертвые, казалось бы, суда в нужную минуту оживали и огнем своих орудий подавляли обстреливавшие Ленинград вражеские батареи.

Боевую работу, жизнь военных моряков в течение всей войны снимал оператор С. Фомин. А когда ото льда освободились воды Балтики и Ладожского озера и корабли вышли на боевые операции, вместе с ними ушли и наши операторы — С. Фомин, Б. Соркин, А. Климов. На аэродромах продолжал снимать боевую работу летчиков Е. Учитель. Во время съемки одной из боевых операций на переднем крае был ранен Г. Шулятин. Жизнь осажденного города, его улицы, подвиги зенитчиков, работу на заводах, где ковалось оружие для фронта, кроме меня снимали В. Страдин, К. Станкевич, А. Погорелый. В освобожденный Тихвин уехали Г. Симонов и Н. Голод. В отрядах ленинградских партизан работали С. Масленников, Б. Дементьев.

В декабре 1941 года стала действовать «Дорога жизни» — легендарная трасса через Ладожское озеро.

Непрерывный поток груженных продовольствием машин двинулся по ней в Ленинград. Обратным рейсом машины везли на Большую землю больных, истощенных женщин, детей, стариков...

25 декабря впервые была увеличена норма хлеба, прибавили по 100 граммов рабочим и ИТР, по 75 граммов служащим, иждивенцам и детям.

И все же самыми тяжелыми месяцами для ленинградцев стали январь и февраль 1942 года.

Январь...

Застывший, заваленный снегом голодный город... По протоптанным в снегу тропинкам медленно, как во сне, движутся закутанные в шарфы и одеяла люди.

Окончательно занесены снегом вмерзшие в рельсы трамваи. Тишину города нарушают только сирены воздушной тревоги, стрельба зениток, разрывы снарядов. Но люди уже не обращают ни на что внимания, не бегут, не прячутся, идут, с трудом передвигая ноги, глядя только перед собой.

Кончились наши походы на студию.

Я живу один во всей квартире, в самой маленькой комнате. Окна плотно закрыты шторами из черной бумаги. На столе — самодельная коптилка. В углу — печка-«буржуйка». Топлю ее мебелью. Сперва в ход пошли кухонный стол и табуретки, теперь — кресла. Сплю одетый. По утрам обтираю лицо снегом с подоконника, выпиваю чашку кипятка с крохотным кусочком хлеба и готовлюсь к походу. Беру детские саночки, ведро для воды, под полушубок за пазуху прячу кинокамеру «Аймо».

Долго, осторожно спускаюсь по обледеневшим ступеням лестницы. Спуск с четвертого этажа занимает минут тридцать, а то и больше.

Когда выхожу из ворот, прежде всего смотрю на угол проспекта Маклина и улицы Декабристов; там медленно выгорает шестиэтажный дом. Он горит уже вторую неделю. На улице около него вмерзшие в лед, засыпанные снегом пожарные машины. Поначалу пожарники пытались отстоять дом, качая воду из проруби реки Пряжки, но голодным людям это оказалось не под силу, и они ушли, еле волоча ноги, а машины так и остались на улице.

Дом выгорает медленно, квартира за квартирой, этаж за этажом. И пожар какой-то «дистрофический». Пока горел, вернее, тлел, шестой этаж, в пятом продолжали жить. Когда огонь добрался до пятого, жильцы, забрав самое необходимое, перебрались на четвертый... Потом — на третий, второй, для перехода в другой дом не хватало сил.

Приближаюсь к Пряжке. Начинается самое сложное. Спуск к проруби крутой и скользкий. Прежде чем спуститься, снимаю ленинградцев, берущих воду из проруби.

Не знаю, что будет с пленкой, на которую снимаю. Студии, по существу, нет. Давно никого из друзей не вижу, не знаю, живы ли. И все равно каждое утро, собираясь в поход за водой, беру с собой камеру.

Знаю одно: должен обязательно выходить на улицу и снимать.

Очень трудно возвращаться с водой. Особенно поднимать ведро воды, санки и «Аймо» на четвертый этаж...

С трудом переставляю ноги. Впереди меня по улице идет одетый в длиннополое пальто, закутанный в платок мужчина. Чуть позади его плетется женщина. Я вижу, как мужчина медленно вытаскивает из кармана руку. В снег падает пачка хлебных карточек. Целая пачка... Видимо, не только его, но и всей семьи... Вся семья будет обречена на голодную смерть.

Видит выпавшую из кармана у мужчины пачку карточек и идущая следом за ним женщина. Вот она остановилась, с трудом нагнулась, подняла — целое богатство!

Смотрю, что будет дальше...

И вот случилось то, чего не могу забыть до сих пор. Женщина побежала за мужчиной вдогонку. Откуда в истощенном до крайности организме взялись силы?

Сейчас это может кому-то показаться смешным, ведь расстояние между ними было не более трех-четырех метров, но тогда я понимал, что это может стоить женщине жизни.

Отдав карточки, она прислонилась к стене — подкосившиеся ноги не держат, и женщина опускается на снег. Я вижу лицо старика — а возможно, он и не был стариком, — страшное лицо дистрофика. Истончившийся нос навис над синими тонкими губами, глубоко провалились тусклые глаза, сухая, в язвах, кожа. Мужчина механически прячет в карман полученные карточки, видимо, уже не понимая, что происходит вокруг.

Подхожу к женщине, помогаю ей подняться, тащу до ближайших ворот. С трудом добираюсь домой сам.

Возможно, что спасением своей жизни я, как, может быть, и другие, обязан кинокамере. Ведь к тем, кто залеживался, смерть приходила скорее.

А вот чтобы подняться в таком состоянии с постели, натянуть валенки, надеть полушубок и выйти на улицу в леденящий холод, нужно было осознать, что это необходимо.

Такой необходимостью для меня и моих товарищей была наша работа.

Помню январский вечер. Привезена уже вода, получена «пайка» хлеба. Впереди долгая ночь. Тишину квартиры нарушает лишь тиканье метронома, доносящееся из репродуктора.

И вдруг знакомый, но кажущийся уже неправдоподобным... стук... Да, кто-то стучит в дверь.

Не веря ушам своим, подхожу к двери. Спрашиваю: «Кто?» И слышу голос Ефима Гробера (начальника производства студии).

При свете коптилки долго рассматриваем друг друга. Потом долго, с трудом спускаемся по обледеневшей лестнице. Внизу в машине — режиссер В. Соловцев, оператор Станкевич. За рулем — Коля Шипарев.

Едем в Смольный. Там собрали почти всех кинематографистов блокированного города.

Решено работу кинохроники наладить вновь.

В лаборатории проявляют снятый за зимние месяцы блокады материал. За монтажные столы садятся режиссеры. А операторы, опять как солдаты, — на передний край: в цехи заводов, на улицы города, в траншеи оборонительных рубежей. Ведь город продолжает бороться. И мы должны показать героизм этой беспримерной борьбы в будущем фильме.

Он так и будет называться: «Ленинград в борьбе».

Как только не складывались судьбы людей на войне! Никогда не был я военным, даже рядовым, работал оператором на «Ленфильме» и вдруг по мобилизации 3 июля 1941 года попадаю на курсы младших лейтенантов, становлюсь минометчиком, старшим адъютантом батальона, командую в тяжелейших боях на «пятачке», у левого берега Невы, остаюсь каким-то чудом в живых и в дни переформирования батальона встречаюсь со своими старыми друзьями. Блокированному врагом Ленинграду очень нужны кинооператоры. Героизм ленинградцев должен быть запечатлен на века.

С киноаппаратом в руках я, безусловно, нужнее и полезнее. Меня откомандировывают на киностудию. Она размещается в уцелевшем пока от бомбежек и артобстрелов помещении кинотеатра «Молодежный» на втором этаже, в трех маленьких комнатушках. В каждой по железной печурке-«буржуйке». Топили их, за неимением ничего другого, столами, стульями, стойками от буфета. В неотапливавшейся части помещения полопались водопроводные трубы, всюду — наросты льда.

Мне дали несколько дней, чтобы отдохнуть и подлечиться — болел правый глаз. Воспользовавшись этим, я отправился на 4-ю линию Васильевского острова, где жил до войны. Недавно еще людный большой дом теперь казался мертвым, безжизненным. На лестничной площадке четвертого этажа, в углу, рядом с распахнутой в квартиру дверью, в какой-то неестественной позе, почти вверх ногами, лежал замерзший труп дистрофика. Оказалось, это был мой сосед — художник Чугунов. Невольно вспомнилась его жизнь. И он и жена его очень хотели иметь детей, только на двадцатом году их супружеской жизни родилась девочка. Счастью родителей не было конца. И вдруг война... Дочь с детским садом эвакуировали. Оставшаяся в городе мать девочки умерла с голоду, и теперь вот отец тоже...

В квартире № 13, где жил я, было десять комнат, десять семей. Остался ли хоть кто-нибудь? Вошел в прихожую — могильная тишина, прошел по всему коридору — никого. Зашел на кухню. Раньше она была заставлена кухонными столами — остались только мусор да ведра с нечистотами. Все, конечно, пожгли.

Прошел к себе в комнату. Как часто вспоминал я ее на передовой в блиндаже, когда стихала канонада и наступало затишье, вспоминал такой, какой оставил, вспоминал живших в ней родных.

Сбросив вещевой мешок, шинель, нашел за печкой сломанные рамы, еще что-то, затопил камин. С чайником спустился вниз, чтобы достать воды. Зашел в прачечную. На полу — вмерзшие в лед трупы. Воды нет. Набил чайник снегом.

Сварив гороховый концентрат, выпив водки (из фронтового запаса), поел и, накрывшись чем только мог, с тяжелым сердцем уснул.

На следующий день попросил съемочную камеру, пленку, окунулся в работу — какой мог быть в такое время отдых.

Пошел с камерой по городу. Кругом — пожары.

На Андреевском рынке Васильевского острова я снял людей, покупавших с рук вареные сыромятные ремни, студень из столярного клея. И в такое тяжелое время все же работали цехи Кировского и Ижорского заводов. Я снимал на этих заводах ремонт поврежденных танков и вооружения. Снимал завод «Большевик», изготовлявший снаряды, гранаты и мины, электростанцию «Красный Октябрь», работавшую на торфе, добычу торфа на разработках «Дунай». Ходить приходилось по городу из конца в конец.

На студии, правда, имелся небольшой автобус с выбитыми стеклами,

Охватив Ленинград кольцом блокады, гитлеровцы надеялись задушить город голодом, но снабжение велось по льду Ладожского озера. «Дорогой жизни» прозвали эту трассу ленинградцы, и она действительно была главной жизненной артерией блокированного города.

За состоянием дороги следил отдельный дорожный батальон под командованием майора Алексея Можаева, приводил ее в порядок, пробивал новые колеи, срезал после сжатия льда торосы, наводил через разводья мосты.

Базировался батальон в районе перевалочной железнодорожной станции Белая Грива, куда и доставлялись грузы из-за Ладоги. Впервые я увидел

Оператор А. Погорелый. Ленинградский фронт. 1942 г.

Оператор А. Богоров, фотокорреспондент В. Киселев. Волховский фронт. 1943 г.

продуваемый насквозь ветром. Но им пользовались в исключительных случаях. Не всегда было горючее.

Часть операторов снимала город, остальные находились в войсках Ленинградского и Волховского фронтов. Условия работы были тяжелыми, но духом мы не падали. Иногда встречались за чашкой чая, устраивали своеобразные творческие конференции.

А в марте 1942 года установили в своем «Молодежном» кинопередвижку и стали показывать населению военную хронику. Это имело большое моральное значение, укрепляло у людей веру в победу.

ледовую трассу вечером. Она сияла светом мерцающих огней, как сбросивший покровы затемнения большой город. Это с зажженными фарами, сплошным потоком шли машины с грузами. Гитлеровцы находились в каких-нибудь 18—20 километрах, и такая иллюминация?! Мне объяснили, что к трассе стянуто много зенитных подразделений, и немцы не очень-то отваживаются на рискованные для них налеты. Да и знают они ледовую трассу давно, знают, что работает круглосуточно, всегда забита машинами — что же маскироваться, только осложнять работу водителей. В темноте такой поток просто невозможен.

Утром я уже снимал на трассе все, что казалось мне нужным. Было солнечно, снег слепил глаза. Поток машин не прерывался ни на минуту. На машинах везли муку, картофель, сахар, туши мяса, оцинкованные бочки с кокосовым жиром, ящики с макаронами, крупой, консервами, печеный хлеб, сгущенное молоко. Везли и авиабомбы, реактивные снаряды, патроны. Вдоль трассы из снега и льда были сооружены небольшие укрытия для зенитчиков и водителей машин.

В полдень заговорили вдруг зенитные орудия, в сплошной завесе разрывов показались фашистские стервятники. Вот уже слышны и разрывы бомб, но ни одна из машин не прервала своего движения, ни один из водителей не выпустил из рук руля. Отчасти, конечно, надеялись на зенитчиков — вплотную к трассе гитлеровцев не подпустят. И действительно, бомбы рвались где-то в стороне. Попав в шквальный зенитный огонь, фашисты спешили разгрузиться.

Последний раз на ледяной трассе я был в апреле 1942 года, когда снег начал уже таять, дорогу заливала вода. Машины шли, как катера, с веерами брызг.

Проводилась интенсивная эвакуация больных и раненых. Прибрежный поселок был буквально забит ими. На улицах поселка — жидкая грязь. По берегу, где посуше, скапливались толпы людей: женщины, дети, старики — сидели на чемоданах, узлах, ждали отправки.

Эвакуируемые получали обед и сухой паек на дорогу. Многие съедали его сразу и от этого порой умирали. Вот у вещей лежит мертвая мать, а на узлах навзрыд плачут ее дети. А вот двое плачущих детей сидят на чемоданах, а их дед упал на землю лицом в лужу и уже не в силах двинуться, даже попросить кого-нибудь о помощи. С каким-то солдатом оттаскиваем его на сухое место.

Питательный пункт был оборудован наскоро: в стене дощатого строения сделали прорези, над ними — навес, во всю длину стены — дощатый прилавок.

Я решил снять все, что происходило здесь, панорамой. Провел объектив камеры по прилавку и лицам людей. Не прерывая съемки, опустил камеру вниз, и такой же панорамой провел ее по ногам столпившихся у пункта эвакуируемых, только в обратном направлении. Под прилавком лежали трупы только что умерших. По дороге от пункта к вагонам, еле передвигая ноги, шла женщина, несла перед собой миску с дымящимися щами. Платье ее волочилось по грязи, длинные седые волосы клочьями свисали с головы. Провалившимися глазами смотрела она на дрожавшую в ее руках миску, боялась расплескать щи. Я снял ее руки и лицо.

Она несла щи кому-то из своих близких, кто, вероятно, уже не в состоянии встать. И вдруг, споткнувшись, упала в грязь.

Оказавшиеся поблизости солдаты подняли ее, и я закончил съемку планом, когда с лица и груди несчастной женщины стекала вода, а в руках дрожала та же миска, но уже пустая.

Все эти ужасы я снимал, чтобы об этом узнали на Большой земле, чтобы смогли в свое время увидеть наши потомки и не допустить новой войны.

Всего в условиях блокады нами сделано было около сотни киножурналов, спецвыпусков и получивший высшую, Государственную премию того времени полнометражный документальный фильм «Ленинград в борьбе».

К весне 1942 года студия переехала из кинотеатра в помещение «Леннаучфильма», где была уже настоящая производственная обстановка. Директором у нас был Иосиф Вениаминович Хмельницкий, старейший руководитель ленинградской кинохроники. Он остался у меня в памяти как человек большой души, преданный своему делу художник.

Стало по-весеннему тепло, улучшилось снабжение города, питание. Ленинградцы ожили — вышли на залитые солнцем улицы, принялись убирать их от завалов, нечистот и мусора. Открылись бани, пущен был трамвай, на Невском открылся даже сад отдыха. Правда, бомбить и обстреливать город немцы стали еще яростнее. Били из орудий точно даже по трамвайным остановкам. Но жизнь в городе необоримо пробуждалась, крепла вера в скорый прорыв вражеской блокады.

Я в это время снимал город переднего края — Колпино.

Примерно в двух километрах от него были позиции гитлеровцев. Они просматривали все улицы города, бомбили, обстреливали, а жизнь шла своим чередом. Завод ремонтировал танки, дети учились в школе, действовал даже детский сад, и, что самое удивительное, на окраине города, обращенной к фронту, под прикрытием всего лишь одной высокой стены разрушенного здания.

Окна домика, в котором размещался детсад, были заложены бревнами; по тревоге дети спускались в благоустроенный подвал, где порой и спали. Перед домиком были двор, садик, клумбы с цветами, там дети играли. Вокруг все было разрушено, а дом детсада стоял невредимым.

На площадке перед заводом пешеходное движение не прекращалось. Сделаны были небольшие укрытия, и всегда дежурил милиционер, следил за тем, чтобы при обстрелах пешеходы быстро укрывались. Но зачастую ни милиционер, ни прохожие не успевали добежать до укрытий и бросались, распластавшись, на землю.

На виду у противника были и горсовет и горком, но работа в них никогда не прекращалась.

Из материалов этих съемок был смонтирован небольшой фильм — «Город переднего края».

Вернувшись из Колпина к себе домой, на Васильевский остров, я увидел лежавшую посреди улицы большую крышу. Она оказалась с соседнего здания.

В расположенный неподалеку универмаг Андреевского рынка попала, оказывается, бомба в тонну весом. Универмага вообще не стало, а во всем квартале вылетели стекла. Было уже время белых ночей, и противник усилил бомбежки города.

Активизировались и боевые действия на фронтах.

С «пятачка» у Невской Дубровки в свое время наши войска вынуждены были уйти. Теперь решено было занять плацдарм на левом берегу Невы снова, только немного правее, против бумажного комбината, разрушенного еще год назад. Уцелели только подвалы — в них разместился штаб дивизии, которая готовилась к форсированию реки. Съемки операции были поручены мне. По разбитой, залитой водой дороге ползли тяжелые грузовики с прицепами. Они везли грубо сколоченные из досок лодки. Грузовики возникали передо мной, как какие-то чудища; переваливались с боку на бок и скрывались за леском в тумане.

Перед комбинатом — заросший травой пустырь. Ветерком туман здесь раздуло, и дорога по пустырю почти вся просматривалась немцами.

Примостившись на подножке одной из машин, я добрался до развалин комбината, снял разгрузку лодок и собрался уже обратно, но противник

открыл огонь. Оставшиеся лодки пришлось сгружать под непрерывным минометным обстрелом.

Десантная группа войск к этому времени была уже на исходных позициях — в подвалах и развалинах комбината. Переправа назначена была на ночь.

Остался до ночи на комбинате и я.

Вражеские самолеты то и дело бомбили территорию комбината. Бетонные потолки подвалов, завалы от обрушившихся стен — все это были укрытия довольно прочные, и все же сознание, что сверху на тебя падают бомбы, было не из приятных.

Под утро началась артподготовка. Из амбразуры наблюдательного пункта хорошо были видны огневые вспышки наших мин и снарядов, обрабатывавших передний край обороны немцев. Но снимать я не мог. Было еще темно. После артподготовки спустили на воду лодки, и десантники двинулись к берегу противника.

От взрывов вражеских мин и снарядов между лодками вздымались фонтаны воды. Были и прямые попадания в лодки, но ничто не останавливало десантников. Высаживаясь на берег, они вели огонь из автоматов, забрасывали траншеи противника гранатами, вклинивались в глубь обороны немцев.

Прикрывая телефонную трубку рукой, командир полка отдавал приказания, получал донесения. Операция проходила успешно. А я от досады был вне себя — из-за темноты не удалось снять ничего, а когда рассвело, налетели «мессершмитты» и стали так бомбить и обстреливать наш берег, развалины, траншеи вокруг комбината, что просто невозможно было высунуть голову.

Бой был тяжелым, но десантники закрепились на плацдарме и успешно расширяли его.

К концу бомбежки мне все же удалось снять гитлеровские самолеты. Решил снять работу наших зенитчиков. По пути к ним вынужден был пережидать налет фашистских стервятников в блиндаже, который оказался пунктом первой медицинской помощи. Блиндаж был небольшой, но в полный рост; посредине — широкий стол, покрытый окровавленной простыней. Простыней затянут был и потолок над столом. На столе лежал молодой солдат, которому хирург зашивал на боку выше бедра большую рану.

Взрывы сотрясали землю, блиндаж вздрагивал, с потолка сыпался песок, а раненых все несли и несли на руках, на плащ-палатках, на носилках.

Внесли солдата, у которого была почти оторвана нижняя челюсть. Он придерживал ее руками, но не стонал, мужественно переносил ужасную боль.

Закончив зашивать рану и поручив перевязку санитару, врач глотнул из бутылки немного спирту и сразу же принялся оперировать солдата с перебитой челюстью. Делал свое дело молча, сосредоточенно: лицо в испарине, красные от бессонницы глаза, взлохмаченные волосы, но движения рук спокойные и уверенные.

Через входную щель свет падал прямо на операционный стол. Я снял работу врача. И почувствовал вдруг, что от всего увиденного меня подташнивает. Врач понял мое состояние и дал глоток спирту. Я сразу же пришел в себя.

Выйдя из блиндажа, я траншеями добрался до аэродрома, где видел накануне зенитную батарею.

Сегодня на этом месте все было взрыто бомбами. Зенитчиков нашел неподалеку. Одно их орудие было выведено из строя, остальные побиты осколками, но еще боеспособны.

Дождавшись очередного налета вражеских самолетов, я снял их пикирующими, снял в работе зенитчиков. Мастерски, в темпе вели они огонь по стервятникам, мстя за погибших товарищей. И вот, к всеобщей радости, один из «мессершмиттов» задымился и как-то боком пошел к земле. Это был неплохой итог действий зенитчиков и неплохая концовка нашего сюжета.

На ночь меня устроили в блиндаже из бревен, сложенных прямо на земле. Местность была болотистой, топкой, и на полу плескалась вода. Ходили по бревнышкам.

На следующий день я снимал (пока, правда, из траншей) уже на правом берегу Невы, на «пятачке», с которого началась когда-то моя боевая биография.

Многое пришлось пережить за девятьсот блокадных дней. И, конечно, не изгладится в памяти день, когда вмерзшие в лед Невы корабли, форты Кронштадта, батареи у Пулковских высот, под Колпином и в других местах могучим грохотом орудий возвестили о пришедшем наконец для ленинградцев часе избавления. Войска Ленинградского фронта перешли в наступление и погнали фашистскую нечисть от стен великого города.

На мостах и набережных Невы собирались толпы людей. Со слезами радости смотрели они на извергавшие огневой смерч орудия кораблей, подбрасывали шапки, обнимались, целовались. Радости, ликованию не было конца.

Я накануне этого знаменательного дня находился под Пулковом, на позициях «эресов» (реактивные снаряды) резерва командования фронта. Приехал туда затемно, отыскать штаб дивизиона оказалось не так-то просто: никаких ориентиров — голое ровное место. Снег по колено, поземка. Фонарь зажигать нельзя: рядом — передовая. Проплутал до полуночи.

На счастье, почувствовал, как потянуло откуда-то дымком. Пошел на дым. И вдруг искорки... от самой земли... из снега... Вход в блиндаж.

Встретили, конечно, с гвардейским гостеприимством.

Разговорам, казалось, не будет конца: девятьсот дней ждали... дождались наконец... завтра начнется.

После ужина прошлись по батареям. Только присмотревшись, у самой земли, можно было заметить приподнятые под углом к противнику деревянные ящики. И в каждом — снаряд с набалдашником, метра полтора длиной. Это и были «эресы», или, как их называли солдаты, «Иваны-долбаи».

На батарее я и провел остаток ночи, с нетерпением ожидая утра. И вот наконец началось... Разом все ахнуло, загрохотало. Снежная равнина, казавшаяся пустынной, заполыхала вспышками невидимых орудий. «Эресы» с шипящими огненными хвостами вылетали из ящиков, как кометы. А их было несколько сот. Громче, громче канонада — и на душе все радостней и радостней.

Закончив съемку залпа «эресов», спешу в Пулково, к обсерватории. Все сожжено, разбито, хаос. Добрался до командного пункта. Не до меня здесь сейчас, но все же провели, показали место, откуда лучше видно.

Шквал огня откатился в глубину обороны немцев. Вступила в дело авиация. Самолеты шли эшелонами. Двинулись танки, но далеко от меня, справа, на Красное Село, — туда направлен главный удар прорыва. Слева — Пушкино, совсем близко, из-за парка видны крыши домов. В Пушкине тоже гитлеровский гарнизон. Но до него очередь еще не дошла.

Хорошо виден с Пулкова Ленинград, весь седой, в дымке, израненный, но гордый. Выстоял девятьсот дней блокады.

Внизу шоссе... Покуда видит глаз, оно забито танками, машинами, колоннами автоматчиков. Все в белых маскхалатах, сливаются со снегом. Это подтягиваются к передовой резервы.

Предстоит жестокий бой, но у всех радостные лица, слышатся смех, переборы гармошки. Как на празднике. Все говорит о торжественности происходящего. И я снимаю — только успевай разворачиваться! Израсходовав всю пленку, мчусь на студию, быстро перезаряжаю кассеты — и снова на фронт.

Вспоминается любопытная деталь. К вечеру обнаруживаю — потерял бу-

мажник с документами, разрешением на съемки, пропуском на фронт. В такой день это просто ужасно. Докладываю директору Валерию Соловцеву. Отчитал, конечно. Часа через полтора вызывает; улыбаясь, показывает бумажник. Нашел его в Пулкове какой-то солдат, показал командиру. По документам узнали чей. И командир послал солдата срочно доставить документы на студию.

— У них, — сказал он, — сегодня тоже горячий день — видно, запарились...

Выполнил солдат приказ командира и — бегом догонять свою часть. Мне даже не удалось поблагодарить его. Поблагодарю безвестного для меня солдата хоть сейчас: спасибо! Действительно, в тот день мы запарились. В 42-й армии снимали Виктор Максимович, Борис Дементьев, Ефим Учитель, Глеб Трофимов, я. В 55-й — Александр Ксенофонтов, Леонид Медведев, Борис Козырев. В 23-й армии — Евгений Шапиро, Константин Станкевич. В Невской особой группе — Вениамин Левитин. В морской группе — Сергей Фомин, Николай Долгов, Аркадий Климов. На Волховском фронте — Ансельм Богоров и Георгий Симонов. В самом городе — Владимир Страдин, Борис Синицын, Вячеслав Горданов, Владислав Синицын и кто-то еще (не помню уже).

На следующий день я снимал бои в Красном Селе, потом в Гатчине, Луге и так до Пскова.

События развивались с головокружительной быстротой. В начале июня 1944 года Ленинград оказался уже в тылу. Война стремительно покатилась на запад.

Ф. Овсянников

69-я параллель

Как и многие ленинградские кинохроникеры, с весны 1941 года я находился в киноэкспедиции, снимал Мурманск, которому исполнилось тогда четверть века. Уже было дано условное название будущему документальному фильму: «Мурманск — город рыбный». Были сняты рыболовные траловые суда в студеном Баренцевом море, «птичьи базары» на островах, рыболовецкие колхозы на побережье Кольского полуострова, рыбоконсервные заводы, торговый порт.

И вот... радио приносит страшную весть — война.

Иду в обком партии, советуемся. Съемки фильма, конечно, прекратили. Жду распоряжений со студии. Получаем телеграмму: режиссеру Николаю Комаревцеву выехать в Ленинград, мне с ассистентом Виктором Короткиным и директором группы Семеном Гробером оставаться на месте, ждать дальнейших указаний.

Секретарь обкома партии предлагает пока снять, как формируются, обучаются ополчения добровольцев, как трудящиеся города сооружают в тяжелом скальном грунте оборонительные рубежи. Снимаю и то и другое. На Севере наступил полярный день — светло все двадцать четыре часа. Работа идет круглосуточно.

В начале июля получаю наконец из политуправления Северного фронта документы, разрешающие мне съемки на фронте. Поступает приказ выдать нам армейское обмундирование, оружие, обеспечить средствами передвижения.

Записи тех дней воскрешают события, эпизоды, наиболее интересные детали их. Вот, например, первая пометка — о встрече с летчиками-североморцами. Их лучший командир эскадрильи капитан Борис Феоктистович Сафонов в июле 1941 года за семь сбитых им в воздушном бою фашистских самолетов был награжден орденом Красного Знамени. Я снял, как поздравляли его с первой боевой наградой товарищи и как он обещал оправдать высокую награду в предстоящих боях. Затем я с камерой в руках

целый день дежурил вместе с летчиками около их самолетов, снимал крупные планы беседующих мастеров воздушного боя, взвившуюся вдруг ракету-сигнал «Все в воздух!», взлет машин, звено Сафонова, устремившееся навстречу врагу...

Часть налетевших «юнкерсов» успела сделать разворот. И вот они уже пикируют на аэродром. Бегу к щели, на ходу переставляю объектив. К сожалению, 135-миллиметровый у меня — самый длиннофокусный. Но и им удается снять, как бомбы отделяются от самолетов, взрываются... но уже на пустом аэродроме: «ястребки» все в воздухе и второго захода врага не допускают, завязывают с «юнкерсами» отчаянный бой. Слышен треск пулеметных очередей. Сбросив в беспорядке оставшийся бомбовый груз, стервятники уходят. Но «ястребки» их нагоняют. И вот одна из фашистских машин задымилась, упала в пяти-шести километрах от аэродрома. Это был восьмой сбитый Борисом Сафоновым фашистский самолет — летчик сдержал обещание.

С разведчиком и своим ассистентом Виктором Короткиным отправляюсь к сбитому самолету. Наблюдательные посты помогают нам найти его. Обгоревшие, исковерканные части самолета разбросаны в радиусе 150—200 метров.

Отсняв все общие планы, перехожу на детали. На мундирах погибших фашистских летчиков — гитлеровские награды: асы имели по два креста; в карманах — финские, шведские и датские деньги: поразбойничали, видимо, немало.

Вернувшись на аэродром, нахожу Бориса Сафонова и его напарника лейтенанта Виниченко уже отдыхающими у своего «ишачка» — так любили летчики называть свою действительно выносливую боевую машину — истребитель «И-16». Поздравляю героев с очередной победой.

Мой фронтовой блокнот хранит еще одну запись о Сафонове.

Год 1942-й. Герой Советского Союза Борис Сафонов в чине подполковника командует уже авиационным полком.

На шедший к нам караван судов в 60 милях от берега напало полсотни «юнкерсов» и «мессершмиттов». Наперехват им вылетела четверка наших истребителей под командованием Бориса Сафонова. Разгорелся жестокий бой. Сафонов сбил два неприятельских бомбардировщика; его летчики Покровский и Орлов сбили еще по одному. Налет фашистских самолетов был отражен. Но в неравном бою погиб бесстрашный командир полка Сафонов. Уже посмертно, первым в годы Великой Отечественной войны, он был удостоен второй медали Героя

Оператор Ф. Овсянников. Карельский фронт. 1942 г.

Советского Союза. За 224 боевых вылета сбил 25 самолетов врага.

Перелистываю еще несколько пожелтевших страничек. Беглая пометка: «Первые пленные». Снял я их в 14-й армии. Немцы, финны, австрийцы — прославленные альпийские стрелки... У многих на рукавах знак: «Нарвик 1940 года». Это — участники норвежского десанта.

Избалованные, опьяненные легкими победами в Европе, фашисты рассчитывали на такие же победы и в Советском Заполярье. При себе отборные вояки имели сухие пайки лишь на три дня. Продовольствие на четвертый день им предписывалось получить уже в Мурманске. В кармане у одного из пленных фашистских летчиков оказался даже пригласительный билет «на бал 15 июля 1941 года в ресторане «Арктика» по случаю взятия Мурманска». Приглашал на бал командующий немецкой армией «Норвегия» генерал-полковник Н. Фалькенхорст.

На одной из страничек моего блокнота — колонка цифр: «За 16 месяцев военных действий более 11 тысяч моряков награждены орденами и медалями. 68 командиров и краснофлотцев удостоены звания Героя Советского Союза, десятки кораблей и частей стали орденоносными и гвардейскими».

Шестнадцать боевых месяцев... Все это время с североморцами была киногруппа. Кроме меня съемки вели кинооператоры Григорий Донец, Василий Мищенко, Михаил Ошурков, Сергей Урусевский.

Многое помнится до сих пор: полуостров Рыбачий. Среди скал, огромных валунов находились боевые позиции артиллеристов, прославившаяся батарея капитана Поночевного.

Десятки раз пытались фашисты уничтожить ее: бомбили, систематически обстреливали из орудий — безрезультатно. Батарея жила.

Сергей Урусевский запечатлел один день батарейцев. Вот они ведут огонь по вражеским транспортам. Два транспорта противника потоплены. Артиллеристы переносят огонь на береговые вражеские батареи — подавлены и они. Противник вел, конечно, ответный огонь. Сергей снимал взрывы вражеских снарядов крупными планами. Потом, увидев эти кадры в фильме «69-я параллель», мы восторгались мастерством и мужеством оператора. Но сам он, вернувшись с таких трудных и опасных съемок, не рассказал о себе ничего, рассказывал только о бесстрашии батарейцев.

В 1942 году я получил тяжелое известие: при эвакуации из осажденного Ленинграда умерла моя мать, от жены с дочуркой не имел никаких вестей с июля 1941 года. Сергей в те трудные дни старался успокоить меня, уверял, что я обязательно найду свою дочурку и жену живыми, здоровыми. И радовался не меньше меня, когда я получил наконец сложенное треугольничком письмо от жены. Она сообщала, что им с дочкой пришлось дважды эвакуироваться, но фашистского плена они все же избежали. Потом Сергей почти в каждом моем письме рисовал для моей дочки картинки, изображая на них меня снимающим боевые действия моряков то на корабле, то на самолете, то на подводной лодке.

Когда наступила полярная ночь и съемки стали невозможны, руководство отпустило меня к семье. Сергей Урусевский собрал дополнительные пайки всей группы и «укомплектовал» для моей семьи посылку — подарок от фронтовых кинооператоров. Как неоценимо дорого было такое внимание!

Сохранилась в блокноте пометка и о Григории Донце. С ним мы снимали высадку десанта моряков в тыл противника. Доставляли десант на рыболовецких мотоботах и малых судах под прикрытием боевых кораблей.

Еще по пути к месту высадки мы сняли крупные и средние планы десантников. В десант полагалось идти в касках, и они у всех были, но сниматься истые моряки предпочитали в бескозырках и так, чтобы на ленточ-

Оператор М. Ошурков. Северный военно-морской флот. 1942 г.

ках читалось: «Северный флот» или «Морские силы СФ». Приходилось просто «воевать», убеждать, что кино — не семейная фотография. Но что поделаешь с людьми, влюбленными в море, гордящимися своим флотом. Снимали и в касках и в бескозырках.

Десант средь бела дня — такой дерзости фашисты не ожидали и растерялись. Только одна из батарей успела открыть огонь, но ее быстро подавили сопровождавшие нас боевые корабли. Несколько дней десантный отряд вел бои в тылу немецко-фашистских войск. Изведали гитлеровцы лихость и отвагу североморцев.

Михаил Ошурков и Василий Мищенко запечатлели боевой конвой из наших кораблей, сопровождавших шедшие к нам транспортные караваны из Англии и США. Мастерски было снято, как миноносцы под командованием командира дивизиона Колчина отбивали яростные атаки вражеских самолетов. Беспримерную смелость и находчивость проявили советские моряки.

Вспоминается мне и Краснознаменный дивизион истребителей подводных лодок. На вооружении у них были небольшие катера, называвшиеся морскими охотниками.

Так же называли и тех, кто служил на этих катерах. И это были действительно охотники — зоркие, до отчаянности бесстрашные мастера атак.

А подводники?! Легендарные лодки «К-21», «М-171», «Щ-421», «С-56» и другие. У них была своеобразная традиция: вернувшемуся с победой экипажу на ужин зажаривали целого поросенка. Один такой ужин экипажа лодки, которой командовал Герой Советского Союза Николай Александрович Лунин, мы сняли. В тот день подводники Лунина произвели торпедную

атаку на фашистский линкор «Тирпиц», предотвратив его нападение на шедший к нам караван транспортов. «Тирпиц» сопровождался целым отрядом военных кораблей, но гитлеровцы просто не ожидали торпедной атаки днем да еще в заминированном районе.

69-я параллель — здесь, уже за Полярным кругом, проходил правый фланг гигантского (в четыре тысячи километров) фронта Великой Отечественной войны, здесь проходила наша основная морская дорога, по которой шли в страну караваны судов с закупленными у Англии и Америки товарами, боевым снаряжением, продовольствием. Ответственнейший аванпост, тяжелейшая боевая вахта — с честью несли ее североморцы.

Д. Шоломович

Ночной полет

Вот уже два дня, как мы прибыли в часть ночных бомбардировщиков. Сегодня радостный день — командование части разрешило кинооператорам Левитану и мне лететь на боевое задание.

С утра тщательно проверяем свои киноаппараты «Аймо». Беспокоит мысль — удачно ли пройдет киносъемка ночью? Днем с самолета приходилось уже снимать не раз, а вот ночью!..

Аппараты заряжаем специальной высокочувствительной пленкой.

Днем едем на аэродром; в кабине самолета выбираем наиболее удобные положения и точки для съемок, подгоняем парашюты.

Радист обучает нас стрельбе из пулемета, после чего его приходится разбирать и чистить.

Не заметили, как прошел день. В эскадрильях идут проработки боевых заданий — «проигрываются», как говорят пилоты.

Вечереет. Задания «проиграны» во всех деталях. Наш самолет идет в разведку по районам наибольшего скопления войск противника, а потом будет бомбить вражеский аэродром.

По данным разведки, фашистское командование стремится создать в районе нашего действия ударную группу, подтягивает мотомехчасти, артиллерию, перебрасывает с других участков авиасоединения. Но план фашистов разгадан. Не удастся им осуществить излюбленный прием прорыва. Наша ночная бомбардировочная авиация, а затем дневная нанесут по скоплениям вражеских войск мощные огневые удары — помогут наземным войскам опередить противника контрнаступлением.

Окончены приготовления, садимся в самолет.

— Может, не полетите, что-то погодка сегодня не совсем летная, в районе цели возможна гроза, — говорит нам комиссар части, — да и задание щекотливое: разведка будет вестись на малых высотах. Может быть, отложим на завтра, а?

— Нет, полетим сегодня, — упорствуем мы. — Надо показать действия орденоносных экипажей.

В экипаже моего самолета все уже дважды орденоносцы; это они бомбили нефтебазы Плоешти и Ясс, громили группу генерала Клейста, летали в пургу в тридцатипятиградусные морозы глубоко в тыл врага.

Томительны последние минуты.

Пилот и радист лежат под крылом машины, дожидаются своего штурмана — Бекетова, который, получив от флагштурмана полка «самый свежий ветер», делает соответствующие перерасчеты по курсу; глядя на них, совсем по-домашнему отдыхающих, беседующих, не скажешь, что через несколько минут этим людям предстоит выполнение опасного задания.

— Небесная канцелярия свою работу закончила, — острит, подходя к нам, штурман, — можем лететь.

Самолеты выруливают на старт, их силуэты стушевываются на ночном небе.

Командир и комиссар части обходят самолеты. Все на своих местах. Теперь нельзя терять ни минуты: ночи стали короткими, а работы много. Вылетев в полутьме, самолет над целью появится в абсолютной темноте.

Взвились две условные ракеты, и тут же взревели моторы крайнего на старте самолета.

Через каждые десять секунд в воздух поднимаются новые и новые машины.

— Такая карусель будет до утра, — шутит комиссар.

— Не придется сегодня спать и фрицам.

Подошло наконец наше время.

— Готовы? — спрашивает капитан Маринин.

— Все в порядке, можем лететь, — отвечает радист, настраивая свой передатчик.

Заработали моторы.

Самолет, пробежав по стартовой дорожке, легко отрывается от земли, плавно набирает высоту.

Круг над аэродромом; далеко внизу быстро исчезает светящееся «Т», гаснут бортовые огни, самолет ложится на боевой курс, уходя в ночную тьму, на запад.

Летим. Стрелок-радист налаживает связь с аэродромом, дает позывные. Я осматриваюсь. Вверху через колпак кабины видны звезды. Далеко внизу через вырез для люкового пулемета видна земля, при лунном свете различаются постройки, дороги, слабо поблескивают полоски рек.

— Подходим к линии фронта! — наклоняясь к моему уху, четко разделяя слова, говорит радист.

Глаза уже привыкли к темноте, линия фронта просматривается по вспышкам орудий и ракет — идет ночной бой.

— Светло, как на бульваре, заплутаться трудно, — острят пилоты.

Вот и территория, занятая противником. Потушены огни в кабине. Светятся только стрелки приборов да расчетные таблицы.

Иногда где-то сбоку, наугад, ударит зенитка, метнется луч прожектора.

Становится совсем темно — облака закрыли луну, впереди сверкнула молния — гроза (прав был комиссар). Подходим вплотную к облакам, вблизи они выглядят черной бесформенной массой. Некоторое время идем в облаках, но вот пилот резко повел самолет на снижение, и снова видна земля. Низко идти опасней, но экипаж ведет разведку.

Оператор Д. Шоломович. Южный фронт. 1942 г.

Пролетаем над дорогами, станциями, населенными пунктами, погруженными в темноту.

Бросаем листовки. Подхваченные встречным потоком воздуха, они стремительно уносятся.

Листовки расскажут жителям оккупированных сел правду о положении на фронтах, укрепят в них веру в нашу победу, осушат их слезы, помогут сохранить силы и мужественно, стойко перенести кошмары оккупации.

Смотрю на часы, скоро конечный пункт нашего полета — вражеский аэродром.

Располагаюсь с аппаратом у пулемета, через люк буду снимать разрывы бомб.

Подходим к цели. Самолет с приглушенными моторами идет на снижение, свистит разрываемый воздух, немного ломит в ушах.

Радист дотрагивается до моего плеча — условный сигнал: «Сейчас сбрасываем бомбы!»

Но проходит несколько секунд, а самолет продолжает тихо снижаться. Смотрю на радиста — в чем дело?

Через секунду все выясняется — штурман решил предварительно просмотреть цель и на бомбометание зайти на меньшей высоте, с другой стороны.

— Бить будем наверняка! — пишет мне на клочке бумаги стрелок-радист.

Пролетаем над аэродромом. Внизу белеет бетонированная дорожка для взлета самолетов, сбоку — силуэты ангаров. Вот сейчас и ударим.

Снова команда — приготовиться!

По слабому вздрагиванию машины чувствую — бомбы сброшены. Прижав к себе аппарат, нажимаю на спуск. В видоискателе аппарата видно, как вспыхивает фейерверк от серии зажигательных бомб. И вот уже яркие всполохи взрывов — это делают свое дело наши тяжелые «гостинцы» врагу. На какую-то долю секунды ослепляет вспышка фотобомбы, дающая возможность сфотографировать не только взрывы бомб, но и большой участок земли, что важно для оценки результатов бомбометания. Надеюсь, что получились неплохие кадры.

Отрываюсь от аппарата только тогда, когда кончается завод пружины.

Заработали зенитки врага, открыли по нам сильный, но пока беспорядочный огонь. Прожекторы шарят в ночной темноте. Безуспешно! Наш скоростной бомбардировщик, меняя курс, набирает высоту.

Стрелок-радист из верхнего, а я из люкового пулемета короткими очередями бьем по прожекторам, далеко внизу угасает огненный веер трассирующих пуль наших пулеметов.

Не знаю, каков был результат моей стрельбы, но результаты бомбометания видны хорошо. Уже занялись пожары — хороший ориентир для идущих следом за нами самолетов.

Возвращаемся. Время от времени снизу к нам тянутся трассы пуль, но все впустую, следы их остаются далеко внизу и в стороне. Мы летим на большой высоте. Это чувствуется по холодным струям воздуха, проникающим в сферический колпак кабины через щели для пулемета.

Снова линия фронта. Смотрю на часы, перевалило далеко за полночь.

Мы над своей территорией.

Радист включает в кабине свет. Сообщает по рации о выполнении задания, вторично берет пеленг, проверяя правильность взятого курса, и, записав данные в бортжурнал, потягивается, распрямляя уставшие от долгого сидения ноги.

Задание выполнено, напряжение спало.

Далеко в ночи виден условный сигнал прожектора нашего аэродрома — нас ждут.

Домой возвращаемся быстро — самолет без груза. Полет идет легко, по прямой.

Даем ракеты — «Я свой», внизу вспыхивают две ответные ракеты — «К приему готовы».

Вот и аэродром, видны посадочные огни. Снова приглушены моторы, самолет разворачивается.

Плавная посадка. Подруливаем к месту дневного отдыха. Полет окончен. Выпрыгиваем из кабины, освобождаемся от парашютов.

— Как работали моторы, аппаратура, вооружение? — спрашивают у экипажа подбежавшие техники.

— Как всегда, хорошо. Никаких происшествий, все в пределах нормы, — отвечает за всех штурман.

— А как съемка? — спрашивает пилот меня. И смеется: — Маловато было, наверное, света. Что поделаешь, не повезло: хотел, чтобы хоть один прожектор поймал нас, подсветил. Не вышло. — Пряча улыбку, добавляет:

— Ничего, полетим еще, хорошую «иллюминацию» снимете.

Отдыхаем, сидя на траве; спать не хочется. Одна за другой возвращаются с работы боевые машины. Вот и последняя подруливает к стоянке.

Светает. Гаснут на аэродроме огни, сматывается полевой телефон, разъезжаются машины, развозя экипажи на отдых. И там, где час назад кипела боевая жизнь, уже ни души, предутренняя ничем не нарушаемая тишина.

— Доброго сна! — говорит нам комиссар. — Спокойной ночи у нас желать не принято, «ночники» — народ особенный, у них все по-своему. Придется и вам пересмотреть свой распорядок суток, приучаться.

Всходит солнце, и мы крепко засыпаем. Завтра предстоит новый полет.

Р. Гиков

На Курском направлении

Весна прошла, и вот уже лето.

Все оживленнее становится на фронте. Ждут больших событий, ждем и мы, кинооператоры.

Подсыхают дороги. Позади — зимняя стужа, метели, непролазная грязь весенней распутицы. Уже полгода, как мы на одном месте. Это сказывается: изъезжены, исхожены все тропы, знакомы все действующие на нашем фронте части.

Установилась хорошая дружба. Вейнерович уже полтора месяца у партизан в Брянских лесах. Солодков стал заправским танкистом. Частенько бывал у танкистов и я. Ожидаются тяжелые бои. Они должны начаться со дня на день. Ждем, готовимся к ним коллективно, всей группой. Перераспределяем и укомплектовываем аппаратуру, прикидываем возможные варианты съемок, записываем кадры и детали, которые необходимо снять и которые смогут потом, при соответствующем развороте событий, вырасти в сюжеты.

Операторы А. Солодков, Р. Гиков, режиссер М. Плоскин. Брянский фронт. 1942 г.

Заранее уточнены маршруты, расположения частей. И вот наконец приказ: на рассвете выезжаем.

Сколько раз уже расставались мы, разъезжались по передовым, чтобы недели через две-три встретиться вновь. На этот раз прощаемся, не зная, когда и кому суждено будет встретиться. Предстоят серьезные испытания.

А. Солодков, М. Плоскин, И. Гутман и я направляемся к танкистам-гвардейцам. Едем по дороге прямо на запад. Дорога пустынна. Она оживает только в короткие ночные часы: тогда беспрерывным потоком текут по ней на фронт боеприпасы, резервы, грузы. Ездить днем не рекомендовано. Мы — исключение. За оставшуюся до событий ночь нам просто не добраться до места — на дорогах будут пробки.

По обеим сторонам колосятся чудесные хлеба. Близость фронта не помешала колхозникам засеять каждый клочок земли. Над головой — июньское небо. В бездонном голубом просторе плывут белоснежные хлопья облаков. За такими облаками любят скрываться «мессершмитты», чтобы

внезапным, разбойничьим пике обрушить на дорогу пулеметную очередь.

Я сижу в кабине машины рядом с шофером. И вдруг резкий стук. Останавливаемся. Из-за облаков, со стороны солнца, заходят «юнкерсы».

Пытаюсь сосчитать — много. В таком количестве давно не видели их в этих краях.

Начинают бить зенитки. В характерный завывающий гул немецких самолетов врывается звонкий рокот наших истребителей.

Достаем свои «Аймо». Где-то высоко за облаками разыгрывается невидимый для нас воздушный бой. Вдали начинают ухать тяжелые разрывы. Гитлеровцы сбрасывают свой бомбовый груз на городок Ливны.

Сердце сжимается — мы часто бывали в последнее время в этом городке, жили в нем, знаем многих его обитателей. Останутся ли в живых они?

Садимся в машину, продолжаем путь. Километрах в трех от городка нас останавливает регулировщик.

— Будьте осторожны, товарищи командиры: немец с утра бьет по городу тяжелой артиллерией, а только что бомбил.

Принимаем к сведению, благодарим за предупреждение, въезжаем в город.

Осенью здесь гитлеровцы около месяца хозяйничали. Отступая под ударами Красной Армии, они сожгли и разрушили лучшие здания — школу, больницу.

Теперь доделывали свое черное дело.

Городок окутан дымом. Через равные промежутки времени с воем пролетают над головой тяжелые снаряды. На улицах трупы женщин, детей, стариков. Вдоль стен с узелками пробираются жители. Сажаем их в машину, дополна, сколько в состоянии взять, вывозим за город.

«Эвакуацией» руководит Плоскин. Он умеет в тяжелые минуты найти нужные слова, успокоить людей. Отвозит их один шофер. Мы остаемся в городе. В ожидании машины Солодков снимает несколько планов. Обстрел усиливается. Прячемся в развалинах домов.

Шофер возвращается через час, от усталости и напряжения едва держится на ногах. Приходится мне самому сесть за руль. Окраинами города выбираемся на дорогу. С каждым километром громче и резче гул канонады.

Подъезжаем к реке. Мост разбит. Находим брод. Но только въезжаю в воду, как раздается опять предупреждающий стук. Вижу летящий на нас «мессершмитт». Нажимаю до отказа акселератор газа, круто сворачиваю влево. Пулеметная очередь вспарывает воду справа, но чувствую, что машина погружается в ил. Пытаюсь вывернуть руль обратно — увы! Мотор захлебывается и глохнет. Вот уж поистине, из огня да в полымя!

А из кузова доносится голос Плоскина:

— Заходит опять, спалит, сволочь, машину!

Спрыгиваем в воду, Гутман сбрасывает нам аппаратуру, кидаемся к берегу, падаем на землю. За крутизной берега мы в безопасности, аппаратура с нами — вот только машина...

Новая очередь, всплески воды, и «мессершмитт» уходит, больше не появляется. Машина цела, лишь кузов прошит пулеметной строчкой. Но колеса засосало до диффера. К счастью, мимо проходил танк. Водитель бросил нам буксир и вытащил нашу машину, как перышко.

Через час мы на месте, беседуем с генералом М. Е. Катуковым. Он молод, подвижен, остроумен. В каждой черте лица, в быстром, пытливом взгляде чувствуются неиссякаемая энергия, живой, пытливый ум. Генерал знакомит нас с обстановкой: немцы намечают операцию большого размаха — массированными ударами сконцентрированных сил попытаются отрезать и окружить нас, чтобы вырваться на магистраль и двинуться опять на восток.

Задача нашей группы войск — сохраняя выдержку, ждать, чтобы в решающий момент нанести сокрушающий удар по флангу противника. Приказа о выступлении ждут с минуты на минуту.

Снимать и воевать нам генерал рекомендует в 1-й гвардейской бригаде. Следуем его совету, переезжаем в бригаду.

Гвардейцы гостеприимны. Их командир гвардии полковник Чухин и комиссар Деревянкин знакомят нас с работниками штаба, с командирами и политработниками, с Героем Советского Союза лейтенантом Любушкиным.

— Вы должны знать всех, — говорит полковник, — и вас должны знать все — так будет лучше и легче работать.

Полковник жизнерадостен, приветлив, любит шутку. Суворовская поговорка «Помилуй бог» не сходит с его уст и стала крылатой у всей бригады. Да и сам полковник своим обликом, какими-то неуловимыми чертами действительно напоминает Суворова.

Остаток дня проводим в съемках. Где-то ухают бомбовые разрывы, иногда совсем близко с визгом проносятся тяжелые снаряды. Все чаще и чаще раздаются сигналы воздушной тревоги. С ненавистным завыванием пролетают над нами тяжело нагруженные «юнкерсы» и «дорнье», как шакалы рыщут в воздухе «мессершмитты».

— Ищут нас, — замечает полковник.

Но танки так мастерски замаскированы, что даже мы, находясь рядом, не сразу замечаем их.

Вечером на командном пункте обсуждаем, что и как снимать. Прошу у полковника танк. Хочу убрать орудие и снимать через амбразуры башни.

Оператор И. Гутман. Брянский фронт. 1943 г.

— Помилуй бог, — возражает полковник, — что вы снимете через амбразуры? Да и танк обезоруживать не резон.

Полковнику поддакивает сидящий рядом Любушкин.

— Выделим вам штабной броневик, — говорит полковник, — куда удобнее.

На том прощаемся, расходимся.

Ночь теплая. Расстилаем плащ-палатки и ложимся спать прямо у машины. На рассвете нас будит вестовой. Спешим на командный пункт. Там уже собрались все командиры.

Не успеваю спуститься в блиндаж, как меня встречают вопросом:

— Вы готовы к съемке?

— Готов!..

— Тогда садитесь в машину, сейчас поедем.

Не спрашиваю куда, зачем. По лицам, по обстановке чувствую, что происходит что-то важное.

Приезжаем на большую лесную поляну. По сторонам ее — построенные в каре батальоны танкистов. Развевается алое гвардейское знамя. Его держит Любушкин. Солдаты, офицеры стоят по команде «смирно» — молодые, загорелые, удалые ребята.

Молодые по годам, они стали уже ветеранами войны, героями многих битв. Нет среди них ни одного, грудь которого не украшали бы орден или медаль.

Вот она, наша гвардия. Глядя на них, невольно проникаешься величием этого звания, духом их героических дел. Своим бесстрашием, боевым мастерством они в числе первых в стране завоевали право называться гвардейцами. Их бригада — родоначальник гвардии в танковых войсках.

К строю обращается генерал:

— Товарищи гвардейцы! Настало время, пробил час снова вступить в бой, в решающий бой с ненавистным врагом. Я приказал собрать вас сюда, чтобы вместе с вами перед нашим гвардейским знаменем, освященным образом Ленина, кровью наших лучших бойцов, дать клятву — биться, не щадя своей жизни, за наше правое дело, за нашу Родину, за наш народ.

Генерал опускается на колено. За ним преклоняют колена шеренги бойцов и командиров. В наступившей тишине взволнованно звучит голос генерала:

— Клянемся тебе, наш великий народ, что мы будем драться до последнего дыхания, пока сердце стучит в груди, а глаза наши видят землю!

Строй вторит своему военачальнику.

— Клянемся тебе, наша Родина, что отомстим фашистским извергам за кровь советских людей, за виселицы Волоколамска, за сожженные города и села, за поруганный Киев, за разрушенный Новгород, за истерзанный Севастополь!

Мощное эхо уносит вдаль, в степь, священную клятву гвардейцев, и кажется, что вся страна слышит ее и благословляет своих лучших сынов на ратный подвиг. Все взволнованы, захвачены непередаваемым величием происходящего.

Стараемся снимать и двигаться бесшумно, незаметно. Снимаем много, может быть, даже излишне много, но хочется запечатлеть все как можно полнее.

Звучат последние слова клятвы:

— Клянемся тебе, наша Родина, что в грядущих боях умножим славу гвардейского знамени, разгромим ненавистных фашистов!

Генерал проходит по рядам, пожимает руку каждому, крепко, по-мужски, обнимает своих старых боевых товарищей — майора Бурду, лейтенанта Любушкина.

Звучит команда:

— Экипажи по машинам!

Мы уходим в 1-й батальон, к прославленному танкисту — дважды орденоносцу майору Бурде. Сидим, слушаем артиллерийскую «музыку», далекий треск пулеметов и вместе со всеми ждем.

Проходят часы. Ожидание становится томительным. Все напряжены, но война требует выдержки — командование ждет удобного для контрудара момента.

Впереди нас — деревушка. Дальше в лощине — немцы. Деревушка, видимо, пуста. В середине дня приходит приказ выслать туда разведку, проверить, нет ли засады.

Бойцы разведывательной группы садятся в транспортеры, под прикрытием броневика и мотоциклистов отправляются выполнять задание.

Утомленные часами напряженного ожидания, отправляемся с ними и мы — все же какая-то разрядка, и материал может пригодиться.

Благополучно пересекаем поле, въезжаем в деревню. Вокруг нас начинают рваться мины; очевидно, в деревне был наблюдатель и вызвал на

нас минометный огонь. Укрываемся в одном из домов, откуда видна вся улица, и снимаем.

Проходит около получаса. Гитлеровцы успокаиваются, обстрел стихает, мы возвращаемся в батальон. Разведчики довольны — выведали огневые точки врага. Мы не очень — нет по-настоящему боевых кадров.

Майор Бурда смеется:

— Не торопитесь, ребята, будут боевые кадры.

По усиливающемуся гулу канонады, по бесконечным эшелонам самолетов, проходящих над нами, и глухим разрывам бомб чувствуем — с левого фланга уже разгорается сильный бой.

Едем на КП к полковнику.

Понимая наше нетерпение, он предлагает Солодкову:

— Километрах в трех отсюда, на высотке, — церковь. Поезжайте, может, что-либо снимете с ее колокольни. Мы будем двигаться в том направлении.

Солодков отмечает по карте маршрут и уезжает.

Вскоре в небе появляются десятка два гитлеровских бомбардировщиков, сопровождаемых истребителями. Они разворачиваются над нами, перестраиваются и один за другим сбрасывают бомбы над деревушкой, в которую только что уехал Солодков.

Полковник взволнован:

— Зачем я его только послал туда!

В бинокль видны лишь клубы дыма.

Проходят томительные минуты, хотим ехать туда, полковник не пускает:

— Подождите!

Наконец показывается машина, и через несколько минут мы обнимаем Солодкова. Он весь обожжен крапивой — результат поспешного «приземления», — но зато цел. Остаток дня проводим на КП, снимаем его работу.

Ночью фашисты силами до полка пехоты при поддержке танков и авиации пытались захватить господствующую над местностью высоту. На поддержку оборонявшимся в бой был брошен батальон танкистов.

Мчимся туда, с рассвета начинаем съемки. Гребень высоты в дыму. Сухие удары танковых пушек, бесконечный треск пулеметов. Ползком пытаемся подобраться ближе — невозможно. Стремясь отрезать наши танки, немцы поставили перед высотой сплошную стену огня. Отползаем обратно, снимаем пока свою артиллерию, минометные батареи.

Выезжая из укрытий, мимо нас проносятся танки. На них — десанты автоматчиков. Бежим за ними, провожаем панорамной съемкой. Танки скрываются за гребнем.

С командного пункта нам сообщают, что в мотострелковом батальоне есть пленные. Перебрасываемся туда. Действительно, захвачено в плен около двадцати гитлеровцев. Как не похожи они на прошлогодних — все пожилые, оборванные, дрожащие. Гутман с «Аймо» буквально накидывается на них. Он самый молодой в нашей группе, только что с институтской скамьи. Это первые увиденные им фрицы, и ему хочется отснять их как можно подробнее.

С трудом отрываю его от этого занятия. Возвращаемся к танкистам. День кончается. Батальон под прикрытием сумерек меняет позицию, чтобы на рассвете снова нанести противнику неожиданный, сокрушительный удар.

Гаснут за горизонтом последние лучи солнца. Наступает чудесный июньский вечер. Мы лежим в высокой, не скошенной еще траве у боевых машин. Рядом со мной — Любушкин. Трудно уснуть, сбросить с себя напряжение дня. Шепотом, чтобы не мешать товарищам, Любушкин рассказывает о доме, мечтает о поездке в Москву.

— Отвоюю́сь и обязательно поеду. Получу у Калинина «Золотую Звезду» — и домой, к матери; давно не видел старушку.

С надрывным гулом пролетают под звездами груженные «смертью» самолеты. И снова тишина, сияние луны, дурманящий аромат цветов.

Мы долго молчали, потом заснули.

Утром Любушкина не стало.

Немцы рвались к переправе. Нужно было смять и опрокинуть их — эту задачу и должен был выполнить Любушкин. Он подбил три вражеских танка, рассеял немецкую пехоту. Брошенная с пикировавшего самолета бомба угодила в его танк.

Гутман снял пылавшую машину, ставшую боевой гробницей Героя Советского Союза Любушкина и его храброго экипажа.

Вскоре мы были отозваны на другой участок. Нам удалось, таким образом, снять лишь самое начало боев.

Пройдут годы, забудутся дни жестоких, кровавых битв. Но в кинолетописи Великой Отечественной войны сохранятся запечатленные нами навсегда образы танкистов-гвардейцев — героя-знаменосца капитана Любушкина, бесстрашного комбата Бурды, похожего на самого Суворова полковника Чухина, молодого боевого генерала Катукова, их клятва перед боем, святая клятва Родине.

Л. Котляренко

Бывало и так...

Положение Южного фронта было исключительно тяжелым: отступление, передислокации; найти какую-либо часть, соединение порой было просто невозможно, не было четкой связи даже между воинскими соединениями.

Киногруппа фронта была довольно многочисленной.

В нее входили: начальник группы известный уже к тому времени документалист М. Трояновский, операторы-москвичи — А. Левитан, А. Сологубов, операторы Ростовской студии кинохроники — Л. Мазрухо, Д. Шоломович, А. Каиров, Г. Асланов, ассистенты — С. Стояновский и автор этих строк.

И при таком сравнительно большом составе группы со съемками не ладилось. Причинами этому были, разумеется, не только трудности нахождения нужных частей. Эпизоды отступления вообще мы снимали мало, вернее, вообще не снимали. С позиций сегодняшнего дня это может показаться ошибкой — история есть история. Но тогда это выглядело иначе.

Вокруг картины всенародных бедствий. Фашистские полчища имеют явное преимущество и на земле и в воздухе.

Снимать на дорогах скопления наших отступающих частей, пробки у переправ, горящие села и города не поднималась рука.

Съемки в такой обстановке вызывали подозрение и у военных и у гражданских людей. Начиналась тщательная проверка документов, недоуменные вопросы:

— Зачем, для какой цели снимать бедствия, неудачи наших войск, а значит, успешные действия противника?!

И не снимали.

Оператор Л. Котляренко. Северо-Кавказский фронт. 1943 г.

24 июля 1942 года немцы вошли в Ростов-на-Дону, днем раньше захватили Новочеркасск. В районе станицы Цимлянской переправились на левый берег Дона. Все было в непрерывном движении. 28 июля Южный фронт влился в Северо-Кавказский.

К вечеру 1 августа мы с кинооператором Д. Шоломовичем добрались до штаба 37-й армии.

Была по-южному бархатная ночь, на улицах станицы сгрудились запыленные машины со штабным имуществом.

Большая группа офицеров беспокойно толпилась за околицей у стога сена... Над стогом возвышались антенны двух переносных радиостанций. Как нам объяснили, одна ловила сигналы ушедших в Сальские степи воинских частей, другая посылала в черную молчаливую степь свои позывные.

Над разостланной на траве картой склонился начальник оперативного отдела. В его руках часто вспыхивал фонарик; в синих пятнышках света он делал на карте какие-то пометки. Офицеры, стоявшие рядом с ним, переносили его пометки на свои карты.

Колонны врага офицеры обозначали синими стрелами. Две таких стрелы уперлись концами в город Сальск. Одна — со стороны Дона, другая — со стороны Ростова.

Части 37-й армии находились северо-западнее Сальска, как раз между этими стрелами. Практически только город с небольшим пространством вокруг оставался за нашей спиной, как ворота для возможного еще выхода из угрожавшего окружения.

Решено было выслать ударную группу в Сальск для немедленной организации обороны города.

Мы присоединились к ней.

К Сальску подъехали на рассвете. Город был погружен в тревожную тишину, на улицах — ни души. На южной окраине слышались уже приближающиеся разрывы снарядов. На организацию обороны оставались считанные минуты.

Увидев на наших петлицах эмблемы технических войск, старший группы обороны решил, по-видимому, что мы знакомы с саперным делом, и отдал нам с Шоломовичем приказ:

— Выдвинуться на ростовскую дорогу и любыми средствами уничтожить на этой дороге мост.

Времени на объяснение не было, приказ нужно было выполнять. Путаными улицами и переулками выбрались наконец на дорогу и подобрались к мосту.

Как, чем его уничтожить? С собой лишь пистолеты и киноаппараты. Нужна взрывчатка. Где ее достать? Да и как с ней обращаться: сколько куда подкладывать? Как взрывать?

Вот когда мы почувствовали недостаток своего военного образования.

Лежим, ломаем головы, и вдруг взгляд Шоломовича задерживается на моем кассетнике.

Пленка — ведь это тот же порох, делается из того же пироксилина. Недаром на ящиках с пленкой пишут «огнеопасно». А мост-то деревянный, бревна сухие...

Приказ необходимо выполнить, иначе враг с ходу ворвется в город. Вынимаю из кассетницы пленку, обматываем ею бревенчатые опоры моста. Вспышка спички — и мост превращается в огромный костер, с треском рушится.

Приказ выполнен!

К осени 1942 года фронт на Кавказе стабилизировался. Гитлеровские войска хотя и не выполнили стратегических замыслов своего командования, но вклинились на Кавказе все же далеко.

В руках фашистских захватчиков оказались Новороссийск, Армавир, Нальчик, Моздок.

Гитлеровские генералы планировали уничтожение советских войск на Дону, в Сальских степях, на рубежах Кубани и Терека. Они хотели по берегу Черного моря проникнуть в Закавка-

зье, продвинуться вдоль Главного Кавказского хребта на восток до Каспия, захватить нефтеносные районы Грозного и Баку.

Но все случилось иначе...

Советские войска, отступая, сохранили боеспособность и в конце концов остановили гитлеровцев.

Последний этап отступления я снимал в паре с оператором Андреем Сологубовым. По пути в район действий 56-й армии мы заехали в Краснодар. Город жил еще мирной жизнью.

После того, что снимали мы в Ростове, Сальске, Майкопе, непривычно было видеть чистые улицы, целые дома, торгующие овощами и фруктами палатки.

Но уже через несколько часов война пришла и сюда. Улицы заполнились боевой техникой, войсками. Днем мы успели проехать на несколько километров севернее города, но не нашли нужную нам часть и в полночь вернулись. Однако теперь, чтобы пробиться в другой конец города, через сплошные вереницы грузовиков, тракторов, повозок, понадобился уже весь остаток ночи.

В тревожный гул сотен перегретых моторов врывались громовые раскаты приближающейся канонады. Зловещими зарницами разгорались зарева пожаров — уничтожалось все, чем мог воспользоваться враг.

Снимать в темноте мы не могли, а с рассветом улицы города опустели. Оставив свою машину в сравнительно безопасном месте, мы с Сологубовым отправились к единственной не уничтоженной еще переправе через Кубань. Но снимать было нечего и тут — переправлялись лишь одиночные машины, отставшие от своих частей группы солдат. В поисках материала для сюжета мы уже пешком, налегке прошли по набережной и прилегающим к ней улицам — то же безлюдье, тишина.

Мы решили отыскать какую-нибудь воинскую часть на левом берегу, установить с ней контакт и поснимать хоть что-то на фоне Краснодара. Проехали примерно по берегу 12—15 километров — не встретили ни одного воинского подразделения. Краснодар был у нас все время на виду. Дома с закрытыми ставнями, пустынные, безлюдные улицы, провисшие фермы взорванного железнодорожного моста — все абсолютно безжизненно, словно и не было сутки назад бурлившего жизнью большого города.

Наутро у переправы стали рваться мины. Беспорядочный обстрел длился весь день, но никаких атак противник не предпринимал.

С наступлением темноты со стороны города к переправе вышло какое-то артиллерийское подразделение. По скрипучим деревянным настилам потянулись тяжелые тягачи с пушками. Техника исправна и боеспособна, но кончились снаряды, и артиллеристы отходили без боя. А в полночь саперы взорвали переправу и подъездные настилы к ней.

Только утром разгорелся было где-то правее Краснодара бой, но скоро утих. Как выяснилось потом, это с боем прорывались арьергардные части 30-й Иркутской Краснознаменной дивизии, до последней возможности преграждавшей путь фашистам северо-восточнее Краснодара. Когда же возникла угроза окружения, они, с боем переправившись через Кубань, отошли к городу. Но и это событие у Краснодара было столь скоротечным, что мы не успели снять толком ничего.

Трое суток скитаний, напряженных, рискованных поисков — и всего несколько планов: объятый дымом пожарищ Краснодар, дорога на переправу, опустевшие окраины города, перебегавший улицу старшина-разведчик, приближающийся к переправе грузовик с ранеными, трактор, буксирующий три сцепленные полуторки.

Вот и все...

Так доставались порой на фронте сюжеты.

Последним пунктом отступления наших войск на этом направлении ока-

зался небольшой курортный городок Горячий Ключ, раскинувшийся на берегу живописного озера у подножия первых отрогов Кавказа.

Дальше по ущелью, между двумя поросшими густым лесом взгорьями, вела узкая, усыпанная камнями дорога.

Поток отступавших войск замыкала Иркутская стрелковая дивизия. Она заняла оборону у предгорий в двух-трех километрах от Горячего Ключа. Этой обороне и суждено было продержаться до перехода наших войск в наступление — победоносного движения их в обратном направлении.

А. Кричевский

Волжская твердыня

На Сталинградском фронте работали кинооператоры Б. Вакар, А. Софьин, В. Орлянкин, Д. Ибрагимов, Н. Вихирев, А. Козаков и другие. Находясь в Сталинграде с первых дней грандиозного сражения, они приобрели большой опыт в съемках уличных боев. И когда я прибыл туда с Черноморского флота, мне пришлось у них многому учиться, особенно у Орлянкина, ставшего моим каждодневным наставником. Прежде всего он посоветовал отказаться от тяжелых футляров и дополнительных съемочных приспособлений, облегченный аппарат уложить в заплечный ранец, кассеты с пленкой — в полевую сумку. Так было и легче по весу и удобнее ходить, бегать, ползать.

Волга просматривалась и обстреливалась гитлеровцами. Вражеские самолеты висели над ней с зари до заката.

Переправлялись в Сталинград только по ночам.

С наступлением темноты выходили из укрытий катера, буксиры, рыбацкие лодки. Река оживала.

На правый берег переправлялись войска, боеприпасы, питание, на левый — эвакуируемые из осажденного города раненые.

Орлянкин знал уже многих солдат и офицеров, чувствовал себя уверенно, прекрасно ориентировался в обстановке. Меня в первую ночь поразил образцовый порядок. Законом для переправлявшихся частей был сигнальный фонарик регулировщика, его отдаваемые через рупор приказания. При необходимости команды передавались по радио. Во всем чувствовалась могучая организующая сила командования.

Я глядел на озаряемые ракетами руины... Вот он, Сталинград, — город, о котором говорили, что он стал уже настоящим адом. Сидя в лодке, я старался рассмотреть, что происходит в городе.

...Вот из дома в дом, точно две скрестившиеся шпаги, протянулись светящиеся трассы пуль.

— Уже давно, — поясняет мне Орлянкин, — в городе идут бои не только за улицы, но и за отдельные дома, окна, двери...

...А ширь Волги кажется бесконечной.

Наконец коснулся берега нос лодки. Пока помогали солдатам выгрузить хлеб, забрезжил рассвет, и я сфотографировал гребцов. Потом по траншее мы спустились в какой-то подземный ход. Освещался он коптилками, сделанными из гильз снарядов, и вел в штаб 13-й гвардейской дивизии, слава о которой разнеслась уже по всей стране. Это гвардейцы 13-й первыми сказали:

— За Волгой земли нет! Стоять насмерть!

Запечатлеть на пленку героев обороны, их боевые будни, быт — вот что было нашей задачей.

И мы, пользуясь короткими световыми днями, вспышками ракет и снарядов, снимали снайперов, разведчиков, саперов, артиллеристов, связистов. Снимали генералов Чуйкова, Гурова, Гурьева, Людникова, Родимцева.

В блиндаже Родимцева рядом с картой Сталинграда висел памятный генералу план Мадрида. Еще в 1936 году Родимцев сражался с фашистами в Испании. И, обсуждая с командирами частей очередные операции, тактические приемы врага, нередко обращался к примерам из тех боев. Начальник штаба полковник Бельский, совсем еще юный, часто красневший от смущения и даже прозванный за это «красной девицей», был на самом деле смелым, суровым военачальником, авторитетным специалистом уличных боев.

Целая армия, уцепившись за берег Волги, вросла в узкую полоску земли. Правда, дивизии, полки и батальоны давно уже перестали быть таковыми по количеству людей и сохраняли только свои названия, от КП армии до КП полка зачастую было меньше двухсот метров. И все же это была стальная линия обороны.

Орлянкин — в прошлом прекрасный альпинист, — выбирая точки для съемок, как кошка взбирался по разрушенным лестницам и карнизам на полуобвалившиеся чердаки, крыши. Я едва поспевал за ним.

Среди окопов и руин у защитников Сталинграда были проторены ходы. Их называли «улицами». Каждой давали название. Был даже «проспект Победы». Путь указывали дощечки. В одном месте, которое простреливалось немцами, висела надпись: «Здесь не переходи, а переползай. Стреляет немецкий снайпер!»

В блиндажах было много городской утвари, мебели. Защитники города затаскивали ее, чтобы хоть чем-то напомнить себе о мирном, где-то покинутом доме.

Уходя на задания, разведчики, проверяя маскировку и подгонку снаряжения, смотрелись в шикарное трюмо, стоявшее прямо на берегу Волги.

Один из снайперов в прошлом был часовщиком. По ночам к нему приползали солдаты с просьбой отремонтировать часы. Однажды гвардейцы притащили старинные стенные куранты. Они были повреждены осколками. Часовщик-снайпер их восстановил. Мы засняли эту «боевую операцию». Часы стали неотъемлемым атрибутом жителей блиндажа. По ним уходили в разведку, на снайперскую «охоту», настраивались на радиоволны Москвы. Нередко мелодичный перезвон окопных часов как бы перекликался с боем курантов Кремля.

В развалинах одного из домов солдаты нашли забившуюся от испуга в угол кошку. Я снял, как они ее ласкали, прислушивались к мурлыканью.

Казалось, огрубевшие уже на войне люди преобразились. Мирно сидевшая у них на руках кошка напомнила, видимо, каждому далекий очаг, родную семью, за которую он сражался в разрушенном городе.

Вспоминаются съемки похорон героически погибшего солдата. На могиле товарища бойцы сделали ограду из найденных в разбитых домах детских кроваток. Необычная ограда словно говорила людям, что павший защитник Родины сражался и отдал жизнь за счастье осиротевших детей, вынужденных покинуть свои кроватки.

Тишина... Иногда она приходит на войне сразу: выиграно сражение, освобожден город, отодвинулся фронт, и стало непривычно тихо. В Сталинграде было иначе — тишина входила в город постепенно. Взятая в кольцо наших войск 6-я армия гитлеровцев продолжала ожесточенно сопротивляться. Но все меньше и меньше было у окруженных немцев снарядов. Все расчетливее, понимая обреченность врага, расходовали свой боезапас и наши солдаты. Армия фельдмаршала Паулюса агонизировала на глазах у всего мира.

По ночам в небе возникал гул самолетов. Они сбрасывали окруженным фашистам баллоны с провиантом, боеприпасами, и тогда в тишине пред-

рассветного часа гулко раздавались пулеметные очереди, завязывалась борьба за сброшенные на парашютах «трофеи» — необходимо было блокировать поддержку окруженных частей врага с воздуха, и наши бойцы успешно с этим справлялись. Видя тщетность своих усилий, Гитлер все меньше и меньше помогал своей окруженной армии; фашистские самолеты появлялись над Сталинградом все реже и реже. Вскоре сдался и сам Паулюс. Не сразу, однако, сложили оружие части его многотысячной группировки. На заводе «Красные баррикады» отдельные окруженные батальоны продолжали сопротивляться, хотя в бинокли видели, вероятно, колонны своих товарищей, уже сдавшихся в плен.

Постепенно разрезанная пополам группировка была подавлена, обезоружена, пленена. И люди уже по-настоящему услышали тишину! «Вот так, — думалось каждому, — придет и конец войне! Затихнет последний звук сражения, и человек сбросит каску, вместо грохота канонад услышит ласковый шум ветерка, увидит красоту неба».

В Сталинграде тишина...

И я запечатлеваю на пленку, как надевает на «катюшу» брезентовый чехол бывший скрипач из сталинградского театра — минометчик Григорий Рева. В Сталинграде его грозная машина «отыграла». И хотя идти с боями еще долго, земля от Дона до Одера в руках у врага, все же достает музыкант-минометчик из футляра старенькую скрипку. И вот уже звучит над руинами мирная мелодия.

Но война напоминает о себе еще на каждом шагу. Медленно, настороженно проходят солдаты по узким протоптанным в снегу тропкам, обходят каждую торчащую из снега проволочку, палку — они могут оказаться роковыми: мины повсюду.

Вот лежит в стороне от тропинки солдат с оторванной ногой. К нему осторожно подползают минеры. Обидно попасть на предательскую мину после сражений.

Идут штабные офицеры с портфелями в руках — будет вручение орденов и медалей. Не в залитом огнями люстр Андреевском зале Кремлевского дворца, а на позициях, в окопах легендарного Сталинграда получат герои правительственные награды.

Офицеры располагаются у костра, над огнем подвешен электрический чайник. Солдаты забыли о нем, кипяток бурлит, и мирная песенка чайника слышна в тишине — так тихо стоят в строю, слушают слова приказа героипехотинцы.

В стороне два пленных гитлеровца не сводят глаз с солдат, уже прикалывающих к шинелям свои ордена. Пленные еще побаиваются, опасливо жмутся друг к другу. Внезапная автоматная очередь прерывает торжество. Это в ближайшем доме в прекрасно защищенном каменном подвале отсиживается еще группа фашистов и бессмысленно сопротивляется. Еще вчера командир батальона предложил им через парламентеров (их же солдат) сдаться. Ярые фашисты обстреляли своих товарищей. И теперь продолжают вести огонь по проходящим подразделениям наших войск. Майор вызывает по радио танки: незачем вести на штурм подвала весь батальон, справятся два танка с десантом.

У разрушенной стены четырехэтажного дома собираются бойцы, в ожидании танков курят, поздравляют друг друга с полученными наградами, рассматривают трофейные пистолеты.

К Орлянкину обращается пехотный капитан, которому поручено после подавления последнего очага сопротивления водрузить над развалинами этого дома красное знамя — сигнал того, что город полностью очищен от фашистов.

Я слышу их тихий разговор. Орлянкин собирается снять эпизод водружения знамени, запасается кассетами, отползает в сторону — оттуда удобнее будет во время атаки подобраться к

подъезду и заснять офицера со знаменем, уже вбегающего в дом.

Вот и танки. С грохотом направляются они к дому. За ними, привычно перебегая, используя как укрытия развалины, кучи снега, подбираются к засевшим фашистам автоматчики.

Кто-то сообщает: «Белый флаг! Выкинут белый флаг! Сдаются!» Автоматчики поднимаются в рост, идут к дому открыто. И вдруг по идущим спокойно солдатам из всех амбразур подвала фашисты открывают шквальный огонь из крупнокалиберных пулеметов. Белый флаг был подлой провокацией.

Ударили по дому из своих пушек танки. И вот уже в проломе стены появляются гитлеровцы с поднятыми руками.

Перекошены в ужасе лица; под наведенными на них дулами автоматов выстраиваются нацисты в шеренгу. Их обыскивают, отбирают оружие; у двоих под мундирами находят отрезы на дамские платья. Еще надеялись отослать посылки!

У одного из плененных солдат, рыжего, с завязанной щекой, во время обыска упала на землю трубка. Обыскивавший его автоматчик поднял ее и отдал дрожавшему пленному. И это после подлости гитлеровцев с белым флагом! Фашист удивленно смотрел на русского.

За домом ахнула мина. Никто не обратил на это особого внимания. Танкисты, сидя на машинах, курили. Я снимал проходивших мимо грязных, полузамерзших, потерявших человеческий облик немецких солдат. В руках у них были котелки, банки, ложки. Их вели к походным кухням.

И вдруг из-за дома появился Валентин Орлянкин. Глаза полны слез. В руках — перебитое осколком мины древко с обрывком знамени. Произошло, оказывается, непоправимое: когда немцы начали сдаваться, капитан и Орлянкин были уже у подъезда. Капитан с развернутым знаменем кинулся к лестнице и наступил на какую-то сухую ветку, соединенную, видимо, с взрывателем мины...

Танкисты положили погибшего на броню одного из своих танков. Орлянкин снимал прощание с боевым товарищем, и я видел, как слезы застилали его глаза.

В. Орлянкин

В сражающемся Сталинграде

6 ноября 1942 года. Завтра 25-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Но нет в Сталинграде ни оркестров, ни флагов. В городе идут жестокие бои. Геббельс трубит в последние дни по радио и в печати: «Сталинград наш. Доблестные солдаты фюрера маршируют по городу. Сталинград пал. Мы на Волге».

Ну нет! Сталинград был и есть советский! А красный стяг Родины будет завтра реять над городом, и рядом с ним будет стоять советский воин. И это весь мир увидит на экране.

...Спешу в блиндаж политотдела 62-й армии, к капитану Щербакову. Делюсь с ним своей идеей.

— Нет красной материи. Надо что-то придумать, — говорит Щербаков.

— Найдем, — уверяют присутствующие при разговоре девушки-медработницы из 13-й гвардейской дивизии.

Теперь я уже не помню, чье же это было красное шелковое платье. То ли Люси Гумилиной, санинструктора пульбата, то ли Наташи Пасечник — Гвардии Наташи, как звали в штабе дивизии свою медсестру. Тогда это не имело значения. Тогда их тоже захватила идея вывесить на праздник красный флаг на своем участке обороны города.

При свете снарядной гильзы всю ночь девушки колдовали, пороли, кроили, сшивали, гладили в своем блиндаже красный флаг. А лежало это платье где-то в заветном уголке солдатского вещмешка, дожидаясь светлого

Киногруппа Сталинградского фронта. 1943 г.

Оператор В. Орлянкин. Сталинградский фронт. 1943 г.

дня победы, это нежное, красивое платье, ставшее сегодня красным флагом.

Рано утром капитан Щербаков и капитан Орлянкин получили официальный приказ генерала Родимцева водрузить 7 ноября 1942 года, в день 25-й годовщины Великого Октября, красный флаг Родины на самом высоком здании нашей передовой.

...Утро выдалось солнечным. Солнце золотило вздыбленные стены разрушенных домов и водную гладь Волги. На передовой затишье. Мы с Щербаковым всматривались в пятиэтажное здание метрах в ста пятидесяти от нашего блиндажа, одной стороной обращенное к нам, другой — к немцам. Здание чуть выдавалось на ничейном пространстве. Оно, как и все, было изрядно разрушено, но сохранились лестничные марши и даже часть крыши с каменным парапетом.

Решили подниматься по этой лестнице. Она местами, где стены были обрушены, несомненно просматрива-

лась немцами, но другого пути на крышу не было. Договорились с замполитом пульбата майором Коцаренко: в случае необходимости нас поддержат огнем все пулеметы этого участка.

Я снял на пленку, как Щербаков прячет за борт шинели флаг. Затем приспособил за спиной аппарат, прикрепив его ремнями к поясу, чтобы не сваливался, когда придется ползти. Запасной бобышки с пленкой решил не брать — тридцати метров, что в аппарате, вполне хватит на эти два-три плана. Ну, все готово. И мы поползли по усыпанной битым кирпичом земле. Сзади, из-за разрушенных стен и завалов, за нами следят наши товарищи. Ползем быстро. Щербаков сразу берет вправо, к зданию. И вдруг свист немецкой мины. Рвется она ближе к Щербакову, но он успевает спрятаться за остатками какой-то стены.

Заметили! Надо скорее добраться до намеченного здания, пока нет интенсивного огня. Вскакиваю, быстро перебегаю метров пятнадцать и плашмя падаю на землю. Новый разрыв, но уже далеко позади. Снова вскакиваю, бегу и успеваю упасть, прежде чем взрывается следующая мина. Наконец я у какой-то большой кучи щебня и кирпичей. Еще одна перебежка до угла здания — и я в относительной безопасности.

Но где же Щербаков? Вот он перебегает среди развалин. Снимаю один план его перебежки. Сзади него далеко рвется мина. Он уже рядом. Возбужден. Дышит тяжело, но глаза горят.

Садимся, закуриваем. Дальше двигаться нельзя: нужно подождать, пока огонь гитлеровцев утихнет.

Просматриваем наш путь по лестнице. Проходим маршрут глазами, как говорят альпинисты перед преодолением скользкой скальной стенки. Придется лестницу брать за две перебежки. Первая остановка — на лестничной площадке третьего этажа: там сохранилась часть стены, которая может скрыть нас от немцев. Вторая — на крыше, у нашей цели.

Минометный обстрел прекратился. Тихо. Переползаем к началу лестницы — вражеские позиции близко, метрах в ста от наружной стены дома.

— Ну, вперед, Даниил, — говорю Щербакову, — я снимаю тебя — и следом за тобой.

Дробью рассыпался по цементной лестнице быстрый бег Щербакова. Он несется зигзагами по лестничным маршам. Я снимаю. Снимаю и жду стрельбы противника, но ее пока нет. Стремглав бросаюсь вверх, повторяя зигзаги Щербакова. И вот я рядом с ним. Ух, пронесло! Сидим, затаились. Молчим. Среди обломков Щербаков находит крепкую палку, проволоку и приспосабливает шелковое полотнище к древку. Я выбираю позицию, откуда удобнее будет снимать укрепление флага. У Щербакова все готово. Теперь самое ответственное и опасное — надо водрузить флаг, заснять и спуститься.

Он ползет с флагом к парапету. Я снимаю, как Щербаков, подняв флаг, заклинивает его в узкую щель, приваливает к древку сцементированный тяжелый слиток кирпичей. Ветер подхватил легкое шелковое полотнище, и оно затрепетало на фоне голубого неба. Снимаю развевающийся флаг и... с ужасом слышу, как механизм аппарата замедляет ход, а потом совсем останавливается. Хватаюсь за заводной ключ — нет, пружина заведена. Я в отчаянии: в таком месте предать меня! Проклятие! Ведь я не снял главного — флаг на фоне города и Волги. Только такая композиция кадра с достоверностью покажет, что Сталинград наш. Трясу аппарат, манипулирую с обтюратором, предварительно вынув объектив. Тщетно — оживить «Аймо» не удается.

Все это заняло не больше 40—60 секунд, но настолько отвлекло, что я не заметил, как рядом со мной очутился Щербаков и как гитлеровцы открыли огонь по флагу. Лежа, скры-

тые метровым парапетом, мы закурили. Я сказал Даниилу о неприятности с аппаратом.

— Но ты же снял, как я поднял флаг?

— Снял, но этого мало.

— Исправишь, доснимешь. Не журись!

Его слова как-то успокоили меня. Конечно, отремонтирую — и досниму. Прикинул, откуда буду снимать флаг на фоне города. Лишь бы не сбили его фашисты.

Мы курили и слушали посвист пуль вверху и цокот их о стену дома, за которой лежали. Стрельба вскоре прекратилась, и мы переползли на лестничную площадку третьего этажа, тоже скрытую от противника. Дальше, вниз — лестница просматривалась. В двух-трех местах были завалы. Это хорошо. Плохо то, что нас обнаружили и ждут, когда мы будем спускаться. Лишь бы не снайпер — тот не пропустит.

Щербаков что-то делает непонятное. Снял с себя шинель и напялил ее на доску такой же длины.

— Теперь смотри. Сделаешь то же самое.

Он выжидает минуту, затем бросает вертикально вниз шинель. Раздается пулеметная очередь и замолкает. В следующую секунду Щербаков пулей скатывается по лестнице до следующего марша и падает прямо на свою шинель. Мне видно, как хитро подмигнул он мне. Ловко сработано. Смогу ли я? Удастся ли мне повторить его маневр? Пока я не решаюсь. Да и аппарат меня сковывает. А Щербаков торопит.

— Сейчас, — неуверенно говорю я ему, оттягивая время.

На что я надеюсь? Сам не знаю. Зато знал Щербаков, кадровый военный офицер, мой фронтовой товарищ. Он знал закон фронтовой дружбы.

— Ты вот что, Валентин, оставайся. Я сейчас в пульбат. Мы тебя прикроем огоньком. — И Щербаков исчезает в лабиринте развалин.

В щель разбитой стены, за которой я скрываюсь, пытаюсь высмотреть фашистский пулемет в доме напротив. Вот темный провал разрушенного входа в дом. Окно на втором этаже в нагромождении кирпича, балок, поломанный шкаф. Совсем обнаженная комната третьего этажа. Обвалившиеся стены образуют в углу что-то вроде шалаша. Внутри его темно. Откуда же все-таки стреляют?

Проходит с полчаса. Я один в этом ничейном доме. Наши — в 100—150 метрах. Гитлеровцы — ближе. Вот сейчас запросто могут сунуться сюда. На всякий случай достаю из кобуры свой наган с семью патронами. Ловчее прилаживаю аппарат к спине. И вдруг раздается оглушительная стрельба с нашей стороны по противнику. Ага, думаю, Даниил! Молодец! Спасибо! Теперь не зевать. И я кубарем — с первой на пятую, с пятой на десятую ступень вниз, вниз... Аж дух захватило, когда очутился внизу. Но все же успел заметить: немецкие пулеметы били из «шалаша» и из подвала. Но не по мне. Их больше сейчас заботил ураганный огонь нашей передовой: а вдруг русские готовят атаку.

Домой конь всегда бежит резвее. Так и я — под шум наших пулеметов вскоре был уже в объятиях друзей. Я был обрадован тем, что за нашей операцией следил сам комдив, Александр Ильич Родимцев. Это он приказал открыть огонь, когда ему доложил Щербаков, что оператор остался один наверху и ждет поддержки отвлекающего огня.

Я поделился с Александром Ильичом неприятностью.

— Не волнуйся, у нас артиллеристы не такую технику воскрешают.

Он сказал это так авторитетно, что у меня отпали всякие сомнения в отношении людей, ремонтирующих пушки и пулеметы. И в самом деле, к вечеру дивизионные умельцы вдохнули жизнь в мой «Аймо».

Забыв ввинтить в чрево аппарата какой-то винтик, они вручили его мне и

сказали: «А этот оказался лишним». Сам не знаю, как мог аппарат работать без этой детали, но он работал. Такое может быть только во время войны...

Фашисты весь остаток дня пытались сбить наш флаг. Не вышло! Он гордо реял над руинами непобежденного города, восхищая взоры солдат — защитников Сталинграда. Да, война продолжалась. Но трепещущий на ветру красный флаг Родины 7 ноября здесь, в Сталинграде, символизировал Великий праздник Октября. За ним, за флагом, как бы слышался радостный шум людского прибоя на демонстрации, звуки оркестров, всплески песен, возгласов, смеха... Где это все? И как будто было это давным-давно...

Я почти не спал, ожидая утра. Чувство вины от незаконченности съемки не давало мне покоя. Мне все виделся кадр: развевающийся флаг, за ним — Волга, затем — панорама на город и в левой части кадра — флаг в утренних лучах солнца. А рядом — наш воин.

Утром 8 ноября, еще затемно, чтобы не быть обнаруженным, как вчера, я с солдатом-ассистентом поднялся на крышу. Флаг был на месте, лишь слегка накренился в сторону.

И вот солнце уже коснулось флага. Город освещен. Можно снимать. Подползаю к намеченному еще вчера месту. Пружина заведена, фокус и диафрагма установлены. Теперь, чтобы за флагом был виден город, а не небо, я должен встать во весь рост и снимать на виду у гитлеровцев. Успею или нет? Я поднимаюсь, включаю камеру. Аппарат громко стрекочет в этой не нарушенной еще стрельбой тишине. Выключаю. Тут же снимаю второй кадр — панорама с Волги на флаг со стоящим рядом солдатом. Есть!

Пока тихо. Прекрасно. Наглею — чуть перемещаюсь вправо и ближе к парапету. Кадр города с флагом на переднем плане — выразительно. Снято. Ну, все. Сколько можно дразнить гусей... Однако тишина, и метра три чистой пленки в аппарате не позволяют мне так быстро покинуть свою выгодную позицию. Снимаю еще кадр. Но тут гитлеровцы открывают огонь. Я — камнем вниз. За мной следом — мой ассистент-солдат.

— Ну как, капитан? — спрашивает он меня.

— Порядок!

Я счастлив. Я вроде перед кем-то оправдался, загладил свою оплошность.

Мы благополучно добрались до наших позиций. И этой же ночью я переправил через Волгу снятую пленку для отправки в Московскую студию кинохроники для «Союзкиножурнала».

А флаг еще долго развевался над позициями передовой в непобежденном Сталинграде.

До атаки было еще далеко, а я совсем окоченел в своем индивидуальном операторском блиндаже, скорчившись в три погибели. Но через каждые 5—8 минут вздрагивал и просыпался от напряженного ожидания и от боязни, как бы не прозевать начало операции. Чтобы не спать, я мысленно перепел все песни, какие знал, считал до тысячи, а потом снова считал. И в который уже раз перебирал в памяти события предыдущих дней...

...Этот шестиэтажный Г-образный дом, занятый гитлеровцами, находился в 80—100 метрах от нашего переднего края. Противник просматривал и простреливал из него центральную переправу, мельницу — наш важный опорный пункт — и соседние здания, занятые частями 34-го и 42-го полков 13-й гвардейской дивизии. Огонь врага был плотен и губителен, мы несли большие потери. Поэтому командирам этих полков Панихину и Елину было приказано ликвидировать гарнизон противника, укрепившегося в этом доме.

Наши подразделения несколько раз предпринимали атаки, и все неудачно: место перед домом было ровное,

скрытых подходов не имелось. Вот тогда и был разработан в штабе дивизии план: сделать подкоп-траншею под угол здания, взорвать его и стремительным штурмом после взрыва овладеть домом. Лишь через тридцать лет узнал я имена героев, в течение почти двух недель прорывавших подземную галерею длиной 45 метров и заложивших около трех тонн взрывчатки. Это лейтенант Чумаков, саперы Макаров, Дубовой, Бугаев, Панферов, Грачев, Бочаров и другие. Труд их был адски тяжел и опасен.

Я был предупрежден о готовящейся операции, для того чтобы заснять ее. Мало того, по приказу командующего армией В. И. Чуйкова солдаты оборудовали для меня специальный блиндаж, скрытый от противника и тщательно замаскированный, с тремя амбразурами-щелями — слева, справа и прямо, — чтобы было удобно снимать взрыв и атакующие штурмовые группы. И вот в ночь на 10 декабря я занял свое боевое место в этом блиндаже. На полу лежит зарядный мешок с бобышкой чистой пленки, чтобы можно было, не теряя времени, перезарядиться. Аппарат заряжен и находится за пазухой мехового полушубка, чтобы не застыл механизм на таком холоде. Я сижу на своем рюкзаке. Собран, готов к съемке, но... надо, чтобы когда-то наступило это утро!

...Стало настолько светло, что различаю группу командиров, скрытых от противника разрушенной стеной соседнего дома. С другой стороны видны солдаты штурмовых групп. Прямо передо мной — мрачный силуэт Г-образного дома. Солдаты называли его «безобразным» домом. Все объекты съемки — близко от меня. На наших позициях необычайно тихо. У врага — тоже. Если б они только знали, какой мы сейчас готовим им утренний «завтрак»!

Я кошу глазом в сторону командного пункта: вчера договорились, что мне махнут рукой перед взрывом, чтобы я начал съемку.

Наконец взмахнула и резко опустилась чья-то рука. Я включил камеру и прильнул к визиру. Через секунду-другую оглушительный взрыв потряс все вокруг. Именно потряс — у меня аппарат даже качнулся в руках. Громадный фонтан дыма, огня, битого кирпича взметнулся вверх. И тут же вся эта открытая заснеженная площадка перед домом покрылась фонтанчиками снега от падающих сверху камней. В следующую секунду (я уже успел переместить аппарат в левую амбразуру) вихрем устремились вперед, стреляя на ходу, штурмующие дом солдаты. Заведя пружину, я снова включил аппарат, снимая солдат, бегущих с правой стороны моего блиндажа. Включаю камеру. Смотрю на счетчик — ноль. Как всегда не вовремя, кончилась пленка. Тороплюсь перезарядиться. Только закончил эту процедуру, как слышу:

— Орлянкин, жив? Вперед, к дому!

Это замполит Коцаренко. Выползаю из блиндажа и бегу вместе с ним к зияющей дыре в здании. С верхних этажей еще стреляют гитлеровцы, но наши уже ворвались в дом. Там идет пальба, слышатся разрывы гранат. На месте взрыва снимаю трупы гитлеровцев, разбитые пулеметы, пушку. Снимаю наших солдат, бегущих вперед.

Штурм был ошеломляюще дерзок и результативен: потери незначительны, а дом — наш. Правда, кое-где на этажах еще долго шел бой.

Не мешкая, солдаты тут же стали налаживать оборону, развертывая бывшие вражеские пулеметы в противоположную сторону. Я все это снял. В разгар боя и съемки не заметил, как появился Алексей Каплер, находившийся в эти дни в Сталинграде. А потом вынырнул из пыли и дыма возбужденный боем Коцаренко.

— Как снималось, оператор? — спросили они.

— Много было эффектных кадров атаки, но сожалею, что живых, удирающих из дома фрицев не удалось снять.

— А я их хочу видеть только такими, — сказал Коцаренко, показывая на трупы гитлеровцев.

— Таких у меня полкассеты, — успокоил я его.

Этот смелый штурм сильно укрепленного опорного пункта противника, уничтожение гарнизона и вооружения, захват и превращение его в свой укрепленный узел обороны имели большое тактическое значение для 13-й дивизии: она упрочила свои позиции на этом участке, ликвидировала огонь противника в сторону Волги и продвинулась вперед на сто метров, что равно выигранному большому сражению.

Под конец Каплер сфотографировал нас с Коцаренко и еще двух офицеров у отвоеванного дома.

...Волга. В грозном сорок втором она и горела — полыхала на ее волнах нефть из разбомбленных фашистами нефтехранилищ, и кипела от раскаленного металла: фашистских бомб, снарядов, мин. Не один солдат нашел на ней, матушке-Волге, гибель, сражаясь за Родину. Гибель и бессмертие.

Все сто восемьдесят дней и ночей по Волге возили в осажденный город снаряды и хлеб, бинты и махорку, тушенку и письма солдатам 62-й армии. Даже тогда, когда она еще не замерзла, когда шла по ней тяжелая, коварная шуга и, казалось, река становилась вовсе непроходимой — сплошное месиво из снега и льда, скрепленное в отдельных местах на живую нитку бревнами и досками, — даже и тогда Волга продолжала оставаться «дорогой жизни» для сражающихся дивизий.

Сколько было их — безымянных героев второго эшелона, день и ночь отправлявших грузы для правой стороны, переправляющих ящики и мешки через Волгу: где на лодке, где волоком, где на собственных плечах — и всегда под смертельным огнем. И только тот, кто ждал эти ящики в Сталинграде, для кого они были необходимы как воздух, понимал, что значат переправа, все то, что происходит на ней...

...Я снимал эти волжские переправы и в августе, и в октябре, и холодной зимой 1942 года.

Память (записки мои тех лет погибли) сохранила несколько имен организаторов переправ и снабжения 13-й гвардейской стрелковой дивизии. Вот они: заместитель командира дивизии по тылу подполковник Андриец, дивизионный инженер Тувский, заместитель командира 34-го стрелкового полка майор Минакер, командир саперного батальона майор Горлов...

Волга! Это на ее правом берегу в самые жестокие бои солдаты, офицеры, генералы, вся 62-я армия поклялись не уходить из Сталинграда, пока враг не будет разбит.

И вся армия сдержала клятву.

Как-то после очередной съемки боевых действий в городе я ночью по замерзшей Волге переправился в Ахтубу, что на ее левой стороне, и сдал во второй эшелон фронтовой группы снятый материал для отправки его самолетом в Москву. На следующий день на участке дивизии Батюка намечалась операция, которую я не мог не снять и потому этой же ночью заспешил обратно в город. Сопровождали меня три солдата.

Рассвет застал нас на середине Волги. С полуразрушенных зданий города, занимаемых противником, откуда хорошо просматривалась Волга, нас неожиданно обстреляли из пулемета. Разбежавшись в разные стороны, мы залегли и поползли вперед. Вторая очередь легла возле меня, взметая брызги льда. Когда пулемет умолкал, мы вскакивали и бежали дальше. И снова пули веером ложились или впереди, или сзади меня. Что за дьявольщина, думал я, почему стреляют только по мне? Мои спутники были в стороне от меня, в полсотне метров сбоку. И вдруг я услышал рез-

кий голос одного из солдат: «Спрячьте свою камеру под халат!» Ну конечно, черная камера «Аймо», с которой я не расставался, выдавала меня, хотя я, как и солдаты, был в белом маскхалате. Когда я спрятал под полу халата камеру, выделявшуюся хорошо видимым черным пятном на белом снегу реки, стрельба прекратилась.

Вскоре мы уже были под спасительным прикрытием высокого правого берега Волги.

Днем я снимал боевые действия дивизии и забыл про утренний эпизод. Каково же было мое удивление, когда вечером в блиндаж ко мне зашел солдат с куском белой материи и приказом генерала Родимцева сшить для киноаппарата... маскхалатик!

Оказалось, что о стрельбе по нам утром Родимцеву рассказали солдаты, сопровождавшие меня. Приказ генерала я выполнил незамедлительно.

Со временем белый маскировочный халатик на аппарате стал серым, кое-где поистерся, но он всегда напоминал мне о большой душе генерала, о его заботливой любви к человеку.

А Василий Иванович Чуйков? На его плечах армия, город. А он тоже находил время, проявлял заботу о кинооператорах, писателях, журналистах, находившихся в его армии.

Все воины-сталинградцы, командиры и рядовые, заботясь о нас, подчас спасая от верной гибели в опасном бою, сохраняли нас для нашей непосредственной работы на фронте. Этим самым они являются как бы соавторами наших кинолент, фотоснимков и очерков. Мы никогда не забудем их и благодарны им за то, что большая часть нас, фронтовых кинооператоров, все-таки остались живыми после войны.

Нет, солдаты Сталинграда не только стреляли, не только подрывали фашистские доты, не только уничтожали фашистов. Они жили жизнью, насыщенной всеми человеческими чувствами. Погибал твой верный товарищ — горе для всех. Отвоевал ты у врага этаж дома или даже угол его — радость общая. Выдалась минута затишья — солдаты и песню споют, и спляшут лихо, был бы баянист поудалистее да маленькая площадка, скрытая от врага уцелевшей стеной.

А в 13-й гвардейской дивизии замполит полковник Вавилов из солдат-артистов даже ансамбль песни и пляски сколотил. Их было немного, человек восемь-десять плясунов и певцов с баянистом, писавших слова песен и музыку к ним. Но и их оружие — песня и танец — стреляло по врагу. Давал ансамбль свои концерты подчас трем, пятерым бойцам, где-то в развалинах. А то и воронка превращалась в концертный зал, где баянист исполнит задушевную мелодию двум замаскировавшимся солдатам. А полуразрушенный подвал дома считался уже театром, где в «тихую» минуту войны собиралась аудитория в десять-пятнадцать человек.

Я снимал этот самодеятельный солдатский ансамбль в Сталинграде, этих энтузиастов «службы хорошего настроения», ходивших и ползавших под огнем противника по окопам и блиндажам сталинградской передовой, всегда готовых при благоприятных условиях «поднять занавес» своего походного театра и веселым переплясом, злободневным рассказом и острой частушкой поднять дух защитников города-героя.

Артисты пользовались особой любовью у солдат. Про себя они не без гордости говорили:

— Нас мало, но мы гвардейцы-стралинградцы!

...Как-то, проходя мимо полуразрушенного дома, я услышал необычный для того места звон. Будто били настенные часы. Я двинулся на этот звук — и увидел... часовую мастерскую: на обломке стены висели часы, ходил большущий маятник, а механизм вызванивал время мелодичными громкими ударами. Около солдата, рядом с

его автоматом, лежали будильники, ходики, а сам мастер возился с ручными часами, колдуя отверточкой в их внутренностях.

— Отбою нет, — сказал он мне, — тащат и тащат, «почини» да «почини». Вот я и чиню в перерывах, пока немец не лютует...

И я представил себе боевой блиндаж и ходики с веселым, домашним постукиванием маятника.

Да, и это было на вооружении у наших солдат: неистребимая нравственная сила. Проявлялась она во всем. Героическими были будни войны, само время, каждая сталинградская секунда.

Танк не починишь отверткой, спрятавшись за обломками стены. Но вот подполковник Вайнруб, начальник бронетанковых частей 62-й армии, организовал ремонт наших подбитых танков в Сталинграде не на заводе, не в специальном цехе, а под крутым правым берегом Волги, в самом городе, под носом у гитлеровцев. Сооружение из бревен, да коченеющие на морозе работящие руки самого экипажа, да горячие их сердца, рвущиеся к победе, — и все чудо. Обтерли паклей мазут с ладоней — и снова в бой.

Они сидели тихо, устремив прямо перед собой почти немигающие глаза. Чопорные и отрешенные. Их тонкие шеи и ввалившиеся щеки говорили о том, как изголодались здесь, в Сталинграде, намерзлись эти еще надменные, кичливые пленные генералы.

Сидели они рядом, генералы 6-й армии Паулюса — Корфес, Пфеффер, Зейдлиц-Курцбах и старшие офицеры. А против них, у небольшого простого стола, — наши генералы: командующий 62-й армией генерал-лейтенант В. И. Чуйков, начальник штаба армии генерал-майор Н. И. Крылов, член Военного совета армии генерал-лейтенант К. А. Гуров. Они недавно вышли из своих блиндажей-землянок и наслаждались светом, уютом и теплом этого просторного, только что выстроенного деревянного помещения для штаба на берегу Волги.

— Ну, так как и чем господа генералы объясняют свое поражение в Сталинграде? — повторил свой вопрос В. И. Чуйков.

Переводчик снова перевел им.

Как и после первого раза, генералы, переглядываясь, как бы говорили друг другу: «Ну пожалуйста, коллега, отвечайте вы». И... молчали.

Пауза затягивалась. Беседа явно не клеилась.

Я уже снял пленных генералов всех вместе и каждого в отдельности. Снял наших генералов, переводчика и стал уже предаваться размышлениям. Молодцы саперы — они выстроили это помещение светлым, с широкими окнами. Света для съемки хватало: солнце! Вот пленные только подкачали — пассивны и статичны, не вносят в сюжет моей съемки интересного разнообразия своим поведением, не проявляют, я бы сказал, признаков жизни. Молчат, и все тут.

— Принесите им чаю! — сказал К. А. Гуров. — Пусть согреют душу Может, и оттают?

Адъютант майор Самсонов вышел из комнаты распорядиться насчет чая.

Помню, накануне я снимал, как среди развалин наш солдат вел двух пленных генералов. Они смотрели друг на друга злыми глазами и страшно ругались.

— Вот, всю дорогу с передовой матерятся, — останавливая их около меня, сказал солдат. — Хорошо, что мы их разоружили, когда они пришли к нам сдаваться в плен, а то перестрелялись бы. Отвечай потом за них... Куда их, товарищ капитан?

Я обратил внимание на форму одежды генералов. Один из них, тот, что агрессивнее, был, несомненно, немец, другой, что больше суетился, — румынский генерал.

Закончив снимать, мы с солдатом доставили генералов в штаб армии. И только когда их допрашивал

В. И. Чуйков, выяснился предмет их спора. Оказывается, как утверждал немецкий генерал, все беды и неудачи армии фюрера произошли оттого, что румынская конница в решающем сражении оставила своего союзника.

— Вы покинули поле боя. Просто трусливо удрали! — кричал немец, ощетинившись на румына.

— На чем? Вы же давно пожрали наших лошадей! — запальчиво парировал румын.

Переводчик, переводя, хохотал. Мы тоже, только чуть позже.

Что скажут сегодняшние генералы?

Повар командарма Глинка на подносе принес чай в стаканах с серебряными подстаканниками и бутерброды — белый хлеб с ветчиной. Аромат крепкого, душистого чая распространился по комнате.

— Битте, — сдержанно-вежливо предлагал Глинка, останавливаясь перед каждым.

Действительно, после чая немцы заговорили. Им разрешили курить. Откинувшись на спинку стула, Пфеффер довольно непринужденно спросил:

— Где был генерал Чуйков за все это время боев в Сталинграде?

Василий Иванович не осадил этого шустрого генерала тем, что здесь задает вопросы он, а не пленные. Он понимал особый смысл вопроса. Гитлеровские вояки с их догматическими категориями никак не допускали, чтобы командующий армией находился здесь, в Сталинграде. Помилуйте, майн гот, как же можно?! Ведь по уставу — параграф такой-то, пункт такой-то, — он должен находится от передовой не ближе 50 километров, командир дивизии — не ближе 20 километров, командир полка — 7—8 километров, и т. д. А город, где они дрались с русскими, — это же сплошная передовая, где простреливали пулеметным огнем насквозь всю глубину обороны русских. Подумать только, вся армия занимала узенькую полоску земли, местами отстоявшую от воды всего лишь на 200 метров. И все эти полгода наших атак Чуйков был здесь, а не за Волгой? Да, в их понятие подобное не укладывалось.

— В 20 метрах отсюда. Вон, видите тот склон берега? Там и был мой блиндаж, — почти весело ответил Василий Иванович, окончательно огорошив генералов. — Это в 200—300 метрах от противника. А бывал и ближе.

Как-то бомба разрушила блиндаж командного пункта командующего в крутом склоне берега против нефтяных баков. В. И. Чуйков переселился в новый, у северо-восточной окраины завода «Баррикады», который был в 150 метрах от ближних окопов врага. Переходил Василий Иванович в новый блиндаж под обстрелом, вместе со своими помощниками, унося с собой карты и папки.

Эти блиндажи командующего — КП, НП... Сколько их было на линии обороны в Сталинграде!.. В каждой дивизии, в полку, в батальонах. А подчас НП командира роты становился наблюдательным пунктом командира армии.

— Я должен видеть поле боя глазами солдата, — говорил В. И. Чуйков. — Тогда я могу руководить сражением всей армии.

Несколько раз мне довелось ходить с Василием Ивановичем по переднему краю. Бывали с ним генералы К. А. Гуров, Н. И. Крылов, начальник политотдела армии генерал-майор И. В. Васильев, начальник артиллерии генерал-майор Н. М. Пожарский. Ну, это так говорится «ходить по передовой» — лезли, карабкались сложными ходами сообщения среди невероятного нагромождения разрушенных домов, чтобы найти нужных им людей. Я снимал их то в беседе с солдатами, то во время замечаний растерявшемуся в бою капитану, то они корректировали план операции с командиром дивизии.

Вот они на берегу Волги, как и вся армия, коленопреклоненные, клянутся не отдавать Сталинград врагу. Погибнуть, если придется, здесь, но не отходить за Волгу.

Вот они следят и руководят атакой солдат. Не в бинокль, не по телефону — рядом с ними, прикрытые от противника лишь разрушенной стеной.

Вот они вручают ордена и медали героям сражения за Сталинград.

Вот от них принимает гвардейское знамя командир 39-й дивизии полковник С. С. Гурьев. На митинге, посвященном этому событию, Гуров и Чуйков по-отечески беседуют с бойцами дивизии. Они замечают совсем юного автоматчика, подходят к нему, разговаривают с ним. Я снимаю эту теплую сцену общения военачальников и солдата. Меня тоже трогает, волнует он, такой молодой боец — ну не больше 15—16 лет, — взявший оружие в руки, чтобы защищать свою Родину.

Я с глубоким уважением всматриваюсь в его посерьезневшее лицо. Сколько в этом мальчике с автоматом недетской решительности, скрытого мужества и простодушной гордости!

Где ты сейчас, юный защитник Сталинграда, как сложилась судьба твоя во время войны и после нее? Прости, что не могу назвать тебя по имени. Помню лишь, как снимал тебя и в бою и вот в этой отеческой беседе с тобой члена Военного совета Кузьмы Акимовича Гурова и командующего 62-й армией Василия Ивановича Чуйкова. Но точно знаю, что и твоя доля есть в нашей общей победе над фашистской Германией.

...В одном из донесений командир 284-й дивизии полковник Батюк сообщал командующему армией, что гитлеровцы против его участка, в районе Мамаева кургана, подозрительно шевелятся — начинают передвигать легкую артиллерию на левый фланг. Возможна сильная атака, поддержанная танками. Он, Батюк, принял соответствующие меры. Но просит помощи огоньком у своего соседа, командира 39-й дивизии полковника Гурьева. Тот отказывает, говорит, что они уже лезут к нему. «Прошу указаний...» — заканчивалось донесение.

После нашего мощного ноябрьского удара по врагу, наступления и успешного продвижения войск Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов, завершающих окружение армии Паулюса в Сталинграде, гитлеровские части, непосредственно находившиеся в городе, несколько поутихли. Поэтому неожиданная активность противника на участке Батюка настораживала, а его донесение заставило командарма принять решение.

— Пошли, Кузьма Акимович, разберемся. Мне не нравится вся эта их возня на Мамаевом кургане! — надевая шубу, сказал В. И. Чуйков зашедшему к нему в блиндаж К. А. Гурову.

Адъютантам генералов, охране и мне команду давать не надо. Слышали? Значит, «в ружье!». Они — автоматы на шею, я — рюкзак с пленкой и парой «лимонок» за спину, «Аймо» в руки — и пошли.

Идем, рассредоточившись, у самой Волги, скрытые от врага высоким берегом. Пустынно: вверху, на передовой, все в укрытиях, здесь, внизу, все работают в штабных блиндажах, в крутом склоне берега; видны лишь разбитые, вмерзшие в лед лодки, изрешеченные осколками мин, изуродованный бомбежкой еще осенью катер.

Крепкий декабрьский мороз прихватывает нос и щеки. Тихо. Иногда застрочит где-то пулемет да просвистит мина и чавкнет в лед реки. И снова лишь ритмичный скрип снега под валенками. День пасмурный, с низкой облачностью — «рама» не летает. Идем смело по открытой местности.

А вот и хозяйство Батюка — хаос нагромождений из разрушенных кирпичных стен, лестниц, разбитых вагонов, рельсов, листов железа, металлических ферм, скрытые пулеметные точки, индивидуальные ячейки автоматчиков, замаскированные минометы, штабеля ящиков с боеприпасами, узлы телефонной связи. Люди где ходят, где пулей пролетают двухметровое открытое пространство, где ползут. Живут. Воюют. Приветствуют ге-

нералов и продолжают свое дело. Я давно уже включил камеру. Снимаю встречу генералов с полковником Батюком.

Еще более замысловатыми пещерными ходами подошли к наблюдательному пункту. Он находился на разрушенном полотне железной дороги, проходившей здесь и полукольцом охватывающей Мамаев курган с восточной стороны.

Мамаев курган, знаменитая высота 102,0. Она неоднократно переходила из рук в руки в ожесточенных схватках. Сейчас высота была у противника. Этот наблюдательный пункт командующего был одним из важных: вражеские позиции были видны отсюда как на ладони, всего лишь 150—200 метров отделяли их от НП командарма, тогда как сам НП был так тщательно скрыт и замаскирован, что гитлеровцы о нем и не подозревали. В. И. Чуйков часто бывал здесь, наблюдая и изучая меняющееся расположение войск противника и его действия.

Хотел было снимать В. И. Чуйкова в самом НП. Отказался — тесно. Наблюдательный пункт был без покрытия, поэтому я решил найти точку, откуда был бы виден командующий. Пополз вокруг. Нашел. Противнику я не виден: от него загорожен широким заснеженным бревном. В визире камеры В. И. Чуйков наблюдает через стереотрубу. Включаю съемочный аппарат, который в этой морозной тишине ужасно громко трещит.

— Смотри, фрицы услышат — подстрелят тебя, — улыбаясь, говорит Василий Иванович, не отводя глаз от стереотрубы.

— Я живучий, обойдется, — отвечаю, не снимая пальца со спускового крючка «Аймо». — Вот теперь хватит. — Выключил аппарат.

В это время откуда-то справа дали длинную очередь. Потом еще и еще. Я воспользовался этим шумом, снял еще два кадра с панорамой на вражеские позиции и сполз вниз, где были адъютанты. Они не преминули выговорить мне за мою вылазку наверх — мог неосторожным движением демаскировать НП. Я понимал это и был предельно аккуратен. И потом, что я мог сделать, если больше неоткуда было снимать командующего на НП, а без этого кадра я не мог возвращаться. Я и шел-то за ним. Дивизию Батюка в боях я уже снимал раньше. В общем, все обошлось благополучно.

Помочь Батюку командующий пообещал.

Когда возвращались к себе, Самсонов рассказывал:

— А ты знаешь, как гитлеровская разведка охотится за командующим? Сколько засылали они к нам диверсантов и лазутчиков! Даже объявили фрицам: кто доставит Чуйкова живым или мертвым, будет отпущен домой. Не в отпуск — совсем.

Гитлеровские генералы, имевшие колоссальный военный опыт, завоевавшие Европу и подошедшие к Волге, никак не могли понять, почему им не удалось столкнуть Чуйкова и его армию в Волгу, от которой они были всего в четырех шагах. Шесть месяцев беспрерывных, жесточайших атак на земле и в воздухе, а результат — лучшая армия фюрера разбита и пленена.

Прозрение наступит позже. Наступит обязательно. И первым, кого оно властно позвало, был сам командующий 6-й армией, генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс. Он отказался раскусить ампулу с ядом, когда увидел, что сражение проиграно. Зато позже «раскусил» он всю трагедию авантюристского замысла Гитлера, его историческую пагубность и неосуществимость.

Это позже. А вот теперь, выйдя из помещения штаба Донского фронта в селе Заворыкино, где был допрошен после пленения командующим фронтом Рокоссовским, он, идя к машине, еще отворачивался от снимающих его операторов и фоторепортеров.

Я выбрал для съемки несколько необычную точку, надеясь на то, что уж тут-то Паулюс не отвертится от

меня, не закроет лицо руками. Потребовав от шофера автомобиля открыть обе передние дверцы, я занял позицию со стороны водителя, «принимая» на себя приближающегося к машине Паулюса, не подозревавшего, что его ждет еще одна «киноатака». Снимая сидя на корточках, я наблюдал через визир «Аймо», как он, заметив кинооператора сбоку шофера, на секунду приостановился перед дверцей. На лице его отразились и удивление, и растерянность, и даже злость. Он рывком сел в машину, хлопнув дверцей, и я, выключив аппарат, отпрянул от тронувшегося автомобиля.

Так уж случилось, что ни одному оператору — ни А. Софьину, находившемуся в 64-й армии, ни мне, все время бывшему в городе, в 62-й, ни прилетевшим к этому времени из Москвы операторам Р. Кармену и Б. Шеру, ни даже таким асам фоторепортажа, как Г. Зельма и Я. Рюмкин, — не удалось снять само пленение Паулюса. Сенсационное событие это произошло без операторов и фоторепортеров. Может быть, поэтому, наверстывая упущенное, мы буквально обложили фельдмаршала, фиксируя подробно все связанное с его допросом в штабе 64-й армии, перемещением, допросом Рокоссовским и отправкой его дальше, в тыл. Тут уж мы «патронов не жалели» — пленки отсняли столько, что из нее можно было бы смонтировать короткометражку о Паулюсе.

А гитлеровская армия в целом после краха ее планов в Сталинграде получила такой удар, от которого она уже не могла оправиться до конца войны, будучи окончательно сокрушенной советскими войсками в Берлине в мае 1945 года.

Конец января 1943 года. Вот-вот кончатся бои в Сталинграде. Уже разгромлена южная группировка гитлеровцев, закончились бои в центральной части города. Пленные длинными серыми колоннами под конвоем нескольких солдат направляются на левую сторону Волги.

Уже привычный грохот войны стал уступать место тишине, от которой мы отвыкли за 180 дней и ночей.

Уже появились первые жители, вернувшиеся к своим родным домам.

И лишь в северной части города, в районе заводов «Красный Октябрь», «Баррикады» и СТЗ, шел бой. Впрочем, и эта северная группировка вражеских войск сопротивлялась недолго.

Я снимал этот последний бой в Сталинграде. Снимал, как наши солдаты огнеметами выкуривали фашистов из подвалов цехов, огнем автоматов косили сопротивляющихся гитлеровцев. Снимал сдавшихся в плен солдат и офицеров.

Не помню точно, когда это случилось, но это был солнечный зимний день в Сталинграде конца января или начала февраля 1943 года. Радостное настроение победы, конец Сталинградской битвы, ожидание заслуженного отдыха перед новыми боями царили буквально в каждом сталинградце от солдата до генерала.

И вдруг автоматная очередь из подвального окна-амбразуры разрушенного дома в центре города скосила двух наших солдат, разминирующих проход. Было ясно, что там еще оставались гитлеровцы. Тогда командир батареи легких пушек, на глазах которого были обстреляны минеры, приказал открыть прямой наводкой огонь по окнам подвала. Я стал снимать. Дом окутался дымом от разрывов снарядов. Вверх летели кирпичи, обломки бревен. Эта пальба, неожиданно ворвавшаяся в уже установившуюся тишину города, вызвала недоумение штаба армии, и к месту позиции батареи вскоре прибыл сам командующий В. И. Чуйков.

Ему доложили о случившемся. И тут мы все увидели, как из рассеивающегося дыма обстрелянного дома бежит по направлению к нам оборванный и окровавленный гитлеровец. В высоко

поднятых руках он держал белую рубашку

Чуйков приказал прекратить огонь. Немец что-то кричал, размахивая рубашкой.

Ну, ясно — это был парламентер от осажденного гарнизона.

— Унзере зольдатен хенде хох, Гитлер капут, нихт шиссен!

Переводчика поблизости не было, но и без него всем было понятно: солдаты сдаются, прекратите огонь!

Бойцы наших подразделений, еще находившиеся в своих блиндажах и опорных пунктах вокруг занятого противником дома, видели солдата с «белым флагом» и тоже поняли, что враги сдаются. Они стали подходить с трех сторон к дому. Шли спокойно, уверенно.

И тут случилось то, чего никто не ожидал. Из трех подвальных окон по подходящим во весь рост нашим солдатам немецкие фашисты открыли ураганный огонь из пулеметов и автоматов.

Снимая, я увидел в визир кинокамеры, как эти десятка два солдат падали в снег — кто убитыми, кто ранеными.

Какая подлость! Какая грязная провокация! Какое вероломство — послать парламентера с просьбой о мире и тут же открыть огонь!

За эти тяжелые месяцы в Сталинграде я не раз видел командующего армией и в веселом, радостном настроении, и в состоянии мрачного раздумья, и в гневе. Война есть война. Но сейчас, когда на его глазах совершался гнуснейший акт несправедливости, проявление звериной сущности фашистских захватчиков в ответ на великодушие советского солдата, верившего в незыблемость гуманных международных законов ведения войны, — таким Василия Ивановича Чуйкова я видел впервые..

Все, что могло стрелять и еще не было увезено на левый берег Волги, — две небольшие пушки, автоматы и пулеметы солдат и откуда-то вынырнувший «Т-34», — все обрушило свой карающий меч на фашистов, засевших в подвале.

Снимая этот шквал огня и разгневанных наших воинов, я беспокоился о пленке: хватит ли? Ведь должен же быть финал этого неожиданного эпизода! В рюкзаке за плечами оставалась чистой лишь одна бобышка — 30 метров. А пленка в аппарате катастрофически быстро кончается. Но вот наконец стрельба разом стихла. И тут все увидели, как из развалин бывшего дома выползают уцелевшие гитлеровцы с поднятыми руками. Вид их был ужасен. Это было жалкое подобие людей: обросшие, изможденные лица, рваные, окровавленные одежды, когда-то называвшиеся шинелями или кителями, обмотанные разным тряпьем ноги, затравленный, какой-то обезумевший взгляд. Один из них пытался что-то говорить, но он лишь заикался.

Двое наших штабных офицеров, а с ними я и мой солдат-помощник пошли к противоположной фасаду стороне развалин. Там оказался незасыпанный лаз в подвал, откуда тоже выходили и выползали раненые фашисты. К нам подошло еще несколько человек из штаба армии, среди которых был и переводчик. Из подвала доносились непонятные глухие выстрелы. На вопрос переводчика, что это может быть, один из пленных сказал, что солдаты сами приканчивают эсэсовских офицеров, которые полчаса назад разыграли провокационную сдачу в плен послав солдата с белой рубашкой к советским войскам.

Когда из подвала выполз последний гитлеровец и бросил к нашим ногам пистолет, он сказал, что там остались только мертвые. Пленных — раненых и поддерживающих их — построили и в сопровождении двух наших солдат направили в общую колонну, идущую бесконечной серой лентой через замерзшую Волгу.

4 февраля 1943 года на площади Павших Борцов, где состоялся митинг победы армий, разгромивших 6-ю ар-

мию Паулюса, была последняя съемка сталинградской эпопеи. Ее производили все операторы, пришедшие на эту площадь вместе со своими частями, в составе которых они снимали их боевые действия.

И снова я вижу моих друзей однополчан, операторов войны, как и все солдаты Сталинградской битвы, прошедших за эти шесть месяцев тяжелые испытания, но вышедших победителями. Как посуровели их лица, какими подтянутыми и по-военному строгими выглядят они. Но сколько радости в этих объятиях, поцелуях, которыми обменивались операторы-побратимы!

...И у каждого своя история, своя за полгода сложившаяся судьба боевой, многотрудной жизни, работы, переживаний, испытаний.

Но только неувядающий оптимизм и молодость ребят не позволили им в рассказах, воспоминаниях касаться тяжелых, неприятных случаев. И. Гольдштейн, например, даже с юморком рассказывал, что окружение он снимал с «подвижного штатива»: генерал Шапкин, командир кавалерийского корпуса, где оператор тогда находился, дал ему высокого, резвого рысака, чтобы кинолетописец не слишком отставал от боевых порядков корпуса.

Об Н. Вихиреве рассказали, что он между боевыми вылетами на съемку бомбардировок объектов противника и в ночное время превращался в «холодного фотографа» — проявлял фотонегативы и печатал позитивы для листовок, какие требовались для представителя «Союза свободной Германии» Вальтера Ульбрихта.

И. Кацман и А. Козаков шутливо обещали написать после войны докторскую диссертацию на тему «Документальные синхронные съемки боевых действий в Сталинграде в период Великой Отечественной войны 1941—... гг.». У этих операторов была звукозаписывающая камера «Тонар», и они ухитрялись и снимать и записывать на ней звуки и шумы войны, подчас подбираясь с тяжелым аппаратом на штативе к самой передовой.

А. Островский хвалился, что после войны он купит охотничье ружье, настреляет уток и зайцев и пригласит нас всех на зайчатинку, потому что, снимая снайпера Чехова в Сталинграде, перенял у него все премудрости и хитрости маскировки, и потому ни одна крячка и ни один косой его не обнаружат в засаде. И только А. Кричевский поделился не совсем приятными воспоминаниями о том, как ему пришлось однажды снимать контуженного в танке Орлянкина. Но это сообщение вызвало у присутствующих только бодрые, оживленные комментарии, из которых автор этих строк понял, что если он окажется еще раз в подобной ситуации, то они, мои друзья, оторвут мне голову.

Говорили с теплым чувством об асах воздушных съемок отважных Д. Ибрагимове и Б. Вакаре, ранее откомандированных из нашей группы в другие соединения, об А. Софьине — авторе незабываемого кадра: варварски разрушенная фашистами скульптурная группа перед вокзалом в Сталинграде. Добрым словом вспомнили нашего начальника А. Кузнецова и его помощников — Д. Яновера и И. Роговского, проявлявших к нам дружеские чувства, беспокоившихся о нашем настроении, наших семьях, наших доппайках — чтобы везде был порядок и ажур...

Снимая митинг победителей в Сталинграде, мы знали, что это последние кадры будущего фильма о великой битве на Волге, поэтому каждый из нас старался запечатлеть своих героев, отличившихся в боях с фашистами, — ведь мы знали, что больше их не увидим и что нас ждут другие части, другие фронты, куда после Сталинграда будем направлены продолжать свое дело — снимать войну и своим оружием — киноаппаратом приближать светлый день победы над ненавистным фашизмом.

...Я прощался со Сталинградом, не-

побежденным городом, его руинами, ставшими мне дорогими, родными. В рюкзак я положил ком сталинградской земли — спекшейся земли с вплавленными в нее огнем войны гильзами, пулями, обильно политой кровью советского солдата, отстоявшего эту землю в жестокой схватке с врагом... Положил как память о тех, кто погиб, оставив нам жизнь, совершив бессмертный подвиг.

Я улетел на Центральный фронт.

Материал, снятый моими товарищами в других армиях, и мой систематически публиковался в «Союзкиножурнале» и вошел в документальный фильм «Сталинград».

Советское правительство высоко оценило фильм и труд снимавших картину, наградив всех орденами и медалями Родины. А нескольких кинооператоров и режиссера — Государственной премией I степени. Режиссер Л. Варламов, операторы А. Софьин, Б. Вакар, Д. Ибрагимов, А. Козаков и В. Орлянкин были удостоены звания лауреатов Государственной премии, и им были вручены золотые медали.

Премию в сто тысяч рублей мы внесли в фонд обороны Родины, звание же старались с честью пронести через всю войну, до последнего ее дня, оправдывая высокое имя сталинградцев.

Вот имена тех, кто создавал фильм «Сталинград»:

план фильма — Л. Варламов и А. Кузнецов, режиссер — Л. Варламов, операторы — А. Софьин, Б. Вакар, Д. Ибрагимов, А. Козаков, А. Кричевский, Е. Мухин, М. Гольбрих, Н. Вихирев, И. Гольдштейн, М. Посельский, Б. Щадронов, И. Кацман, Г. Островский, И. Малов, В. Орлянкин, директора картины — Д. Яновер, И. Рогозовский.

...Сталинград — это не только рубеж войны, это символ непобедимости советского народа, это начало конца фашизма.

«Сталинград» — фильм, который показал это всему миру.

Все мы знали, что до полной победы над врагом еще далеко. Но мы верили: есть победа в Сталинграде — будет и в Берлине.

С этой верой мы и прошли всю войну...

Наверное, не найду ничего более точного и правильного в определении фигуры фронтового кинооператора в минувшей войне, как то, что он есть плоть от плоти, кровь от крови своего народа. Что он такой же солдат своей Красной Армии, несущей людям планеты свободу, мир и веру в мечту. Что он всегда с ней рядом — в бедах ее и в радостях.

Это он, как и вся армия в суровые годы отступления, прошагал полстраны на восток по пыльным дорогам, оплаканным нашими женщинами, и сам в слезах снимал наше горе, тяжкие муки наши, пепелища, скорбь, грязь, пот, кровь, не скрывая ни от кого тяжелой правды войны. Изнывал от зноя в степи, замерзал в холодном окопе, голодал и, трижды раненный, полз по горящей земле, презирая смерть и вкладывая в свои репортажи весь пыл, всю страсть художника и талант кинодокументалиста, запечатлевал великую историю подвига советского солдата, его мужество и отвагу в ратном труде во имя любви к родной своей советской земле, во имя победы над злым роком эпохи — коричневой чумой.

Выполняя на войне высокую миссию кинолетописца, он оставался человеком. Живым, непосредственным, которому не чуждо все человеческое. Простым и скромным, благородным и великодушным ко всему доброму и светлому и беспощадно гневным к злу и несправедливости.

...Их на войне было чуть более 250 человек — воинов с киноаппаратами.

Многие из них никогда не узнают о том, что один из их товарищей по оружию весной 1945 года сделает последний кадр войны — снимет водружение

флага Родины на рейхстаге в Берлине как символ победы над гитлеровской Германией.

Мы, живые побратимы, знаем, что и они несли это знамя. Только они упали раньше, чем наступил этот светлый день победы.

Во всех киностудиях страны на видном месте установлены мемориальные доски, освещенные Вечным огнем славы. Золотыми буквами на них выгравированы имена фронтовых кинооператоров, павших смертью храбрых за Родину. А на экранах мира как светлый памятник им будет долго жить снятая ими в Великую Отечественную войну правда о советском человеке, победившем фашизм.

Р. Кармен

Плененный фельдмаршал

В маленьком, жарко натопленном бревенчатом домике в селе Заворыкине, на столе разложена карта Сталинграда, исчерченная цветными карандашами. С каждым днем теснее сжимается кольцо вокруг гитлеровских дивизий.

Вокруг стола — люди, с которыми я встречался на подмосковной даче в разгар жестоких боев на подступах к Москве, ровно год назад. Тогда это был штаб 16-й армии. Сейчас — штаб Донского фронта. И словно не минул год. И какой год!.. Чуть разве прибавилось «инея» на висках Константина Константиновича Рокоссовского. Как всегда, печать крайнего утомления на лице его бессменного начальника штаба Михаила Сергеевича Малинина. Веселые искорки в глазах, тоже бессменного, командующего артиллерией Василия Ивановича Казакова. Дружной семьей прошли эти трое военачальников через всю войну.

Где же штаб Паулюса? Разноречивые сведения, добытые у пленных, ведут в один квадрат карты — центр города. А точнее? Пока неизвестно...

В силу добрых отношений, завязавшихся еще в трудные дни подмосковных боев, обращаюсь прямо к Константину Константиновичу:

— Помогите мне снять пленение Паулюса.

Рокоссовский с лукавинкой обращается к присутствующим:

— Поможем Кармену осуществить такую съемку? Но с одним условием, — добавляет он, — услуга за услугу...

— Все, чем могу быть полезен, — с готовностью начал было я, но командующий прервал меня.

— Помогите нам сначала взять Паулюса в плен, идет?!

Все вокруг засмеялись. Малинин, помолчав, сказал:

— Лично я думаю, что Паулюс живым не попадется в наши руки. Он пустит себе пулю в лоб. Я кое-что слышал о нем. Он типичный представитель аристократической прусской военщины. Фанатически предан фюреру. Впрочем, дело не в прусских традициях, здесь вопрос солдатской чести. Я бы на его месте в плен не сдался...

Рокоссовский, поднявшись во весь свой двухметровый рост, зашагал по комнате и, перейдя на сердитый тон, продолжал:

— Черт знает что, все с ума посходили — от командиров рот до командующих армиями... Все намереваются захватить штаб Паулюса, а где он, толком не знают... — Повернулся ко мне. — Поезжайте в 10-ю армию, она, видимо, ближе к цели, а если в дальнейшем что-то уточним, постараемся сообщить.

Дни и ночи земля содрогалась от канонад. Кольцо сжималось с каждым часом. По эту сторону его город был заполнен уже толпами сдавшихся в плен гитлеровских солдат. Они растерянно спрашивали наших бойцов, куда следовать. Бойцы отмахивались — каждый рвался вперед. Пленные сами строились в колонны и брели на сборные пункты, сопровождаемые зача-

Оператор А. Козаков, директор группы Д. Яновер и оператор Н. Вихирев. Сталинградский фронт. 1943 г.

Оператор А. Кричевский сопровождает раненого оператора В. Орлянкина. Сталинградский фронт. 1943 г.

стую всего лишь двумя-тремя конвоирами. Вид у гитлеровцев был ужасный: обмотанные одеялами и платками, голодные, израненные, обмякшие, потерявшие человеческий облик.

А те, что были в кольце, продолжали еще упорное сопротивление. Бой шел за каждый метр улиц, за развалины, подвалы домов. Все чаще появлялись группы гитлеровцев с поднятыми руками, с прикрепленными к палкам белыми тряпками.

Мы с оператором Борисом Шером были свидетелями сдачи в плен генерал-лейтенанта фон Даниэльса. Он сдавался со всем своим штабом, со всеми сохранившимися в живых солдатами своей дивизии. Шел он, глядя себе под ноги, засунув руки в висевшую на груди заячью муфту. Подле него бежал рослый пес — немецкая

овчарка. Генерал-лейтенант фон Даниэльс «огнем и мечом» прошел со своими войсками по Украине. На этот раз, переходя замерзшее русло реки Царицы, отмерял последние свои шаги во второй мировой войне.

Напряженный бой шел около вокзала. На водокачке засели немецкие автоматчики. Они яростно отстреливались. Наши бойцы выкатили 45-миллиметровую пушечку на прямую наводку и, прицеливаясь сквозь ствол, начали вгонять снаряды методично в каждое окно водокачки. Мы с Борисом Шером снимали этот эпизод.

И вдруг наступила тишина. В горячке съемок мы сразу даже не заметили, как стал тише, а потом и совсем прекратился неистовый гром орудий. Тишина казалась какой-то неправдоподобной. Что произошло?

И до моего сознания наконец дошло: сражение за Сталинград окончено. Молнией мысль — а Паулюс? Может быть, уже сдался? Немедленно в штаб армии!

На пустыре, утыканном дымящимися трубами печурок, с огромным трудом отыскали мы с Шером землянку штаба армии. Вопросов задавать не пришлось — полковник передал мне телефонограмму из штаба фронта, подписанную Малининым: «Немедленно прибыть в расположение 64-й армии генерала Шумилова; там будет сдаваться в плен Паулюс»

Через минуту мы уже мчались по разрушенному городу, ориентируясь по карте. Столкнулись с колонной машин. Впереди — огромный стального цвета «Хорьх». Я понял: в этой машине — Паулюс. Обогнав колонну, мчимся дальше.

У домика, в котором размещался штаб 64-й армии, я выскочил из машины и приготовил камеру. Стальной «Хорьх» остановился, я начал съемку. Из машины вышел Паулюс. Вслед за ним — его адъютант полковник Адам и начальник штаба генерал-лейтенант Шмидт. Переминаясь с ноги на ногу, Паулюс вопросительно взглянул на сопровождавшего его советского офицера; тот указал на деревянный домик. Паулюс направился к крыльцу.

«Не застрелился...» — подумал я, снимая шедшего усталой походкой Паулюса. На нем — свисавшая мешком до пят мятая шинель. И сам он, сутулый, со страдальческим выражением на изможденном лице, выглядел каким-то мятым.

Следующие кадры были сняты мною и Шером в комнате штаба армии. На наше операторское счастье, она была залита солнцем. За столом сидел генерал Шумилов. Перешагнув порог, Паулюс по-военному вытянулся, выкинул руку в гитлеровском приветствии. Шумилов указал ему на стул.

— Господин генерал-полковник, — заявил Шумилов, — вы пленены 64-й армией, которая сражалась с вами от Дона до Сталинграда. Командование пленившей вас армии гарантирует вам воинскую честь, мундир и ордена.

Паулюс склонил голову, выслушивая переводчика, и, когда тот кончил, кивнул. Шумилов продолжал:

— Можете ли вы предъявить нам документ, удостоверяющий, что вы являетесь командующим 6-й германской армии генерал-полковником Паулюсом?

— Я могу предъявить золтдатенбух[1], — сказал Паулюс и, нервно расстегивая мундир, достал свой документ, положил его на стол перед советским генералом. Шумилов внимательно изучил документ и вернул его Паулюсу. Паулюс попросил у генерала Шумилова разрешения на «важное заявление» и сказал:

— Сегодня ночью, господин генерал, я получил по радио от моего фюрера сообщение, что я произведен в чин генерал-фельдмаршала.

Шумилов довольно улыбнулся. Еще бы: одно дело — взять в плен генерала, другое — фельдмаршала.

[1] Солдатская книжка.

Через несколько часов Паулюса на его же штабной машине повезли в Заворыкино, в штаб фронта. За рулем стального «Хорьха» сидел его личный шофер. Следующая в колонне машина — генерал Шмидт и полковник Адам. В обеих машинах сидели, конечно, и наши офицеры. Нам предстояла тридцатикилометровая дорога по приволжским степям. Мороз — около тридцати градусов. Наш операторский «Виллис» в колонне был третьим.

По открытой степной дороге ехали при полном свете фар. Фронт откатился далеко на запад, мы внезапно оказались в глубоком тылу. Ветер гнал поземку. В свете фар — вихри снега. Обгоняем растянувшиеся на много километров колонны немецких пленных. В узких местах на заметенной снегом дороге приходится останавливаться, ждать, пока колонна пленных потеснится и пропустит нас.

Шум от скрипа тысяч ног на морозном снегу походил на гул гигантского водопада. В яркой световой полосе, как на киноэкране, проплывали печальные образы солдат, обмотанных одеялами, мешками, тряпками. Я мысленно переносился в кабину стального «Хорьха» и смотрел на печальное зрелище глазами Паулюса. Пленный фельдмаршал принимал этой ночью в мороз и пургу последний трагический парад своих разгромленных войск.

Дважды во время этого рейса мы останавливались по команде «Воздух!» и выключали фары; оба раза я выходил из машины, чтобы размять ноги. На большой высоте слышался гул транспортных самолетов. Выходил и Паулюс.

Это ему, его окруженной группировке по приказу фюрера, не подозревавшего еще о том, что конец уже наступил, везли колбасу, консервы, патроны. Мимо нас безостановочно брели колонны военнопленных.

В бревенчатом домике в Заворыкине состоялась первая встреча Паулюса с командованием фронта. Это было уже поздно ночью. Переводчик представил вошедшему в дом Паулюсу командующего фронтом генерала Рокоссовского и представителя Ставки маршала артиллерии Воронова. Паулюс, внимательно вглядываясь в их лица, спросил:

— Это вами был подписан ультиматум, направленный мне?

Я сидел у стены на лавке. В комнате было темно, только над столом горела автомобильная лампочка, проводок от которой тянулся к аккумулятору. Снимать при таком мизерном освещении было бессмысленно. Со мной была фотокамера, которой я изредка щелкал, снимая с выдержкой, рискуя, что кадр будет смазанным. Но хотя бы фотокадры! Хоть как-то запечатлеть исторический момент.

Обращаясь к пленному фельдмаршалу, Воронов сказал:

— Мы пригласили вас в столь поздний час, чтобы решить один чрезвычайно важный вопрос. Ваши войска разгромлены, сотни тысяч ваших солдат сдались в плен, и сами вы, фельдмаршал, пленены. Но на севере, в кольце окружения, продолжают сопротивляться немецкие войска. Советское командование располагает колоссальными огневыми средствами, большим количеством самолетов, эта группировка будет уничтожена в несколько часов. Мы предлагаем вам, фельдмаршал, обратиться к вашим солдатам и офицерам с предложением сложить оружие и этим предотвратить бесполезное кровопролитие. Жизнь ваших солдат в ваших руках, фельдмаршал.

Паулюс внимательно выслушал Воронова. Лицо его подергивалось нервным тиком. Руки дрожали. Я не спускал с него глаз. Рокоссовский придвинул ему коробку папирос. Паулюс взял папиросу, еще заметнее стало, как дрожит его рука.

— Я такого приказа моим войскам отдать не могу. Я этого не сделаю.

— Почему?

— Потому что я нахожусь в плену, а они сражаются. Я просто не имею права отдать им приказ о капитуляции.

— Но вы отдаете себе отчет во всей бессмысленности их сопротивления?! — воскликнул Рокоссовский. — Ведь мы их уничтожим!

Паулюс повернулся к Рокоссовскому, в глазах у него была невысказанная боль. Он, конечно, осознавал и гуманность сделанного советскими генералами предложения и меру своей ответственности за кровь немецких солдат и все же после минутного молчания повторил:

— Нет, я не в силах отдать приказ о капитуляции. В этой войне я не раз был свидетелем того, как русские солдаты, оказавшиеся в безнадежном положении, сражались до последнего патрона, сражались доблестно, героически. У моих солдат есть боеприпасы и оружие. У них приказ — продолжать сопротивление. Почему же вы мне предлагаете заставить их сдаться? Нет, я не имею права это сделать.

— Ну что ж, в таком случае, мы вынуждены завтра утром, — Воронов посмотрел на часы, — вернее, сегодня начать операцию по разгрому этой группировки ваших войск.

Паулюс склонил голову, развел руками и молча взглянул в глаза Рокоссовскому, словно хотел сказать: «Я бессилен выполнить ваше предложение. На вашей стороне сила, мы проиграли...»

Это было на рассвете 2 февраля 1943 года. Утром этого дня мы с Шером были уже на борту самолета, везли в Москву материал о разгроме гитлеровцев в Сталинграде, снятый операторами Донского и Сталинградского фронтов, в том числе и свои ленты, запечатлевшие пленного Паулюса. Специальный выпуск кинохроники был готов на следующее утро.

И. Вейнерович

В тылу врага

С первых дней войны добивался я разрешения на съемки в тылу врага, у партизан и наконец получил его.

Была ранняя весна. Фашисты, создав по всему фронту глубоко эшелонированную оборону, просматривали, простреливали на подступах к своим позициям буквально каждый метр. Перебраться к ним в тыл можно было только воздухом.

До этого я никогда не прыгал с парашютом, а предстоял ночной прыжок, да еще в районе сплошных лесов. Пришлось срочно пройти курс обучения. Экипировка была простая: ватник, теплые ватные брюки и непромокаемые сапоги. С собой взял только самое необходимое: съемочный аппарат, пленку, наган, автомат, две гранаты и десятидневный запас продуктов, но в общем получилось немало. Обвешанный со всех сторон, я еле влез в самолет.

Летели в абсолютной темноте, лишь изредка нас освещали лучи прожекторов, но по сигнальным ракетам штурмана они тут же угасали. Пока это были свои, но вот и линия фронта.

Красными стремительными молниями резанули ночное небо трассирующие пули зенитных пулеметов. Желтые вспышки разрывов окольцевали самолет. И снова темнота — мы уже за линией фронта, над оккупированной немцами территорией.

Ни единого огонька. Изредка чернеют населенные пункты, небольшие перелески. А вот уже и лесные массивы... Мерцают огоньки костров.

— Мы над целью — приготовьтесь! — коротко командует мне штурман.

Подхожу к люку. Холодный ветер перехватывает дыхание. Штурман что-то высматривает внизу. Промелькнула чернеющая пятнами домов деревня.

Слышу команду «Пошел!»

Стараюсь ни о чем не думать, отрываюсь от самолета, несколько минут захлебываюсь воздухом, кувыркаюсь.

Рывок раскрывшегося парашюта, и после долгого шума мотора и свиста

ветра как-то необычайно остро воспринимается тишина. Движения не ощущаю, кажется, повис в воздухе над темной бездной. Проверил, все ли при мне. Все на месте. Остается только хорошо приземлиться.

Меня явно несло на лес, он чернел внизу. Вот уже различаются верхушки деревьев, отдельные небольшие поляны. Подтягиваю стропы, стараюсь попасть между деревьями. Поздно. С размаха ударяюсь о верхушку дерева. Парашют повисает на сучьях.

В темном небе, ожидая моего сигнала, плавно кружит самолет. Снимаю перчатки и карманным электрическим фонарем подаю условный сигнал. Летчик сбрасывает мешок с продуктами и запасом пленки. Самолет уходит в ночь.

Я — в тылу врага.

Приготовив автомат и гранаты, осматриваюсь; я стою по колено в воде в небольшой разлившейся лесной речушке. Неосмотрительно брошенные перчатки уплыли.

Заметив по треску сучьев место падения груза, иду туда нарочно по воде, чтобы не оставлять следов, изредка останавливаюсь, прислушиваюсь.

Партизаны, уведомленные о моем прилете, должны встречать меня в деревушке, которую штурман показал еще с самолета.

Ориентируясь по компасу, направляюсь к ней. Слышу приближающиеся голоса. А вдруг немцы?!

Руки невольно крепче сжимают автомат. Притаившись за деревом, вслушиваюсь. Говорят по-русски, ищут парашютиста, но где гарантия, что не полицаи?

Первые мгновения проходят настороженно, затем — дружеские объятия. И вот я уже у костра партизан. Их человек двадцать — с винтовками, ручными гранатами, пулеметами, автоматами.

Прибытию моему рады — человек с Большой земли. Не успеваю пожимать тянущиеся со всех сторон руки, отвечать на бесконечные вопросы.

Ночь пережидаем в ближайшей деревне. С первыми петухами выхожу на улицу, и опять бесконечные вопросы: «Как там Москва, Ленинград, удержатся ли?», «Правда ли, что Сталин и Ворошилов выехали из Москвы?» Опровергаю брехню фашистов.

Как-то сам по себе возникает митинг. Население деревни собирается на него как на праздник. Почти все вооружены, даже девушки с карабинами и винтовками, некоторые опоясаны пулеметными лентами. У всех на головных уборах или на груди красные ленточки.

Оператор И. Вейнерович. У брянских партизан. 1942 г.

О делах на Большой земле, успехах Красной Армии, разгроме немецких войск под Москвой слушают затаив дыхание, не пропуская ни слова.

Кем-то вносится предложение послать на Большую землю рапорт о своих делах. Его пишут тут же за столом президиума:

«...партизанские отряды области истребили за полгода свыше 5000

солдат и офицеров противника, пустили под откос 16 воинских эшелонов, взорвали 340 автомашин с живой силой и техникой, уничтожили 29 самолетов, 33 танка и броневика, подорвали около 100 мостов. Партизаны изгнали немцев из 345 населенных пунктов и снова восстановили там Советскую власть».

Цифры изумляют меня. Смотрю на простые крестьянские лица, и, откровенно говоря, даже не верится: неужели все это сделали они?! Неужели гитлеровцы не в силах справиться с такими мирными на вид, покладистыми людьми?

Приступаю к съемкам. Переходя от группы к группе, стараюсь запечатлеть самые яркие моменты.

Вот откуда-то появилась гармошка, молодежь собралась вокруг гармониста.

У школы, занятой под штаб партизанского отряда, проводилась подписка на заем.

К вечеру поступает сообщение, что в соседнем районе партизанские отряды готовятся к очередной боевой операции. Накануне несколько немецко-венгерских карательных батальонов напали на окраинные села партизанского района, охранявшиеся лишь небольшими заставами, и дотла сожгли одно из сел, зверски истребив все его население.

Взяв с собой проводника, я немедленно отправился в это село. На крестьянской телеге, запряженной парой лошадей, мы ехали по глухим лесным дорогам. В попадавшихся на пути селах шли боевые приготовления: грузились на телеги боеприпасы, устанавливались пулеметы. На улицах строились провожаемые женщинами и детьми еще безусые парни и бородачи. Много было в строю и женщин.

Проводник пояснил, что это группы самообороны, организованные населением для защиты своих сел. Их вооружили трофейным оружием партизанские отряды, и теперь добровольцы собирались помочь разгромить карательную экспедицию оккупантов, отомстить за загубленных фашистами родных и друзей.

Сами же партизанские отряды располагались у созданной ими линии обороны.

В одном из больших селений мы засняли выступление на операцию партизанского отряда.

Бойцы были в кожухах и в армейских шинелях, в пилотках и в зимних шапках. У каждого винтовка, отечественная или добытая в бою у врага, за поясом гранаты, тесаки, через плечо пулеметные ленты. Это была партизанская пехота.

Рядом на запряженных тройками лошадей тачанках хозяйничали пулеметчики, заботливо протирая свои «максимы».

Молодцевато выглядела кавалерия. Какой-то парень в новеньком желтом кожухе и папахе привязывал к уздечке своей лошади красный бант. Другой, лихо сдвинув на макушку добытую где-то матросскую бескозырку, обматывал себя пулеметными лентами.

Командир, в кожаном пальто, высокий, по-армейски подтянутый, оглядел вытянувшиеся вдоль улицы готовые к походу колонны подразделений, посмотрел на небо и обратился к сопровождавшему его комиссару: «Как думаешь, подходящая ночка будет?» Комиссар в ответ улыбнулся. Оба сели на верховых коней, и отряд двинулся.

Темнело. Моросил мелкий холодный дождь. Лошади с трудом тащили по грязи подводы, груженные патронами, минами, снарядами. Смачно ругаясь, десять обвешанных винтовками и гранатами парней вытаскивали за колеса застрявшую пушку.

Люди шли в бой. Добровольно организовались они в партизанские отряды, чтобы защищать свои села и семьи от гитлеровских грабителей, свою Родину — от позора и подневолья, и шли в бой, как на обычную работу.

Против карателей выступало одновременно несколько партизанских отрядов. Объединенное командо-

вание разработало план действий. По строгому графику каждый отряд должен был занять исходные позиции.

В ночь намечался первый удар.

Штаб объединенных отрядов должен был разместиться в том селе, которое накануне сожгли фашисты.

Командовал операцией командир одного из отрядов, тогда еще мало кому известный С. Ковпак. Однако те, кто видел его в бою, рассказывали про

Оператор С. Гусев. Северо-Западный фронт. Партизанский отряд. 1941 г.

него настоящие легенды. Да и теперь один из партизан сказал мне:

— Раз Ковпак с нами, все будет в порядке.

— Быть фрицам битыми, — добавил другой.

К штабу решили пробираться напрямик лесом.

Было уже совсем темно. Шумели от ветра верхушки сосен. Каждый куст стал казаться спрятавшимся в засаде врагом. Ветви елей неожиданно били в лицо, обдавая брызгами.

Я весь промок. Соскочив с телеги, долго шел за ней, пытаясь согреться.

Дорога казалась бесконечной. Возникали уже сомнения: не заблудились ли? Не попадем ли к немцам в этом чернильном мраке ночного леса?

Но проводник, молодой, приятный парень, бывший разведчик, уверенно вел нас по извилинам и развилкам лесных дорог

Вскоре мы въехали в село, вернее, на то место, что еще недавно было селом.

Пахло гарью. Дымились груды развалин, изредка поблескивая еще огоньками тлеющих головешек. Ни одного строения, только зловеще торчали печные трубы.

Прошли всю двухкилометровую улицу села — нигде ни души. И вдруг топот верховых. Захватив аппаратуру, мы спрятались в развалинах и приготовили оружие. Лошадь с повозкой оставили на дороге. К ней на полном скаку подъехали два конника с винтовками в руках. Один из них, объехав вокруг повозку, крикнул в темноту:

— Эй, кто тут?

Мы потребовали пароль. Нам ответили. Вместе с разведчиками направились к уцелевшему каким-то чудом

дому, стоявшему в стороне от главной улицы.

Для штаба в нем очистили одну из комнат, окна завесили мешками и на первых порах зажгли лучины. В комнате стояли лишь разломанный стол и перевернутый пустой сундук. На полу валялись какие-то обломки утвари, тряпки.

Почти вслед за нами к дому подкатили несколько тачанок и бричек, с них соскочили вооруженные люди.

Прибыл, оказывается, и Ковпак, сошел с одной из бричек, остался на улице беседовать с окружившими его селянами. Женщины плача рассказывали ему о жуткой расправе, учиненной здесь карателями.

Побеседовав с народом, Ковпак прошел в занятую под штаб хату.

Там горела уже керосиновая коптилка. На прислоненном к стене поломанном столе лежала развернутая, исчерченная красными и синими линиями карта. Начальник штаба, в военной форме, с красными, воспаленными от бессонницы глазами, доложил Ковпаку о плане предстоящей операции, о движении отрядов, о расположении противника.

За стеной плакал грудной ребенок.

Ковпак посмотрел на часы. Было двадцать пять минут первого.

— Пойдемте на улицу, сейчас начнется, — позвал он нас всех. И мы вышли.

Раздался гул артиллерийских залпов. Стреляло около двух десятков орудий и тяжелых полковых минометов. Где-то далеко слева небо обагрилось заревом пожара. Ветер доносил треск пулеметных очередей.

То и дело, перемежаясь, взлетали красные и зеленые ракеты.

Наблюдая за ними, Ковпак, ни к кому не обращаясь, как бы сам себе пояснял:

— Так. Так... Ворвались в село... Молодцы!

— Дуйте туда, — сказал он наконец, обращаясь ко мне, — будет что снять!

Мне дали верховую лошадь, сопровождающего, и мы галопом помчались туда, где языки пожарищ раскинулись примерно на двадцать пять километров. Это был фронт боев.

Небо уже посерело, когда мы доскакали до занятого только что партизанами села.

Бой был в разгаре. Два бородатых артиллериста не спеша, советуясь друг с другом, наводили через ствол на цель добытое в бою, лишенное прицельных приспособлений орудие. Впереди виднелось здание школы, в котором засели вражеские пулеметчики.

Сильно откатываясь, пушка посылала по врагу снаряд за снарядом.

Неподалеку стоял батальонный миномет. Девушка с длинными русыми косами, перетянутая солдатским ремнем, быстро и сноровисто протирала тряпкой лежавшие на земле мины и подносила их к миномету. Управлял минометом парень лет тридцати, без шапки, с развевавшимся по ветру чубом.

Гитлеровцы, отступая, жгли дома. Деревня горела, объятая дымом.

Сняв все, что было можно, я зашел в одну из хат передохнуть. Худая, с угловатыми плечами хозяйка топила печь, варила картошку. Старшая дочь готовила корове пойло. Двое меньших испуганно вздрагивали от выстрелов, жались к матери. В углу под образами, накрытый домотканым одеялом, лежал мертвый старик — дедушка ребят, отец хозяйки. На бороде его запеклась кровь. Отступая, оккупанты убили его.

В другом углу за столом разместился штаб партизанского подразделения. Хозяйка наварила полную миску картофеля, и командиры, не прерывая своей беседы, завтракали.

Верхом прискакал комиссар подразделения; собрав всех, кто был поблизости, он сам повел их в бой, разгоревшийся на окраине соседней деревни. Там в школе каратели устроили склад оружия и теперь отчаянно защищали его.

Свистели пули, рвались снаряды, мины. Перебегая от одного горящего дома к другому, стреляя на ходу по отступающим карателям, партизаны медленно продвигались к центру села, где находилась школа. На подступах к школе скопилось уже много бойцов, укрывшихся за домами. Дальше продвигаться казалось уже невозможным.

Под прикрытием шквального огня гитлеровцы грузили на подводы свои боеприпасы.

И вдруг один из знакомых уже мне разведчиков, оторвавшись от стены дома, быстро пересек улицу. Короткими перебежками, стреляя из автомата, подобрался к школе и, вскочив на одну из нагруженных оккупантами повозок, стеганул лошадей; они понеслись по улице под ливнем пуль. Упала одна лошадь, за ней — другая. Соскочил с повозки и разведчик, скрылся из поля зрения, но вскоре появился опять, ведя под уздцы добытую где-то лошадь. Обрезав упряжь убитых лошадей, быстро впряг новую и погнал ее из зоны обстрела. Укрывшись за домом, начал сгружать с повозки патронные ящики.

По школе в упор ударило орудие. Усилив пулеметный и автоматный огонь, партизаны ринулись в атаку. Это было так неожиданно, что я не успел приготовить аппарат и не снял начало атаки.

Фашисты отступили. За ними вдогонку помчались партизанские конники. Засняв конец боя, я начал снимать горящие дома, следы только что утихшей схватки.

Из школы выносили и грузили на подводы ящики с патронами, минами, гранатами, телефонный кабель, радиостанции, крупнокалиберные пулеметы и другое снаряжение.

Полевой госпиталь разместился на окраине села в одном из уцелевших домов. Сюда партизаны приносили на шинелях и плащ-палатках раненых товарищей и клали их на чисто вымытый пол.

Застелив стол простынями, женщина-хирург и две помогавшие ей девушки делали перевязки.

Как только стих бой, из погребов на улицу вышли жители. Пытаясь что-то еще спасти, люди выгребали из-под пышущего жаром пепла остатки посуды, домашней утвари.

Я вернулся в штаб Ковпака.

Теперь вся комната была завалена трофеями. Разбирали захваченные документы, приказы, письма. На полу валялось несколько фотопленок, кто-то по неопытности вынул их из аппарата «посмотреть, что там снято».

За столом над разложенной картой все так же сидел начальник штаба. Казалось, он не вставал из-за стола со вчерашнего вечера. Десятки разноцветных линий и стрел прибавились на карте за прошедшую ночь.

Из стопки лежавших перед ним донесений он что-то выписывал, подсчитывал — подводил итоги операции: заняты у железной дороги два крупных населенных пункта, являвшихся опорными базами противника, и до десятка мелких деревень, разгромлены три карательных батальона, убито около четырехсот вражеских солдат и офицеров, сожжено три склада с боеприпасами и амуницией врага, а также десять вагонов, брошенных им при отступлении, захвачено пять радиостанций, два крупнокалиберных пулемета, сто винтовок, четыреста гранат, двести тысяч патронов, пятьдесят подвод с военным грузом и другие трофеи.

Уже затемно возвращались партизаны с поля боя. Двигались повозки, орудия, шли бойцы. Какой-то парень играл на гармошке неизвестную мне, видимо, родившуюся в отряде боевую песню. Шагавшие рядом подпевали ему. Где-то весело смеялись девушки.

Партизаны возвращались на свои базы, к своим родным, жизнь и жилище которых они только что защищали своей грудью. Окруженные кольцом врагов, отрезанные от своей армии, они мужественно, самоотверженно сражались за Родину.

В. Муромцев **Белые ночи**

Садясь в самолет для вылета в тыл врага, мы представляли себе, как приземлится самолет среди костров на поляне дремучего леса — партизанском аэродроме, расположение которого держится, конечно, в тайне. Подойдет партизан с бородой, скажет: «Здравствуй, мил человек» — и поведет по тайным тропам в лесную глушь.

В действительности выглядело все иначе: как только приземлился наш самолет, кто-то открыл кабину и безусый парень скомандовал:

— Быстрее вылезайте, приготовьте оружие, займите оборону!

В освободившийся самолет быстро погружаются раненые. Сигналом руки дается старт. Где-то неподалеку слышны автоматные очереди.

— Погасить костры! — продолжает командовать все тот же парень. — Снять оборону, немедленно выступать! Засады снять через пятнадцать минут!

Приказания выполняются четко и быстро.

Безусый парень с энергичным лицом и веселыми глазами подходит к нам. Знакомимся; оказывается, это и есть Иван Васильевич Крылов — командир 3-й партизанской бригады Ленинградской области, в которую мы направляемся.

— Только что отбили атаку гитлеровцев, — говорит он, — пытались захватить аэродром. Ну, ребята дали им прикурить!

— Много убитых фашистов? — интересуюсь я.

— Оружия порядочно взяли, а убитых не считали. Володя, — обращается командир к парню в модной фетровой шляпе, — трупов много?

— Да нет, и тридцати не будет. — Володя приглашает нас пойти посмотреть. — Вот они, рядом.

Но смотреть некогда. Затемно надо успеть добраться до отряда. Угощаю командира папиросами. Иван Васильевич отстраняет портсигар.

— Закурим дома, здесь нельзя — огонь папиросы виден далеко, а тут голо.

И в самом деле, насколько хватает глаз — голая, лишь местами холмистая местность, усеянная деревушками.

— Где же вы прячетесь? — недоумевает мой напарник, кинооператор Эйберг. — Здесь нет лесов.

— Прячемся? — удивляется Иван Васильевич. — Что нам прятаться? — Смеются и партизаны. — На своей земле живем. А кто нам мешает жить — тех истребляем.

Идем по дорогам и целиной.

Наконец приходим в деревню, где размещается сегодня отряд. Перед деревней — засада. На улицах — патрули. Они стерегут сон партизан.

В отведенном нам доме встречаем партизанского корреспондента — журналиста Бориса Романовича Изакова. Делимся впечатлениями.

— Даже не ощущаешь, что находишься в тылу у врага, — замечает прибывший с нами фотокорреспондент ТАСС Михаил Трахман.

Изаков улыбается.

— Это ощущение скоро пройдет, — обещает он. — В трех километрах — немецкий гарнизон.

Хозяйка ставит на стол творог, сметану, молоко. Приглашает закусить. Хлеб наполовину с мякиной.

— В прошлом году, — поясняет хозяйка, — только собрали урожай, немцы устроили повальные обыски, выгребли все до зернышка. Живем тем, что успели зарыть в землю.

Рассказывая, женщина все время потчует нас.

— Родимые партизаны только и спасают, — продолжает она. — Уже больше года благодаря им налогов немцам не платим. Сборщики боятся заглядывать. А то пропали бы совсем.

Мы благодарим хозяйку за угощение. Я показываю ей листовку, обращенную к жителям оккупированных

районов Ленинградской области. Хозяйка зовет соседку, та — другую, и через несколько минут, несмотря на ранний, предрассветный час, изба уже полна женщин и девушек. Прочтенную листовку хозяйка прячет за икону.

Занимается день. В деревню въезжают верхом трое партизан, одетых в немецкую форму. На четвертой лошади — пленный.

Вчера отряду стало известно, что сить о всех замеченных им случаях противодействия немецким властям. Сообщил, что деревня не платит налогов, и просит «соответствующих мер». «Германцы» предложили ему одеться и поехать с ними для доклада военному коменданту района.

Через некоторое время староста стоял перед собранием деревни. Крестьяне потребовали казни предателя. Судить его будет трибунал.

Операторы Н. Номофилов, В. Муромцев, М. Сегаль (справа). Северо-Западный фронт. 1942 г.

староста одной из деревень выдал оккупационным властям трех военнопленных, бежавших из гитлеровского концлагеря. Сегодня ночью трое партизан в немецкой форме приехали к старосте. Это в тридцати километрах от расположения бригады. Староста подобострастно встретил «господ германцев», поспешил сообщить им о своем предательстве. Партизаны («германцы») попросили письменный рапорт. Староста аккуратным почерком обстоятельно и подробно написал о своем преступлении. В угодничестве обязался и впредь немедленно доно-

В избу, где размещается штаб, приходит крестьянка. С плачем рассказывает, что фашисты сожгли соседнюю деревню. Жителей из горящих домов не выпустили.

— У нас сгорела невестка, обгорела сестра, лежит вся в нарывах, — продолжает крестьянка, — без медицинской помощи умрет.

Командир отряда посылает к пострадавшей медсестру Катю Данилову. Вместе с ней идем и мы. За околицей раздаются пулеметные и автоматные очереди. Это засады партизан встретили огнем колонну карателей, завязывается бой. Немцы начинают бить из минометов, подтягивают орудия. Бронебойно-зажигательными пулями им удается поджечь несколько домов.

Партизаны, жители этой деревни, помогают своим семьям перебраться в вырытые у каждого дома окопы. Почти в каждой семье партизанит сын, дочь или отец.

Слышен гул автомашин. Гитлеровцы подбрасывают свежие силы, цепочкой окружают деревню. Непрерывно бьют их пулеметы. Партизаны стреляют только по целям: надо экономить боеприпасы. И пока неистовствуют вражеские пулеметы, партизаны молча выжидают. Нельзя раньше времени открывать свои позиции. Гитлеровцы поднимаются в атаку. Подбегают к огородам. Партизаны подпускают их на 15—20 метров и начинают расстреливать в упор. Ряды атакующих расстраиваются. Десятки гитлеровцев валятся замертво на землю. Остальные отползают. Из партизанских окопов в них летят гранаты.

Бой продолжается до ночи. Раненых партизан выносят в «тыл». Во дворе одного из дома хирург Анатолий Иванович оперирует раненых. Медсестра Катя перевязывает их парашютным шелком (бинтов нет).

Разбив карателей, бригада выстраивается в колонну на марш. Легко раненных сажают на коней.

Впереди колонны скачут конные разведчики. Они прочесывают прилегающие к дороге кусты, первыми проезжают попутные деревни. Разведка охраняет бригаду на марше от всяких неожиданностей.

Возглавляет колонну командир бригады Крылов с комиссаром Исаевым, за ними движется огневой взвод. Гуськом идут автоматчики, минометчики, истребители с противотанковыми ружьями. Все вооружение и боеприпасы партизаны несут на себе. Несмотря на прохладную майскую ночь, всем жарко. Пот струится по лицам, гимнастерки становятся мокрыми настолько, что хоть выжимай.

В середине колонны — обоз: боеприпасы, раненые, Аня Бобунова со своей типографией, печатающей «Партизанскую правду», за ней — Валя Бурова с рацией. Здесь же место и «корреспондентскому корпусу» — Изакову, Эйбергу, Трахману и мне. Но мы растянулись по всей колонне. И хотя на марше было строго запрещено разговаривать, шепотом беседуем с партизанскими командирами и бойцами.

Я говорю Ивану Васильевичу, что представлял себе партизан обитающими обязательно в лесах.

— В 1941 году мы сидели в лесу, — говорит Иван Васильевич, — прятались, голодали, ходили только на диверсии. Фашисты же тем временем грабили крестьян. А теперь мы в любую деревню заходим, как в родной дом. Почти все население — в партизанах. Для борьбы с такими отрядами гитлеровцам приходится снимать с фронта целые дивизии, держать в своем тылу многочисленные гарнизоны, вооружая их танками и даже самолетами. Сейчас, — продолжает Иван Васильевич, — наступают белые ночи. Немцы, конечно, постараются использовать их для борьбы с партизанами, усилят карательные экспедиции. Бригаде придется непрерывно маневрировать, чтобы сохранить силы.

Идем быстро и без привалов. Проходим по улицам небольшого городка Крутцы. Немецкий гарнизон его весь выехал на борьбу с партизанами. Это с ним наш отряд вел бой днем.

Утром приходим в деревню Усачево. Партизаны едят и ложатся спать. До нового боя надо успеть отдохнуть. На улицах остаются только патрули.

Зато назавтра в деревне настоящее праздничное гулянье. Приоделись девушки. Неделю назад каждой из них немцы вручили синий мобилизационный листок, где отмечены приметы — зубы, глаза, волосы, рост; на немецком и русском языках написано: «Подлежит отправке добровольцем на работу в Германию». Но «добровольцы», пользуясь защитой партизан, не спешили в рабство. Сегодня с бригадой пришли парни из этой же деревни. Волнующие, счастливые встречи.

Везде угощение; партизан ждут в каждой деревне, для прихода их в тайниках, где не могут разыскать немцы, держатся особые запасы.

Нас хозяин угощает самогонкой и жалуется:

— Три дня стояли германцы в деревне. Вчера только ушли. У меня жили офицеры. Говорю одному: здравствуйте, а он меня кулаком в нос.

Смотрим на красный нос мужика. Не от кулака он, видимо, красен.

— За что же ударил-то?

— Я тожеть спрашиваю его: за что? А он еще.

— Опять в нос? — допытывается партизан Саша Золотухин.

— Не, — выкручивается завравшийся хозяин, — на этот раз в ухо.

Как потом выяснилось, щедрый самогонщик был гитлеровским прихвостнем.

Отдохнувшие партизаны мылись в бане, чистили оружие. Мы с Эйбергом пошли снимать разгромленный этой ночью партизанами земский двор. По пути прошли несколько деревень. Крестьяне сеяли рожь, как в прошлые века, из лукошка на своих приусадебных участках. Нет зерна, да и незачем стараться, все равно отберут немцы. А небольшой посев можно быстрее убрать и спрятать.

На земском дворе — остовы сожженных немецких машин. Гитлеровцы сгоняли сюда крестьян для засева земли, урожай с которой должен был пойти немцам. Партизаны внесли свою поправку, и вот ее результаты — дымящиеся остатки сеялок, гитлеровских тракторов. Мы снимаем их. И вдруг раздаются выстрелы — гитлеровцы бьют по нас из кустарника. Мы возвращаемся в отряд. В деревне уже никого нет, отряд занял оборону. Пошли его разыскивать. Кругом полыхали хутора, деревни. Это немецкие каратели отмечали свой путь поджогами. Пулеметные и автоматные очереди перекрывались разрывами мин и снарядов. Противник подтянул скорострельные орудия. Положение становилось тяжелым. Вся «глубина» нашей обороны простреливалась во всех направлениях.

Бой затянулся до ночи. Но был уже канун белых ночей. Полночь, а все не темнеет.

Подошел Крылов. Гитлеровцам удалось, оказывается, окружить нас. Наступает не менее полутора тысяч человек, а уйти нельзя — светло. На второй день боя патронов не хватит. Крылов приказывает отдать все патроны пулеметчикам, остальным оставить только по пять штук.

— По-моему, — пытается шутить Изаков, — песенку «белая ночь, чудная ночь...» надо запретить. Какая она, к черту, чудная!

Круживший над нами немецкий самолет начинает сбрасывать какие-то баллоны. Они раскрываются в воздухе, и из них вываливаются гранаты, разрываясь на лету, осыпают нас осколками.

Со всех сторон тянутся к нам пунктиры трассирующих пуль. Ударяясь о землю, пули разрываются.

Крылов командует вдруг: «За мной!» И мы быстро пробегаем через деревню, занятую немцами. Со свойственной ему военной смекалкой, Крылов правильно оценил обстановку. Немцы, окружив лесочек, в котором мы сражались, меньше всего предполагали прорыв партизан через деревню и поэтому оставили там лишь небольшой заслон, который партизаны бесшумно сняли.

Пробежав через деревню, мы залегли в небольшом овражке. Каратели еще некоторое время продолжали вести огонь в прежнем направлении, пока наконец не сообразили, что партизан в лесочке уже нет, а доносящаяся оттуда «стрельба» — разрывы их же пуль.

Мы тем временем выходим к болоту, переправляемся вброд через речку. Снова болото. И так около двадцати километров. Наконец — привал, надо подождать отставших. Садимся прямо в трясину.

— Сейчас будем переходить большак. Кругом засады, — предупреждает Крылов. — Проверить оружие!

Через полчаса делаем бросок через шоссе. К счастью, густой туман скрывает нас от противника.

Утром приходим в деревню Крюково, ложимся отдыхать. Но спать приходится недолго. Объявлена тревога. К деревне движется колонна немцев. Партизаны, укрывшись за домами, насчитывают 250 гитлеровцев. Мы видим, как внезапно для противника начинают бить наши пулеметы. Около тридцати гитлеровцев падают замертво. Остальные расползаются в стороны. Начинается бой. Свистят пули. Загораются несколько домов. К гитлеровцам подходит подкрепление. Партизаны отходят к кладбищу. Но патронов уже нет, стрелять нечем. И страшно хочется есть — не ели сутки.

Бой принимает все более ожесточенный характер. Под ливнем пуль отступаем опять к болоту. На кладбище все еще слышна стрельба. Это окруженный немцами комсомолец пулеметчик Гринчук отстреливается до последнего патрона. А потом геройски погибает, подорвав себя гранатой и уложив при этом с десяток подбежавших к нему фашистов.

Ночью самолеты нам доставляют патроны, эвакуируют раненых.

Наутро отряд в новой деревне. Успеваем отдохнуть. Получаем сведения, что в боях под деревней Усачево уничтожено около 120 фашистов.

Михаил Леонидович Воскресенский, начальник политотдела бригады, на общем собрании крестьян сообщает о положении на фронтах, о жизни советского тыла. Саша Золотухин (комсорг) проводит собрание подпольной комсомольской организации.

К вечеру опять завязывается бой. После жестокой схватки противнику удается захватить полдеревни, а другую половину — поджечь. Отступаем в примыкающий к деревне кустарник. Гитлеровцы заходят в тыл отряда, ранены комиссар Савельев и Борис Изаков. Около них суетится медсестра Катя Данилова. Помогаю Кате перевязывать. Вынимаю у Изакова документы. Карман полон крови. Партбилет пробит осколком. Записные книжки, исписанные мелким почерком, тоже в крови.

К ночи противника оттеснили, но положение бригады остается тяжелым.

Приходим ночью в ближайшую деревню, заходим в один из домов. С печи соскакивает испуганная хозяйка. В темноте ей не видно, кто пришел. Пока нет Михаила Леонидовича, Саша Золотухин спрашивает хозяйку:

— Ты, мать, за кого? За немцев или за партизан?

Перепуганная женщина отвечает уклончиво:

— Я человек темный, мы всех боимся.

— А все-таки, — допытывается Саша, — кто лучше-то: немцы или партизаны?

Хозяйка делает вид, что не понимает вопроса.

— Опять ты ерундишь, — делает замечание Саше вошедший Михаил Леонидович.

Дальнейший их разговор протекает в сенях.

Хозяйка завешивает окна, зажигает свет. Теперь она видит, что пришли партизаны, успокаивается. Входит Михаил Леонидович, позади него — смущенный Саша.

— Ну как, мать, — спрашивает Михаил Леонидович, — немцы давно были?

— Какой давно! — отвечает хозяйка. — Вчера недалече бой был. Так их прошло видимо-невидимо.

— Сколько же это «видимо-невидимо»? — пытается уточнить Евгений Петрович Малинов — редактор «Партизанской правды». До войны он был артистом. Партизаны прозвали его «Джамбулом».

Беседу прерывает вбежавший в хату молодой партизан. Хозяйка бросается к нему, обнимает.

— Ну ладно, мам, ладно, — застеснялся посторонних парень. — Я к тебе за табачком.

— Сын? — спрашивает Михаил Леонидович.

— Сынок, — отвечает хозяйка. — Галя, — разбудила она маленькую девочку, — Петька пришел.

Та вскочила и бросилась к брату.

Днем в деревню притащился мальчишка, принес почту из района. Пришли открытки от дочерей и сыновей, угнанных в Германию. Был уже май, а открытки датированы еще январем. Парни и девушки старались писать так, чтобы и немецкая цензура пропустила бы и дома родные поняли: «Работы много. А питаемся очень хорошо, как Денис Иванович» (Денис Иванович — местный нищий).

«Батька, пока у вас еще, наверное, тоже снег, тоже ночь. Но скоро взойдет солнце с востока, и вы заживете снова хорошо» (под солнцем подразумевалось, конечно, победное продвижение Красной Армии).

Опять снимаемся в путь, ночной марш, бой.

Разведка, посланная в деревню Усачево, не вернулась. Подходим к деревне осторожно. В крайней избе находим голый труп. Огнестрельные и колотые раны. Лицо изуродовано. С трудом узнаем не вернувшегося из разведки Степана Шитова. Крестьяне рассказывают, что в деревню нагрянуло человек тридцать фашистов, одетых под партизан; этой хитростью и взяли Шитова. Пытая, нещадно истязали его.

Вся бригада хоронила убитого разведчика. В тот же день удалось отправить снятый материал.

Вечером состоялся военный совет бригады. Съехались командиры партизанских полков — Ефимов, Худяков, Журавлев и Ярославцев.

Когда расселись, Иван Васильевич дал слово Ефимову. Его полк вел сегодня разведку.

Чтобы не быть захваченной врасплох, бригада должна иметь ясное представление о расположении гарнизонов и перебросках немецких войск.

Превосходящим силам врага партизаны противопоставляют маневр, военную хитрость. Немцы никогда не знают, в каком месте столкнутся с партизанами. Каждый день бои завязываются в новых районах.

В ходе совещания выясняется, что против партизан будут действовать помимо жандармских полевых частей две дивизии: одна — снятая с Волховского фронта, другая — из Парижа. Крупный гарнизон сосредоточен в Пскове. Его гитлеровцы тоже могут бросить в бой.

Крылов предлагает командирам полков, отрядов и групп особое внимание обратить на подготовку оборонительных рубежей.

Большие надежды возлагали на белые ночи каратели.

Но партизаны оставались неуловимыми. Помогали этому и жители сел.

У шоссе передовому отряду партизан приходится залечь. По шоссе идет колонна немецких машин. Нас обдает пылью. Пыль лезет в нос. Хочется чихнуть, но чихать нельзя. Я показываю, как надо потереть двумя пальцами нос ниже горбинки. Этому в детстве меня учила мать. «В обществе, — говорила она, — чихать — плохая манера». Здесь же «плохая манера» могла стоить жизни.

Проходит последняя машина, и мы броском перебегаем шоссе.

В небольшой деревушке Горкино устраиваемся на отдых. Сильно намяты ноги. Снимаем сапоги. Хозяйка собирается стирать наши портянки. Нарушаем партизанский обычай — ложимся спать разутыми. Но не проходит и пятнадцати минут, как объявляется тревога.

Вынимаем из корыта намыленные портянки, некогда даже выжать их.

Идем под знойным солнцем. Жара невыносимая. А тут еще «согревающие компрессы» на ногах. Тридцатикилометровый марш днем куда тяжелее пятидесятикилометрового ночью.

Останавливаемся на несколько минут в деревне Приезжево. За два года войны партизаны здесь появились впервые.

— Каждый день смотрел в окошко, не увижу ли родной серой шинели, — говорит один из стариков села. — Вот и довелось наконец на своих посмотреть.

Но едва мы сели у гостеприимного старика за стол, как зазвенели разбитые пулями стекла. Немцы обнаружили нас и начали наступление сразу с трех сторон.

Иван Васильевич, устроив командный пункт у сарая, руководит боем; то и дело к нему подъезжают связные с донесениями.

Подпустив гитлеровцев совсем близко, бойцы Гудкова расстреливают их в упор. Немцы прячутся за кочки.

— Мошков, — командует Иван Васильевич, — поднять фрицев с земли, а то простудятся!

Мошков дает сигнал минометчикам. Под минометным огнем немцы отступают.

— Дай ракету Журавлеву, — не отрываясь от бинокля, продолжает Иван Васильевич.

Взвивается ракета. Отступающих немцев из лесочка атакуют бойцы отряда Журавлева.

После боя мы задерживаемся, чтобы подобрать своих раненых, и сейчас же выступаем.

В одной из деревень захожу мимоходом в церковь. Старый священник читает Евангелие. И вдруг слышу слова: «От Советского Информбюро». Громким голосом священник прочел очередную сводку. Оказалось, что священник этого прихода систематически получает от партизан сводки Совинформбюро и читает их в церкви.

Я зафиксировал это на кинопленку.

Два месяца непрерывных боев и маршей. Наконец кончаются белые ночи. Восстанавливается связь с Большой землей. Отряд принимает самолеты. Отправлены в тыл раненые. Читаем полученные газеты и журналы. Как всегда, перечитываем по нескольку раз статьи Эренбурга. Радуют события на фронтах. В журналах — несколько рассказов о партизанах. Авторы их, безусловно, не имели намерения смешить народ. Тем не менее партизаны смеются, читая о том, как принимают в партизанском лесу самолет: бросают в воздух шапки и кричат «ура», качают летчика и угощают его лесными ягодами.

— Черт знает, — сердито говорит комиссар Исаев, — почему нас так изображают? Не хотят понять, что принять самолет в тылу врага — это сложная боевая операция.

Михаил Леонидович рассказывает, как, получив подарки от трудящихся Челябинска, в ответном письме они с комиссаром сначала написали: «Шлем привет из сел и деревень Ленинградской области» Потом подумали: а вдруг челябинцы решат, что неудачно выбрали для подарков отряд, партизаны которого сидят в деревнях и селах? И написали: «Шлем привет из лесов».

— Сами, выходит, и создаем о себе неверные представления у людей, — подметил кто-то из работников газеты.

Два месяца...

За это время мы прошли с бригадой партизан по вражеским тылам около полутора тысяч километров, засняли тысячи метров пленки — летопись фашистского ига и мужества народных мстителей. На века останутся кинодокументы правдивым, достоверным рассказом о героизме простых советских людей, не покорившихся врагу

О. Рейзман **При свете взрывов**

Нас было тогда на Центральной студии кинохроники всего две женщины-оператора — Мария Сухова и я. В 1943 году нас стали готовить к переброске в глубокий тыл противника в Белоруссии. Впрочем, Маша была уже человеком обстрелянным. У нее за плечами был рейд по немецким тылам, самостоятельный переход через линию фронта. Она уже снимала хронику о партизанах Белоруссии для фильма «Народные мстители», а до этого еще в качестве ассистента оператора участвовала в создании документального фильма «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой».

Здесь хочется в нескольких словах напомнить о трудной и необычной судьбе моей подруги. Она пришла к нам на студию по комсомольской путевке, не имея ни профессии, ни образования. Поступила уборщицей, но вскоре была переведена в лабораторию, постепенно освоив все процессы обработки пленки, много читала, занималась.

Война застала ее уже ассистентом оператора. Она прекрасно справлялась со своей неженской, как тогда считалось, профессией, особенно трудной в боевых условиях, и вскоре была переведена на самостоятельную операторскую работу. Маша была человеком редкого мужества и душевной стойкости. С ней мне было не страшно.

Все лето прошло у нас в занятиях стрельбой, парашютизмом. Наконец мы получили новое обмундирование, оружие, удостоверения, но не обычные, а напечатанные на лоскутках материи. Ребята со студии подшучивали, что мы теперь самые красивые девушки на Петровке — ходим в новеньких полушубках и в сапогах, горделиво поскрипывая портупеями, с кинжалами и пистолетами на боку.

Долго ждали отправки. Каждое утро, попрощавшись с близкими, направлялись на Внуковский аэродром, где уже находилось все наше имущество, и через несколько часов, так и не дождавшись приказа о вылете, понуро возвращались на студию. Конечно, мы могли бы устроиться на житье в соседней с аэродромом деревне, но не хотелось ни за что отрываться от студии с ее кипучей, напряженной жизнью. В Белоруссии в это время шли жестокие бои, погода сплошь стояла нелетная, и все это затягивало нашу переброску.

Оператор О. Рейзман. В отряде белорусских партизан. 1943 г.

И вот однажды в туманное, нелетное декабрьское утро после двух месяцев ожидания нам наконец сказали: «Девушки, сегодня полетите». Мы написали на студию записку о том, что наконец-то улетаем, и отправились грузиться со всем нашим имуществом: два съемочных аппарата, два железных ящика с пленкой, ящик с патронами, автоматы, парашюты за спиной. Мастер спорта Боголепов, который занимался с нами парашютизмом, пожелал непременно лететь вместе с нами, чтобы самому подтолкнуть нас к решающему прыжку.

И вот летим на запад. Весь наш «Дуглас» забит какими-то ящиками, на которых мы и уселись. Пилот почему-то сказал: «Не беспокойтесь, девушки, мы везем мыло». Мы и не беспокоились. Только впоследствии узнали, что летели на взрывчатке...

Прыгать с парашютом нам не пришлось. В полете был получен приказ приземлиться на партизанском аэродроме, чтобы захватить раненых. Сели в районе Минска, в расположении партизанской бригады Железняка, за восемьдесят километров от того места, куда направлялись. Машу Сухову здесь уже знали, встретили как свою. Раненый комиссар Маневич, ожидавший отправки в госпиталь, сказал нам, чтобы мы забрали себе его лошадь, находившуюся в лесу, и ординарца.

Всего четыре часа назад мы покинули столицу и вот очутились среди леса, близ небольшой деревни, в каком-то новом и по первому впечатлению чуть нереальном мире.

Спрашиваю у нового знакомого, молодого партизана Васи, близко ли немцы. «Далече, километра за полтора, — отвечает он и успокоительно добавляет: — Утекем!» Здесь — мы, а в соседней деревне за полтора километра — гитлеровцы.

Оператор М. Сухова. В отряде белорусских партизан. 1943 г.

Когда выезжали из деревни, на краю ее, низко над стогом сена, кружил немецкий самолет, обстреливая все вокруг из пулемета. Я взялась за камеру. Это были первые кадры, снятые мною за линией фронта. А назавтра пришлось уже снимать похороны партизана, убитого с этого самолета. Потом снимала приход в бригаду партизанского пополнения. Меня поразило, как много среди новых партизан заросших до глаз пожилых бородачей. Однако же утром, побывав в руках партизанского парикмахера, они оказались молодыми парнями.

Мы попросили командира бригады Железняка перебросить нас через дорогу на Березину, по которой то и дело курсировали немецкие танкетки. Чтобы помочь нам, группа товарищей, дождавшись темноты, завязала отвлекающий бой метрах в двухстах от места, где нам предстояла перебежка. Тут некоторую помощь оказали нам и сами гитлеровцы: они освещали местность вспышками ракет через определенные промежутки времени. Мы воспользовались этими промежутками для перебежек через дорогу.

Мы благополучно прибыли в партизанскую зону вблизи Полоцка. Здесь шла отчаянная «рельсовая война». Из трех железных дорог, по которым гитлеровцы гнали на фронт пополнение и боеприпасы, одна стараниями партизан постоянно оказывалась выведенной из строя.

Обычно оператора больше всего волнует вопрос: будет ли достаточно света? Волновало это и меня, особенно когда я собиралась на операцию в первый раз. Товарищи успокаивали: будет светло, как днем.

Стояла жестокая декабрьская стужа. Под покровом темноты я бесшумно ползла вместе со всеми, таща на себе кинокамеру, кассетники и, разумеется, автомат. Расположилась в кювете, дрожа от волнения, слыша частые гулкие удары своего сердца. По другую сторону дороги затаились немцы. Ждать пришлось не-

долго, операция была произведена с молниеносной быстротой. Один партизан вскочил на насыпь, заложил взрывчатку, другой поджег шнур, и все успели разбежаться, прежде чем раздался взрыв и гитлеровцы сообразили, в чем дело. Впрочем, не только они, я тоже растерялась и ничего не успела снять, хотя товарищи не обманули меня — было светло... Отползая, провалилась в болото, и меня вытаскивали за волосы. Из этой первой неудачи я извлекла все необходимые уроки. В следующий раз действовала с такой же быстротой и четкостью, как партизаны, все успела снять. Во фронтовых выпусках хроники стали появляться сюжеты о боевых делах белорусских народных мстителей в далеком тылу противника.

Сказать по правде, партизанам была с нами немалая морока. Обычно они действовали небольшими группами. А когда мы к ним присоединились, пришлось выступать уже двумя-тремя отрядами, чтобы прикрывать нас во время съемок. Дали нам в помощь ординарцев, без этого мы были бы просто не в состоянии волочить на себе столько груза. Вообще без постоянной помощи партизан наша работа была бы невозможной, здесь все решала дружба. Они относились к нашей работе серьезно и уважительно, радовались и гордились, что на Большой земле кино рассказывает о том, как они борются с оккупантами.

Партизанские летчики увозили заснятый материал в Москву, а нам привозили пленку, письма от близких, подробные рецензии на снятый нами материал. Это было особенно важно, ведь мы не имели возможности увидеть его на экране.

Зиму мы прожили в деревнях. В каждой деревне были свои «опорные» дома. Мы знали, что в них всегда накормят, уложат спать, постирают. Но в марте 1944 года пришлось уйти в лес, перейти на житье даже без землянок. Чтобы обеспечить себе возможность неизбежного отхода, немцы предприняли под Витебском грандиозные карательные операции. Теперь постоянная связь с Москвой была прервана, пленку и письма сбрасывали на парашютах. Иногда прилетавшие летчики добавляли от себя по куску мыла «девушкам с хроники». Лучшего гостинца тогда и представить себе было невозможно. Часто мы были вынуждены в ожидании оказии подолгу таскать на себе снятый материал. Нередко приходилось шагать на партизанский аэродром за 10—15 километров. Шли обычно ночью, без всякой боязни: в лесу чувствовали себя как дома. Впрочем, однажды ночью напоролись на эсэсовцев, остановились, переглянулись: «Ну, Маша, приехали!» Но вдруг немцы заговорили... по-русски. Мы не верили своему счастью — это оказались партизанские разведчики, переодетые в немецкую форму.

Каждый день приносил что-нибудь интересное, показывал новые стороны своеобразного и неповторимого партизанского быта. То появятся в лесу крестьянские сани — это колхозники сами, по своей инициативе привезли партизанам хлеб, который сумели утаить от немцев. То однажды, установив камеры на санях, мы отправились снимать, как немцы вырубают лес вдоль шоссе, чтобы хоть сколько-нибудь обезопасить себя. Мы снимали, а заодно, где смогли, валили столбы, перерезали проволоку. Маша, у которой были на редкость зоркие глаза, первая заметила немцев. Товарищи стали нас торопить: «Уходите, девчата». Но мы и не думали уходить, послали сани вперед, а сами взялись за автоматы. У Маши в этом бою оказался простреленным полушубок.

Но самое страшное было, когда отказала камера. Главный партизанский «умелец» Ваня был часовых дел мастером, по совместительству — оружейником, но съемочного аппарата он и вблизи не видел. А больше обращаться нам было не к кому. Ваня осторожно разобрал аппарат, почистил, продул, смазал, что-то подвинтил, и —

чудо, камера вновь заработала. Только счетчик ему не удалось наладить, но бог с ним, со счетчиком, снимать можно и без него. Поэтому я выбросила его с легким сердцем — все-таки немного меньше придется тащить на себе.

Кольцо окружения вокруг партизанской зоны сжималось. В один из майских дней начался жестокий многочасовой бой. Пылали две деревни, подожженные гитлеровцами. Каким-то особенным операторским зрением я отметила в багровых всполохах пожара силуэты трех вздыбившихся от ужаса коней. Эффектный кадр, но снимать было уже невозможно. Немцы спустили на нас овчарок. Вместе со всеми я строчила из автомата — уже не кинооператор, а просто солдат. В этом бою в ночь на 5 мая мою дорогую подругу Машу Сухову настиг осколок немецкой мины. Умирая на руках партизан, она успела сказать, где зарыт снятый ею материал. Оборвалась короткая доблестная жизнь-подвиг.

В этом бою полегло много наших товарищей. И все-таки оккупанты убедились, что уничтожить отряды партизан на их родной земле невозможно. Уцелевшие прорвали вражескую цепь и вновь вышли гитлеровцам в тыл. Семь суток, не останавливаясь, не зажигая костров, питаясь только сухим горохом, мы шли, шли, шли. Счастьем казался редкий пятнадцати-двадцатиминутный отдых на мокрой земле. Наконец пришли в Чашники, в расположение бригады Дубровского, за сто километров от того места, где начался марш. Я была изнурена настолько, что, очутившись под первой попавшейся крышей и узнав, что это сыпнотифозный госпиталь, уже не имела сил испугаться и уйти оттуда. У меня хватило мужества только на то, чтобы отказаться от принесенного нам горячего хлеба: я знала, как тяжко умирают от заворота кишок изголодавшиеся люди.

Здесь в бригаде я встретилась с нашим оператором Семеном Школьниковым. Вместе с ним в июле вернулась в Москву. Я получила партизанскую медаль первой степени и потом очень гордилась, что такой медали не было ни у кого на 2-м Украинском фронте, куда я была переброшена.

Мария Сухова была награждена посмертно орденом Отечественной войны I степени.

Двадцать тысяч метров пленки засняли мы с Машей Суховой в тылу противника. Этот материал входил в боевые киносборники, он был использован в документальном фильме «Освобождение Белоруссии». Значительная часть этих съемок находится сейчас в архиве кинолетописи. Много лет прошло с тех пор, непотревоженными лежат старые кинодокументы. Но они не мертвы, не потеряли своей силы. В любой момент кадры старой кинохроники могут вновь ожить на экране, рассказать о том, как это было, новому поколению, для которого Великая Отечественная война уже стала историей. Эта старая хроника может сойти с полок, чтобы встревожить успокоившихся, готовых все простить и забыть. Она может беспристрастно свидетельствовать и гневно обличать тех, кто за давностью лет хочет уйти от ответственности за тяжкие преступления и чудовищные злодеяния, совершенные ими на многострадальной земле Белоруссии.

Прошли годы, жизнь перешла на мирные рельсы. Опять я снимала кинохронику мирных будней советского народа: сюжеты о восстановлении городов и предприятий; об открытии новых клубов, домов отдыха, пионерских лагерей; декадах искусства и литературы союзных республик. И вот вечером 31 декабря 1949 года на квартиру мне позвонили и сообщили, что я награждена еще орденом Отечественной войны II степени по партизанскому приказу. Из всех доставшихся мне боевых наград эта мне особенно дорога. Этот орден напоминает обо всем виденном и пережитом в студеную зиму 1943/44 года в лесах Белоруссии, откуда я родом.

А. Палажченко

Незабываемый Вакар

Близилось лето 1943 года — третье лето ожесточенной борьбы советского народа против поработителей.

В партизанском краю над чудесной Уборью пышно разрасталась зелень, заливались трелями соловьи, куковали кукушки. Кинооператору Борису Вакару, который прибыл на самолете к партизанам, показалось, будто бы он попал не в глубокий тыл врага, а в мирное родное Подмосковье.

Но вот ожил, зашевелился, казалось бы, мирный на первый взгляд лес, из-за кустов послышались четкие команды, пофыркивание лошадей. На лесных полянах строились подразделения, по дорогам вытягивались обозы. И через полчаса на широкий большак, затененный ветвями вековых дубов и развесистых кленов, один за другим начали выдвигаться боевые отряды.

Первой через небольшой мостик, переброшенный над лесным ручьем, проскочила конная разведка — глаза и уши партизанского соединения. Впереди на красивом рысаке молодцевато прогарцевал Александр Ленкин, прозванный за свои пышные усы «Усач». Потом с боковой дороги в полном составе вышла рота пешей разведки во главе с капитаном Бережным и политруком Ковалевым. За ней — Шалыгинский отряд. Потом — подразделения Путивльского и Кролевецкого отрядов, комендантский взвод, тачанки командира соединения С. А. Ковпака и комиссара С. В. Руднева, штабные повозки, артиллерийская батарея 76-миллиметровых орудий, санитарная часть, обозы с боеприпасами и продовольствием. Замыкал пятикилометровую колонну Глуховский отряд.

А у обочины дороги на небольшом зеленом холмике стрекотал киноаппарат Вакара.

Нет, недаром так рвался он к партизанам. Партизанская армия Ковпака — Руднева уходит в рейд, которому не было равных во всей истории партизанского движения... И запечатлеть это на века — большая честь.

Прошло последнее подразделение, и Вакар, уложив аппарат в заплечный мешок, нагнал колонну. Пойдет в знаменитый рейд с партизанами и он. Ждут нелегкие испытания, но в преодолении их — и радость.

Мало было у партизан в походе свободного времени. Ежедневные бои, длительные переходы, столкновения с противником на заставах, во время привалов. Но человек, говорят, и познается в действии, в живом деле. Быстро сдружились мы с общительным, компанейским, храбрым и рассудительным пареньком Борисом Вакаром. Как-то незаметно и быстро вошел он в нашу боевую партизанскую семью, сроднился с нами.

Окончив в 1939 году Государственный институт кинематографии, Борис Вакар был направлен на Украинскую студию кинохроники. Уже первые его самостоятельные работы свидетельствовали о больших творческих замыслах и незаурядных способностях молодого хроникера.

Очень энергичный, любознательный, вдумчивый в работе, Вакар выделялся среди начинающих кинооператоров смелыми поисками новых приемов съемки, выдумкой и находчивостью, беспокойством о качестве снятого материала, постоянной творческой неудовлетворенностью. Мне рассказывали, что во время съемок военного парада 1 мая 1941 года в Киеве Вакар, заранее договорившись с танкистами, положил под проходящий по Крещатику танк заведенную кинокамеру. Многим такая выдумка показалась бы несуразной. А получились интересные кадры, ярко выразившие могущество новой боевой техники. Дарование и смелость талантливого оператора проявились и во время боевых съемок в войсках Юго-Западного фронта, куда он отправился добровольцем в первый же день войны.

Ему первому из фронтовых операторов удалось заснять в подробностях уничтожение вражеских танков расчетом противотанкового ружья. Удачно схвачены грозно ползущие на бойцов гитлеровские танки. Рядом с бойцами под огнем фашистов лежал и Вакар со своим киноаппаратом. Первым заснял он раненого советского бойца, отказавшегося покинуть поле боя и продолжавшего сражаться с фашистами до последней капли крови.

Операторы М. Глидер и Б. Вакар в партизанском отряде С. А. Ковпака. 1943 г.

Героизм и доблесть проявил оператор Вакар во время знаменитой битвы на Волге, длившейся более полугода. Все это время он находился в первых рядах защитников Сталинграда. Им были засняты редкостные кадры, в которых отчетливо видны действия советских снайперов. Он сделал великолепные съемки для выпущенного на экраны страны фильма «Сталинград» и вместе с другими операторами был удостоен звания лауреата Государственной премии и ордена Боевого Красного Знамени.

Смелость, отвагу, находчивость проявлял Вакар и в партизанском соединении.

В тяжелых походах, в самых рискованных операциях мы видели своего кинооператора рядом. И хотя ему приходилось работать больше автоматом и гранатами, нежели киноаппаратом, он успевал заснять самое главное — правдивые и волнующие кадры о жизни, борьбе и быте партизан, многие из этих кадров вошли потом в кинофильм «Битва за нашу Советскую Украину».

Большинство боевых операций партизаны совершали ночью. И мне помнится, как Борис с горечью и сожалением сетовал на то, что из-за темноты ему не удается заснять самые

острые моменты боев или боевых операций, и как рад был, когда такие операции назначались на дневное время.

Однажды, уже за Днестром, у самых Карпат, разведчики доложили Ковпаку, что вышли к железнодорожному мосту, под которым проходит шоссе.

— Взорвать, не останавливая колонны! — приказал Ковпак.

Вакар помчался к разведчикам. И в тот момент, когда минеры, заложив взрывчатку и подпалив бикфордов шнур, бросились уже в укрытие, в руках Вакара заработал «Аймо» — он заснял мощнейший взрыв.

— Ну и герой же наш Вакар! — говорили потом партизаны.

Не только личный пример бесстрашия и отваги, но и присутствие в наших рядах человека с кинокамерой дисциплинировало партизан, подымало их боевой [illegible]х.

— Смотрите, ребята, — напоминал нам всегда перед боем политрук Игнат Павлович Хоменко. — Вакар на пленку будет снимать! Понимаете, что это значит? На вас будет смотреть весь мир! Не подкачайте!

...Направляя Вакара в партизанский отряд, А. Довженко писал П. Вершигоре:

«Я думаю, что смешно и бестактно было бы посылать к Вам оператора с указанием объектов, не побывав у Вас ни единственного раза. Поэтому я прошу Вас, если найдется немного времени, помогите Вакару сами. Вы знаете это лучше меня. Одно, что я могу Вам сказать, — мне не нравятся наши документальные военные картины. В них нет человека. Они в монтаже так мелко покромсаны, что в них нет человека. Человек не всегда там, где он бежит, перебегает, мечется и т. д. Он начинается там, где останавливается и мыслит. Вот это нужно суметь подать. А люди, мне кажется, нигде так много не мыслят, как на войне... Кроме того, у нас в хронике — кровобоязнь и боязнь мертвых. Я считаю, что это неправильно. Кровь

Оператор Б. Вакар. Участник рейда отряда Ковпака в Карпатах. 1943 г.

нашего народа взывает и требует всемирного экрана. Пусть видит весь мир, как умирают за него наши люди, пусть плачет над умирающими партизанами, крестьянами, детьми, женщинами, пусть ненавидит презренную кровь врага — вешателя, убийцы, пусть смотрит на наши жертвенные пожарища, на всю Украину, окровавленную мать нашу, в огне и страданиях, на щедрых на кровь и на жертвы детей ее оружных...»

После того как ковпаковцы во время своего Карпатского рейда разгромили несколько вражеских гарнизонов, подорвали десятки железнодорожных и шоссейных мостов, пустили под откос несколько составов с живой силой и техникой врага, уничтожили Битковские нефтяные промыслы в Прикарпатье, фашистское командование бросило против партизан несколько эсэсовских полков с артиллерией и авиацией. Начались кровопролитные сражения за каждую тропинку, за каждую высотку. После Дилятинского боя, в котором героически погибли комиссар С. Руднев и около ста партизан, стало очевидным, что всем соединением из железного кольца не вырваться. Чтобы распылить силы противника и ввести его в заблужде-

ние, было решено разделиться на несколько групп и выходить из окружения в разных направлениях, по разным, заранее разработанным маршрутам.

Группу, с которой выходил темной сентябрьской ночью Вакар, возглавлял начальник штаба партизанского соединения Г. Базыма.

Неся в рюкзаках документы и жестяные коробки с пленкой, партизаны осторожно пробирались полевой дорогой. Далеко позади остались Карпаты. Еще несколько переходов — и начнется партизанское Полесье. Казалось бы, уже ничто не предвещало смертельной опасности. И вдруг в упор по партизанам ударили пулеметы и автоматы гитлеровцев. Первой же очередью прошило минера Давидовича и кинооператора Вакара, тяжело раненный в голову, упал Базыма...

— Пленку... Пленку спасайте, товарищи! В Москву доставьте!.. — только и успел крикнуть Вакар.

...Отгремели, отгрохотали бои. Чудесная мирная жизнь расцветает там, где мы ходили когда-то партизанскими рейдами. Вечным сном спит вместе со своим боевым товарищем Давидовичем в могиле у села Белополь под Шепетовкой верный сын советской Родины, наш незабываемый Борис Васильевич Вакар.

Более четверти века прошло с той трагической осенней ночи. Но и сейчас, как живого, я вижу перед собой бесстрашного партизанского кинооператора, боевого друга Борю с неразлучным его «Аймо», с теплой улыбкой на молодом задумчивом лице, слышу его мягкий, трогательный голос. Он и сегодня волнующе говорит с нами своей кинопленкой, которую спасли товарищи и отправили в Москву, — настоящей героической летописью тех незабываемых пламенных лет.

П. Касаткин

Единственный кадр

Лето 1943 года. Стонала Украина под игом фашистов.

В глубоком тылу противника в районе города Овруча через дремучий бор пробиралась небольшая группа партизан-подрывников. Шли по компасу, шурша ногами в зарослях папоротника и черники. Было жарко, несмотря на густую лесную тень. Припаривало — к грозе. Да и поклажу несли нелегкую: оружие, патроны и гранаты, толовые шашки, продовольствие.

Вместе с подрывниками шел и я, прилетевший из Москвы кинооператор. Кроме рюкзака за плечами — киносъемочный аппарат.

Гром грохотал все ближе, и вскоре хлынул обильный летний дождь. Ни деревья, ни плащ-палатки не могли спасти от такого ливня, скоро все промокли до нитки.

Дождь шел до ночи, а когда стемнело, руководитель группы комсомолец Будишевский распорядился остановиться на ночлег. Измученные люди, выпив по глотку спирта и поев свиной тушенки, легли в мокрой одежде на сырую землю, накрывшись плащ-палатками.

Мне не спалось. Вспомнились апрельские дни, когда я добирался до партизан Житомирской области.

Вылет из Москвы много раз откладывался, а когда наконец вылетели в сторону фронта, то не было известно, будет ли самолет садиться или придется прыгать. Поэтому все участники перелета надели парашюты.

Фронт был в районе Харькова. Там и встретили нас гитлеровские ночные истребители. Опытный экипаж, искусно маневрируя и отстреливаясь, сумел уйти от фашистов.

После нескольких часов полета увидели посадочные костры. Пилот, сделав круг, пошел на посадку. Но вдруг, когда самолет едва не коснулся колесами земли, он дал полный газ и взмыл в вышину. В последний момент летчик обнаружил вражескую ловушку.

Гитлеровцы обстреляли уходящую машину, но безуспешно.

Вскоре увидели другие костры, это был уже настоящий партизанский аэродром, обслуживавший партизан севера Украины и юга Белоруссии.

На подводах я добрался до партизанской группы Степана Федоровича Маликова в районе Рудня—Хочинская.

Снимая партизанские будни, я не раз просил Маликова и комиссара Бугаенко организовать поход с подрывниками, чтобы снять взрыв вражеского эшелона, и вот наконец такая возможность представилась.

Незаметно для себя я заснул. Проснулся полупросохший, на рассвете. Над головой стучал дятел, и крошки сосновой коры сыпались в лицо. На разные голоса щебетали птицы.

Наскоро подзаправившись, отряд продолжал путь к железнодорожному полотну, которое было уже совсем рядом.

Выйдя из леса в густой кустарник, все остановились, а два подрывника с толовыми шашками поползли к рельсам.

Минут пятнадцать прошло в тягостном ожидании, и вдруг утреннюю тишину разорвали выстрелы. Стреляли справа и слева. Вскоре появились запыхавшиеся подрывники.

— Нас обнаружили!.. Дрезина идет! — возбужденно говорили они.

В это время с подошедшей дрезины застрочил крупнокалиберный пулемет сшибая кору с деревьев.

Партизаны залегли, используя для укрытия каждую ямку, каждый бугорок

Как только умолк пулемет с дрези-

Кинооператор А. Романенко (слева) в 5-й Ленинградской бригаде. 1943 г. В центре — командир бригады Герой Советского Союза К. Карицкий

ны, Будишевский, опасаясь окружения, приказал отходить в глубь леса.

Прошло два месяца, за это время гитлеровцы провели крупную карательную операцию, захватили базу Маликова, оттеснив его глубже в леса. Партизаны построили себе новую базу, а я так и не смог снять пуск под откос гитлеровского эшелона.

И вот наконец была организована группа подрывников под руководством Тарасова.

На этот раз путь к месту диверсии был гораздо ближе. Взрыв решено было произвести к вечеру, чтобы в темноте удобнее было отходить.

Подрывники удачно заложили тол и протянули длинный шнур от взрывателя. Я приготовился к съемке. И вот уже запыхтел паровоз вдали, застучали колеса вагонов на стыках.

Я впился глазом в визир аппарата. Медленной панорамой следил за движущимся паровозом. Во рту пересохло от волнения... Не прозевать бы... Пора нажимать кнопку или нет?.. Рано тоже нельзя нажать — пленки не хватит. Кажется, пора...

И одеревеневшим пальцем нажал кнопку. Аппарат снимал, пленка шла, а взрыва все не было. Мне показалось, что уже вечность прошла, как вдруг в кадре взметнулся дым и пар, блеснуло яркое пламя, паровоз сошел с рельсов и ткнулся в кювет. Потом стало что-то рваться в перекошенных вагонах. Я хотел снимать еще, но ребята буквально за руку потащили меня в лес. Надо было уходить. Дело было сделано.

Позже, уже попав в Москву, я увидел свой кадр в только что смонтированном фильме режиссера Александра Довженко «Битва за нашу Советскую Украину».

Единоборство с танком. «Орловская битва»

Жители Орла встречают своих освободителей. «Орловская битва»

Брянск освобожден. «Орловская битва»

Руководители партизанских отрядов на Украине С. Д. Коротченко и С. А. Ковпак. «Народные мстители»

Партизаны в походе.

Одна из боевых операций. «Народные мстители»

У могилы товарища. «Союзкиножурнал», 1942, № 41

Эту женщину и ее ребенка убили фашисты. «Битва за нашу Советскую Украину»

Десант на крымский берег. «Битва за Севастополь»

Последний штыковой удар. «Кавказ»

Победные залпы «катюш». «Победа на Правобережной Украине»

Форсирование Днепра. «Победа на Правобережной Украине»

Победный салют на Графской пристани. «Битва за Севастополь»

14 дней гремела битва под Корсунь-Шевченковским. «Победа на Правобережной Украиче»

Красное знамя взвилось над освобожденным Минском. «Освобождение Советской Белоруссии»

В освобожденном Белграде. «Югославия»

Жители Софии встречают своих освободителей. «Вступление советских войск в Болгарию»

Бои в Будапеште. «Будапешт»

В освобожденной Варшаве. «От Вислы до Одера»

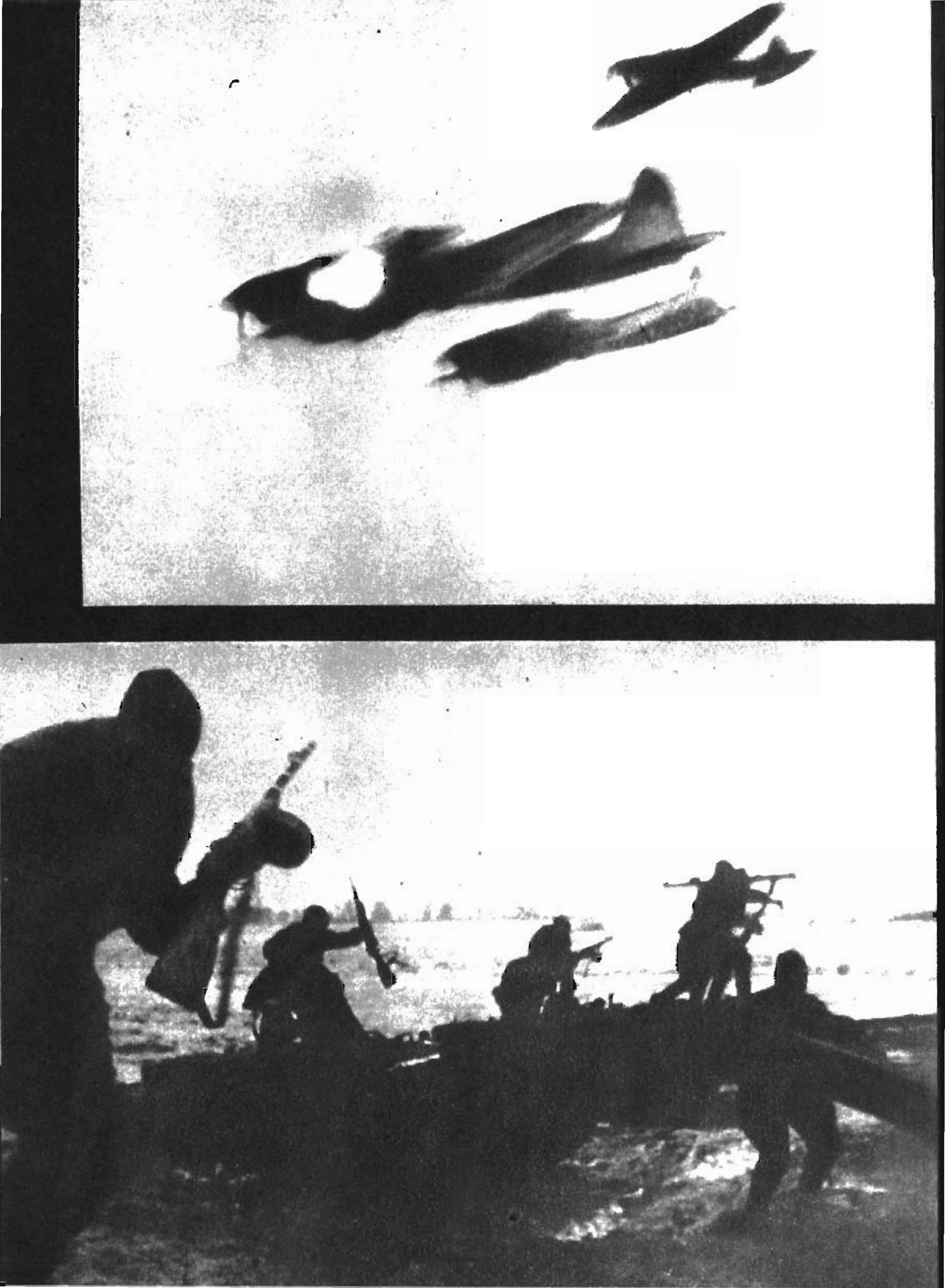

В Праге. «Освобожденная Чехословакия»

Из северной Норвегии изгнаны гитлеровские оккупанты. «Победа на севере»

На дальних подступах к Берлину. «Берлин»

Начались уличные бои. «Берлин»

На завершающем этапе сражений. «Берлин»

У Бранденбургских ворот. «Берлин»

Над рейхстагом — красное знамя Победы. «Берлин»

Н. Вихирев

„Тигры" повернули вспять

Передний край обороны на стыке армий. Ночь. В небе золочеными льдинками горят звезды. Тишина. Кое-где вспыхивают, озаряя горизонт мертвенным, синеватым, призрачным светом, осветительные ракеты...

Второго июля Ставка предупредила фронты, сосредоточенные на Орловско-Курской дуге, что наступление противника ожидается между 3 и 6 июля.

Германское командование всеми силами стремится скрыть время наступления, дезориентировать советскую военную разведку. Оно то перебрасывает войска к самому переднему краю, то снимает их, то начинает усиливать свою оборону. Идет война нервов. Иногда после долгой, напряженной воздушной и наземной разведок, после допроса «языков» кажется, что враг вот-вот начнет наступление. Но появляются новые, порой противоречивые данные — и разведчики пытаются добраться до истины, вырвать у гитлеровцев тайну «Ч» — часа наступления...

...Вдруг впереди слышу взрывы гранат, короткие автоматные очереди, крики. Какую-то минуту продолжается схватка, и все стихает...

Прижав горячий лоб к земле, вслушиваюсь в наступившую тишину. Через полчаса до меня доносится хриплое дыхание, хруст ссохшейся земли.

— Пароль! — вполголоса окликает кого-то часовой.

— Штык! Отзыв?

— Шурочка...

Солдаты прыгают в окоп и втаскивают немца с кляпом во рту.

— Схватили у крайнего ряда, — возбужденно докладывает сержант командиру разведроты. — Резал, подлюга, проволоку и снимал мины.

— Немедленно в штаб! Разбудить комбата!

Пленного увели. Солдаты окружили сержанта. Он выпил с полкотелка воды и, вытирая губы, начал рассказывать:

— На ничейной, у балки, увидели мы немцев. Подпустили к себе. Лейтенант вдруг: «Вперед! Огонь!» Бросаемся за ними с гранатами. «Есть!» — кричит лейтенант, а сам, слышу, возится, ну да и нам палец в рот не клади, связали его, и я пер его через всю нейтральную полосу...

Позже мы узнали, что пленный сапер, отправленный в штаб дивизии, на допросе показал, что наступление должно начаться 5 июля на рассвете. Войска уже вышли на исходные рубежи. Командующему фронтом Рокоссовскому стало об этом известно в третьем часу ночи. Немедленно из штаба фронта последовал приказ начать артиллерийскую контрподготовку. Дрогнула земля. Небо прорезали огневые трассы ракетных снарядов. Завыли мины, с сухим шелестом понеслись над головой снаряды крупных калибров. Впереди, в немецких окопах, взметнулся багровый вихрь рвущихся фугасов.

— Дают жару! — воскликнул сержант, притащивший «языка».

Шестьсот орудий и минометов обрушили огонь на приготовившегося к атаке врага. Полчаса наши снаряды рвались у гитлеровцев, уничтожали технику и живую силу.

Только когда солнце поднялось уже довольно высоко, послышался гул сотен танков. Как и ожидалось, фашисты бросили основную массу танков, в том числе «тигров», «пантер» и «фердинандов», на участок, обороняемый нашей 13-й армией.

Оператор Н. Вихирев. Центральный фронт. 1943 г.

Пробежали санитары с носилками.

Все мое внимание сосредоточено на головном вражеском танке. Дойдет или остановят? Лишь когда подбитый танк замер на месте, я взглянул на небо и увидел «карусели» истребителей. И там шел бой. Оставляя за собой черные ленты дыма, падали сбитые самолеты.

Откуда-то из-за спины послышался глухой вой. Тугой воздух ударил по каске: впереди, шагах в ста, взметнулись фонтаны земли. Это заговорила наша артиллерия. Взрывы сплошной стеной встали на пути к окопам, и те танки, которые рискнули пробиться через эту преграду, задымились.

— Селянин! Ставь противотанковые! — крикнул взводный.

Сержант со своим отделением кинулся навстречу танкам.

Я переменил оптику. Теперь широкоугольник охватывал почти все поле битвы — черные громады танков, тенями маячившие в пыли и дыму, крохотные фигурки бегущих к ним солдат.

Гитлеровцы поливают смельчаков пулеметными очередями, но те умело укрываются в складках местности. Мины поставлены.

— Сейчас будет потеха! — замечает кто-то.

И вот уже грохочут взрывы. Почти одновременно подрываются на только что поставленных минах четыре немецких танка. Семь, пятясь, отходят. И тут мы замечаем фашистскую пехоту. Гитлеровцы перебежками обходят свои танки — противотанковые мины для пехотинцев безопасны.

В это же время началось наступление немцев и на юге от нас, на Воронежском фронте. Основной удар был нанесен по войскам 6-й гвардейской армии вдоль шоссе Белгород—Курск, в направлении поселка Яковлева. Здесь вступили в бой танки отборных фашистских дивизий «Адольф Гитлер», «Мертвая голова», «Рейх».

Другой удар был направлен на оборону 7-й гвардейской армии генерала Шумилова.

Проявляя невиданное мужество и самоотверженность, наши войска вступили в смертельную схватку с врагом.

В окопах, где находился я, после первой отбитой танковой атаки солдаты оживились. На закопченных лицах появились улыбки. Расторопные старшины доставили баки с кашей, чай. Но только взялись бойцы за котелки и ложки, как снова послышался возглас: «Танки!»

Четырежды бросались в атаку гитлеровцы и откатывались под ударами снарядов и мин, оставляя покореженные, горящие чадным пламенем, развороченные взрывами свои бронированные крепости... Только бросив в атаку свежие силы, фашистам удалось прорвать оборону наших соседей.

Рано утром по вклинившемуся противнику ударили наши «катюши» и

самолеты, но вражеские танки продолжали упорно продвигаться вперед по волнам поспевающей ржи и пшеницы. Наши радисты перехватили разговор командира немецкой танковой дивизии с командующим армией. «Где дивизия получит пополнение?» — спрашивал командир дивизии. «В Курске», — отвечал командующий армией, все еще не потерявший надежды на успех.

Вскоре началось страшное, небывалое по силе, ярости и упорству танковое сражение.

Гитлеровские танки шли строем, напоминавшим букву «П». В центре и по флангам для таранных ударов двигались «тигры» и «фердинанды».

Наши танки, маневрируя, сближались с противником и били по уязвимым местам немецких танков. Ожесточение боя превзошло все пределы. Горящие, подбитые танки продолжали вести огонь, экипажи гибли, но не покидали машин.

В разгар сражения был подожжен танк, с которого снимал оператор Е. Лозовский. Его спасли, вытащив раненного, обожженного из горящей машины.

Часть наших танков заняла оборону вместе с пехотой. Быстро закопав свои машины до самых башен в землю, танкисты превратили их в стальные доты, создав своеобразный танковый щит.

Не добившись решающего успеха 6 июля, фашисты на следующий день перенесли удар на станцию Поныри на магистрали Орел—Курск.

Двое суток шли ожесточенные бои в этом районе. Поныри несколько раз переходили из рук в руки. От станции не осталось камня на камне. Земля, изрытая бесчисленными воронками, походила на лунный ландшафт. Бесформенные груды железа чернели в поле, валялись неубранные трупы.

Зарядив аппарат, я снимал панораму только что отгремевшей битвы и увидел вдруг стремительно мчащийся ко мне «Виллис».

— Назад! — кричал офицер и махал рукой. — Поле все заминировано!

8 июля наши части на этом участке не только отбили все атаки гитлеровцев, но и заняли северную часть Поныpей.

Во второй половине 9 июля немцы предприняли наступление на высоту, обозначенную на карте цифрой «233». Видно, эта высота сильно мешала им. Несколько дней назад они непрерывно атаковали наши окопы на склонах высоты, но каждый раз безуспешно. Высоту защищал батальон капитана Георгия Игишева. Его артиллеристы держались здесь уже четыре дня. В конце концов гитлеровцы окружили высоту, и тогда Игишев вызвал огонь соседней батареи на себя.

По счастливой случайности капитан и несколько солдат уцелели. Отчаявшись взять высоту малыми силами, фашисты бросили в бой несколько «тигров». Два орудийных расчета Игишева приняли неравный бой, подожгли девятнадцать танков, отразили шесть ожесточенных атак врага.

— Выдержите? Чем помочь? — спрашивали капитана по радио.

— Выдержу. Шлите автоматчиков.

Ему выслали автоматчиков. Вместе с ними добрался до расположения батареи и я.

Немцы предприняли как раз еще одну атаку. На две пушки дивизиона двинулось до полусотни «тигров» и «фердинандов».

Шли в линию, двумя эшелонами, нагло, самоуверенно, на этот раз, видимо, уже не сомневаясь в победе...

Когда до них оставалось полтораста метров, Игишев скомандовал:

— Огонь!

Две пушки стреляли почти одновременно. Вот головной танк окутывается дымом. Второй, заметив артиллеристов, прибавляет скорость, мчится на пушки.

Два выстрела по нему не причиняют вреда, но третий снаряд попадает в гусеницу «тигра». Танк замирает на месте, продолжая, однако, вести

огонь. Наш четвертый снаряд заклинивает ему башню. Теперь танк безвреден.

— А ну-ка соседа! — кричит Игишев, поблескивая черными цыганскими глазами.

Третий «тигр», обходя подбитую машину, на какое-то мгновение показывает бок. Снаряд бьет в то место, где расположены боеприпасы. «Тигр» загорается и взрывается. Потеряв четыре машины, гитлеровцы повернули назад.

Я снял большое поле, усеянное трупами и подбитой техникой. В объектив моей камеры попали хорошие кадры кладбища «непобедимых „тигров"».

На следующий день мне удалось заснять массированный удар «катюш». Несколько автомашин внезапно и стремительно выскочили из укрытия и заняли огневую позицию. Буквально через несколько секунд раздался невероятный грохот, позиция «катюш» окуталась черным дымом, огненные стрелы ракет взвились в воздух и обрушились на расположение врага.

Спустя несколько минут гвардейские минометы так же стремительно исчезли в укрытии, как и появились. И вовремя! В небе появилась «рама» — фашистский двухфюзеляжный разведчик. Не обнаружив «катюш», он быстро скрылся.

Совершенно неожиданно на малой высоте появилась пятерка «Ю-88». Видимо, отбомбившись, самолеты уходили в свою сторону. Наши солдаты открыли частый огонь из винтовок и пулеметов, не принесший врагу никакого вреда.

— Уйдут, гады! — кричал солдат.

— А вот туда погляди! — Его сосед показал на восток.

Два наших истребителя быстро нагнали фашистских бомбардировщиков. Один из них задымился и стал падать. Летчик выпрыгнул с парашютом.

— Прекратить огонь! — раздалась команда.

Фашист приземлился в расположении наших окопов. Я побежал туда, чтобы заснять момент пленения гитлеровского летчика.

Летчик оказался матерым асом с рыцарским крестом на шее. Его провели к штаб и допросили. Немецкий ас воевал в Европе, бомбил Киев, Ленинград, Одессу.

— Мы не ожидали такого противодействия, — сказал гитлеровец. — Меня сбили первой же очередью. Наши истребители не смогли оказать нам помощи, так как летает сейчас молодняк.

— А как вы расцениваете ход вашего наступления? — спросили летчика.

— Мы предполагали овладеть Курском за два дня, но в первый же день боев командир заявил мне, что произошел просчет в оценке русской обороны. Она оказалась значительно сильнее, чем мы ее себе представляли.

Третье летнее наступление немцев на Восточном фронте полностью провалилось. Оно захлебнулось уже через неделю.

Пятьдесят дней продолжалась Курская битва — одна из величайших битв второй мировой войны. Немецко-фашистская армия потерпела поражение, от которого уже не могла оправиться до самого конца войны.

А. Лебедев,
Д. Рымарев

Оператор-танкист

Сражение на Курской дуге. Сотни тысяч солдат, тысячи орудий, танков, самолетов.

Перед фронтовыми киногруппами Воронежского, Степного, Центрального, Западного и Брянского фронтов стояла труднейшая задача — передать масштабы и ход операций, не имевших себе равных в истории войн. Десятки опытнейших фронтовых опе-

раторов были брошены на выполнение этого задания. Среди них был и Ефим Лозовский.

До войны Лозовский работал оператором на Киностудии научно-популярных фильмов. Смолоду он увлекался техникой и, придя в кино, придумал и разработал несколько технических приспособлений, в частности, для съемки с самолетов. В дни войны Ефим мечтал снять кадры танковой атаки камерой, установленной на башне боевого танка. В бою с брони танка незащищенный оператор, конечно, не смог бы снимать. Он бы погиб раньше, чем что-нибудь снял. И Лозовский придумал бронированный бокс для камеры, который крепился к башне танка. Добившись разрешения командования, он в походных мастерских соорудил соответствующее приспособление.

Раннее июльское утро 1943 года. На исходных позициях скопилось много советских танков. Среди них — танк «Т-34» с необычной стальной коробкой на правой стороне башни. В этом боксе установлен киносъемочный аппарат «Дебри». В поле зрения объектива — ствол пушки и часть правой гусеницы. Аппарат снабжен электромотором, а привод от него проходит внутрь машины. Оператор видит поле боя в смотровую щель и может включать аппарат в нужные моменты.

В это утро должно было начаться большое наступление в районе Курской дуги. А для кинооператора Ефима Лозовского должно было произойти первое боевое испытание его съемочного устройства.

В ожидании сигнала к атаке танкисты сидели на броне своих машин и с аппетитом хлебали из котелков горячий суп, который привезла походная кухня. Ефим, в кожаном пальто и шлеме, завтракал вместе со своим экипажем. Говорили мало. Каждый думал о своем. Предстоял бой. Лозовский беспокоился: не откажут ли в бою аккумуляторы, сработают ли контакты электропривода?

Ровно в шесть часов утра напряженную тишину разорвал гром артиллерийских залпов, задрожала под ногами земля. Вдали, в расположении вражеских позиций, возникли огромные шапки вздыбленной земли.

Экипаж «тридцатьчетверки» занял свои места. Оператор сел на место стрелка-радиста.

Артподготовка прекратилась так же внезапно, как и началась. В наступившей тишине на фоне чистого голубого неба прошипели три красные сигнальные ракеты.

Оператор Е. Лозовский, начальник киногруппы А. Медведкин. 3-й Белорусский фронт. 1944 г.

Танки двинулись в атаку. Машина, в которой находился оператор, шла за головной машиной. Ефим в левой руке держал контакт аппарата, палец правой руки лежал на гашетке пулемета, которым он должен был стрелять в случае необходимости.

Позади оператора на коленях стоял заряжающий, в башне танка находился командир. В смотровую щель Лозовский видел деревню, из которой следовало выбить гитлеровцев.

В клубах дыма и пыли наши танки мчались на передовые траншеи противника. Не забывая нажимать га-

шетку пулемета, Лозовский включил съемочный аппарат. Наши танки перевалили через немецкие окопы. В дыму метались фашистские солдаты. Впереди Ефим увидел противотанковую немецкую пушку. Она стреляла по нашим танкам. Аппарат снимал, когда снаряд из головного танка разорвался у самой пушки, а затем идущий впереди танк «КВ» своими гусеницами раздавил пушку вместе с прислугой. Кадр был снят, но зажглась контрольная лампочка. В аппарате кончилась пленка.

Пришлось укрыться за ближайшим холмом, чтобы перезарядить кинокамеру в боксе. Снятую кассету Ефим заботливо спрятал за борт своего кожаного пальто.

Аппарат был перезаряжен. Танкисты заняли свои места, и танк, выйдя из укрытия, помчался догонять своих.

Первые машины уже ворвались в деревню. Гитлеровцы открыли по ним ураганный огонь. Танк с оператором мчался к деревне на предельной скорости. Ефим включил аппарат.

И вдруг мощный взрыв потряс машину. На спину навалился заряжающий. Он был убит.

Тут же второй взрыв. Из башни осело тело командира. Он тоже был убит. Танк наполнился черным удушливым дымом.

— Прыгай!.. — крикнул механик-водитель, открывая нижний люк. Они оба вывалились из люка и, прячась за горящим танком, поползли к ближайшей бомбовой воронке.

Только теперь Лозовский почувствовал резкую боль в животе и спине. Он расстегнул пальто, снял с себя ремень с пистолетом и повесил на шею.

«А кассета?.. Где она?..» — Он с ужасом обнаружил, что потерял кассету.

— Серегин, уходи! Я выронил кассету и должен ее найти, — прохрипел Ефим.

Он попытался ползти назад, но от потери крови потерял сознание.

Лозовского нашли санитары, а кассету со снятой пленкой обнаружили вблизи танка товарищи из его киногруппы.

Едва зажили раны, неугомонный Ефим Лозовский просил командование снова направить его в крупное танковое соединение. Так он попал в Тацинский танковый корпус.

Здесь Лозовский много снимал; довелось ему запечатлеть и прославленную танкистку Марию Октябрьскую. Замечательна и необычна судьба этой женщины-патриотки. В августе 1941 года в бою под Киевом погиб смертью храбрых ее горячо любимый муж — полковой комиссар И. Ф. Октябрьский. Мария продала все, что имела, а на вырученные деньги купила танк. Она написала письмо Верховному Главнокомандующему и добилась того, что была призвана в армию и, пройдя курс обучения в танковом полку, стала водителем купленного танка, которому дала название «Боевая подруга».

Лозовский снимал не только смелые боевые операции Тацинского корпуса, но и армейский быт. Он снял Марию, когда она стирала белье экипажу танка, вязала теплые вещи.

В бою за город Витебск, в районе совхоза Крынки, 15 января 1944 года Мария Октябрьская была тяжело ранена и вскоре скончалась от ран в Смоленске.

Е. Лозовский продолжал снимать боевые действия танковых соединений и закончил войну съемками сражений за Кенигсберг.

И. Аронс **У ворот Новороссийска**

В сентябре 1942 года линия фронта, протянувшаяся от Баренцева моря до Черного, в самой южной ее части уперлась в Цемесскую бухту.

Новороссийск оказался почти полностью в руках гитлеровцев, наша оборона пролегла по восточной окраине города.

Огромные бетонные здания двух цементных заводов возвышались над разрушенными домами и портовыми сооружениями. Завод «Пролетарий» оказался на территории, занятой гитлеровцами, а завод «Октябрь» стал опорным пунктом нашей обороны. Здесь расположились передовые части 318-й стрелковой дивизии 47-й армии Северо-Кавказского фронта.

Я и мой друг кинооператор Георгий Голубов должны были добраться до наблюдательного пункта одного из батальонов. Это можно было сделать только ночью и то с трудом. Беспрерывно вспыхивали осветительные ракеты, вели огонь вражеские снайперы. Было сыро и холодно. Нагруженные до предела камерами, кассетниками, коробками с пленкой, мы буквально были взмылены от перебежек.

Командир батальона встретил нас радушно:

— Я покажу вам место, откуда сможете снять то, чего еще никто до вас не снимал.

И мы пошли. Узкие ходы сообщений привели к полуразрушенному зданию котельной. В широкой кирпичной трубе была металлическая лестница. Мы полезли по ней. Примерно на высоте пятого этажа в трубе была пробита снарядом дыра.

— Дважды в одно и то же место снаряд не попадает, — сказал комбат. — Не очень удобно, зато спокойно. И весь город перед вами...

Мы устроились на сооруженных уже кем-то деревянных настилах и приготовились к съемкам. Отсюда отлично были видны Цемесская бухта, корпуса завода «Пролетарий».

Там враг.

Все будто замерло.

— Не беспокойтесь, — сказал комбат, — скоро вот начнется.

И действительно, через пару часов заговорили минометы, пулеметы, орудия. Свист летящих пуль, мин, снарядов, близкие разрывы их буквально оглушили. Но в визире киноаппарата по-прежнему все было спокойно. Вспышки разрывов совсем не передавали атмосферы боя. А ведь мы были, казалось бы, на отличном для съемок месте. Невольно вспомнились советы Эдуарда Тиссэ, нашего учителя в Институте кинематографии: снимать боевые действия, передвижения частей с верхних точек.

Всего несколько месяцев, как кончил я институт, и наставления преподавателей были еще свежи в памяти.

В ноябре 1941 года ВГИК был эвакуирован в Алма-Ату, и занятия на первых порах проводились в случайных помещениях, иногда даже в номерах гостиницы, но мы по-прежнему, с увлечением слушали лекции корифеев советского киноискусства — Сергея Эйзенштейна, Всеволода Пудовкина и других. Нас, студентов операторского факультета, больше всего увлекали

Оператор И. Аронс. Северо-Кавказский фронт. 1943 г.

беседы Тиссэ, ведь он снимал на фронтах гражданской войны. К съемкам в боевой обстановке готовили себя и мы. Пятерым из нас — Юрию Монгловскому, Илье Гутману, Николаю Номофилову, Виктору Муромцеву и мне — предстояло снимать дипломные работы на фронтах Отечественной войны.

И вот пришлось воочию убедиться, как современный бой не похож на те сражения, которые снимал в свое время Тиссэ.

Не оправдались и посулы комбата. Ничего особо интересного, кроме панорамы города и Цемесской бухты, нам сверху снять не удалось. Стали уже спускаться вниз, когда услышали характерный для воздушного боя рев самолетов. Вначале из-за облаков показалась небольшая группа истребителей, но уже через несколько секунд в небе, в буквальном смысле слова, стало тесно.

В бой ввязалось множество самолетов. Трудно было определить, где наши «ястребки», где «мессеры»... Вот один из самолетов, объятый пламенем, рухнул вниз... Еще один...

Вот когда высокая точка съемки оказалась удачной: в кадре видны были не только небо и воздушные схватки, но и место, над которым разгорелся бой. А оно было знаменательным! Ведь под нами был выступ Цемесской бухты, получивший название «Малая земля». Это был чрезвычайно важный плацдарм, на котором высадились в тылу у немцев и закрепились, буквально вгрызлись в землю моряки-черноморцы под командованием майора Цезаря Куникова.

Немцы прилагали все усилия, чтобы овладеть этим выступом суши, — бомбили, обстреливали его с воздуха и с земли. Небольшой полуостров был буквально перепахан снарядами и авиабомбами. Но Малая земля жила и ежедневно сообщала по радио об очередных отбитых атаках врага.

Среди защитников Малой земли был и наш товарищ, кинооператор Михаил Пойченко. Он находился там почти три месяца. Снятые им уникальные кадры и сейчас имеют огромную ценность, их невозможно смотреть без волнения.

Но если в обороне Малой земли участвовали воинские подразделения, то существовала еще одна, уже «совсем малая земля», захват которой осуществила горстка храбрецов. Это была сложенная из дикого камня хозяйственная постройка, прозванная «Сарайчиком». Он располагался на склоне горы всего лишь в 25—30 метрах от линии немецких укреплений. Естественно, что такая близость советского наблюдательного пункта и огневых точек мало устраивала фашистов, и они предпринимали ожесточенные атаки на «Сарайчик».

В своих воспоминаниях о битве за Кавказ Маршал Советского Союза А. Гречко писал:

«На «Сарайчик» — гарнизон Турсунбекова — десятки раз шли фашисты. Его забрасывали гранатами — сыпался кирпич, рушились стены. Но бойцы держались стойко. Можно было бы расстрелять в упор огневую точку из тяжелых орудий. Но немцы не решались этого сделать, ведь линия их окопов проходила всего в нескольких десятках метров.

А гарнизон «Сарайчика» не давал врагу покоя ни днем, ни ночью. Здесь был отлично слышен любой шум в немецких окопах — шаги часовых, речь, звяканье котелка. На шум летела граната. Но и немцы забрасывали «Сарайчик» гранатами. Однако они чаще всего не достигали цели — им приходилось бросать вверх, да и стены постройки были довольно прочными. Этот легендарный дзот стал исходным пунктом для наших разведчиков, отправляющихся по ночам в расположение вражеских окопов. Днем здесь охотились снайперы. Гарнизон «Сарайчика» отбил за год в общей сложности 189 жесточайших атак».

В одну из ночей оператору Г. Голубову и мне удалось пробраться к «Са-

райчику». Весь гарнизон его состоял из 25 бойцов и одной медсестры. Почти все спали на полу, прикрывшись шинелями. На ящике из-под снарядов тускло горела коптилка.

— Ложитесь отдыхать и вы, — предложил Турсунбеков, — а утром поснимаете...

Мы впервые оказались в такой близости от противника, впервые испытали силу близкого огневого удара.

Из-за ураганной пулеметной и автоматной стрельбы невозможно было даже высунуть камеру в амбразуру «Сарайчика». Но вот в 12 часов дня стало вдруг тихо.

— Фрицам привезли обед, — пояснил Турсунбеков, — теперь можете снимать.

За длительный период обороны здесь установились уже «традиции» — от 12 до 13 обе стороны не стреляли. Обеденный перерыв проходил спокойно. Мы воспользовались этим и засняли немецкую передовую линию, причем впервые в визирах наших камер промелькнули фигуры живых вражеских солдат.

Кадры о героическом гарнизоне «Сарайчика» вошли в «Союзкиножурнал» в сюжете «На цементном заводе».

Однажды мы увидели бойца, пробиравшегося по узким ходам сообщения без оружия, но с каким-то чемоданчиком. Мы пропустили его мимо себя и, стараясь быть незамеченными, последовали за ним. «Преследование» продолжалось довольно долго. Странный боец добрался до пулеметчиков, усадил одного из них против себя, раскрыл чемоданчик и вытащил щипцы, и через мгновение рядом с расстрелянными гильзами упал вырванный зуб. Мы подошли и познакомились.

— Зубодер второго ранга, — шутливо отрекомендовался он.

Потом с ним совершили несколько «рейдов» по огневым точкам его пациентов. Был снят сюжет «Пять минут страха» о незаметном труженике войны, о «страхе и ужасе», который он наводил своими щипцами на видавших виды бойцов.

В августе 1943 года при подготовке наступления на Новороссийск оператора Левитана и меня срочно вызвали в политотдел армии. Начальником политотдела был полковник Л. И. Брежнев. Он сказал:

— Задание необычное, но очень ответственное. Надо помочь нашей артиллерийской разведке в короткий срок засечь огневые точки противника.

Задание действительно было необычным, нам пришлось повозиться над конструкцией специального телеобъектива. Мы использовали оптическую систему стереотрубы, и, когда установили свою аппаратуру на одном из наблюдательных пунктов, было инсценировано наступление. Гитлеровцы открыли бешеный огонь, а мы произвели панорамную съемку города. Наш блиндаж оказался под обстрелом, амбразуру засыпало, но задание все же было выполнено.

Шесть дней и ночей вели бои моряки-десантники в кварталах города. 16 сентября 1943 года город был освобожден от интервентов.

У разрушенного вокзала, как и было заранее условлено, встретились кинооператоры Северо-Кавказского фронта: Г. Асланов, А. Левитан, А. Каиров, Д. Каспий, Д. Шоломович, М. Пойченко, В. Петров, С. Стояновский, А. Сологубов, А. Казначеев, Л. Мазрухо и начальник фронтовой группы М. Трояновский. Любопытная была картина — все операторы, в том числе и я, примостившись на развалинах, засунув руки в перезарядные мешки, перематывали с кассет отснятую пленку.

А на фронтовом аэродроме нас уже ждал специальный самолет, который и доставил в Москву снятый для очередного журнала материал.

В «Союзкиножурнале» № 61 (режиссер И. Сеткина) под рубрикой «Кинорепортаж с фронтов Отечественной войны» был помещен материал о взятии Новороссийска.

А. Казначеев

Странички из дневника кинооператора

4 ноября 1943 года

Сегодня решено перебраться в Крым. Все это было неожиданно. По ту сторону Керченского пролива наши части упорно отбивали яростные контратаки противника.

Наскоро простившись с Трояновским, мы — я и Семен Стояновский — в мотолодках тронулись в путь, на котором уже окончили свое существование несколько судов.

Видел следы работы мин — два катера с развороченными бортами.

Мы на берегу Крыма!

Крепость Еникале, где находится хозяйство Аршинцева, величаво возвышалась перед нашими взорами. Ночевали в блиндаже. Спали крепко.

6 ноября

Сегодня решили снимать похороны погибших. Снять не удалось.

Могила была почти около моря, под крутым обрывом. Четыре бойца рыли могилу для погребения своего командира. Это были разведчики. Стояновский отправился снимать понтоны, которые были в 100—150 метрах на берегу. Я остался ожидать, когда принесут тело погибшего.

Все остальное произошло в каком-то чертовски быстром темпе.

Мы услышали вой, свист падающих бомб. С быстротой, которую трудно воспроизвести в другой, мирной обстановке, мы упали на землю. Бомбы со страшным грохотом рвались рядом. Все смешалось: свист падающих бомб, взрывы.

Прижавшись к земле, я думал о Семене, который был в той стороне, где особенно рвались бомбы.

Стихло, падали комья земли. Приподнявшись, я увидел бледно-серое от пыли лицо бойца, который спросил: «Ты жив?» Оглядевшись, увидел, как Стояновский, пригибаясь, бежал к нам. Вдруг опять страшный свист. Быстро пробегаю несколько метров и с размаху прыгаю в свежевырытую могилу. Сзади почти на спину бросился запыхавшийся Стояновский. В могиле нас было четверо. Кругом все рвалось.

Все это длилось недолго. За это время в голове пронеслась тысяча мыслей. Подумали — все готово, не надо и могилы рыть.

Отбомбившись, гитлеровцы улетели. Опять наступила тишина. Удушливая пыль стояла в воздухе, как туман. Аппараты были все в земле. Оглянувшись вокруг, я увидел следы бомбежки. Черные раны земли зияли по всему склону, почти у самых краев могилы.

7—8 ноября

Праздник. Должен прямо заметить, водка подбадривает неплохо.

10 ноября

День прошел нормально. При бомбежках отсиживались в крепости. Зато ночь была полна приключений.

Немцы решили под покровом густого тумана перетащить баржу из Азовского моря в Черное, но в темноте сбились с фарватера и посадили ее на мель около крепости. Им пришлось баржу подорвать. Взрыв был грандиозен. Металлические части баржи перелетали через стены крепости. Силой взрыва вырвало двери нашего блиндажа, окна вылетели вместе с рамами. В сорванные двери со свистом врывался ветер, принося с собой запах какой-то гари. Телефонный звонок привлек к себе всеобщее внимание. Разговор был коротким: «Всем быть готовым и вооружиться!» Кто-то пустил слух, что немцы высадили десант. Мы с Семеном заняли место в обороне возле большого камня. Из одного окна дома, пристроенного к крепостной стене, были слышны позывные радиста: «Чушка, дай на меня луч, дай на меня луч прожектора». Глухой голос из репродуктора: «Луч даем».

Кинооператоры Л. Котляренко, А. Левитан, А. Казначеев (сидят), фотокорреспондент М. Альперт, оператор С. Стояновский, фотокорреспондент Е. Халдей. На Керченском полуострове. 1944 г.

Проклятый туман как плотная стена окутал весь пролив. С рассветом все прояснилось. Туман рассеялся, и мы с Семеном сняли несколько планов горящей немецкой баржи.

12 ноября

Ночью немец кидал какие-то снаряды, которые со страшным свистом пролетали над нашими блиндажами, шлепались и не разрывались.

14 ноября

Приехали Аркадий Левитан и Евгений Халдей. Стало как-то веселей: появляется народ, техника; а в первые дни было скучновато.

15 ноября

Переехали в Капканы. Облюбовали себе один погреб. Решили его укрепить. С большим старанием таскали камни. Немцы стали усердно утюжить небо. Более ста самолето-вылетов в день. Снимали воздушные бои.

23 ноября

Сегодня был сбит наш самолет. Летчик старался выровнять машину, но это ему не удалось сделать. Врезался в землю. Черный столб дыма — и все. Погиб молодой защитник нашей земли. Парню было всего двадцать лет.

26 ноября

Ура! Подбили один «хейнкель». Врезался в море. Один летчик улетел на парашюте, его отнесло в расположение немцев. Другой упал в море и поплыл к берегу, к нему побежали солдаты; он, видимо, испугался, бросился опять в море и утонул.

30 ноября

На море неразбериха. Средь бела дня немцы пытаются провезти по проливу баржи с бензином. Наша артиллерия дала жару. Подбили два катера. Вечером видел первый раз пленных немцев-моряков. Болтались в море около восьми часов. Дрожат как «цуцики».

1 декабря

Пока все тихо. Действует только авиация. Целый день висят в воздухе наши

Оператор В. Фроленко. Северо-Кавказский фронт. 1943 г.

самолеты. Летчики сильно штурмовали немецкие позиции в районе Эльтиген.

3 декабря

День прошел спокойно. Завтра наступление. Если будет солнце, буду снимать телеоптикой. Очень хочется, чтобы завтра был успех, — надоело до чертиков жить в этой крепости. Итак, до 7.30.

5 декабря

Пока успеха нет. Крепко засел подлец немец за укрепленными рубежами. Сильнейшая артподготовка не могла сломить сопротивление.

9 декабря

Приехали А. Левитан и Л. Котляренко. Много новостей. У нас без перемен. Керчь еще не взята. Героический поход эльтигенцев из окружения будет одной из славных страниц в истории Отечественной войны.

Идет сильнейшая артиллерийская перестрелка. Видимо, это помощь группе Гладкова. Незабываемые радиограммы: «Весь огонь артиллерии и авиации на меня!»

12 декабря

Эльтигенцев с Митридата вывезли почти всех. Сколько героизма!

Завтра утром вылетаю на ту сторону пролива.

13 декабря

Впервые перелетел самолетом через Керченский пролив. Вечером встретился с Трояновским. Неожиданная новость. Группа как таковая остается, и начальником назначен я! Чертовски недоволен.

18 декабря

Перелетел с Трояновским в Крым. Знакомимся с начальством. В штабе Отдельной Приморской армии показывали свой «Десант на Керченский полуостров». Смотрели с интересом — материал получился неплохой. Левитан, Стояновский, Котляренко улетают в Москву.

Дует сильнейший норд. Перелететь через пролив невозможно. Может быть, к утру утихнет.

Жаль расставаться с ребятами. Фронтовая дружба крепко связывает.

Б. Шер

В прицеле — «Фокке-Вульф-190»

В июле 1943 года меня перевели на Западный фронт. Я имел небольшой опыт в воздушных съемках, поэтому меня направили в 224-ю штурмовую авиационную дивизию, которой командовал полковник М. В. Котельников.

Дивизия готовилась к большой операции, и я, зная, что мне придется лететь в самолете «ИЛ-2» на месте стрелка, усиленно готовился к этому полету. С инженером полка я занимался изучением пулемета и обязанностей стрелка.

В один из июльских дней после полудня полк, к которому я был прикомандирован в качестве кинооператора, получил задание вылететь на штурмовку вражеского аэродрома.

Я должен был лететь с молодым, но уже имеющим боевой опыт летчиком лейтенантом Старченковым, с которым я за время подготовки успел подружиться.

Перед отлетом, помогая мне надеть парашют, Иван Старченков сказал:

— Ну, капитан, идем на большие дела. Смотри не подкачай.

Забравшись в кабину стрелка, я проверил пулемет, пристегнулся ремнями и положил на колени «Аймо».

Загудели моторы, и в воздух поднялись двадцать четыре штурмовика «ИЛ-2» под прикрытием тридцати истребителей.

Пока шли строем, я снимал мощную боевую армаду, которая вскоре

должна была нанести сокрушительный удар по вражескому аэродрому.

Кончилась пленка, я начал перезарядку камеры и в то же время зорко следил за хвостом самолета, чтобы не пропустить появление вражеских истребителей.

Мы уже подходили к цели, когда в шлемофоне прозвучало предупреждение:

— Внимание! Истребители противника!

Небо перечеркнули пунктиры трассирующих пуль.

Прикрывавшие нас истребители завязали бой.

«Идем на цель», — просигналил мне летчик. Штурмовики, набрав высоту, стали пикировать на цель сквозь шквал зенитного огня противника. Я нажал кнопку своего аппарата и почувствовал, как вздрогнул наш самолет, освобождаясь от груза бомб. Выпустив вслед за бомбами реактивные снаряды, Старченков стал плавно выводить самолет из пике, а я, не отрывая глаз от визира, продолжал снимать взрывы бомб и пожары внизу.

— Держись, капитан! Нас атакуют истребители! — услышал я тревожный голос летчика.

Я сунул «Аймо» в низ кабины и взялся за рукоятки пулемета. «Фокке-Вульф-190» набрал высоту и зашел нам в хвост.

— Нас атакуют слева, — сказал я Старченкову и взял фашистский самолет в крестик прицела. Прицеливаться и вести панораму за движущимся объектом — это привычное дело для каждого оператора. В тот момент, когда я тщательно старался держать «фокке-вульф» в прицеле, я волновался, пожалуй, не больше, чем если бы снимал его длиннофокусным объективом.

Когда самолет стал достаточно крупным в прицеле, я нажал на гашетку и дал несколько коротких очередей. И тут же с удивлением увидел, как «фокке-вульф» вспыхнул, выпустил шлейф черного дыма и отвалил в сторону.

— Молодец, капитан! — крикнул летчик.

Позже он рассказал мне, что наблюдал до конца, как сбитый фашистский истребитель врезался в землю и взорвался.

Оператор Б. Шер. Киногруппа Военно-Воздушных Сил. 1944 г.

Мы снизились до бреющего полета, и больше никто не осмелился нас атаковать. Наши штурмовики приземлились уже в сумерках. Я вылез на крыло самолета. Командир корабля Иван Старченков крепко обнял меня и поцеловал.

— Ну, капитан! Выдержал боевой экзамен!

Он дал команду технику нарисовать еще одну красную звездочку на фюзеляже самолета.

Позднее за сбитый самолет я был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Н. Шиманов

„Внимание! В воздухе Покрышкин!“

Так предупреждали с лета 1943 года немецкие радиостанции своих летчиков при вылетах на боевое задание прославленного советского аса. Это началось со знаменитого кубанского воздушного сражения весной 1943 года, когда советская авиация впервые с начала войны завоевала господство в воздухе.

Большие потери понесла наша авиация в результате внезапного нападения гитлеровских захватчиков в июне 1941 года. Свыше четверти боевого состава самолетов было уничтожено на аэродромах. Гитлеровские военно-воздушные силы имели двойной количественный перевес и более качественные машины. Это позволило им поначалу захватить господство в воздухе.

Но советская авиация жила, ее боевой дух не был сломлен. В воздушных сражениях, штурмовке войск противника, налетах на города, корабли, аэродромы росло боевое мастерство советских летчиков, закалялись их мужество, отвага. И это нужно было показать народу.

Первый сюжет о боевых действиях нашей авиации появился в «Союзкиножурнале» № 77 (режиссеры Д. Вертов, Е. Свилова, воздушные съемки Н. Вихирева). Журнал как бы открывал серию фронтовых съемок, посвященных авиации. Операторы Л. Мазрухо, Ф. Овсянников, Д. Рымарев, М. Трояновский, Б. Шер и другие сняли интересные сюжеты о героях-летчиках Гастелло, Талалихине, Сафронове, Щербакове... Передо мной — пожелтевший листок фронтовой газеты «За Родину» от 9 сентября 1941 года.

Смоленское направление. Ожесточенные бои за Ельню. Советские летчики совершают сотни боевых вылетов, чтобы задержать рвущихся к Москве гитлеровцев. На один из фронтовых аэродромов прибыли кинооператоры.

Вот как вспоминает об этом летчик, младший лейтенант М. Кабаев:

«К нам в эскадрилью их пришло трое. Увешанные съмочными аппаратами, они выглядели немного странно в напряженной атмосфере боевых вылетов. Но вскоре мы с ними познакомились ближе, сдружились. Хорошо осознав значение и важность их работы, мы прилагали все усилия, чтобы помочь им сделать кадры интересными и правдивыми.

Когда мне сказали, что со мной на боевое задание полетит кинооператор, я был польщен, сделал все, что от меня зависело, помог товарищу Мазрухо, облегчил, чем мог, его работу в воздухе.

Сам полет выдался удачным. Громить скопления противника за Днепром мы вылетели двенадцатью экипажами в сопровождении истребителей. При подходе к цели начала бить зенитная артиллерия противника. Товарищ Мазрухо без страха фотографировал разрывы снарядов, вспышки выстрелов на земле. Наблюдая за воздухом и приближающейся целью, я поглядывал и на оператора, мысленно называл его молодцом.

Вот и цель. Предупредив Мазрухо, я сбросил бомбы; заработал киноаппарат, фиксируя отрыв и падение тяжелых «гостинцев».

Замолкли зенитки, появились в воздухе «мессершмитты». Я взялся за пулемет. Мой товарищ, направив на врага объектив, продолжал съемку.

Один из «мессершмиттов», начиненный нашими пулями, резко пошел вниз. До самой земли провожал кинооператор охваченную дымом машину врага.

Отбив атаки «мессершмиттов», мы произвели посадку на своем аэродроме.

— Хороший получился кадр? — спросил я своего соседа по кабине.

— Замечательный, — ответил ки-

нооператор и поспешил к своим товарищам поделиться впечатлениями от удачного вылета».

Эти кадры были опубликованы в сотом номере «Союзкиножурнала». Сюжет назывался «Сотый полет».

Фашистское командование планировало мощными авиаударами уничтожить ряд крупных городов Советского Союза. Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии 8 июля 1941 года записал в своем служебном дневнике: «Непоколебимым решением фюрера является сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае мы потом будем кормить в течение зимы. Задачу уничтожения городов должна выполнить авиация».

Наша авиация и ПВО сорвали злодейские замыслы Гитлера.

Вот одно из сообщений того времени: «В ночь с 5 на 6 августа несколько эшелонов немецких самолетов пытались совершить налет на Москву. В город прорвались одиночные самолеты, остальные, будучи рассеяны нашими ночными истребителями и огнем зенитной артиллерии, беспорядочно сбросили бомбы далеко на подступах к Москве. Пожаров в Москве не было, разрушено несколько небольших жилых зданий. Военные объекты не пострадали. Сбито пять немецких самолетов. Наша авиация потерь не имела».

Кинооператоры И. Беляков, И. Вейнерович, М. Глидер, О. Рейзман, В. Соловьев несколько недель провели вместе с защитниками Москвы. Они снимали на подмосковных аэродромах и в воздухе летчиков-героев, днем и ночью встречавших фашистских стервятников, которые пытались прорваться к Москве. Они дежурили на позициях зенитной артиллерии, в частях аэростатной защиты, на крышах домов. Из снятого ими материала режиссер М. Слуцкий сделал фильм «Наша Москва», в котором наряду с показом частей ПВО запечатлено и мужество москвичей, боровшихся с воздушными налетами вражеской авиации.

В зимней кампании 1941/42 года на советско-германском фронте были разбиты лучшие авиасоединения противника. Разгром немецко-фашистских войск под Москвой развеял миф о непобедимости гитлеровской военной машины; вместе с ним рухнул миф и о непобедимости немецкой авиации. Однако немцы еще имели превосходство в воздухе. В этих условиях успех борьбы во многом зависел от морального духа советских летчиков, от их самоотверженности. Большую роль в пропаганде боевого опыта героев-летчиков стало играть кино.

Показ боевых действий авиации становился составной частью любого фронтового фильма, выпускавшегося Центральной студией; значительно расширена была авиационная тематика в «Союзкиножурнале».

Весной 1943 года на Кубани развернулось грандиозное воздушное сражение. В боях над Кубанью и проявилось дарование замечательного советского летчика А. Покрышкина. За боевыми действиями советских асов следила вся страна.

«К каким только уловкам не прибегал враг, чтобы покорить небо Кубани! — писала «Правда». — Все оказалось тщетным. Советские летчики стеной встали навстречу врагу и наносят ему чувствительные удары... С каждым днем советская авиация увеличивает брешь в германском воздушном арсенале...».

В итоге этого гигантского воздушного сражения противник потерял более 1100 самолетов.

Кубанская битва в небе явилась переломным моментом в борьбе за господство в воздухе. После него стратегическая инициатива перешла к советской авиации.

К сожалению, фронтовая кинохроника смогла откликнуться на это этапное событие лишь небольшим сюжетом в «Союзкиножурнале».

На Курской дуге советская авиация

уже в первые дни сражения завоевала господство в воздухе и в значительной мере помогла сухопутным войскам сорвать наступление противника, перейти в контрнаступление и уничтожить его главные группировки.

В середине лета 1943 года родилась идея создать полнометражный фильм об авиации. Режиссером фильма был утвержден И. Посельский, сценаристами — С. Михалков и Э. Регистан.

Всем фронтовым операторам, находившимся в армии и на флоте, было дано задание снимать взаимодействие нашей авиации с сухопутными войсками и флотом; для воздушных съемок и съемок в авиачастях были отобраны операторы, имевшие уже опыт работы в авиации: В. Доброницкий, Т. Бунимович, Д. Ибрагимов, А. Кричевский, В. Орлянкин, П. Касаткин, Н. Быков, Р. Халушаков, Б. Шер, К. Кутуб-заде.

Киносъемки в авиачастях требовали от операторов не только личного мужества, но и умения ориентироваться в небе, разбираться в наземных объектах, стрелять из пулемета, так как иногда оператору приходилось летать вместо стрелка-радиста.

Вот как описывает в дневнике кинооператор Николай Быков свой вылет на бомбежку коммуникаций противника:

«Мы летели на пикирующем бомбардировщике по направлению к Днепропетровску, имея задание бомбить мосты и переправы. Приближаясь к цели, мы попали в полосу интенсивного огня вражеских зенитных батарей. Яркие вспышки разрывов, огни трассирующих пуль — со всех сторон. Летчик успевает вовремя сманеврировать... Машина кренится набок, и пули проходят в непосредственной близости от обшивки самолета. Я облегченно вздыхаю, как вдруг... снаряд разрывается под самым нашим самолетом. Загорелось крыло...

— Будем прыгать? — спрашивает штурман.

— Ну, об этом не может быть и речи, — отвечает кажущийся спокойным летчик, — попадем прямо немцам в зубы.

Где-то совсем близко рвется еще снаряд ...Слышна пулеметная очередь.

— Что же будем делать? — спрашивает опять штурман.

— Попробую дотащить машину до места, — отвечает летчик.

От горящего крыла тянется дым. Мы сбрасываем бомбовый груз... Самолет теряет управление. Его бросает из стороны в сторону, делаем крутые виражи.

Нас преследует «мессер». Очевидно, немецкий летчик решил, что мы уже не в состоянии сопротивляться. Наш стрелок-радист вовремя обернулся... Через двадцать-тридцать секунд «мессер» сбит. Проходят две-три томительные минуты, они кажутся вечностью... Штурман рассматривает карту, всматривается в приборы и наконец радостно сообщает: мы над своей территорией.

Не выпуская шасси, самолет пошел на посадку... Сели на вспаханное поле... Сильный толчок. Штурман ударился головой о стенку кабины и тут же умер. Летчику помяло грудную клетку. Я и стрелок-радист отделались легкими ранениями... Самолет горит...

Я успел спасти аппарат и снятую пленку... У меня оказалось разбитым плечо, лопнули какие-то связки...»

Из материалов, снятых группой И. Посельского, был смонтирован полнометражный фильм «Крылья народа», вошедший в кинолетопись Великой Отечественной войны.

В середине 1944 года в целях более широкого освещения боевых действий советской авиации Военный совет ВВСКА и Комитет по делам кинематографии приняли решение о создании специальной фронтовой киногруппы ВВСКА. Начальником ее назначен один из опытных фронтовых операторов — А. Лебедев, его заместителем — Б. Тимофеев.

С первых же дней организации киногруппы ВВСКА стало ясно, что

работу ее строить нужно по-новому. Только в тринадцати воздушных армиях имелось по одному прикрепленному оператору, а для того чтобы получить подлинно боевой материал, их требовались сотни.

В частях ВВСКА были специалисты, окончившие Государственный институт кинематографии, но недоставало съемочной аппаратуры.

По ленд-лизу мы получили около 500 узкопленочных 16-миллиметровых аппаратов. Иметь дополнительно 500 операторов было заманчиво. Однако, чтобы начать съемки этими аппаратами, пришлось преодолеть немало трудностей. В стране не было тогда узкой пленки, а также соответствующих проявочных машин, аппаратов для перевода с узкой на нормальную, 35-миллиметровую пленку.

Не меньшая трудность возникла и при установке аппаратов на отечественные самолеты. Нужно было прорезать специальные отверстия для объективов, электропроводкой спарить для синхронного включения киноаппараты со стрелковым оружием, расположить их по одной оптической оси, чтобы результаты стрельбы фиксировались киноаппаратурой.

Благодаря энергии начальника киногруппы и его заместителя все эти трудности удалось преодолеть при активном участии главного инженера ВВСКА генерал-лейтенанта А. Репина, начальника Главного управления заказов генерал-лейтенанта Н. Селезнева, заместителя главного инженера генерал-лейтенанта А. Мезинова. Генеральные конструкторы С. Лавочкин, С. Ильюшин, заместитель наркома авиационной промышленности генерал-лейтенант П. Воронин активно нам помогли.

В каждой воздушной армии был выделен один авиаполк, на самолеты которого были установлены аппараты. Для их обслуживания и киносъемок были прикомандированы киноспециалисты, находившиеся в кадрах ВВС.

Результаты сказались незамедлительно: только за четыре месяца 1944 года было снято 16 тысяч метров авиационного материала.

Показ авиации занял достойное место во всех фронтовых выпусках и кинофильмах.

До самого конца войны операторы киногруппы ВВС совершали боевые вылеты, снимая и прославляя наших славных соколов.

В. Микоша

Здравствуй, Севастополь!

Враг, бросая технику, раненых, стремительно откатывался к Севастополю...

Вместе с передовыми частями Приморской армии мчались мы на своей полуторке по извилистому шоссе южного берега Крыма. С нами вместе на Крым наступала весна.

По обе стороны дороги замерли, как часовые в белых маскировочных халатах, высокие черешни. Розовым пламенем горели костры персиковых деревцев.

Мы ехали по знакомой ленте асфальта, и каждый крутой поворот дороги открывал родную землю в весеннем цвету.

Справа и слева по обочине дороги шли пленные немцы и румыны. Кюветы забиты перевернутыми машинами, зенитками, повозками и мотоциклами... Пленные шли без конвоя, не поднимая от земли глаз.

То тут, то там рядом с дорогой — трупы немецких офицеров: румыны, не желая воевать, убивали своих фашистских покровителей и переходили на нашу сторону.

Судак, Алушта, Гурзуф, Ялта — всюду оставили свой след фашисты. Обгорелые остовы домов, расстрелянные жители, сотни убитых лошадей преграждали путь.

У Байдарских ворот оказался взор-

ванным небольшой туннель. Вся вереница машин и техники остановилась.

Из зарослей шиповника вышли на дорогу несколько бородатых людей с немецкими автоматами и пулеметными лентами через плечо.

— Мы поджидали вас здесь, дорогие товарищи! — сказал один из них подполковнику. — Мы — крымские партизаны, сейчас покажем вам другую дорогу на Байдары.

Оператор К. Дупленский. Черноморский флот. Севастополь. 1944 г.

Подполковник стоял в нерешительности, не зная, верить или не верить этим незнакомым людям. Его колебания заметили не только мы, но и партизаны.

— Вы зря нам не верите! Мы же будем с вами. Наш штаб далеко отсюда, в Старом Крыму, а документы мы с собой, сами знаете, не носим...

Дорога оказалась совсем близко. Не очень удобная, но зато верная — без мин и сюрпризов. Через час мы проехали Байдарские ворота.

В селении Байдары нас встретили радостными криками и цветами. Через несколько минут спустились с гор партизаны.

Здесь мы и заночевали.

Чуть свет, не отставая от передового отряда разведки, двинулись вперед. До Севастополя оставалось только 35 километров. Крымский пейзаж разнообразили многочисленные кладбища. Слева и справа от дороги, вблизи и вдалеке следовали один за другим в строгом геометрическом порядке ряды стандартных крестов, увенчанных стальными касками.

Гитлер обещал войскам, штурмовавшим Севастополь, длительный отдых в Крыму на берегу Черного моря. Долго продлится этот отдых...

Теперь мы видим, во что обошлись немцам двести пятьдесят дней, проведенных у стен Севастополя.

Справа от дороги поднялся высокий холм с разбитой часовней — Итальянское кладбище.

— Смотрите! Знакомые места! — взволнованно крикнул Ряшенцев и высунулся из машины по пояс.

— Это не то слово — «знакомые»! — с болью произнес Левинсон.

«Да, это, конечно, не то слово, — подумал я. На этом месте за короткое время боев — атак, штурмов и контратак — пережито было больше, чем мог пережить человек за долгую жизнь.

С высоты Итальянского кладбища отлично были видны рубежи нашей обороны: Сапун-гора, Федюхины высоты, Инкерманская долина, Сахарная голова...

Когда головная колонна машин с легкой артиллерией приблизилась к подножию Итальянского кладбища, засвистели пули... Начался бой.

Наша артиллерия била прямой наводкой. Машины дали задний ход и укрылись за пригорком. Мы залегли в кустах и начали снимать. Пули свистели одновременно с выстрелами — немцы были совсем близко. Присмотревшись, мы увидели их пулеметные точки. Над ними поднимались желтые облачка пыли. Вскоре пыль, выбитая немецкими пулями, и дым от орудийной пальбы заслонили все вокруг.

Мы еле нашли свою полуторку, спрятанную в каменном карьерчике. Только расположились, как прибежал вестовой

— Товарища оператора генерал требует!

Мы с Ряшенцевым отправились на НП. Генерал поставил задачу разведчикам уничтожить пулеметные гнезда на склоне гор. Надо было обойти Итальянское кладбище справа, незаметно подняться и напасть на гитлеровцев. Генарал нарисовал синим карандашом план обхода горы и ниже, на склоне, пулеметные точки врага.

незримая сила подбрасывала снизу, и вдруг замерли.

Только тут я заметил еще террасу — ниже и правее. Несколько солдат бросили пулеметы и побежали, пригибаясь к земле. Двое из них упали замертво, остальные удрали.

Мы обследовали разрушенную часовню. Перевалили через гору. Здесь мне знаком и дорог каждый пригорок, каждый кустик...

Оператор В. Килосонидзе, режиссер Валишвили. Северо-Кавказский фронт. 1943 г.

— Товарищ генерал-майор, про нас не забудьте, — напомнил я.

— Да прихватите операторов, если они будут настаивать, и подстрахуйте их во время съемки. Задание ясно? Выполняйте!

Незамеченные, мы обошли немцев и вышли на гору. Ниже нас, на удобной для обзора террасе, лежали за пулеметом трое и время от времени посылали очереди по нашим расположениям. Они, конечно, не предполагали, что их могли обойти с тыла.

Я приготовился. Съемка началась по сигналу автоматов. Немцы судорожно задвигались, будто их какая-то

Мы осторожно продвигались вперед позади разведчиков. Они внимательно прочесывали кустарник. Меня окликнул отставший Ряшенцев.

— Смотрите, что я нашел!

Он держал в руках несколько выгоревших на солнце ленточек с потускневшими названиями кораблей: «...ская коммун...», «Червона...», «...сный Кавказ», и почти целая ленточка с надписью «Свободный».

— Вы помните, под Ассами, когда мы с вами познакомились, название какого корабля было у меня на бескозырке?

— Помню — «Беспощадный»!

Костя протянул мне обрывок ленточки. Я с трудом прочитал полустершееся окончание: «...щадный».

— С нашего корабля. Кто бы это мог быть?

Костя не прятал слез. Он стал на колени, прижался лбом к влажной земле.

Неподалеку звонко разорвались одна за другой четыре мины, и совсем рядом просвистели осколки. Я взял у Кости обрывок ленточки и положил в записную книжку рядом с фотографией матери. С ней я никогда не расставался. А другой — с надписью «Свободный» — спрятал в фуражку.

За крутым косогором напротив Итальянского кладбища сверкнули разом десятки огненных всполохов — это «катюши» «сыграли» по Сапун-горе. Мгновение — и там вздыбилась земля, вырос темный лес разрывов.

Снимаю. Завожу камеру и снова снимаю... Какая удачная точка. Все как на ладони: позиции немцев и наши наступающие части.

— Костя, взгляни только: направо, налево — всюду наши наступают. Севастополь совсем рядом. Скоро будем там!

— У меня состояние, будто бы вина выпил! Голова даже кружится, — ответил Костя.

Да, мы все опьянели от весны, от радости наступления наших войск на Севастополь, от сознания, что победа близка, скоро мы ступим на священную землю, отбитую в стремительной схватке у врага. Хочется петь, прыгать, кричать «ура» по поводу каждого сбитого самолета, каждого залпа «катюш».

Но пора уходить. Нас заметили. Мины подбираются все ближе и ближе. Быстро пробежав открытый участок, мы, сами того не зная, очутились посередине минного поля, опутанного тонкой противопехотной проволокой. Она проржавела и рвалась под ногами, как гнилые нитки.

Пробежав еще несколько шагов, мы поняли наконец, куда попали, и замерли на месте. Я хотел что-то сказать, но во рту пересохло...

— Костя! Костя! — удалось мне наконец прохрипеть. — Минное поле! Осторожно! Не сходи с места! Надо осмотреться!

— Здесь, наверное, с 1941 года никого не было. Как теперь вылезем, черт возьми?! — почему-то шепотом сказал Костя.

Близко просвистели пули. Мы присели на корточки, боясь сделать хоть один шаг. Прошла минута, другая. Мы осмотрелись. Поле, судя по металлической сетке, было не широким, но длинным. Шаг за шагом, с огромным напряжением воли мы выходили из этого страшного места. Еще шаг, еще один и, наконец, последний — кончилось минное поле. Мы повалились, обессиленные, на траву. Немного придя в себя, осмотрелись.

Немцы, отступив, точно заняли рубежи последних дней нашей обороны 1942 года.

Все повернулось вспять. Теперь наша авиация висит в воздухе и не дает фрицам поднять головы. Сотни штурмующих «ИЛов» перепахивают Сапун-гору...

Битва за Севастополь началась. Содрогнулась земля, завыл, загудел прозрачный весенний воздух. Перед объективом камеры медленно прошла панорама Федюхиных высот. Растянувшееся от ружейно-пулеметной стрельбы пылевое облако обозначило рубеж наших передовых частей. Впереди неприступной стеной застыла Сапун-гора. Там, в блиндажах и траншеях, — враг.

На другой день наши войска отбили Балаклавские высоты и мы со своей полуторкой забрались в старый крепостной ров на горе.

Перед нашим наступлением на Керчь я обзавелся длиннофокусным объективом — 800 мм. Эта огромная труба напоминала крупнокалиберный миномет и часто вызывала на себя огонь. Замаскировавшись в крепости над Балаклавой, мы вели съемки-наблюдения за городом, за Сапун-горой,

и вся местность, занятая врагом, была у нас как на ладони. Выгодная точка позволяла свободно, с утра до ночи снимать не только эпизоды воздушных боев, но и сухопутные атаки, артиллерийские налеты, обработку немецких позиций «катюшами».

«ИЛы», один за другим, тяжело нагруженные, штурмовали Сапун-гору. Иногда ожесточенный ответ противника достигал цели, и наш штурмовик погибал, врезаясь в траншеи или блиндажи врага. Летчики знали, что, штурмуя на высоте десяти-пятнадцати метров, в случае чего на парашюте не выпрыгнешь, и все же шли на этот опасный маневр, нагоняя на гитлеровцев животный страх, заставляя их бросать оружие и прятать голову в землю, которая не спасала.

Наконец-то настала наша пора! Эх, Рымарева рядом нет! Как мы мечтали с ним о съемках наступления, когда будем бить врага! Гнать с нашей земли и бить, бить! Какой радостью была съемка в 1941 году сбитого «юнкерса». А теперь? Каждый день, каждый час, каждая минута приносили столько съемочного материала! Впервые я мог так полно снимать боевые операции наших частей совсем близко, почти в расположении противника.

Балаклава наша! Еще один шаг на пути к Севастополю. Мы нашли на вершине горки удобную точку в немецком минометном гнезде. Отсюда хорошо было видно, как немцы ведут эвакуацию своих войск с Херсонесского полуострова. Рядом со мной у стереотрубы — старшина-корректировщик. Он передает по телефону данные о гитлеровцах на свою батарею.

К самому берегу на Херсонесе подошел корабль.

— Старшина! Старшина! Прошу тебя! Слышишь?! Дай огонек на транспорт! Слышишь?!..

С берега протянули на корабль сходни. Беспорядочной толпой ринулись по ним войска.

— Старшина! Скорей! Скорей! Давай огонь! Уйдут гитлеровцы! Уйдут! Не успеем!.. — Я волновался так, будто от этого зависела моя судьба.

Корректировщик, прильнув к стереотрубе, орет что-то непонятное и на мои крики не обращает внимания.

Наконец первый снаряд, второй, третий подняли столбы воды.

Я начал снимать, как снаряды все ближе и ближе подбирались к транспорту. Батарея ведет огонь залпами — четыре взрыва, промежуток и снова четыре. Вот наконец в кадре визира разорвался снаряд на корабельном мостике, другой — на кормовой надстройке.

— Ну как? Порядок, товарищ оператор? — успел крикнуть мне старшина, не отрываясь от своей передачи. — Нет! Нет! Это не вам, товарищ лейтенант! Порядок полный! — добавил он, и снова пошли цифры...

Камера замолкла; быстро сделав завод, я снова начал снимать. Вижу, как рухнули в море вместе с войсками сходни и пароход стал медленно отваливать от берега. Еще один снаряд разорвался на спардеке. Корабль уходил все дальше и дальше от берега. Корректировщик замолчал. Батарея прекратила огонь.

— Неужели уйдет? Уходит у всех на глазах! Ну как же это может быть? Чтоб средь бела дня упустили такой случай! Уходит, уходит! Нет! Не могу смотреть...

Неожиданно меня прервал старшина, заорав не своим голосом:

— Снимайте! Скорей! Скорей! «ИЛы» пикируют! Ур-ра! Теперь хана им! Товарищ капитан третьего ранга, дайте хоть одним глазком глянуть, как они там его крошат!

Я только успел нажать рычажок и увидел — штурмовики ринулись один за другим в пике. Вспыхнуло яркое пламя, и транспорт быстро окутался густым облаком дыма.

Это был последний немецкий пароход. Так он и ушел, скрывшись за горизонтом, объятый дымом. В это время

на аэродром приземлилось несколько «юнкерсов».

Только я снял их посадку, как вдруг в небо круто взмыл «Ю-88». Я еле успел поймать его в кадр. За ним тянулся дымный след. Заложив вертикальный вираж, он хотел, как мне показалось, вернуться обратно, но было поздно. Кренясь на одно крыло, он полетел бреющим полетом к морю, надеясь сесть на воду.

Я продолжал вести за ним панораму. Немного недотянув до моря, он врезался в береговую скалу и разлетелся на куски.

Камера умолкла. Над местом гибели самолета таяло облачко пыли. Мы молча посмотрели друг на друга.

— Да, вот так, значит! И выпрыгнуть было некогда! Торопился-то как помирать, а? — Старшина присел на край окопа, отвалился на спину и закрыл глаза.

Последние попытки фашистов эвакуировать войска из района Херсонесского маяка ни к чему не привели. Наша авиация полностью блокировала небо и море. Напрасно немцы ждали обещанных кораблей и десантных самолетов.

Шаг за шагом наши войска подошли вплотную к последним рубежам немецкой обороны.

7 мая 1944 года начался штурм Сапун-горы. Три полосы бетона вместе с хитрой системой противопехотных заграждений были преодолены матросами и солдатами в невиданном доселе порыве.

Каждый сантиметр земли был взят с боем. Каждый шаг был подвигом. Весь склон Сапун-горы был глубоко вспахан, густо засеян горячим металлом, полит кровью.

Здравствуй, Севастополь, мы вернулись к тебе, как обещали!

Выйдя первым на Корабельную сторону, небольшой отряд матросов подбросил в небо бескозырки и трижды прокричал «ура». За ним грянул в весеннем воздухе первый салют победы из автоматов. За Южной бухтой дымились руины Севастополя.

Здравствуй, Севастополь! Обожженный, истерзанный, но родной каждому оборонявшему тебя.

Внизу, под нами, у Павловского мыса, — полузатонувший эсминец «Свободный». Напротив, у Графской пристани, торчат мачты потопленного крейсера «Червона Украина». А у памятника затопленным кораблям ярко пылает немецкая самоходная баржа. Кипит над городом ружейно-пулеметный клекот.

И вот еще один бросок. Перед нами — израненная, пробитая пулями и осколками снарядов колоннада Графской пристани. Разбитая лестница густо усеяна рваными осколками и стреляными гильзами от автоматов. Вместо деревянного пирса в конце лестницы зияла огромная воронка.

Мы стояли пыльные, опаленные порохом и весенним солнцем, счастливые и радостные.

Мы — в Севастополе!

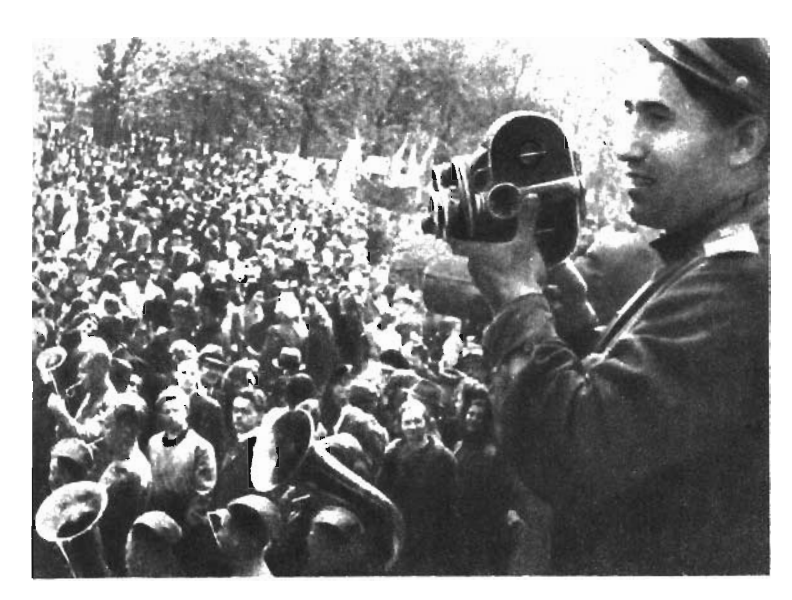
Г. Асланов

Шли мы по Украине, на запад...

Фронтовые дороги...

Всего несколько дней назад я был у Черного моря, снимал освобожденную от оккупантов Одессу...

Одесса! Город моря и степи, цветущих каштанов, старинных особняков, здравниц. Встарь Черное море называли «эвксинским» (ласковым, гостеприимным). Гостеприимны и одесситы, но только для друзей. Враг же познал героический дух их сполна — город ушел под землю, но не сдался, не стал перед оккупантами на колени. Поспешным было бегство фашистов из Одессы, все же они пытались причинить городу побольше ущерба, намеревались, например, взорвать сокровищницу Одессы — оперный театр.

Оператор Г. Асланов. 3-й Украинский фронт. 1944 г.

Надо побывать в Одесском театре, надо знать душу одесситов, чтобы понять их. Я видел, снимал, как одесситы молча подходили к стенам театра, прижимались к ним, как к чему-то родному, садились на ступеньки счастливые — опять будет сверкать электрическими огнями «второй в Европе» их любимый театр.

В городе я встретил наших кинооператоров — Соломона Когана, Виктора Петрова, они вошли в Одессу с другими частями. Вечером мы все собрались, делились впечатлениями; особенно веселым был Коган, и мы понимали его: в 1941 году он вместе с оператором Марком Трояновским до последнего дня вел съемки в осажденной Одессе, сроднился с ней в суровые дни обороны. И вот она освобождена, возвращена Родине.

С сожалением уезжал из Одессы и я, но приказ есть приказ. Еду на запад, в 37-ю армию, в которой бывал в тяжелые годы отступления. Расстался с ней на Кубани в 1943 году...

Теперь она занимает оборону на Кицканском плацдарме, у Днестра, в районе Тирасполя.

Переправился через Днестр. Кругом цветут сады, одиноко возвышается колокольня кицканского монастыря. За околицей села Кицканы солдаты роют траншеи — армия зарывалась в землю, протяженность подземных ходов к моменту наступления составила около 200 километров! Были целые подземные улицы, переулки, тупики...

И все это делалось вручную, скрытно от гитлеровцев, на небольшом клочке земли.

Около четырех месяцев находилась 37-я армия в обороне. За это время командованием армии во главе с генералом М. Н. Шарохиным был тщательно, в мелочах разработан план генерального наступления, но все держалось в строжайшей тайне: опечатаны были все радиопередатчики, ограничены телефонные разговоры, войска на Кицканский плацдарм переправлялись только по ночам, в полной темноте. Я снимал лишь отдельные эпизоды подготовки, и мне казалось, что время тянется очень уж медленно. Ежедневно слушали мы сводки Совинформбюро, радовались успехам на других фронтах и, конечно, досадовали, что сами сидим на месте.

В те тягостно долгие дни к нам

приехал Александр Фадеев. Он собирал материал о молодогвардейцах, а 37-я армия участвовала в освобождении Донбасса и Краснодона. Несколько раз я ездил с Фадеевым по дивизиям, но сниматься он не любил. И по-настоящему запечатлеть его интереснейшие встречи с солдатами мне так и не удалось. Фадеев к тому времени был награжден уже орденом Ленина. На встречах своих с солдатами увлекательно рассказывал о работе писателей на фронтах и о том, что собирается писать он сам. Солдаты задавали писателю массу вопросов, он остроумно отвечал на них и радовался, что фронтовики так хорошо знают советскую литературу, интересуются судьбами писателей.

Объезжая дивизии, я снимал в тот период быт фронтовиков, инженерно-саперные работы.

...Снимаю командира 82-го стрелкового корпуса генерала Кузнецова с начальником политотдела Пащенко при обходе солдат в блиндажах. Снимаю крупно бывшего чапаевца старшину Василия Пронина.

И вот начинает уже чувствоваться — идут последние дни подготовки к наступлению. По ночам, тщательно соблюдая маскировку, стала выдвигаться на передовые позиции пехота.

В последний раз переправляюсь на Кицканский плацдарм и я. Поместили меня в один из блиндажей. Проверяю кассеты, готовность кинокамеры. Тишина — будто все вымерло. Потом плененный солдатами 37-й армии начальник штаба 81-го немецкого пехотного полка говорил, что даже в штабе их дивизии при самом тщательном разборе всех возможных вариантов «русского наступления» прорыва русских на этом участке не предполагали.

Началось все утром 20 августа 1944 года. Я вышел из блиндажа на рассвете. Все тихо, спокойно и у нас и у гитлеровцев. Думали ли они, что это ласковое утро будет для них роковым.

Не знали своей судьбы и наши

Оператор С. Давидсон (справа), корреспондент С. Борзенко. 1-й Украинский фронт. 1944 г.

солдаты — кто останется жив, кто погибнет. Волнение перед наступлением охватывает всех. И если кто-то потом говорит, что был в такие минуты абсолютно спокойным, наверное, это неправда. Тогда, помню, волновались все: солдаты, офицеры. И всех объединяла лютая ненависть к фашистским оккупантам. Каждый думал перед наступлением о своих близких, у многих они были угнаны в Германию, замучены врагом.

Вот в блиндаже сидят два солдата. Один вполголоса читает письмо; второй, прижавшись к другу, слушает, крепко сжимает автомат. Я снимаю их, потом спрашиваю: «От кого письмо?» Смущенно отвечают, начинаю записывать в блокнот: «Михаил Ковтун читает своему другу Владимиру Левченко письмо от своей девушки...» Внезапный грохот канонады не дает закончить записи.

Начата артподготовка. Дрожит, кажется, сама земля. 250 орудий и минометов обстреливают каждый метр в секторе предстоящего прорыва.

Со страшным ревом проносятся над нами огненные снаряды «катюш». При помощи телеоптики снимаю передний край немцев, там все горит... Больше часа продолжается грохот орудий. Потом вдруг на мгновение становится опять тихо. И вот она, долгожданная, нарастающая волна многоголосого «ура», все приходит в движение. Через визир кинокамеры вижу устремившихся вперед бойцов, танки. Кажется, все слилось в мощную лавину, которую нельзя остановить.

На наблюдательном пункте — командующий 37-й армией генерал Шарохин и начальник штаба армии генерал Блажей. Все идет по предусмотренному плану. Вот в узкую горловину прорыва устремились войска, с воздуха их охраняют наши истребители.

Мне удается снять передний край немцев вскоре после прорыва — все смешано с землей, валяются трупы, едкий дым слепит глаза...

Так была начата грандиозная наступательная операция по окружению и уничтожению ясско-кишиневской группировки немцев силами 2-го и 3-го Украинских фронтов.

Тридцать седьмая армия действовала на главном направлении 3-го Украинского фронта. Успешно прорвав линию вражеской обороны, войска армии устремились на запад.

22 августа Москва салютовала войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов, в том числе и частям 37-й армии за прорыв сильно укрепленной обороны противника.

А 23 августа танкисты 3-го Украинского фронта в районе Хуши вышли к реке Прут и 24 августа встретились с войсками 2-го Украинского фронта — замкнулись гигантские клещи, немецкая группировка «Южная Украина» попала в «мешок».

В последующие дни шли уже бои по уничтожению и пленению гитлеровцев.

Мы едва успевали за событиями, машина наша носилась с участка на участок. При переездах мы уже перестали обращать внимание на прятавшихся по кукурузным полям сдававшихся немцев.

В селе Троц удалось снять радостную встречу наших разведчиков с населением. Нежным вниманием окружили женщины села разведчицу — кавалера ордена Красного Знамени Аню Медведеву.

Во всех наступавших армиях 3-го Украинского фронта были операторы: Семен Стояновский и Иван Чикноверов снимали освобождение Аккермана и Измаила; в Кишиневе снимали Иван Грачев и Андрей Сологубов; Борис Рогачевский снимал тяжелые бои в танковом корпусе; Виктор Петров вел съемки у Прута.

Незабываемые картины запечатлевали наши кинокамеры: километрами тянулись кладбища автомашин, подбитых вражеских танков. Одних только пленных 37-я армия взяла более тридцати тысяч человек.

Эта выдающаяся победа советских

войск была началом освобождения от фашистского ига народов Румынии и Болгарии.

Из снятого операторами фронтов материала создан был полнометражный фильм «Победа на юге» (режиссер Леонид Варламов).

...Еще идут завершающие бои с окруженной группировкой, а наша машина мчится уже по пыльным дорогам Румынии дальше, к болгарской границе. Движутся и войска 37-й армии.

Подъезжаем к румыно-болгарской границе. Нас встречает офицер-пограничник. Он вежлив и любезен. Жители пограничных болгарских сел радостно приветствуют наших солдат — дружеские рукопожатия, объятия; беседы завязываются довольно легко, без переводчиков.

Однако останавливаемся на некоторое время у границы. Ведутся официальные переговоры с правительством Болгарии.

Получаю письмо от Сущинского. Всего несколько месяцев мне пришлось поработать с Владимиром Сущинским на 4-м Украинском фронте, но и за это время мы крепко сдружились. Он был очень хорошим товарищем, чутким, отзывчивым, щедрым человеком, требовательным художником. Снимая даже в самых тяжелых боях, всегда находил детали, чтобы ярче показать храбрость, волю к победе у наших солдат. Все его съемки на студии в Москве принимались хорошо.

Сущинский знал и о моих работах, сочувствовал моему горю (родители мои умерли голодной смертью в оккупации).

Мы были очень откровенны друг с другом, строили планы, думали вместе поработать... Но меня неожиданно и спешно перевели тогда на другой фронт. Уезжая, я не смог даже с ним попрощаться — он был в дивизии.

И вот передо мной его письмо (которое я храню до сих пор как светлую память о друге и мужественном кинооператоре). Приведу из него лишь выдержки:

«Дорогой мой друг, здравствуй!

Жаль, что нам не придется вместе поработать.

Надо было проситься и ехать с вами, а то поседеешь, насидевшись. Рад буду, если тебе и Андрюше Сологубову удалось-таки поработать... как хорошо входить в город и чувствовать вокруг не какой-то там пункт N, а исторический городище.

За материал февральский дали премию — 3000 рублей. Сюжет занял первое место, но это уже прошлое, и об этом я уже забыл думать... Лучше бы вместо 3000 рублей снять еще 300 метров боевого материала.

Ну, желаю тебе всех благ, успехов, здоровья,

фитилей, пирогов и пышек.

Крепко жму твою лапу.

Твой Владимир».

Уже в Венгрии, много дней спустя, получил я известие о его гибели; боль сжала сердце — больше не увижу близкого друга, прекрасного человека.

Именем Владимира Сущинского названа школа, в которой он учился, там же создан его музей. Мы, бывшие фронтовые кинооператоры, храним светлую память о нашем боевом товарище, отважном художнике.

Но тогда, на румыно-болгарской границе, читая его письмо, я и не мог представить себе, что оно окажется последним.

Пятого сентября Советское правительство вынуждено было объявить Болгарии войну, так как болгарское правительство против воли своего народа продолжало поддерживать гитлеровскую Германию.

8 сентября 1944 года войска 37-й армии вместе с другими армиями перешли болгарскую границу.

Болгарский народ встретил советские войска по русскому обычаю — хлебом и солью. Всюду слышалось: «Добре дошли!» («Добро пожаловать!»).

Въезжаем в Варну, на улицах — уйма народу. Я и армейские корреспонденты оказываемся в объятиях болгар; пытаюсь снимать, но это почти невозможно. Объясняем, что мы только военные корреспонденты, что войска скоро подойдут, — все равно продолжают скандировать нам приветствия.

Всюду вспыхивают митинги; освобождены из тюрем политические заключенные. Снимаем девушку и юношу, которые с оружием в руках ведут двух бывших уже теперь полицаев.

Слышится шум танков. Болгары забрасывают наших танкистов цветами. Остановившиеся танки сразу же оказываются в кольце народа. Снимаю, как десятки дружеских рук тянутся, чтобы пожать руки славным советским танкистам.

В те дни в Варне я встретил своих друзей-операторов Черноморского флота — Владимира Афанасьева, Константина Дупленского, Ивана Запорожского, кинорежиссера Василия Беляева.

От них узнал, что оператор Иван Сокольников уже в Софии. События там развивались с непостижимой быстротой — свергнуто уже было прежнее правительство, создан комитет Отечественного фронта.

Еще до вступления наших войск в Софии успели поработать Владислав Микоша, Аба Кричевский, Соломон Коган и Андрей Сологубов. Перевалив Балканские горы, туда же прибыли Иван Грачев и Виктор Петров. В Тырнове снимал Семен Стояновский. Мы спешили снять все и как можно полнее показать советскому народу сердечную встречу наших воинов болгарами, запечатлеть на века дни, ставшие началом большой советско-болгарской дружбы.

В городе Сливен получаю телеграмму из студии: моим яссо-кишиневским материалом довольны. Что может быть приятнее для оператора!

Разъезжаю по стране, снимаю, не теряя даром ни дня, ни часа.

...Казанлыкская долина роз. Среди лесистых гор и зелени виноградников раскинулась она.

— Много пролито тут русской крови, — говорит, качая седой головой, старик болгарин Константин Денев, — быть может, поэтому лучшие в мире розы растут на этой священной земле...

За горами — Шипкинский перевал. Едем туда. У села Шипка видим величественный храм-памятник, построенный в память погибшим русским воинам. А вот и перевал. Груда камней — прославленное Орлово гнездо, где проявили невиданную храбрость и стойкость защитники Шипки.

«На Шипке все спокойно...». Как-то необычно воспринимались эти слова теперь, когда Советская Армия освободила болгарский народ от фашистского ига, принесла ему счастливое будущее.

У меня завязалась в те дни дружба с поэтом Леонидом Гариловским. Он был корреспондентом газеты 37-й армии «Советский патриот». Гариловского любили и сотрудники редакции и многотысячные читатели в частях.

Как-то вернувшись из поездки на Шипку, он поделился со мной:

— Встретил там девяностолетнего болгарина Петра Аверова из села Шипка — живого еще свидетеля и участника героической обороны. Прекрасно все помнит. Видел там и наших солдат... С каким волнением всматриваются в каждый памятник битвы! У пожилых на глазах были даже слезы. Это слезы гордости за предков... Понимаешь, как это здорово? В этом же сила нашего патриотизма... Хочу об этом написать стихи.

И написал. Они потом были высечены на мраморной плите, установленной на памятнике у Шипкинского перевала в день торжеств, посвященных героям Шипки.

На торжествах были солдаты, офицеры 37-й армии. Мне довелось снимать это историческое событие. На могильные плиты были возложены цветы.

Воины с обнаженными головами опустились на колени. Минута молчаливой скорби, и вот уже шум кинокамеры заглушается салютом советских автоматчиков...

На памятнике устанавливается мемориальная доска со стихотворными строками:

Вдали от русской матери-земли
Здесь пали Вы за честь Отчизны милой.
Вы клятву верности России принесли
И сохранили верность до могилы...

Стояли Вы незыблемей скалы,
Без страха шли на бой святой и правый;
Спокойно спите, русские орлы,
Потомки чтут и множат Вашу славу.

Отчизна нам безмерно дорога,
И мы прошли по дедовскому следу,
Чтоб уничтожить лютого врага
И утвердить достойную победу.

Сентябрь 1944 г.

Снятый мною ролик был помещен в очередной номер киножурнала. И вскоре получаю телеграмму из Москвы: сюжет «В память героев Шипки» признан отличным.

В середине декабря по распоряжению начальника фронтовой киногруппы я выехал в Венгрию, снимал бои в районе Будапешта. Закончил войну в австрийских Альпах.

А в июне 1945 года — снова в Болгарию. Уже в мирные дни.

Болгария начинала строить новую жизнь, но отголоски фашизма еще слышались, плели сети интриг опекавшиеся американской и английской миссиями оппозиционные партии. Оппозиция издавала грязную газетенку, устраивала провокации.

Шестого ноября, после двадцатидвухлетней разлуки с родиной, в Болгарию вернулся Георгий Димитров.

Первое выступление его было в Народном театре. Я снимал вместе с прибывшим из Москвы Григорием Могилевским, стоял рядом с трибуной и сквозь шум своего аппарата вслушивался в каждое слово Димитрова.

Он говорил, что Болгария обрела свободу и никакая оппозиция не сможет помешать движению вперед, к счастью и расцвету.

Георгий Димитров, переживший долгое изгнание и фашистское судилище в Лейпциге, всю свою жизнь посвятил Болгарской коммунистической партии, болгарскому народу. Вернувшись на родную землю, он часто встречался с рабочими и крестьянами. Об одной такой встрече нам удалось узнать заранее. На нее выехали Роман Григорьев, Григорий Могилевский и я. Село, в котором должен был выступать Димитров, находилось недалеко от Софии. Въехав в него, мы сразу же увидели в кругу крестьян Георгия Димитрова и его супругу Розу Юльевну и включили свои камеры... Крестьяне пожимали Димитрову руку, внимательно слушали его, но больше он расспрашивал их о планах, нуждах. Увидев, что мы снимаем, подошел к нам. Познакомились. Обратно в Софию я ехал в машине Димитрова. В пути Георгий Димитров расспрашивал меня о моих впечатлениях о Болгарии. Я отвечал на болгарском языке. Он был приятно удивлен...

По приезде в Софию Димитровы пригласили всех нас на обед.

Узнав, что Роман Григорьев и я были в Вене, Димитровы расспрашивали нас о городе. В свою очередь и сам Димитров рассказал, как жил в Вене, вынужденный эмигрировать из фашистской Болгарии. Я всматривался в волевое лицо, вслушивался в каждое произнесенное добрым и мягким голосом слово и удивлялся простоте этого богатырской воли человека, его влюбленности в жизнь. Свято верил он в свой народ, способный создать свободную и счастливую Болгарию!

К. Широнин **На латвийской земле**

После героической битвы на Курской дуге киногруппа Брянского фронта целиком перебазировалась на 2-й Прибалтийский фронт, на псковские земли. В ноябре 1943 года меня направили на 2-й Прибалтийский. Группой руководил старейший режиссер-документалист Р. Гиков.

В киногруппе работали уже прошедшие фронтовую школу кинооператоры М. Прудников, Ю. Монгловский, Ф. Леонтович, И. Гутман, А. Гафт, постоянно закрепленный для съемок в авиационных частях 15-й воздушной армии молодой оператор И. Бессарабов, звукооператор С. Егоров, заместитель начальника киногруппы В. Слонимский. Чаще всего мне приходилось работать с М. Прудниковым, скромным, хорошим товарищем, смелым оператором.

Нам довелось снимать преимущественно в пехоте. Не раз удалось запечатлеть мужество и воинское мастерство солдата при разминировании подступов к вражеской обороне, в момент преодоления проволочных заграждений противника, при форсировании рек, в моменты атаки пехотинцев, идущих на прорыв вражеских укреплений за нашими наступающими танками. Снимали также работу нашей артиллерии и огневые залпы гвардейских минометов. К сожалению, многое приходилось снимать с наблюдательного пункта батальона длиннофокусной оптикой.

Отступая, враг отчаянно огрызался, оставляя после себя «зону пустыни».

Кто из нас, операторов, не любил снимать мирные ландшафты родины? Бесконечные поля и ковыльные степи, извилистые реки, дороги, лесные опушки, стога сена, цветистые луга из разнотравья, панорамы колышущегося пшеничного поля с причудливыми облаками над ними, ватные полоски утреннего тумана над озерами... А теперь перед нами возникали другие картины: утренние рассветы в дыму пожарищ, черные сгоревшие рощи, закопченные груды развалин вместо поселков, городов, заводов, бесконечные минные поля...

У Великих Лук в узкую горловину в 3—4 километра советские войска вклинились в расположение противника на глубину до 70—80 километров, упираясь передовыми частями в земли Латвии, ежедневно расширяя и углубляя прорыв. В эту горловину вошла наша целая армия с артиллерией, танками, «катюшами», лыжными батальонами, тылами, санбатами, госпиталями.

Вместе с М. Прудниковым, режиссером М. Плоскиным и водителем Я.Кухтой мы не раз проскальзывали простреливаемые противником участки и проводили нелегкую съемочную работу.

В эти дни нам удалось снять немало интересных эпизодов из боевой жизни и быта солдат.

Возвращаясь в штаб фронта, мы все же не сумели удачно проскочить опасную горловину, которую гитлеровцы систематически простреливали артиллерией. Когда проезжали опасное место, я сидел в кузове, втянув голову в плечи, на кожаном футляре камеры «Дебри-Эль», беседуя с М. Прудниковым. Режиссер М. Плоскин находился

Оператор К Широнин. 2-й Прибалтийский фронт. 1944 г.

с водителем в кабине автомашины. Снаряд разорвался впереди, неподалеку от машины, выбил осколками ветровое стекло и повредил левое переднее колесо. Машину затянуло в кювет. Мы с Прудниковым выскочили из машины и залегли в кювете. Выброшенные взрывной волной из кабины, закопченные гарью взрыва, к нам подползли М. Плоскин и Я. Кухта. Посовещавшись, мы попросили Кухту вывести машину из-под обстрела в сторону от дороги и как-нибудь доковылять за чудом уцелевший дом. Яков проделал эту операцию мастерски, и мы все принялись ремонтировать скат. Туго набили в покрышку разного тряпья, пакли, бумаги и на утрамбованном скате медленно добрались до авточасти. Стационарный аппарат «Дебри-Эль», на котором я сидел, оказался пробитым осколком в обтюраторной части и вышел из строя, но снятая пленка (в 120-метровой кассете) была засвечена не полностью. Часть материала при проявке была спасена.

К 23 февраля, Дню Красной Армии, операторы съезжались на кинобазу. Это были редкие минуты встречи всей съемочной группы.

В комнате накрывался праздничный стол. Организатором торжества был веселый и проворный В. Слонимский. Главным шеф-поваром — оператор Ф. Леонтович. На столе появлялся репчатый лук, селедка, горячая картошка, консервированная колбаса из наших дополнительных пайков и графин с водкой, отпущенной к знаменательному дню. Завязывалась оживленная беседа. Хорошо играли на гитаре и пели Гиков, Гутман, Плоскин. У них были приличные голоса и свой репертуар. Гиков исполнял Вертинского: «Мчится бешеный шар», «Утомленное лицо актрисы» и другие песни. Коллективно затягивали популярные тогда песни «Катюша», «Темная ночь», «Тонкая рябина», «Синий платочек». Я. Марченко напевал украинские песни. Царила дружеская обстановка.

Для встречи с бойцами на фронт прибыла делегация сибиряков. Под деревней Чернушки бойцы 254-го гвардейского полка 56-й гвардейской дивизии жестоко дрались за высоту 199,7 и комсомолец Александр Матросов, уроженец Новосибирска, своей грудью закрыл строчащий пулемет противника, мешавший успешному продвижению наших бойцов. Весть о героическом подвиге молодого сибиряка облетела всю страну. Его земляки приехали, чтобы посетить могилу погибшего героя, поклониться его праху.

Мы с Прудниковым срочно помчались на своей полуторке в деревню Чернушки, чтобы заснять несколько кадров этого волнующего эпизода. И вот мы у скромной могилы с дощатым памятником с жестяной звездочкой и четырьмя артиллерийскими гильзами у подножия.

Дни героических штурмов и натиска Красной Армии в 1944 году никогда не изгладятся из моей памяти. Не давая передышки врагу, наши войска продолжали зимнее наступление.

Мы прибыли в освобожденный город Пустошка и увидели действительно пустое место. Противник, огрызаясь, откатывался дальше, взрывая и сжигая все на своем пути. В центре Пустошки остался целым единственный дом. Очень хотелось переночевать в этом доме, где были четыре стены и крыша, защищающие тебя от холода и ветра, вскипятить чай, передохнуть. В окнах вместо стекол — фанера, на стене — надпись: «Проверено. Мин нет». Но мы припомнили одинокую церковь в Демьянске, взлетевшую на воздух от взрыва мины замедленного действия. Решили не поддаваться искушению. На следующий день, сняв необходимые кадры и возвращаясь обратно, мы увидели, что этого дома в Пустошке уже нет. Глубокой ночью он взлетел на воздух, унося с собой жизни укрывшихся в нем на ночь солдат. Гитлеровцы, видимо, оставили хорошо замаскированную

магнитную мину с часовым механизмом.

В середине июля была взята Идрица — крупный опорный пункт, где находился главный аэродром оккупантов, обслуживавший все прибалтийские войска группы «Север». Наши танкисты не дали уходившим гитлеровцам взорвать одну из ферм железнодорожного моста на реке Великая, и механизированные подразделения под обстрелом ринулись по узкой ферме. Регулировщик руководил сложным передвижением войсковых громад туда и обратно. Нам было необходимо весь снятый материал об отличившихся частях, военачальниках, указанных в приказе главнокомандующего, срочно отправить в Москву. Регулировщик разрешил двигаться по постоянно простреливаемой узкой ферме. С водителем Кухтой мы осторожно передвигались по мосту. Снаряды противника, сверкая на солнце, пролетали перед нашей кабиной и рвались в воде. Удача! Проскочили!

С отснятым материалом вдвоем с водителем поехали дальше по только что освобожденной территории. Моросил дождь. В лесах бродили разбежавшиеся гитлеровцы. Они группами совершали набеги на полевые кухни, разные тыловые подразделения или сдавались в плен.

На глинистой размокшей дороге машину занесло в кювет. Мы пытались выбраться на дорогу, подкладывая под колеса ветки и подталкивая грузовик плечами. Выбились из сил, но успеха не добились. Решили выключить мотор и в покореженной машине дождаться утра. Рассвело. Распахнув дверцы, увидели в траве в полутора метрах от колеса заряженную противотанковую мину, а рядом — брошенную вагу. В темноте только чудо спасло нас от взрыва. Выбравшись из кювета, поставили фанерку с надписью: «Осторожно! Мина». Снятый материал доставили на базу своевременно.

В гвардейской латышской стрелковой дивизии (командир — генерал-майор Д. К. Бранткалн, начальник штаба — полковник А. А. Ивановский) мы бывали во время боев и в дни затишья, когда все подразделения упорно учились, оттачивая свое воинское мастерство. Вот и на этот раз, прибыв к бойцам-латышам, готовившимся вступить на свои родные земли, мы снимали, как латышские стрелки отрабатывали приемы рукопашного боя. Трогательно было наблюдать за латышскими бойцами, вспоминающими свою родину, национальные праздники, которые они отмечали когда-то дома. Так же как в мирное время, они разжигали костры и прыгали через огонь. У всех было приподнятое настроение. Приближались радостные дни освобождения Риги, уже третий год находившейся под фашистской пятой. У солдат загорались радостным светом глаза, и мы вместе с ними запевали бодрую песню:

Рига дымд, Рига дымд,
Касто Рига, дым ди нас...

С июня 1944 года в 22-ю армию вошел 130-й латышский стрелковый корпус. В его составе была и наша любимая 43-я стрелковая дивизия. 18 июля в 4 часа 30 минут воины 127-го стрелкового полка 43-й гвардейской латышской дивизии перешли границу Латвии и вступили на родную землю. Население с ликованием встречало победителей, выходя на обочины дорог, на улицы поселков.

В эти летние дни 1944 года войска 2-го Прибалтийского фронта в трех местах пересекли границу Латвийской ССР. Теперь перед войсками фронта лежала непроходимая Лубанская низменность с небольшими возвышенностями. Гитлеровское командование считало эти места непроходимыми для войск, в особенности для танков и артиллерии. Однако наше командование решило форсировать Лубанскую низменность. Солдаты продвигались в ржавой топи. Пехота без привалов тащила на плечах пулеметы, минометы, боеприпасы. Тащили даже легкие

орудия. Засасывала трясина. Люди падали от изнеможения и при первой возможности засыпали. Продвигались не более 6—10 километров в сутки. Все это фиксировалось нами — фронтовыми кинооператорами, идущими вместе с солдатами по колено в трясине.

В пункте Лубана в окружение попала горстка советских разведчиков, бившихся до последнего патрона. Гитлеровцы зверски расправились с ними. Гвардейцы перенесли нечеловеческие муки, но до конца остались верными своей Родине. Изверги вырезали на лбу пленных пятиконечные звезды, выдавили глаза, разбили прикладами челюсти и затылки.

В руки фашистам попали и наши четыре девушки. Санинструктор и санитарки. Гитлеровцы тоже подвергли их жестоким пыткам: кололи тело кинжалами, ломали кисти рук и ног, вырезали на груди пятиконечные звезды. Нам пришлось снимать трагические кадры изуверства. Впоследствии на Нюрнбергском процессе в 1946 году эти съемки демонстрировались как документы зверств фашистов на советской земле с нашими операторскими клятвами и подписями.

В Лубане состоялись похороны зверски замученных гитлеровцами героев. Молча, с гневными лицами стояли гвардейцы над останками своих боевых друзей.

В июле наши войска овладели городом и железнодорожной станцией Мадона, продолжая стремительное наступление на запад. Гвардейцы-латыши в боях показали смелость, решительность и вышли к берегам реки Айвиэкста. Ранним утром мы засняли форсирование этой реки и бои за станцию Крустпилс. На обочинах дорог появились призывы: «Путь на Ригу. Вперед, боевые друзья!» За десять дней действий на Лубанской низменности наши войска нанесли серьезный урон противнику, выиграв сражение с малыми потерями. Участники Лубанской операции не уронили престиж доблестных солдат суворовских времен, еще раз доказав, что нет непреодолимых преград.

В эти дни мы с Прудниковым сняли сюжеты, получившие высокую оценку за боевой репортаж и премии, установленные Комитетом кинематографии. Это были сюжеты «Переход через Лубанские болота», «Форсирование реки Айвиэкста», «Бои и переход через горящие леса», «Возвращение партизан», «На земле освобожденной Латвии», «Зверства немцев».

130-й латышский корпус пополнялся, укомплектовывался оружием и, проявляя героизм, продвигался в направлении главного удара; шли ожесточенные бои на ближних подступах к Риге. Мы с Ю. Монгловским и фотокорреспондентом Г. Санько снимали на набережной Даугавы. Противник упорно обстреливал наши прорвавшиеся части. Был сильно разрушен Домский собор и дом Черноголовых. Оставив свою полуторку в узкой улочке, мы снимали горящие дома и взорванный мост. Гитлеровцы не жалели снарядов. Но мы, укрывшись в руинах, сняли много интересных кадров в старой разрушенной Риге.

Под огнем противника была наведена понтонная переправа, и 15 октября к 14 часам левобережная Рига была полностью очищена от гитлеровцев. 22 октября в Риге состоялся массовый митинг. На трибуне — члены ЦК КП(б) Латвии и члены Латвийского правительства. Представители рабочих, крестьян, интеллигенции от всего сердца благодарили Советское правительство и Красную Армию за избавление от фашистской тирании.

Здесь, на митинге, мы встретили нашего старого друга — вездесущего С. Гусева, прибывшего в Ригу для срочной организации киностудии. Здесь же снимали торжества и операторы нашей группы: Ю. Монгловский, И. Гутман, М. Сегаль, Я. Марченко.

На другой день мы узнали, что наш друг и коллега, молодой оператор А. Шило, с которым я встречался на

съемках мирного строительства в Сибири и на Урале, был поражен осколком вражеской мины на набережной Даугавы и скончался на руках оператора А. Брантмана.

Центральная студия хроники экстренно выпустила фильм «Рига наша».

Активные боевые операции в Латвии закончились. Меня и оператора А. Гафта перевели на 2-й Белорусский фронт. К этому времени в группу прислали новые полуторки, и я был свидетелем, как водитель Я.Кухта, с которым мы изъездили много фронтовых дорог, со слезами на глазах прощался со своей старенькой да удаленькой, не подводившей нас ни разу автомашиной и с неохотой принимал новую. На этой машине мы и поехали к новому месту назначения, где предстояли заключительные съемки по освобождению Польши и Восточной Пруссии.

С. Школьников

Рассказ о друге

Была война, страшная война.

И я терял друзей, близких мне ребят.

Теперь их фамилии выбиты на медной доске, и висит эта доска на почетном месте в Московском Доме кино. Среди погибших есть и фамилия фронтового кинооператора — партизана Николая Писарева.

Его мать, уже старенькая, Вера Михайловна, до сих пор не верит в его смерть и все ждет своего Коленьку.

Познакомился я с ним на Калининском фронте поздней осенью 1942 года. После второго ранения меня, разведчика-минометчика, откомандировали во фронтовую киногруппу. Здесь ко мне подошел высокий, чуть-чуть сутулый юноша, протянул руку и сказал совсем по-граждански:

— Николай. Ассистент оператора.

Вскоре я получил телеграмму. Меня срочно вызывали в Москву. Николай Писарев знал, что меня собираются забросить в тыл к немцам.

Вечером, накануне отъезда, Николай подошел ко мне и сказал:

— Я лечу с тобой к партизанам! — Сказал так, будто это зависело только от него. Потом подумал и добавил:

— Поговори там, в Москве, за меня.

Что ж, подумал я, вдвоем надежнее.

Возглавлявший тогда фронтовые киногруппы Марк Антонович Трояновский, сам фронтовой оператор, согласился удовлетворить просьбу Николая Писарева.

И вот после довольно сложного перелета мы оказались у партизан.

Всего несколько часов тому назад мы были на Большой земле и все было ясно, где линия фронта, где противник. Здесь же нам не сразу удалось сориентироваться, десятки вопросов возникали в нашем разгоряченном мозгу.

Утром мы взяли «Аймо» и отправились осматривать партизанскую зону.

Апрельский день был солнечный и теплый. В примыкавшей к лесу деревне было по-мирному тихо. На огородах были вырыты ямы, куда прятались лучшие пожитки, оставшиеся у крестьян. Постель и необходимая утварь лежали поодаль от домов. Даже домашние цветы бережно переносились заботливыми руками хозяек на огороды. Дома были оголенные. Окна черными квадратами безжизненно смотрели на пустынные улицы. Часам к девяти жизнь в деревне замирала. Люди уходили в леса, болота.

Днем окрестные леса удивительно преображались: здесь готовили пищу, доили коров, укачивали грудных детей, вязали чулки, стирали белье. С воздуха ждали непрошеных гостей, а кругом вся зона охранялась железным кольцом партизан, и ни одна нога гитлеровца не смела ступить на этот остров во вражеском тылу.

Вскоре на фоне голубого неба появился гитлеровский самолет и стали опускаться стандартные пропагандистские листовки.

Еще не успел скрыться «пропагандист», как в воздухе, словно стая черных воронов, появились бомбардировщики и начали планомерно бомбить деревню.

Среди этого грохота стрельбы, разрывов и бушующих пожаров мы носились с аппаратами и снимали.

Горела белорусская деревня.

К вечеру с передовой привезли убитого командира отряда К. Зюкова. Хоронить решили позже, когда стемнеет, станет спокойнее и в небе и на земле.

С наступлением темноты цепочка партизан двинулась к небольшой лесной балке. Впереди несли гроб из необструганных досок. Хоронили без речей и траурного салюта — рядом были гитлеровцы. В полной темноте (даже спичку не разрешалось зажигать) опустили гроб и могилу сравняли с землей. Ни холмика, ничего, что напоминало бы могилу, не сделали партизаны. Только на трех ближайших деревьях сделали ножом какие-то пометки.

В эту же ночь мы с Николаем отправились ближе к передовой, чтобы на рассвете сразу начать съемки. И вот, усталые, пережившие гибель уже ставших нам близкими партизан, мы улеглись и сразу заснули.

На рассвете нас разбудил разорвавшийся под окном снаряд. Мы выскочили на улицу. Колонна фашистских танков при поддержке самоходной артиллерии, неожиданно ворвавшись на юго-восточную окраину поселка Нередовой, начала обстрел прямой наводкой по бегущему в панике мирному населению.

Убегая вместе с жителями от идущих на нас танков, мы с Николаем успевали время от времени снимать, пользуясь как укрытиями углами домов или амбаров.

Мы снимали трагические моменты, когда снаряды рвались в толпе стариков, детей и женщин. Немецким танкистам с расстояния 100—150 метров было ясно видно, что это не колонны партизан, и все же шквал огня устилал дороги трупами. Гитлеровцам удалось прорваться здесь и выйти во фланг партизанам. Партизаны вынуждены были отойти на новые позиции и занять оборону в районе озер Тетча и Березовое. Шли жестокие бои днем и ночью.

Мы с Николаем Писаревым не раз оказывались в весьма критических ситуациях. Приходилось не только снимать, но и пускать в ход свои автоматы. А когда наступала темнота, а с ней и некоторое затишье, приступали к перезарядке кассет. Нас накрывали ватными одеялами, и в такой импровизированной кабине мы перезаряжались. Затем при коптилке записывали все то, что пришлось видеть и снять за день.

На фронте отношения между людьми почти сразу становятся близкими, доверительными, а здесь, в тылу врага, вдали от друзей и родных, это чувствовалось особенно сильно.

Как-то ночью мы вернулись в землянку после сильного боя; возбужденные и усталые, улеглись на солому, чтобы немного поспать. Но сон не шел.

— Спи, — сказал я Николаю.

Он не отвечал.

— Спи, — повторил я, — завтра у нас будет тяжелый день. — Потом я подумал, и мне стало смешно. «Будет тяжелый день», как будто вчерашний день был легким.

Николай неожиданно заговорил; он стал мне рассказывать, как в сорок первом ВГИК эвакуировался в Алма-Ату и все его однокурсники уехали, а он остался в Москве. В то время в Москве было тревожно, а его мать тяжело болела, и он, единственный сын, не хотел ее оставлять одну. Соседи по квартире уговаривали его ехать, обещая присмотреть за матерью, но он не согласился. Когда мать стала поправляться, Николай пошел в Лихов переулок, на Студию кинохроники, и попросился во фронтовую киногруппу.

Николай рассказывал мне все это

как-то вяло и немного задумчиво, казалось, что он устал. Скорее всего, это так и было, потому что за последние дни нам довольно здорово досталось. Уж и не помню, продолжал ли Коля рассказывать, я незаметно для себя уснул.

А с утра все началось сначала.

Был пасмурный апрельский день.

Кольцо блокады сужалось. Бомбардировщики почти с бреющего полета забрасывали противопехотными минами обороняющихся партизан. Гитлеровцы под прикрытием артиллерии шли в полный рост. Партизаны подпускали противника поближе, а затем открывали кинжальный пулеметный огонь и переходили в контратаку.

У противника были танки, артиллерия, авиация. У партизан была беззаветная преданность Родине и воля к победе.

В этом бою партизаны захватили десятки пленных и секретные документы. Каждого пленного подробно допрашивали.

В одном из приказов, захваченном партизанами при разгроме батальона, было сказано: «Ушачскую партизанскую зону нужно во что бы то ни стало ликвидировать, так как она создает опасность удара в спину отступающим немецким частям».

Через несколько дней картина стала ясна оперативному руководству зоны. Против партизан действовали пять гитлеровских дивизий, пять отдельных полков, несколько отдельных батальонов, 135 танков, более 200 орудий разного калибра и авиации.

С каждым днем положение партизан становилось все труднее. И тогда командование решило эвакуировать мирное население в глубь партизанского района.

Со всех сторон по дороге к местечку Ушачи потянулись беженцы, тысячи женщин, детей, стариков со своим скарбом уходили в глубь партизанского края.

Первое мая застало нас в лесу. Проснувшись, мы увидели на сосне красный флаг. Это был символ беззаветной любви и преданности Родине. Даже в такое тяжелое время партизаны вместе со всей страной встретили революционный праздник.

Все утро в безоблачном небе свирепствовали воздушные хищники. С визгом пикировали «штукассы», двухмоторные бомбардировщики регулярно сбрасывали сотни тонн смертоносного груза. Вверх поднимались черные столбы.

Оператор С. Школьников. У калининских партизан. 1943 г.

К исходу дня 1 мая был получен приказ из штаба партизанского движения оставить зону и выйти в тыл противника. Было принято решение идти в северо-западном направлении через железную дорогу Полоцк — Крулевщизна. Медленно потянулись обозы. Десятки тысяч людей уходили в район железной дороги. Впереди шли колонны партизан, готовые штурмом прорвать железное кольцо гитлеровцев.

В ночь со 2-го на 3 мая к району прорыва стянули госпитали с ранеными, обозы с мирным населением. Связались по рации с остальными бригадами и назначили в 14.30 общий штурм на прорыв вражеского кольца с двух сторон. В назначенное время мы вышли на опушку леса. Партизаны с криками «ура» бросились через болота в деревню. Наверное, гитлеровцы нас еще не ждали, они не оказали сопротивления и в панике бросали обозы, кухни с готовящейся пищей.

На чердаке одинокого дома засели вражеские пулеметчики и своим огнем преградили путь партизанам.

Наши залегли и открыли огонь по чердаку, но заставить смолкнуть пулемет не смогли.

Не знаю, почему так получилось, но Николай и я оказались в «мертвой» зоне — по нам не стреляли. Может быть, потому что нас было только двое. А мы, не подозревая об опасности, приготовились снимать штурмующих партизан. Так мы оказались отрезанными огнем пулемета от своих товарищей. Мы были у самого дома.

Вдруг слышим, как кто-то кричит нам:

— Эй, операторы, поджигай дом!

Мы бросились к стожку сена, который находился неподалеку от дома, схватили по охапке и стали поджигать дом с двух сторон. Потом притащили еще сена и подожгли еще два угла дома. Вскоре дом запылал как факел. Гитлеровцы больше не стреляли. Мы их так и не увидели. Пошли дальше.

Наступила ночь. И опять без почестей хоронили партизаны своих товарищей. В небо, как салют, непрерывно взлетали белые ракеты, освещая этот участок. Первым на прорыв двинулся батальон партизанского полка И. Ф. Садчикова. Перейдя болото, мы оказались на поляне и по-пластунски начали двигаться вперед. Когда мы подползли метров на двести к большаку, в воздух одновременно взвились две белые ракеты, осветив партизан. Сразу заработали десятки пулеметов, затрещали автоматные очереди, мы прижимались к земле, как ребенок прижимается к груди матери. При свете ракет мы увидели вырвавшихся откуда-то из темноты трех лошадей, с развевающимися гривами они неслись как бешеные по шоссе. Воспользовавшись замешательством гитлеровцев, мы начали отползать вправо, так как находились прямо против вражеского гарнизона. Оказавшись между двумя гарнизонами, партизаны поднялись в атаку и со стрельбой и криками «ура» двинулись через большак. В это время по большаку в гарнизон шел немецкий обоз с продовольствием и вооружением. Гитлеровцы были перебиты, вооружение и продукты партизаны захватили с собой. Вслед за штурмующей группой двинулись остальные.

В темноте рвались мины, трещали пулеметы и автоматы. Временами взлетали ракеты, освещая толпы бегущих, орущих и стреляющих партизан.

Я бежал со всеми. В руке привычно сжимал «Аймо», за спиной в вещмешке грохотали бобины с пленкой. Около меня разорвалась мина, но я почему-то не среагировал, только почувствовал какую-то горечь во рту. Значит, не ранен. Я перестал бежать и пошел. Теперь опасность мне стала безразлична. В полной темноте, прямо на меня, как фантастические светящиеся шмели, с визгом летели трассирующие пули. Меня обгоняли, что-то кричали, но я не слышал и все заглядывал в лица партизан — искал Николая. Вдруг вспомнил наших девушек-операторов: Машу Сухову и Оттилию Рейзман. Они были в соседней бригаде и, наверное, тоже сейчас прорываются со всеми. Я продолжал идти. Пробегая мимо меня, какой-то партизан сорвал с меня рюкзак с пленкой, что-то мне крикнул и побежал дальше. Но и без вещмешка я все равно не почувствовал облегчения. Во рту пересохло, мучительно хотелось пить. Не помню, как я перешел шоссе и очутился на проселочной дороге, которая вела в лес. До леса было рукой подать.

но идти уже не было сил. Я упал на дорогу и с жадностью стал пить воду из маленьких луж. Выпив воду в одной лужице, я переползал к другой. Потом я вошел с какой-то группой партизан в лес. Сзади еще слышались выстрелы.

Гитлеровцам не удалось истребить партизан. Большая часть бригад, прорвав кольцо, уходила на юго-запад, в тыл наступающих гитлеровских частей, чтобы снова действовать в Ушачском районе. Предстоял тяжелый путь. Через непроходимые болота, леса, реки, заблокированный большак Лепель-Докшицы, трое суток под проливным дождем, усталые, с распухшими ногами, голодные, неся на себе раненых, мы шли в Бегомльскую партизанскую зону.

Я узнал, что в бою погибли операторы Маша Сухова и Коля Писарев, но я не мог думать о них как о мертвых. В моем сознании они были живы.

Так, деля все трудности с партизанами, фронтовые кинооператоры снимали материал для фильма «Освобождение Советской Белоруссии».

Несколько лет назад на Центральную студию документальных фильмов пришло письмо от корреспондента украинской радиостанции «Молодая гвардия» В. Лапикуры, в котором сообщалось о его встрече с одним из белорусских партизан, фамилию которого он не записал. Тот рассказал: «Нас окружили эсэсовские части. Со мной и группой бойцов-партизан, в составе которой был один из командиров бригады, уходил московский кинооператор, прилетевший нас снимать перед рейдом. Имени не помню. Камеру и пленку он где-то зарыл и шел только с автоматом. Мы чуток оторвались от немцев и заскочили в какой-то хуторок. Только сели поесть чего-нибудь (гнали нас хорошо, люди не ели по двое суток), как во двор заскочили эсэсовцы. Деваться было некуда, они уже бежали к двери. Мы не успели еще опомниться, как москвич схватил автомат, пулей вылетел на порог и начал стрелять в упор. Мы тем временем успели выскочить в окно и уйти в лес. От хаты еще постреляли чуток, и все!»

Мы пытались разыскать этого партизана, но наши поиски не дали результата. Имени кинооператора нам узнать так и не удалось. Однако тот факт, что в Белоруссии в это время без вести пропал Н. Писарев, дает основание считать, что в рассказе партизана речь шла именно о нем.

Составители

А. Литвин

«Карпатская рапсодия»

— Кончай купаться! — кричал нам Рыбальченко.

Он сегодня дежурил по базе и первым узнал о прибывшем пополнении.

Было жарко, из воды вылезать не хотелось, тем более что купаться приходилось понемногу и по очереди.

В предгорьях Карпат разбойничали бендеровцы, мельниковцы, бульбовцы и прочая националистическая нечисть. На противоположном берегу реки начинался лес, и оттуда в любую минуту можно было ждать бандитского налета. Вот и приходилось — одним купаться, а другим лежать в это время с автоматами наготове.

— Да вылазьте же! Из Москвы люди приехали, — нервничал Рыбальченко.

— Сколько?

— Двое!

— Кто же?

— Не знаю... Один в очках.

— Оператор — и в очках?

— Так, может, вам не оператора, а бухгалтера прислали! — острил помпотех группы Шевченко. — Или ревизора: много спирту на протирку оптической оси расходуете.

Вылезаем из воды, одеваемся. Подходят приехавшие, представляются по очереди:

— Пумпянский.

— Лейбов.

Оба в новеньком, с иголочки, обмундировании, пока без погон и, конечно, без военной выправки. Пумпянского я знал как опытного хроникера давно, хотя лично и не встречался. О Лейбове слышал не впервые. Одессит, балагур, рубаха-парень, он легко завоевывал расположение.

Борис Пумпянский — немногословный, сдержанный — сразу же заговорил о деле:

— Есть идея. Думаю, вы как режиссер за нее ухватитесь... Но прежде должен кое-что проверить сам. — И попросился «безотлагательно» в часть.

Вернулся через неделю уже заметно освоившимся с армейским укладом, подтянутый и даже бравый.

— Привез сюжет!

— Уже?

— Да понимаете... материал сам просился на пленку. — Протянул мне монтажный лист.

— Читаю. Недурно. Свежий, своеобразный подход к теме.

— А то, что собирались проверить? — спросил я.

— Проверил... Может получиться неплохой киноочерк. И название уже придумал: «Карпатская рапсодия».

— Не слишком ли музыкально? — усомнился я. — Все же фронт... не консерватория.

— Будет хорошо. «Венгерская рапсодия» Листа в сочетании с тружениками войны в этих же горах. Будет здорово, — заверил меня Пумпянский. — Разрешите накапливать материал?

— Накапливайте, — согласился я. — Только в пределах одночастевки и без ущерба для основных заданий.

...Через пару недель вернулся из части на базу Яков Лейбов. Он тоже снял сюжет и уже отправил в Москву.

— А Борис небось все проверяет, прикидывает?

Показываю Лейбову телеграмму из Москвы, в которой сообщается, что сюжет Пумпянского «Артиллерия в Карпатах» принят с отличной оценкой и помещен в очередном номере киножурнала. Что остается Якову? Разводит руками.

— Я оператор худфильмов, он — хроникер. Оперативность — его конек, зато я снял сюжетик... по всем, что называется, статьям.

Он даже поцеловал с причмоком кончики своих пальцев.

— Что же за сюжет? — спросил я.

— Прокладка понтонного моста! Фашисты ведут обстрел из минометов. Мины рвутся рядом с мостом, столбы воды на тридцать метров... — живописал Яков.

— И вы отправили такой материал в Москву? — строго остановил его я. — Позор! Подводите всю группу! Кто не знает, что мина на воде рвется в стороны, а поднимает столб воды на тридцать метров только толовая шашка. Кто поверит вашему инсценированному сюжету?

Лейбов смущен. Щеки его заливаются румянцем.

— Может, дать телеграмму, чтобы не проявляли?

— Пусть проявляют, — кончаю свою шутку я. — И мина и тол рвутся одинаково. Просто войны хватает по горло и так, незачем создавать ее искусственно!

— Больше не повторится, — заверяет меня все еще рдеющий от стыда Лейбов. — Пошлите в самое пекло, в бомбардировочную авиацию!

— Там Королев, Цеслюк.

— Ну, в чехословацкую армию, к генералу Свободе. У них сейчас заваруха...

— У чехов Смородин. И помощи не просит. На днях приезжает ленинградский оператор Олег Иванов, — сообщаю я. — Будете работать вместе, друг друга подстраховывать, но без инсценировок, приберегите их для худфильмов.

— Вот у кого учитесь! — добавляет мой заместитель Мельников, передавая мне только что полученное письмо Сущинского.

Володю Сущинского после Крымской операции зачислили в оперативную группу Центральной студии хроники и перебросили в помощь Ошуркову на 1-й Украинский фронт. А фронт временно стабилизировался. Не любил Володя сидеть сложа руки. Как-то ему там? Вскрыл конверт...

Тогда для всех нас это были просто письма друга, порой во фронтовой

суете даже небрежно, наскоро прочитанные. Теперь, много лет спустя, я с трепетом перечитываю пожелтевшие листки, ставшие документами истории, реликвиями. Вот одно из писем Володи Сущинского. Привожу выдержки из него:

«7 августа 1944 г. 1-й Укр.фронт.
г. Любачув.

Многоуважаемый Александр Иванович,

Здравствуйте!

Находимся с Эльбертом в хозяйстве Ошуркова и Бессмертного. Сами создали с большими трудностями условия для работы себе — получили автомобиль, немного бензина... Положение у нас двойственное: группа Ошуркова не обязана и не создает для нас условий, там продвигают своих работников и их обеспечивают всем... и в то же время спрашивают с нас материал.

Я наспециализировался на пехоте, могу снимать наступления, атаки, а здесь меня держат на съемках митингов и командования, причем командование ловится на ходу, при выходе из авто или из двери в дверь. Как будто нельзя с ними договориться и снять как следует.

Оператор Я. Лейбов. 4-й Украинский фронт. 1944 г.

Начальник киногруппы 4-го Украинского фронта А. Литвин, оператор Б. Пумпянский. 1944 г.

Кроме всего прочего над нами «довлеют» задания Солнцевой. В общем, получается какая-то путаница, из которой ни я, ни Эльберт выхода пока не нашли. Громкое название «операторы оперативной группы» остается пока лишь названием.

Мне казалось, что мы, «оперативная», должны давать сенсацию, то есть приправлять обычный материал, что называется, кровью, но получается все не так. Здесь говорят, что мы должны просто усиливать группу. Скучно и грустно... Вызывайте меня, я у Вас и останусь. Надо работать, а не снимать проходы начальства из уборной в дом...»

Мы понимали, что Сущинский сгущает краски. Михаил Ошурков зарекомендовал себя дельным, вдумчивым руководителем группы, но не в силах

же был начальник киногруппы поднять фронт в наступление, как того хотелось привыкшему к боевым действиям оператору.

Володя знал, что войска нашего фронта вот-вот оседлают в Карпатах Ужокский перевал и выйдут к закарпатской столице — городу Ужгороду. Ему хотелось, конечно, снять бои за этот город — первый крупный закордонный центр. Вот что он писал 16 октября 1944 года:

Операторы Н. Быков и В. Сущинский. 1-й Украинский фронт. 1945 г.

«Вы, вероятно, видите и чувствуете дым?.. Это я горю и прогораю, сидя без «высланного» «Виллиса» и без событий, которых в ближайшие недели не будет здесь...

Был бы «Виллис» — и я был бы у вас, плюнув на возможный вариант побывать на «родине колбасы» (Володя имел в виду выход на германскую землю. — *А. Л.*)... В общем, я буду локти кусать, когда вы «Ужа» схватите или к нему подъезжать будете... Черт возьми, был бы у меня «Виллис», я был бы птицей свободной...»

Я стал ходатайствовать о переводе оператора Сущинского к нам. И сколько было радости, когда на пороге дома, где дислоцировалась наша киногруппа, появился наконец, как всегда, улыбающийся Володя.

Наши московские руководители и режиссеры Центральной студии документальных фильмов настойчиво требовали от нас «боевых» материалов.

С. А. Герасимов писал:

«Смотрел первый материал из Карпат. С огорчением должен констатировать почти полное отсутствие боевого материала. В большинстве это было передвижение по горам. Живописно, но надобность в боевом материале от этого не меньше. Учтите!..»

«...В целом материал интересный и хорошего операторского качества, — писал И. П. Копалин. — Но в нем нет одного весьма существенного элемента: действий пехоты и техники в горах и нет ощущения противника... Учтите новое требование к нам. Это — обязательный показ противника через: ответный обстрел наших артпозиций и переднего края, наши убитые и раненые, бомбежки противником наших рядов — все то, что может дать ощущение противника и наших потерь в боях...»

Илья Петрович Копалин собирался монтировать фильм об освобождении Чехословакии и был особенно требователен к нам, тщательно разрабатывал задания.

Группа готовилась к съемкам боев за Мукачево и Ужгород.

Эти ответственные съемки решили поручить двум самым надежным операторам. Кому же? Первым, конечно, определен был Сущинский. Кто будет вторым? Перебрали с генералом М. М. Прониным всех, обсудили каждую кандидатуру. Я предлагал Пумпянского. Генерал его не знал и по одной, пусть даже удачной, съемке судить боялся. Но Пумпянский пользовался авторитетом среди хроникеров еще до войны.

— Хорошо, — согласился наконец Пронин. — Пусть будет Пумпянский, но проинструктируй как следует!..

Особый инструктаж не потребовался, просто предупредили Сущинского

и Пумпянского, что честь ответственных съемок выпала им двоим и что подсобных съемок им ждать не от кого...

Случилось так, что наши войска обошли Ужгород с флангов и завязали бои сразу на всех его окраинах. Натиск был таким мощным, что немцы, опасаясь окружения и полного уничтожения, вынуждены были ретироваться из города. Фронт отодвинулся на запад.

Подъехали Пумпянский, Каспий, Цеслюк, Барбутлы. Следом прибыли Иванов и Лейбов. До полуночи перематывали, сдавали мне отснятую пленку. Наперебой расхваливали свои сюжеты. Молчал лишь один Пумпянский.

— Как, Боря, страшно?

— Я ведь впервые на войне... Правда, в работе забываешь...

— А как материал?

— Есть кое-что даже для «Рапсодии», — задумчиво ответил он.

Оператор М. Барбутлы, корреспонденты газет К. Симонов, И. Бойков, М. Альперт, оператор В. Цеслюк. 4-й Украинский фронт. 1944 г.

Лишь к вечеру прибыли в Ужгород вернувшиеся из частей операторы.

Первым появился Сущинский. Он устало нес в опущенной руке «Аймо». Но на лице сияла улыбка — значит, съемками был доволен. Подойдя ко мне, поздоровался, облегченно вздохнул и распахнул куртку. За поясом у него торчали рукоятки восьми немецких пистолетов.

— Вот ребятам в подарок! Трофеи сугубо личные.

Вечером хозяйка гостиницы, в которой мы остановились, — красивая пышная дама — закатила в нашу честь настоящий банкет.

Впервые за время пребывания на фронте мы спали на чистых постелях лучшей в городе гостиницы...

На рассвете были разбужены сильным артиллерийским обстрелом.

Никто не мог понять, откуда и кто стреляет. Ведь фронт отодвинулся на восемь-десять километров.

Оказывается, шесть немецких самоходок прорвались к нам в тыл. Наперерез им неслись уже наши танки. Перестрелка была короткой. А когда

взошло солнце, мы сняли на окраине города результаты этого поединка — шесть догоравших немецких самоходок и валявшиеся вокруг них трупы фашистов.

— Несли смерть нам — нашли ее сами! — заметил Пумпянский, неторопливо укладывая в вещмешок свою кинокамеру.

...Гитлеровцы цеплялись за каждый метр земли, выискивали слабые места в позициях наших войск и при первой же возможности переходили в контратаки.

Станция Чоп на стыке венгерской и чехословацкой границы, взятая уже было нашими частями, снова была захвачена немцами. Предстояли опять упорные бои за этот важный железнодорожный узел.

Для фильма о Чехословакии такой материал нужен был как воздух.

Поэтому к моменту решающего боя за станцию Чоп на передовую были направлены пять операторов. Съемки на центральном участке должен был обеспечить Пумпянский. В помощь Сущинскому был выделен Мельников.

Бой длился свыше пяти часов. Трудно было сдерживать пыл Пумпянского. Увлекшись съемкой, он то и дело выскакивал из-за укрытия, каждую минуту рискуя попасть под автоматную очередь гитлеровцев.

За качество его работы я был спокоен, но вечером все же спросил:

— Как оцениваете сегодняшние свои съемки? Довольны?

Борис пожал плечами.

— Съемки как съемки.

...Вечером я и Мельников решили зайти к Пумпянскому на его мукачевскую квартиру. Хотя 4-й Украинский фронт на некоторое время и стабилизировался, все операторы были в разъездах. Каждый готовил сюжеты для киножурнала.

На долю Пумпянского выпал сюжет о связистах, работающих в условиях Карпат. Борис задумал съемки с самолета, но у командования были на этот счет возражения.

Когда мы пришли к Борису, он сидел за столом и что-то писал.

— «Карпатская рапсодия»? — спросил я.

— Угадали. — Он предложил нам стулья. — Получается недурно. На днях отправлю Герасимову, думаю, разрешит.

— А мы пришли вас огорчить, — начал Мельников.

— Не дали самолета?

— Не рекомендуют полеты над Карпатами.

— Что за чепуха! — разволновался Борис. — Это ж было б зрелище, масштабы!

— Дело в том, что Карпаты до сих пор были не нашей территорией, — пояснил я, — за точность топографических карт ручаться трудно... Да и бендеровцы могут легко сбить самолет, летящий на бреющем...

— И все же уговорю командование! — решительно заявил Борис.

И действительно уговорил...

...Когда фронт стабилен, меньше всего думаешь о потерях. И вдруг телефонный звонок:

— Ваш кинооператор доставлен в госпиталь.

— Кто?!

— Капитан Пумпянский! Самолет врезался в неуказанный на карте трос подвесной дороги. И пилот и оператор в тяжелом состоянии... В тыл отправлять нельзя — нетранспортабельны.

Мчусь к начальнику политуправления.

— Будет не ранее двадцати трех...

Пробиваюсь к члену Военного совета Л. З. Мехлису. Докладываю. Мехлис звонит в госпиталь. На завтра назначается консилиум лучших врачей фронта.

Ночь в киногруппе никто не спал.

В восемь утра были в госпитале. Прибыл и генерал Пронин, поднялся на второй этаж к начальнику.

Через сорок томительных минут вернулся.

— Михаил Михайлович, — обратился к нему я, — как?

Пронин молча развел руками.

...В палату пустили на три минуты только меня и Мельникова.

Пумпянский был в сознании.

— Узнаете нас? — тихо спросил я.

— Конечно, — прошептал Борис и, помолчав, добавил: — Не состоялась рапсодия...

Многие жители Ужгорода вышли проводить в последний путь кинооператора капитана Пумпянского. За гробом шли соратники Бориса по оружию, кинооператоры, работники киногруппы, офицерский состав политуправления фронта.

Хоронили Бориса Пумпянского с почестями на центральной площади города, против здания Закарпатского парламента...

Через несколько дней киногруппа покидала Ужгород. Фронт двигался на запад. Предстоял длинный, нелегкий путь до Берлина. Кому-то суждено было дожить до победного дня, кому-то — быть засыпанным чужой землей. Так думали мы, прощаясь с дорогим всем нам холмиком.

...Чем дальше теснили гитлеровцев к их логову, тем яростнее было их сопротивление.

В Будапеште шли упорные уличные бои, а 4-й Украинский фронт был опять остановлен. Велась перегруппировка сил. Мы с Сущинским решили перебраться на время в Будапешт, помочь в съемках киногруппе 2-го Украинского фронта, которой руководил Алексей Лебедев.

Запросили для порядка московское начальство, и вдруг ответ: «Сущинскому выехать в хозяйство Ошуркова. Штатланд».

— Вот те, бабушка, и юрьев день, — огорчился Володя.

— Им виднее, — попытался успокоить его я, — может, там и предстоит основная работа.

Выпили на дорогу по бокалу вина, которого в Венгрии было хоть отбавляй, простились... Тронулся, развернулся «Виллис», остановился опять. Выходит из машины Володя:

— Давайте еще по одной! Не хочется что-то ехать! В предчувствия верите?

— Нет!

— И я не суеверный, а что-то скребет вот тут... — Он поводил кулаком по груди. — Да и жаль уезжать, какие б были съемки!.. Давайте еще по стопке.

— Не много ли?

Пить больше не стали. Посидели молча.

И снова крепкие мужские объятия. Машина скрывается за поворотом.

В Будапешт я все же поехал, но найти там операторов оказалось нелегко.

Долго ходили мы с шофером по дымным, горящим улицам города.

— Идите по-над стеночкой, — предостерег он меня, — того ведь и гляди, рванет какая дура.

Душевный парень — я заметил это еще вчера. Весельчак и философ, со своеобразным природным юмором. Таскает под мышкой какой-то сверток.

— Что, спрашиваю, нашел?

— Резиновые перчатки. Уйма их тут валяется. А жене пригодятся: картошку в них чистить хорошо, руки не будут грубеть: нельзя ей с грубыми руками на работе...

Внимание шофера привлек вдруг брошенный кем-то новенький мотоцикл.

— Не трогай, — предостерегаю уже я, — возможно, заминирован.

— Мотоцикл мне не нужен... Бензин бы выкачать...

Справа и слева один за другим разорвались снаряды.

Я инстинктивно падаю. Нет, не ранен. Еще разрыв, еще. Наконец стихает. Оглядываюсь. У мотоцикла пробит бак, бьет струйка бензина. И чуть правее, — с широко раскинутыми руками, залитый кровью, обезглавленный труп моего шофера.

Вот он, страшный лик войны: оператор Пумпянский, до последней минуты мечтавший создать фильм о красоте карпатской природы; шофер, за минуту до смерти думавший о семей-

ном уюте, заботившийся о руках любимой жены.

Трагическое известие ждало меня и по возвращении из Будапешта — погиб Яков Лейбов.

Генерал М. М. Пронин рассказал подробности. Часть готовилась к наступлению. На рассвете началась артиллерийская подготовка. Операторы Лейбов и Иванов выдвинулись вперед и готовились снимать идущую в атаку пехоту. Но гитлеровцы в свою очередь открыли ураганный артиллерийский и минометный огонь. Операторы оказались в центре огневой зоны. И вот... Лейбов убит, похоронен в Шоторилья-Уйхеле, Иванов тяжело ранен, в полевом госпитале фронта.

...По пути в госпиталь заезжаем с Мельниковым в Шоторилья-Уйхель.

Небольшой венгерский городок. Лейбов и Иванов снимали его освобождение.

В центре — небольшая площадь; на ней возвышается свежий холмик земли, деревянный обелиск — могила Якова Лейбова. Масса венков. Жители города благодарны своим освободителям.

Мы стоим трое — Мельников, шофер Шевченко и я — без фуражек. К могиле подходит пожилая женщина в черном с букетиком цветов, вынимает из хозяйственной сумки банку с водой и опускает в нее букетик, ставит цветы у обелиска, протирает платком мемориальную табличку. Кто она, эта старая венгерка? Может быть, хозяйка, у которой жил несколько дней Яков, может, мать, потерявшая на войне такого же сына. Ясно одно — могилы советских воинов не останутся забытыми...

Путь к полевому госпиталю еще далек. Заезжаем на несколько часов во Львов; встречаю старого приятеля с украинской кинохроники Роднянского.

— Группа Ошуркова тоже в трауре, — сообщает он. — В боях под Бреслау... на съемке... убит Владимир Сущинский...

Володя убит?! Больше не увижу Володи! Трудно, просто невозможно в это поверить...

Говорят, время сглаживает скорбные морщины. Так ли это? Свято берегу фотографии, переписку пламенных фронтовых лет, письма Володи Сущинского.

Нет, не способны годы вырвать из сердца то, что осталось в нем на всю жизнь!

Р. Григорьев

Строки Владимира Сущинского

В повседневном кипении студийной жизни, в расставаниях и встречах съемочных групп, приносящих на Лихов переулок то дыхание целинных степей, то гул строек, мы не вправе забывать о тех уже далеких днях, когда к ступенькам нашей студии подъезжала запыленная, забрызганная грязью машина и оператор, прибывший с фронта, буквально с переднего края, мчался в лабораторию с драгоценной коробкой негатива снятых боевых кадров.

Навсегда останутся в памяти имена наших товарищей, которых нет сейчас с нами. Они пали смертью храбрых, до последней минуты не выпуская съемочную камеру из рук.

Среди них был и Владимир Сущинский, в жизни и творчестве которого наиболее ярко воплощены лучшие черты кинооператора-воина. Кадры, снятые им на Волхове, под Ленинградом, затем в Крыму́, в битве за Севастополь, в Карпатах, Польше и, наконец, в боях за Бреслау, где вражеский снаряд оборвал его жизнь, — все кадры, снятые Сущинским, отмечены печатью мысли, ни на минуту не застывавшей в боевой обстановке мысли оператора-художника, оператора-журналиста. И эта мысль в сочетании с личной смелостью и зоркостью глаза помогала ему создавать предельно точный, достоверный репортаж и вы-

страивать цельные, завершенные эпизоды.

К сожалению, штрихи жизни и творчества фронтовых операторов — участников Великой Отечественной войны до сих пор не обобщены и не изучены. Тем большую ценность могут представить строки писем Владимира Сущинского, с которыми нам посчастливилось познакомиться. Эти письма были написаны большому другу и жене в первые дни войны, а затем в первый период пребывания оператора в Действующей армии, в киногруппе Волховского фронта.

Начало войны застало Владимира Сущинского в Пятигорске, где он снимал сюжеты для киножурнала.

«Идет 3-й день мобилизации, — пишет В. Сущинский 25 июня 1941 года, — уходит молодежь... остаются старики, старухи... звучат оркестры, провожающие машут платочками... плачут... завтра мы будем снимать такой сюжет.

...Выехать из Пятигорска, не будучи командиром Красной Армии или не имея на руках повестку, невозможно.

...Бросать съемку нельзя, ехать призываться «рано, еще успеете», как сказал нам здесь военный комендант».

В сентябре 1941 года Владимир Сущинский был призван в ряды армии. Но его направили не на фронт, а в одну из воинских частей, находившихся в глубоком тылу. В первом же письме оттуда он сообщает:

«Послал Большакову телеграмму: прошу направить меня на съемку боевых фронтовых эпизодов РККА, окончил ВГИК 1941 г., квалификация — оператор, специальность — хроника, п/я 9-А-4, могу снимать любых условиях, любых обстоятельствах, практиковался на Центральной студии».

Пополнение фронтовых киногрупп, сформировавшихся в первые дни войны, происходило постепенно. Сущинский был зачислен в резерв, с нетерпением ждал вызова.

«Когда я думаю о съемках, то мне становится не по себе», — пишет он в одном из писем.

В феврале он был командирован по делам своей воинской части в Москву.

«...Я много ездил по Москве, по тем местам, где когда-то протекала моя юность... Все-таки, до чего я привык к ВГИКу, к павильонам, к просмотровым залам, как без всего этого будет трудно жить, как жаль, до слез жаль, что я уже не студент ВГИКа...

Оператор А. Эльберт. 1-й Украинский фронт. 1945 г.

...Вчера зашел в Дом кино. Там сейчас демонстрируется фильм «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой».

...Надо бы съездить в студию, поговорить с приехавшими с фронта Ефимовым и Лыткиным, но что-то не хочется, по правде сказать, потом успокаиваться надо».

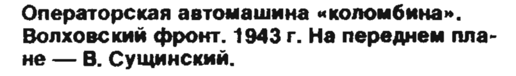
Следующее письмо, уже после возвращения в часть, открывается рисунками. «...Я нарисовал «символ» — киносъемочную камеру и кусок пленки, преследующие мой душевный покой».

В письме от 6 апреля 1942 года Сущинский рассказывает:

«Сейчас я редактор и художник нашей батарейной газеты. Делаю ее разнообразной, много карикатур...

Операторская автомашина «коломбина». Волховский фронт. 1943 г. На переднем плане — В. Сущинский.

Последний кадр Владимира Сущинского. 1-й Украинский фронт. 1945 г.

Оператор В. Сущинский беседует с польской молодежью. 1-й Украинский фронт. 1944 г.

Вчера ходил на «Юность Максима»; когда смотрел, вспоминал ВГИК и реплики ребят на просмотрах, от картины повеяло родным, близким... Кроме клуба я хожу в библиотеку, сейчас прочитал «Комендант птичьего острова» С. Диковского».

«...Самое главное оставляю на конец, «на сладкое», — пишет В. Сущинский в письме от 13 апреля. — Я получил от политотдела фотоаппарат и вот уже третий день готовлю походную фотолабораторию «оригинальной» кон-

струкции. Думаю, хорошо хоть фотоаппарат получил (синицу в руки), и то слава богу. Ты не можешь себе представить, как я рад был получить этот фотоаппарат».

И вот сбывается мечта В. Сущинского. Он на Центральной студии кинохроники в Москве. Отсюда он телеграфирует: «Выезжаю Ленинградский фронт группу Лебедева здоров целую ППС 337 п/я 2 киногруппа Володя».

Следующие его письма приходят с фронта.

«Полдень 12.VI.42.

...Как и всегда, провожать нас вышла вся студия. Если посмотреть в толпу, там был почти весь ВГИК.

...Живу здесь уже недели две, ездил на съемки сюжетов и эпизодов для фильма «День войны». Позавчера ездил снимать пленных, сегодня также еду снимать самое интересное, так как завтра 13.VI, тот самый день войны. У меня есть «Аймо», пленка, автомобиль (типа «драндулент», как его называет наш Лебедев). Со стационаром здесь делать нечего, и он лежит эго я не принимал еще»,

«Снимать хорошо интересное и захватывающее трудно, нужно знать, где это интересное, надо знать обстановку — чутьем чувствовать. Снимать, не зная окружающего, нельзя, — надо со всем знакомиться.

...Надо делать все по заранее обдуманному железному сценарию. Иначе метры пленки полетят десятками и сотнями».

«17.VI.42.

Снимать мы ездим по всему фронту, работа интересная, я всеми силами буду стремиться, чтобы мой материал все улучшался, чтобы могли обо мне сказать «ничего снимает». Хочу снимать очень хорошо, но пока еще нет достаточного навыка, что ли. Вот, понимаешь, думаю, представляю себе план, вот он такой должен быть, только такой... а снимаешь по-другому, затем сам себя ругаешь — зачем торопился, зачем снимал не так, как думал.

...Один оператор мне здесь сказал: «Это вам не художественный фильм».

Правильно, тут солнца ждать и передний план ставить некогда, но добиваться наиболее выразительного и характерного кадра — надо. Ставлю перед собой задачи:

1. Снимать только по продуманному железному сценарию или плану.

2. Подавать наиболее интересно сюжет (материал).

За это время к фильму «День войны» я снял материал по заданию Слуцкого, данному группе:

1. Переправа волховская.

2. Десант (на водн. моторках).

3. Клятва гвардейцев.

4. Неотправленное письмо (фриц написал, да не успел отправить...).

5. Окопная рация.

6. Дзоты врага летят в воздух.

Должен был снять еще пленных, но снял Лебедев, ему повезло, он снял сразу 150 сдавшихся. Теперь, или завтра, или послезавтра часов в 6 утра поеду во фронтовой дом отдыха снимать сюжетик, попробую снять его «лирически, с цветами», затем буду (а может, нет, еще не окончательно договорился) снимать что-нибудь вроде сюжета «огневой налет» — это о бронепоезде, ребята там один другого лучше. Сегодня ходил по шпалам километров 15, говорил там с комиссаром. В мыслях у меня снять еще вот что:

1. «Зона пустыни» — как гитлеровцы уничтожили и уничтожают бывшие цветущие деревни, города, людей.

2. «Долина смерти» — есть такая; говорят, там даже все деревья артиллерией перебиты.

3. «Кончанское» — километров не знаю сколько, но недалеко от нас, о Суворове.

4. Корреспонденты на фронте.

5. Что-нибудь вроде «Машеньки» — назвать «Леленька» и снять полевой госпиталь, куда нередко приходят сами раненые с поля боя.

6. Чем можем (это тоже лирическое), тем поможем — о листовках в немецких бомбах.

Ну вот, да кроме того, все сенсации и новости, что будут на фронте...

...Из аппаратуры у меня советское «Аймо» (КС-5), почти новое, 10 бобышек, две в запасе, штатив, ну вообще все хозяйство...».

«18.VI.42.

Приехал со съемок с лета, все в порядке. Получил письмо от тебя, Коли и открытку от папы. Отвечу после, как приведу в порядок материал и сделаю пробы. Все в общем у меня хорошо и полный порядок, не беспокойся».

«26.VI.42

...Я нашел здесь недалеко в брошенных жителями домах пианино и рояль, иногда играю там прелюдии Шопена, вальсы Штрауса. Инструменты разбиты, но играть можно.

...Снял я сюжет «Начальник переправы» — о Герое Советского Союза подполковнике Коровине, славный человек, напоминает Чапаева — непосредственный такой же... Вот здесь я, кажется, много пленки перекрутил... на 60 метров больше, чем положено. Но это меня не смущает... Все должно быть хорошо.

...За окном — голубая «белая ночь»...».

К сожалению, на этом заканчиваются строки имеющихся писем В. Сущинского из киногруппы Волховского фронта. Они рассказывают только о первых шагах, о «пробе пера» оператора-фронтовика, который в огне войны закалился и вырос как солдат и художник, стал выдающимся мастером, умевшим сочетать «железный сценарий» с уловленным в самой гуще репортажем и оставившим нам бесценные патриотические кинодокументы великого подвига и великой Победы.

Е. Ефимов

Руины Варшавы

В 1944 году Комитетом по делам кинематографии я был направлен в помощь польской фронтовой киногруппе «Чолувка фильмова», созданной при Войске Польском.

В ее тогда еще малочисленном составе были польские кинематографисты, находившиеся в Советском Союзе с 1939 года.

Первые дни, пока я привыкал к обстановке, к людям, польскому языку, мне было трудновато, но все же приходилось снимать и порой довольно сложные сюжеты: подготовку польских частей к танковой атаке и атаку, траурную процессию — панихиду по польским и советским воинам, погибшим при освобождении города Люблина, многотысячную толпу у братских могил.

Нелегко было польским товарищам в условиях войны создавать студию хроники: не хватало квалифицированных работников, оборудования, киноматериалов. Многие из киногруппы выполняли функции, несвойственные их профессии, и никто с этим не считался. Операторы братья А. и В. Форберты в свободное от съемок время работали конструкторами, лаборантами, фотографами. Оператор С. Вооль занимался вопросами съемочной техники, режиссеры Л. Перский и А. Форд были организаторами производства.

Все горели желанием как можно скорее начать выпуск киножурналов, отображающих совместные боевые действия советской и польской армий, фильмов о возрождении освобожденных от фашистов польских городов.

Долго и упорно не сдавался враг. Висла, самая большая из польских рек, широкая, полноводная, быстрая, оказалась серьезной преградой для наступающих войск.

Польская дивизия имени Костюшко подошла к Висле в конце лета 1944 года. Под непрерывным артиллерийским и минометным огнем, переползая через груды развалин, прячась от

осколков за уцелевшими стенами зданий, мы с оператором Владеком Форбертом снимали подготовку частей к штурму города. В одном из дворов, в штабе польского полка, увидели группу окровавленных, совершенно измученных, оборванных людей.

Это были посланцы восставшего населения Варшавы. Они проползли по каким-то проложенным по дну Вислы трубам и теперь рассказывали о фашистских зверствах в городе, просили помощи. Мы сняли их и как кошмарную иллюстрацию к их рассказам сняли панораму Варшавы.

Густой черный дым застилал весь город. Бомбами, снарядами и огнеметами фашисты усмиряли восставших. Узнавший о восстании Гитлер приказал Варшаву сравнять с землей, и его приказ выполнялся с немецкой пунктуальностью.

Героически боролась польская столица с немецкими захватчиками...

Утром 17 января 1945 года части 1-й армии Войска Польского с востока и юга ворвались в Варшаву. Одновременно с юго-запада в город вступили части нашей 61-й армии, а с северо-запада — войска 47-й армии. Город представлял собой безжизненные развалины.

Съемки мы начали еще при форсировании Вислы. Огнем пожарищ были охвачены целые кварталы. Немцы бомбили, обстреливали город из орудий.

Пробираясь с кинокамерами через воронки, траншеи, тлеющие руины, мы всюду встречали холмики с крестами и надгробными надписями — это были могилы повстанцев и мирных жителей Варшавы.

На улице Вешбовой я снял сооруженные из металлического лома и мешков с песком баррикады, на улице Медовой — дымящиеся развалины костела капуцинов.

Стали появляться люди: они выходили из подвалов заваленных зданий, из колодцев и люков, чуть живые, шатающиеся от голода; со слезами на глазах они обнимали польских и советских воинов.

На главной улице Варшавы — Маршалковской мое внимание привлек обросший черной бородой человек в измазанном глиной и известкой костюме, со знаменем в руках. Я направил на него объектив камеры. Вскарабкавшись на развалины одного из домов, он водрузил польский национальный флаг. Как потом я узнал, это был житель Варшавы гражданин Шалковский.

Оператор Е. Ефимов. Войско Польское. 1945 г.

На следующий день я снимал место, где находилось страшное варшавское гетто. Среди развалин и обломков нашел погнутую металлическую дощечку с уцелевшей надписью «улица Генца». Это все, что от нее осталось.

Возвышалась лишь окружавшая гетто каменная стена с башнями и буд-

ками для пулеметов. На одном из пролетов ее, покачиваясь на ветру, висела человеческая голова как зловещий символ того, что здесь еще недавно свирепствовал фашизм.

Несколько дней снимал я разрушенную Варшаву, потом на своем «Виллисе» догонял ушедшие далеко вперед, на запад, польские части. Вместе с ними польская киногруппа дошла до Берлина.

А. Лебедев

„Голубой" Дунай

В ноябре 1944 года я получил новое назначение — начальником киногруппы 2-го Украинского фронта. Жалко было расставаться с уже сложившимся коллективом киногруппы Военно-Воздушных Сил, но приказ начальства был категоричен.

Наш путь на 2-й Украинский фронт, который вел бои в венгерской равнине, начинался с Бухареста.

Здесь собрались все вновь назначенные в киногруппу операторы Л. Аристокесов, П. Касаткин, О. Рейзман, ·А. Фролов и прикомандированные из киногруппы Черноморского флота режиссер В. Беляев, операторы Д. Рымарев, В. Афанасьев, К. Дупленский, И. Голомб, К. Деревянко.

Румыния была уже глубоким тылом. Казалось, война прошла где-то стороной, не коснувшись этой страны.

Дорога в Венгрию вела через сказочно красивые места долины реки Прахова, сплошь застроенные домами и виллами разбогатевших за время войны чиновников, нажившихся на военных поставках спекулянтов, крупных военных чинов, грабивших оккупированные территории.

Главная трасса, соединявшая столицы Румынии и Венгрии, один из участков автострады Берлин — Багдад, поддерживалась в идеальном порядке. Позади остались румынские города Сибиу, Алба-Юлия, Арад. На рассвете туманного декабрьского утра мы пересекли границу Венгрии и прибыли в штаб 2-го Украинского фронта.

С собой из Москвы мы привезли только что сделанный режиссером Варламовым фильм «Победа на Юге» — об одной из крупнейших операций войны — Яссо-Кишиневском сражении, в котором принимали участие и войска 2-го Украинского фронта.

Я решил показать фильм командованию. Замечания и советы участников операции полезны были и нам для будущей нашей работы.

Вечером 11 декабря меня принял маршал Р. Я. Малиновский.

В небольшой комнате была установлена кинопередвижка, повешен экран, и без всяких вступлений начался просмотр фильма. Родион Яковлевич просмотрел все пять частей и, когда зажегся свет, пригласил всех к столу, накрытому в другой комнате.

Разговор о фильме явно не клеился. Говорили о московских новостях, о наших будущих делах, о расстановке операторов. Когда к концу обеда я попытался все же вызвать Родиона Яковлевича на критику фильма, он улыбнулся и сказал:

— В кино, как в Военторге, больше думают о витрине. Покажите фильм генералу Захарову, он покритикует.

Мне осталось только поблагодарить командующего пусть за резкое, но чистосердечное замечание.

Генерал Захаров, начальник штаба фронта, и в самом деле подверг фильм резкой критике за отсутствие показа настоящих боевых действий, за схематизм и сухость в подаче материала.

Досталось и военным консультантам, у которых действительно выработался к тому времени определенный штамп в показе боевых операций.

Генерал разъяснил обстановку на фронте и нацелил нашу группу на главные участки ожидавшихся боев.

Такое событие не могло остаться вне поля зрения кинематографистов. Проблему освещения мы решили довольно быстро: для питания наших прожекторов командование фронта выделило две передвижные электростанции.

Старейший депутат национального собрания Бела Дальноки Миклош открыл заседание.

— Временное национальное собрание, — сказал он, — действует от имени венгерского народа, венгерской нации, венгерского государства.

Собрание провозгласило себя представителем суверенного государства. Депутаты, выражая волю венгерского народа, единогласно проголосовали за создание Временного правительства и приняли текст Декларации.

Оператор А. Лебедев, начальник киногруппы 2-го Украинского фронта. Будапешт. 1945 г.

Оператор Ю. Кун. 2-й Украинский фронт. Будапешт. 1945 г.

Гитлеровская коалиция разваливалась. В лагере последнего сателлита Германии — Венгрии резко обозначились силы, выступавшие за выход из войны, а левые партии, работавшие в подполье, требовали не только выхода из войны, но и объявления войны Германии. Несмотря на террор гестапо, рабочие Мишкольца, Ваца и других крупных городов активно выступали против гитлеровцев, и, когда часть Венгрии была освобождена советскими войсками, в Дебрецене было созвано Временное национальное собрание. Это был переломный момент в политической жизни страны. Впервые после революции 1919 года рабочий класс, трудовое крестьянство и прогрессивная интеллигенция собрались вместе, чтобы выразить волю народа.

В 1849 году вождь венгерской революции Лайош Кошут провозгласил, как известно, в Дебрецене Декларацию независимости от Австрии, и вот через 95 лет в том же городе, даже в том же зале представители венгерского народа вновь собрались, чтобы определить судьбу своей страны.

Венгрия становилась на путь социалистического развития.

После съемок мы возвращались на базу. Пасмурный день. Пронзительный ветер гонит по дорогам желтые листья, наметая на полях небольшие сугробы снега. В открытом «Виллисе» холоднее, чем у нас в самые лютые морозы. Продрогшие, мы остановились у небогатого домика. Радушные хозяева приняли нас гостеприимно. Хозяйка начала суетиться, и через несколько минут на столе задымились стаканы красного подогретого вина и неизменный венгерский паприкаш. По радио хозяева уже слышали о решении Временного национального собрания и радовались, что войне скоро конец.

Но фашизм не сказал еще своего последнего слова. Гитлер считал Будапешт ключом Центральной Европы и, хотя город был окружен со всех сторон нашими войсками, решил защищать его любой ценой, не считаясь ни с какими жертвами.

Посланных в Будапешт парламентеров нацисты встретили пулеметным огнем. Как гром среди ясного неба разнеслась весть о злодеянии фашистов.

Мы не снимали отправление наших парламентеров в осажденный город. Командование, полагаясь на международные правила, надеялось на благополучный исход переговоров. Вопиющее преступление нацистов надо было как-то зафиксировать на пленку. А все операторы киногруппы находились в действующих частях: А. Фролов — в конно-механизированной группе генерала И. Плиева, О. Рейзман и М. Гольбрих — в частях генерала Манагарова, Д. Рымарев и П. Касаткин — в корпусе генерала Афонина, Ю. Кун и Е. Яцун — в танковой армии.

Отправились на место гибели парламентеров вдвоем с фотокорреспондентом Г. Зельмой.

Совинформбюро — уже оповещало мир: «Советское командование, руководствуясь гуманными целями, в соответствии с международными правилами и обычаями ведения войны 29 декабря 1944 года направило командованию и всему офицерскому составу окруженных в Будапеште войск противника парламентеров с условиями капитуляции.

Предъявляя ультиматум, советское командование хотело избежать бессмысленного кровопролития, избавить мирное население огромного города от страданий и жертв, а также предотвратить разрушение столицы Венгрии и ее исторических ценностей, памятников культуры и искусства...»

Мы шли по пригороду венгерской столицы и воочию убеждались, на какое преступление перед своими народами, перед цивилизацией пошли немецкие и венгерские фашисты, решив принести в жертву Будапешт.

Почти на двадцать километров протянулся проспект Юллей-ут, ведущий из центра Будапешта на Сегедское шоссе. Прямой как стрела, он взбирается на невысокие холмики и спускается в небольшие долинки и уже в самом городе вливается в главный проспект — Эржебет-ут.

По Юллей-ут на легковой машине и ехал парламентер нашего фронта капитан Миклош Штейнец с переводчиком Л. Кузнецовым и шофером Филимоненко, чтобы вручить противнику ультиматум нашего командования. Большой белый флаг был укреплен на кузове машины; другим, маленьким, переводчик Кузнецов, высунувшись из машины, давал непрерывные сигналы, чтобы привлечь внимание неприятеля. Мощные громкоговорители сообщали о выезде парламентеров по всей линии фронта на венгерском и немецком языках.

Поправ все законы войны, фашисты обстреляли машину из пулемета и выстрелом из орудия убили капитана Штейнеца, шофера Филимоненко, ранили переводчика Кузнецова.

Прячась за стенами домов, перебегая пригнувшись через боковые улицы, шаг за шагом приближались мы с

Зельмой к месту гибели парламентеров.

У обочины шоссе — разбитая снарядом машина. На мостовой — два окровавленных белых флага. И на одном из них — отброшенное взрывом тело Филимоненко. Переводчику удалось отползти, укрыться за углом дома. Тело капитана унесли наши солдаты.

Дорога здесь поднимается в гору, на вершине которой — огневые пози-

Оператор Е. Яцун. 2-й Украинский фронт. Будапешт. 1945 г.

ции противника. Шоссе все время под обстрелом.

Пробираемся в дом, находящийся рядом с разбитой машиной. Зельма делает несколько снимков, меняя оптику. Мне надо снять с разных точек. Под прикрытием переходного мостика подползаю к машине. Удалось снять несколько крупных планов. Протягиваю руку за маленьким флагом... Пулеметная очередь — это гитлеровцы увидели перебегающих шоссе наших автоматчиков. Прижимая к груди, как драгоценную реликвию, намотанный на древко обагренный кровью белый флажок, ползу обратно. Решаем с

Оператор Л. Аристокесянц и режиссер В. Беляев в Будапеште. 1945 г.

Зельмой доставить флаг в политотдел для отправки в Москву, в Музей Советской Армии.

Как прощальный салют злодейски убитым советским парламентерам прогремела орудийная канонада.

Началось сражение за Будапешт.

Гитлеровцы навязали нам уличные бои. Они были похожи на бои в густом лесу. Вой снарядов, грохот взрывов, свист пуль, срезавших ветви с деревьев, сливались в сплошную какофонию, а враг, укрывшийся за домами, стволами деревьев, совсем не виден. Только каким-то внутренним чутьем угадываешь его присутствие. Но каждая щель, каждая амбразура, каждое окно может нести смерть.

С самолета Будапешт выглядел крепостью, опоясанной опорными пунктами: тысячи огневых точек, баррикады, перегородившие радиальные улицы, и только грязно-серый, вздувшийся от осенних дождей Дунай пронзал, словно широким мечом, кольцо укреплений. Красавцы мосты узкими лентами пересекали темную мутную гладь реки.

Нам первым предстояло сделать фильм о наступательных боях в большом городе. Задание было ответственное, и мы жалели, что никто из нас не имел опыта съемок уличных боев, хотя у каждого были за плечами годы операторской работы на войне.

База киногруппы превратилась в оперативный штаб. Режиссер будущего фильма В. Беляев, прибывший из Москвы начальник фронтовых групп студии Л. Сааков и я ежедневно брали данные о ходе боев и ориентировали наших операторов на съемки важнейших событий.

Снимайте больше людей, советовали мы операторам, показывайте трудности уличных боев, сноровку советских воинов, применение танков и артиллерии; обращайте внимание на детали, неожиданные ситуации, работайте осторожно, не подвергайте себя ненужному риску, поддерживайте связь с политотделами частей, через них информируйте нас о своем местопребывании и о работе, не накапливайте много материала, сами или с оказией пересылайте пленку на базу.

Фронт боев растянулся по внешнему обводу Будапешта на десятки километров, и операторы могли попасть на базу только через дальние пригороды.

Вскоре начали поступать материалы съемок с приложенными к ним короткими, как боевые сводки, монтажными листами.

За каждой строчкой — дни напряженного труда под пулями и снарядами врага. Десятки исхоженных километров, бессонных ночей. Вот эти строки :

«На Будапештском направлении»

Операторы: Ю. Кун,
Е. Яцун.
Пленка «Суперпан» 370 м.

Войска 2-го Украинского фронта переправились через реку Тисса и вышли в долину реки Дунай. Мощные танковые колонны устремились к Будапешту. Венгры сдаются в плен.

Снято:

1. У города Сегед. Войска и техника переправляются через Тиссу.
2. Артиллерия подавляет сопротивление противника. Работают «катюши».
3. На рассвете, в утреннем тумане, танки накапливаются на исходные рубежи.
4. Началась танковая атака; за танками пошла пехота. Первые пленные.

«Бои на улицах Будапешта»

Операторы: П. Касаткин,
Д. Рымарев.
Снято 430 м.

Бои на улицах Будапешта. Артиллерия на прямой наводке на улицах города. Расчет старшего лейтенанта Щербакова ведет огонь на одной из центральных улиц города.

Расчет гвардии сержанта Амосова ведет огонь из миномета.

Баррикады на улицах Будапешта. Захваченные немецкие орудия. Убитые гитлеровцы.

Мадьярский батальон с оркестром под звуки марша идет сдаваться в плен.

Жители разрезают на куски убитую снарядом лошадь на фоне горящего здания.

Отдельные кадры продвижения наших войск, занимающих квартал за кварталом.

«В Будапеште»

Оператор Г. Амиров.
Снято 420 м.

В жестоких уличных боях советские войска овладевают квартал за кварталом. Сражение идет за каждый дом. Впереди идут артиллеристы и танкисты. Батарея гвардии лейтенанта Героя Советского Союза Яровикова.

Солдаты выкатывают орудие на прямую наводку. Немцы отстреливаются из автоматического оружия и минометов. На помощь артиллеристам приходят танкисты. Танк подходит вплотную к очагу сопротивления и в упор стреляет по амбразуре одного из домов, превращенных гитлеровцами в огневую точку. Угол дома обваливается, и обломки засыпают танк. В облаках дыма и пыли танк продолжает вести огонь. Сопротивление сломлено. В пролом устремляется пехота.

19 января 1945 года восточная часть города Пешт была освобождена от немецких войск. Гитлеровцы, взорвав мосты, продолжали сопротивление в западной части — Буде.

«Будапешт»

Оператор П. Касаткин.
Снято 480 м.

Наши части заняли Пешт, основную часть Будапешта. Противник зажат в тесное кольцо в западной части города — Буде.

Нас разделяет Дунай.

Снято:

Дунай. По грязно-серой реке плывут льдины, деревянные обломки домов, трупы гитлеровцев.

Красивейшие мосты через реку взорваны немцами.

Наши артиллеристы прямо с набережной обстреливают передний край немецкой обороны.

Из тяжелых орудий ведут огонь герои Сталинградской битвы: наводчик гвардии сержант Манько, командир орудия гвардии сержант Попов, наводчик гвардии рядовой Колесников. Большой путь проделали они, прежде чем попали в Будапешт. Большие потери несут засевшие в Буде немцы.

«В Будапеште»

Оператор Ю. Кун.
Снято 520 м.

После упорных уличных боев остатки разгромленных гитлеровских дивизий укрепились в Буде и оказывают ожесточенное сопротивление.

Снято:

Вечерние планы города. Город насторожился; пустые улицы. Через Дунай видна Буда, возвышается королевский дворец — центр немецкого сопротивления.

Строятся переправы. Паромы перевозят войска и технику на западную часть реки.

Маршал Советского Союза Малиновский у переправы в районе острова Маргит.

Примечание:

Кроме того, снято исполнение приговора народного суда г. Пешта над преступниками — палачами фашистского застенка.

На суде на вопрос к одному из них, сколько он расстрелял и замучил людей, подсудимый спокойно ответил:

— Много, сейчас уже не помню!

Снято для истории.

Тринадцатого февраля утихли бои в Будапеште. Пятидесятидневное сражение, принесшее огромные бедствия жителям города, большие потери для обеих сторон, окончилось.

Вот последний монтажный лист одного из бесстрашных операторов нашего фронта.

«Разгром группировки Буды»

Оператор А. Фролов.
Снято 660 м.

Штурм окруженной в Буде группировки артиллерией и авиацией.

Бои в городе, перебежки бойцов под огнем противника. Артиллеристы выезжают в конной упряжке галопом на передовую позицию. Идут раненые; их сажают в повозки.

Пулеметчик строчит из окна дома по засевшим в соседнем доме фашистам; второй номер, сидя в кресле, подает ему ленту.

Немцы пытаются подбросить боеприпасы и продовольствие осажденным войскам при помощи авиации.

Зенитчики сбивают немецкие самолеты. Немецкий планер врезался в один из домов и висит на уровне четвертого этажа.

Разрывы снарядов, авиабомб в центре обороны немцев. Пожары. Разбитая техника: танки, самоходки, пушки, убитые фрицы, лошади. Группы пленных немцев; большинство — раненые, истощенные.

Похороны погибших в боях за Будапешт советских воинов-героев.

Свыше 10 тысяч метров снятой пленки увез с собой в Москву режиссер В. Беляев.

Война продолжалась. Наши войска шли по берегам Дуная на Братиславу, Вену. Началось освобождение Австрии, Чехословакии.

В Братиславе меня вызывают в политуправление фронта:

— Вам телеграмма.

Читаю:

«Алхимия[1]. Политуправление начальнику киногруппы Лебедеву.

Студией сдан высокой оценкой фронтовой выпуск Будапешт тчк Материал группы Лебедева разнообразно ярко отобразил непосредственные боевые операции в условиях современной войны тчк Вынося благодарность Лебедеву и его группе обращаю внимание всех фронтовых групп на то что уровень материала отображающего войну на территории Германии за последние полтора месяца значительно ниже съемок Будапешта тчк Настаиваю на резком улучшении съемок и оперативной доставке материала в Москву тчк Герасимов.

Так закончилась для киногруппы Будапештская операция, и дело обошлось без жертв. Сопутствовало нам на этот раз и солдатское и операторское счастье.

М. Большинцов

Штурм цитадели

В старинном польском городе Познани третью неделю идут упорные бои.

Съемочный день кинооператоров начинается на рассвете, одновременно с усиливающимся грохотом артиллерии, с появлением в небе самолетов.

База наша размещается на окраине города, в спокойном сравнительно районе, который стал уже «глубоким тылом». Правда, до переднего края можно дойти за двадцать минут и ряд улиц, переулков еще обстреливается немецкими снайперами.

Но и мы и население уже изучили опасные зоны, ходим по городу, пользуясь проходными дворами, проломами в стенах, подвалами.

Хозяйка нашей квартиры пани Новак въехала в опустевший дом неделю назад, почти одновременно с нашими операторами. Все пять лет немецкого владычества она с двумя детьми и мужем-железнодорожником ютилась в какой-то халупе. Теперь польская администрация переселила семейство Новак в хорошую квартиру. Бывший владелец ее, Генрих Шефферфельд, был призван в «фолькштурм». Его самодовольная физиономия запечатлена на оставшихся в доме семейных фотографиях. Пожалуй, и Кукрыниксы при всей их талантливости не выдумали бы более злой карикатуры.

Среди пузатых буфетов, этажерок и шкафов мы не обнаружили в доме и признаков книжного шкафа. Не было даже маленькой полочки с книжками. Нашли только кипу аляповатых журналов, пачку порнографических открыток.

А хозяин дома Шефферфельд, как потом выяснилось, процветал на ниве «просвещения» и писал проникновенные статьи о моральных преимуществах германской расы.

День 19 февраля обещал быть солнечным. Операторы еще с вечера поделили город на «сферы влияния».

[1] Позывной 2-го Украинского фронта.

была обусловлена взаимосвязь целого ряда кадров, тематически необходимых для будущего фильма. Воздушные операторы Д. Ибрагимов и Л. Мазрухо в случае летной погоды должны были снимать бомбежки и штурм Познанской цитадели, а операторы М. Посельский и Б. Соколов — работу тяжелой артиллерии, второй день расширяющей брешь в крепостной стене.

Было известно, что поутру наши бойцы будут атаковать дом, расположенный неподалеку от цитадели, в котором засели гитлеровцы. Своим огнем они мешали нашей артиллерии вести обстрел крепости прямой наводкой. Оператор Б. Дементьев заранее облюбовал себе съемочную позицию на чердаке замка Пилсудского. Оттуда были отлично видны и подступы к дому и дом.

Штурм его начался часов около десяти. Сверху было видно, как из-за угла наши солдаты быстро выкатили орудие и открыли огонь. Первый снаряд разорвался у третьего этажа, второй попал в фундамент дома. Еще не успел рассеяться дым, как орудие исчезло и на пустынной мостовой вдруг четко вырисовалась фигура стремительно бегущего к дому бойца.

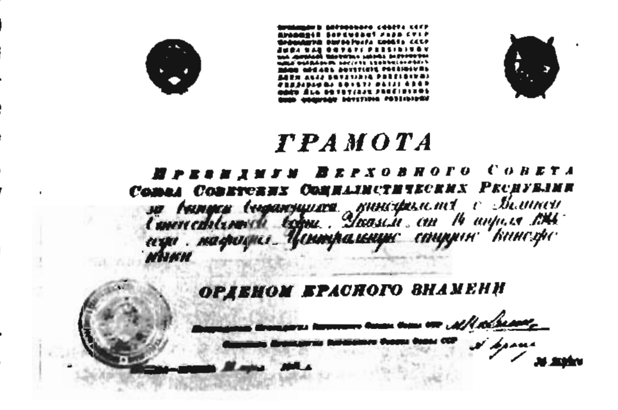
Смельчаку оставалось не более десяти шагов до угла, когда в окне вражеского дома появились белые дымки и солдат упал...

Снова выкатили артиллеристы свое орудие и сделали несколько выстрелов. Теперь уже несколько бойцов один за другим побежали по мостовой к переулку, и вот первые гранаты полетели в окна занятого врагом дома. Бой разгорелся на лестницах, чердаках, в квартирах. Оператор Б. Дементьев шел следом за бойцами. Он снял автоматчика, бросившего гранату, пулеметчиков, стрелявших через пролом в стене по гитлеровцам, засевшим за печкой... К часу дня он снял первых сдавшихся в плен гитлеровцев.

Операторы М. Посельский и Б. Соколов засняли в тот же день действия артиллеристов гвардии старшего лейтенанта Кабанова, которые через проломы в домах били прямой наводкой по крепостной стене.

После нескольких часов беспрерывного обстрела брешь значительно расширилась и в нее устремилось самоходное орудие гвардии младшего лейтенанта Перминова.

Таковы лишь некоторые моменты штурма Познанской цитадели, запечатленные кинооператорами.

ГРАМОТА

Президиума Верховного Совета
Союза Советских Социалистических Республик

орденом Красного Знамени

Оператор И. Аронс снимает в квартале, только что освобожденном от гитлеровцев. Из подвалов, из-под развалин домов выбираются люди. Они обнимают наших бойцов, плача и смеясь спешат рассказать о пережитых ужасах.

Рассказы похожи один на другой. Из них складывается картина народного горя, жестокой методичности, с какой гитлеровцы проводили онемечивание Польши.

Тотчас после оккупации они объявили всю округу провинцией своей «империи». Из Германии нахлынули новые хозяева. Они являлись на хутора, в города, выгоняли поляков; в порядке особой милости иногда хозяину дома разрешалось остаться в качестве прислуги. Только предатели, отрекшиеся от народа и преступлениями против родины заслужившие доверие немецких господ, получили право

жить в своих домах на правах хозяев. Их уделом было презрение и ненависть миллионов патриотов.

Наши операторы засняли надписи, запрещавшие полякам ездить в трамваях, посещать театры, кино, зоосад. Поляки не имели права говорить, учиться, молиться по-польски. Им было запрещено иметь патефоны, слушать радиопередачи. Поляк обязан был снимать шляпу перед немцем любого возраста и положения и уступать ему дорогу.

Весь мир знает уже о лагерях смерти, о печах Майданека и душегубках Треблинки. В познанской тюрьме мы еще раз убедились, что не было предела изощренному садизму нацистских негодяев. Здесь группой кинооператоров была обнаружена и заснята «комната смерти». Она не велика, примерно 18—20 кв. метров, выложена кафелем и поражает чистотой.

Центральное место в ней занимает гильотина.

Это похоже на какой-то бредовый сон: и гильотина в комнате, и хирургические резиновые перчатки на столике, и белоснежные полотенца, и мраморный умывальник.

Гитлеровцы внесли в гильотину усовершенствование — снабдили аккуратным желобком для стока крови, железной корзиной для падающих отрубленных голов.

Только садисты могли так любовно и методично отшлифовать каждый винтик этой страшной мясорубки.

На стене — четыре крюка. Это комнатная виселица на четырех человек. Под каждым из крюков в полу открывающийся люк.

Три жертвы были обнаружены нами в этой комнате. Польский мальчик Людвиг Кочмарик рассказал: «Я просидел в тюрьме целый год. Перед этим я работал в пекарне у немцев, был очень голоден и отломил горбушку от буханки хлеба. За это меня и посадили в тюрьму».

В день освобождения на тюремном дворе скопилось много людей. Кто-то крикнул, что ведут пленных, и толпа ринулась на улицу.

Нашим операторам удалось заснять несколько выразительных кадров. Польская милиция и наши конвоиры с трудом оградили гитлеровцев от самосуда.

Омерзительно жалкие, перепуганные, втянув головы в плечи, прячась друг за друга, проходили палачи мимо накаленной ненавистью толпы.

С ночи на 23 февраля, когда пала Познанская цитадель, по улицам потянулись колонны пленных. Среди них плелись и генерал-майор Маттерн со своим начальником штаба полковником Деборном.

Город праздновал свое освобождение, а кинооператоры спешили уже за ушедшими далеко вперед армиями 1-го Белорусского фронта.

А. Медведкин

Солдат снимает кино

Сентябрь 1943 года. Еду на Западный фронт начальником киногруппы.

Уже перед выездом получаю телеграмму:

«...Материал Ярцево выслан двадцатого шесть часов самолетом тчк Рославльское направление выехал Беров Ярцево-Смоленское направление снимает Крылов Дорогобуж-Смоленское — Эльберт Ельня-Смоленское — Шнейдеров Цеслюка отправили госпиталь тчк Четыре хозяйства фронта действуют без операторов= Гуляев 203 ЭФИР...»

Пять операторов на огромный фронт! Он весь в движении: идет наступление на Смоленск. «Четыре хозяйства» — это четыре армии — без операторов.

И я уже знаю: на участках этих армий произойдет то, чего просто нельзя не снять!..

Пять операторов!.. У одного ломается машина, у второго — неполадки с «Аймо», третий — в госпитале... Тем временем армии с боем овладевают Смоленском.

Из Москвы шлют такие телеграммы, что лучше не читать! Много ли могут снять пять операторов? Их нужно по крайней мере пятьдесят!.. Пятьдесят бесстрашных, как разведчики, сноровистых парней с легкими, портативными камерами!

...Минул трудный фронтовой год. Уже сняты сражения за Витебск, освобождение Минска, уличные бои в Вильнюсе...

Как же нам не хватало людей! Сколько раз в трудные минуты возвращались мы к мечте о команде в пятьдесят операторов, пока наконец я не обнаружил, что, если одолеть гору барьеров, такую команду можно создать.

И мы это сделали! Создали две команды, включили их в работу, и они «выдали» на экран кадры сенсационной кинохроники.

Увы! Это было уже в самом конце войны!

Сейчас я перебираю пачку пожелтевших бумаг. Они хранят в себе следы невероятных усилий группы энтузиастов, поставивших перед собой задачу, казавшуюся поначалу просто неосуществимой: скомплектовать из сержантского состава две команды по пятьдесят человек для киносъемок (кто их даст?), вооружить сто человек съемочной аппаратурой (которой у нас не было!), обучить за два-три месяца операторскому ремеслу и включить их в боевую работу!..

Однако скептики веселились рано: в наших руках был ключ к решению этих задач.

Оказалось, что съемочная 16-миллиметровая киноаппаратура, так называемые кинопулеметы, имелась в большом количестве во вновь организованной киногруппе ВВСКА. Эта аппаратура была уже освоена, были налажены резка и перфорирование пленки, налажена обработка пленки и перевод ее на 35-миллиметровый формат.

Однако ведомственные рогатки не давали возможности получить нужное нам количество аппаратов.

Мы обратились тогда к начальнику Главного политического управления А. С. Щербакову, который с полуслова понял нашу затею, горячо ее поддержал и уже до конца помогал нам чем мог.

Если опустить из моего рассказа бесконечную цепь мытарств, все случаи, когда нам решительно отказывали, говорили твердое «нет», удивлялись нашему легкомыслию и призывали «к порядку», — если опустить все это, то главное было сделано: камеры мы достали.

Предназначенные для съемок с самолета, они не были приспособлены для съемки с рук. Мы отыскали в Москве фабрику деревянных шкивов, изготовлявшую в те годы приклады к автоматам ППШ, и нам сделали 50 деревянных прикладов по нашим рисункам.

Никогда не забуду, с каким увлечением главный инженер киностудии И. Б. Гордейчук и мастера точной механики приспосабливали к американским узкопленочникам деревянные приклады. Сконструировали специальный визир, напоминавший оптический прицел снайперской винтовки. С ним съемочный автомат принял очень и очень импозантный вид. Загадочный вид оружия...

Труднейшей оказалась проблема электропитания «кинопулеметов». Получить 20-вольтовый ток на боевом самолете не проблема. Но как быть при съемках с руки в боевой обстановке?..

После горячих, длительных споров удалось уговорить директора завода «Мосэлемент» сконструировать для нас специальные аккумуляторы. Каждый из них весил 10 килограммов и быстро «садился», порой в самые решающие моменты съемок.

Энтузиасты операторы, бегая с наступающей пехотой, носили на себе по два таких аккумулятора общим весом в 20 килограммов. И не отставали! Не жаловались! И снимали, и получалось!..

Сама идея дать солдату в бою кинокамеру таила в себе, видимо, какую-то покоряющую романтику. Поэтому и было так много энтузиастов, окруживших наши эксперименты безотказной поддержкой.

Оператор Н. Лыткин с группой сержантов. 2-й Белорусский фронт. 1944 г.

Хочется особо отметить помощь командующего 11-й гвардейской армией генерал-полковника К. Н. Галицкого. Он придал нашей затее масштабное значение, рассмотрев ее в аспекте, о возможности которого мы, авторы, даже и не могли подозревать!

Рассуждал он примерно так.

Присутствие в боевых порядках кинооператора, фиксирующего ход боя, меняет многое. Любой шаг комбата или командира роты может быть задокументирован на пленку и стать затем предметом подробного анализа командования...

— Я отлично понимаю, — говорил генерал, — как мы еще далеки от реализации этой идеи, однако сам факт введения таких контролеров в бой заставит командира всегда ждать, что именно сейчас на пленку пишется протокол его боевой работы...

Генерал-полковник Галицкий заразил новой идеей политсостав армии, и для нас выделили самых боевых и талантливых парней из числа разведчиков и проверенных бойцов.

Никогда не забуду, как мы впервые встретились с ними на глухом литовском хуторе.

Ребята не знали, что им предстоит, с беспокойством выпытывали у наших шоферов, кто мы, что собираемся делать...

Прежде всего мы показали им документальный фильм «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой». Фильм их взволновал. Еще больше взволновало наше сообщение о том, что и они после короткой учебы будут вести съемки боевых действий. Сроки подготовки жесткие — два месяца...

Надо было видеть, с каким восторгом принялись ребята за неведомое им дело.

Мы разбили их на два отряда. Первый возглавил оператор Н. Лыткин. Второй отдали под начало операторов Г. Голубова и А. Зенякина.

Учеба велась днем и ночью.

На плечи моих товарищей лег огромный груз. Курсанты просто никакого понятия не имели о технике фото-

графии и тем более кинематографе, да и общеобразовательный уровень их был не очень высок.

Однако это были разведчики — люди волевые и бесстрашные.

Учились не жалея ни себя, ни наставников. Советские войска вошли в пределы Германии, уже близок был конец войны, и ребята понимали, что опаздывают...

Мы вооружали их ужасной по качеству кинотехникой!

В аппаратах часто заедало пленку... Особенно много хлопот доставляла зарядка кассет. Конструкция их была рассчитана на применение при зарядке специального приспособления. Для того чтобы такую кассету зарядить руками, три пальца правой руки должны были одновременно производить три различные операции. И это в полной темноте!

Сколько возникало огорчений! Но в конце концов наши романтики научились и заряжать кассеты и снимать, даже исправлять на ходу аппаратуру, кооперироваться с соседом, если у одного, скажем, «летел» аппарат, а у другого «садился» аккумулятор...

Наши войска осаждали уже Кенигсберг, когда после строгих (без скидок!) экзаменов мы выдали каждому курсанту удостоверение о присвоении ему звания «сержант-оператор»...

Все, конечно, рвались в бой. Волновались, выводя свои отряды на боевое крещение, и преподаватели. А. Зенякин и Н. Лыткин рассказывают об этих днях: «Получив свободу передвижения, наши дебютанты, как разведчики, просачивались в тылы врага, устраивали у дорог засады, и, пока один бросал в проходившую машину ручную гранату, второй снимал это на пленку, потом менялись: снимал уже первый, как второй берет «языка»...»

В горячке частенько еще забывали о характере своего «оружия» и в момент съемки водили кинопулеметами, как стрелковым автоматом, и тогда панорама получалась у нас смазанной.

В моем архиве сохранилось письмо Г. Голубова. Привожу из него выдержку:

«Дорогой Александр Иванович!

Спешу Вам отрапортовать, что с 7/II по 16/II мои ребята на двух аппаратах (!!) сняли 705 футов материала, за ценность которого я отвечаю. Я чрезвычайно доволен, что сохранил весь свой коллектив. На двух работающих аппаратах я пропустил 10 человек через передовую для проверки их огнем. Результаты отличные. Двоих генерал представил к награде за отличные действия (вынесли с поля боя раненого комбата). Старший сержант Цепелев был ранен в ногу, но продолжал снимать. Ребята молодцы! И хоть убейте меня, ни с одним я не расстанусь. Если б у них в руках были настоящие аппараты, Вы не представляете, какие кадры они выдали б Вам на экран!..»

Передо мной номер фронтовой газеты «Красноармейская правда» от 5 апреля 1945 года. В ней помещена статья Е. Воробьева «Кинопулемет».

Вот что пишет автор:

«Вид у этого пулемета весьма воинственный. Он прикреплен к ложу автомата, снабжен каким-то подобием прицела, на месте и спусковой крючок... Недавно такими «кинопулеметами» вооружились и отправились на киносъемку пятнадцать разведчиков, лихих и бывалых солдат. Их работа прекрасно дополнила съемки наших фронтовых кинооператоров. Опытные разведчики, снабженные к тому же очень портативными аппаратами, оказались в самом пекле боя и были его близкими свидетелями.

...Георгий Солпухов и Иван Василенко засняли, например, такой момент боя у траншеи: немец пятится от нашего бойца и отстреливается. Он ранил бойца в щеку, а тот приканчивает немца выстрелом из винтовки в упор. Другой эпизод: с десяток немцев движутся на наш пулемет. Пулеметчик

одной очередью убивает семерых, трое пытаются убежать, но падают, сраженные огнем.

...Алексей Комаров, раненный под Кенигсбергом, удачно заснял контратаку противника, поединок «фердинанда» с расчетом противотанковой пушки...

Федору Балашову удалось запечатлеть интересный момент: немцы, отступая, взрывают мост через Прегель. Наши пехотинцы форсируют реку по льду, а саперы тут же чинят мост.

...Все эти съемки сделаны молодыми операторами из группы, которую подготовил и которой руководит кинооператор Николай Лыткин.

...Пятнадцать учеников Н. Лыткина в условиях обороны добыли 58 «языков», взяли в плен сотни немцев... Все пятнадцать награждены 43 орденами и медалями. Гвардии сержант В. Буцко награжден пять раз, гвардии рядовой И. Попов — трижды, гвардии старший сержант Г. Свинухов — кавалер ордена Славы двух степеней.

...И сегодня на переднем крае можно встретить разведчика с киноаппаратом, смахивающим на автомат, с ранцем за плечами — в нем находится аккумулятор, питающий моторчик. С некоторых пор это стало оружием разведчика. А для самозащиты у кинооператора есть наган и гранаты.

Евг. Воробьев».

Сержанты-операторы снимали бои на улицах Кенигсберга.

Ими руководил солдат Владимир Крылов.

Появляясь на самых опасных участках уличного боя, сержанты-операторы потеряли своего руководителя: Владимир Крылов пал на боевом посту смертью храбрых.

В тот же день брат его, оператор нашей группы Анатолий Крылов, был тяжело ранен...

Ратный труд фронтовых операторов — подвиг. Это целиком относится и к отряду сержантов-операторов.

Тридцать боевых разведчиков, овладевших съемочной кинотехникой, влились в нашу фронтовую группу как полноценные кинорепортеры.

Шел апрель 1945 года. Приближалась победа. И сегодня, спустя почти четверть века после тех удивительных дней, я не перестаю сожалеть о том, что с таким опозданием мы дали киноаппарат в руки солдату!

Д. Рымарев Впереди — Бухарест

В конце лета 1944 года по срочному вызову начальника фронтовой группы я прибыл в Москву с Карельского фронта.

— Товарищ Рымарев, будете работать в оперативной группе. В ваше распоряжение предоставляется самолет. Наши войска движутся сейчас от Ясс к Бухаресту. Отправляйтесь в Галац и действуйте в соответствии с обстановкой. Мы ждем от вас интересных съемок.

На следующее утро я вылетел из Москвы на двухмоторном самолете «К-6», экипаж которого состоял из двух старших лейтенантов — командира и штурмана.

Вечером следующего дня мы приземлились на аэродроме румынского города Галац.

Здесь уже базировались наши авиационные части. Я отправился с докладом к старшему по аэродрому в Галаце, генерал-лейтенанту авиации Толстикову.

С рассветом мы рассчитывали вылететь по направлению к Бухаресту и, придерживаясь шоссейных дорог, лететь бреющим, наблюдая за движением войск по дорогам. Если до появления Бухареста движение колонн прекратится — повернуть назад и вернуться в Галац.

Генерал внимательно выслушал меня и сказал, что должен огорчить. Советские передовые части находятся

еще далеко от Бухареста. За наш самолет и весь его экипаж он отвечает, как старший на аэродроме, поэтому вылет завтра на рассвете разрешить не может.

Командир и штурман моего самолета, узнав о решении генерала, приуныли не меньше моего. Мы были охвачены единым стремлением — как можно скорее попасть в освобожденный Бухарест, чтобы снять для кинохроники интересный этап войны.

Во время ужина в офицерской столовой к нам подошел вестовой и сказал, что генерал Толстиков приглашает меня за свой стол.

Мы поужинали вместе. Олег Викторович угощал румынским вином и с интересом слушал мой рассказ о работе фронтовых кинокорреспондентов.

Я поведал ему о наших съемках в освобожденном Севастополе, о битве за Новороссийск, за освобождение Таманского полуострова, Керчи, о наступлении на Карельском фронте.

Выслушав мой рассказ и вторичную просьбу о разрешении вылета на рассвете, генерал смягчился и, прощаясь, сказал: разрешение на вылет он может дать, если мы обещаем действовать осторожно, соответственно обстановке.

Я, конечно, обещал.

На рассвете наш «ЯК-6» поднялся в воздух.

В лучах утреннего солнца, пронизывающего облака пыли, по дорогам на запад двигались нескончаемые колонны наших войск: танки, автомашины, пехота, артиллерия...

Убирая хлеб, на полях работали румынские крестьяне. Когда над их головами с ревом проносился наш самолет с красными звездами на крыльях, они отрывались от работы и приветливо размахивали широкополыми шляпами.

Но вот движение колонн прекратилось. Дальше шли на запад извилистые ленты пустых асфальтовых дорог...

Что делать?.. Лететь дальше или повернуть назад?..

Решили набрать высоту и оглядеться. На высоте 800 метров впереди нашему взору открылся красивый белый город...

Да ведь это же Бухарест!..

Все ближе, ближе... На восточной окраине города показался аэродром. Зенитки молчат... никто не стреляет в нас...

Делаем круг над аэродромом, внимательно осматриваемся. На середине поля серебрится самолет знакомых очертаний. Снижаемся и видим рубиновые звезды на плоскостях... Сомнений нет — это наш бомбардировщик «ПЕ-2». Но как он попал сюда?..

Может быть, это наш подбитый бомбардировщик, которого вражеские истребители принудили сесть на этом аэродроме?..

Если бы это был подбитый самолет, он не стоял бы на взлетном поле... Его немедленно отбуксировали бы на обочину аэродрома.

А может быть, на этом самолете прилетел представитель нашей Верховной Ставки для переговоров с румынскими властями?..

Посоветовавшись, мы приняли решение садиться рядом с «ПЕ-2». В случае какой-либо угрозы — немедленно взлететь и направиться на свой аэродром.

Сели...

Подрулили к «ПЕ-2». В бомбардировщике никого нет.

Вышли на плоскость своего самолета, огляделись... Вдали стоят рядами румынские самолеты, за ними — ангары, служебные здания, дальше начинаются жилые дома города...

К нашему самолету бегут двое военных без оружия... Невиданная форма, фуражки с огромным верхом, золотые аксельбанты на мундирах.

Подойдя к самолету, четко откозыряли. Мы ответили тем же.

— Господа советские офицеры, — сказал один из них на чисто русском языке, — приветствуем вас на нашей

румынской земле! Сегодня к нам прибыл советский генерал — представитель Верховной Ставки Советской Армии. Сейчас идут переговоры. Если вам угодно, вы можете занять номера в отеле при нашем аэродроме или разместиться в любом отеле Бухареста.

Поблагодарив румынских офицеров за любезную встречу, мы вошли в кабину самолета, чтобы собрать необходимые вещи.

— Ну что, братцы, будем делать?.. Поверим?.. А вдруг это ловушка?.. Нет. Все это очень похоже на правду.

Решили поверить.

Через несколько минут мы ехали на городском трамвае среди жителей Бухареста, которые поглядывали на нас с большим любопытством, но доброжелательно.

Все было ново и необычно для нас, а самым необычным было то, что мы находились среди людей страны, формально считающейся в состоянии войны с нами...

Мы остановились в отеле «Амбасадор» на главной улице Бухареста. Гитлеровцы только вчера оставили город. По словам портье, в номере, который я занял, до меня жил офицер СС. В ящиках письменного стола остались орденские ленты, немецкие пфенниги и другие мелочи.

Я открыл окна и как следует проветрил помещение.

Не напрасно мы торопились в Бухарест. Военные переговоры с представителями нашей Ставки близились к успешному концу.

Страна в эти дни переживала великий перелом.

Нам удалось снять несколько митингов и демонстраций трудящихся Бухареста. Командир и штурман моего самолета активно помогали мне.

Рабочий класс Румынии высказывался за выход из гитлеровской коалиции и за продолжение войны в союзе с Советской Россией против ненавистных сил мирового фашизма.

Вскоре в Бухарест начали прибывать военные корреспонденты московских газет, наши товарищи — кинооператоры фронтовых групп. На одной из улиц, выйдя из-за угла, я буквально столкнулся с Александром Гавриловичем Щекутьевым — оператором киногруппы 2-го Украинского фронта. Расспросам и объятиям не было конца.

Через несколько дней ликующий Бухарест встречал доблестных воинов Советской Армии, заполнивших парадными колоннами улицы города. Приятно было снимать это радостное событие.

— Товарищ Рымарев!.. — услышал я из проезжавшего «Виллиса»... Рядом с шофером сидел генерал-лейтенант Толстиков, который разрешил нам вылет из Галаца.

Я на ходу вскочил в «Виллис« и сел на свободное место. Продолжая медленное движение по заполненным ликующим народом улицам, мы разговорились.

— А я, по совести говоря, думал, что с вами случилось недоброе, и очень беспокоился, — сказал генерал. — Почему вы не повернули назад тогда?

— Вы же сами сказали: действовать соответственно обстановке. Именно так мы и сделали, — ответил я улыбаясь.

Улыбнулся и генерал.

— Ох уж эти мне корреспонденты! — сказал Олег Викторович. — В погоне за сенсацией они готовы сломать себе шею...

А. Крылов **У стен Кенигсберга**

Пришла весна 1945 года. Еще лилась кровь, еще гибли люди, но на фронте все — от солдата до генерала — чувствовали приближение долгожданной победы. Поэтому каждый боец старался не отстать от других, успеть внести свой вклад в общее дело разгрома врага.

Таким же стремлением не отстать от других, отличиться были охвачены и фронтовые кинооператоры.

В первых числах апреля советские войска на своем правом фланге вступили в решительные бои с противником за овладение городом Кенигсбергом.

Ранним утром 7 апреля мы — два фронтовых оператора, братья Анатолий и Владимир Крыловы, — разъезжались по своим участкам на окраинах Кенигсберга.

На развилке дорог мы остановились, чтобы пожать друг другу руки, пожелать удачной съемки.

Мой путь лежал в направлении городского вокзала, который еще удерживался врагом. Владимир со своей командой киноавтоматчиков должен был отправиться на левый фланг наших войск, атакующих Кенигсберг.

До вокзала я в тот день так и не добрался. Гитлеровцы отчаянно сопротивлялись, превращая в крепость каждый дом, каждый подвал. До наступления темноты удалось снять лишь несколько незначительных кадров на каких-то заводских дворах.

На ночевку мы устроились, не отъезжая от передовых частей, в своей полуторке с фанерной будкой, прижавшись к кирпичной стене.

Чуть свет мы были на ногах и пошли на звук разгоревшейся перестрелки. Наши бойцы ворвались в вокзал и теперь очищали его этажи от гитлеровцев.

Я приступил к съемке. С высокого полотна железной дороги хорошо были видны улицы города, вокзальная площадь с перевернутым посередине трамваем.

После захвата вокзала бой разгорелся за привокзальную площадь. Наши артиллеристы успешно подавляли огневые точки гитлеровцев, расположенные в домах и во дворах.

Я снял работу наших минометчиков, которые установили миномет на путях между разбитыми вагонами и посылали врагу одну мину за другой. Потом мое внимание привлекли артиллеристы, которые под обстрелом противника бегом тащили по шпалам свою легкую пушку на резиновом ходу. Найдя укрытие, они быстро организовали огневую позицию и открыли беглый огонь по вражеской батарее, обстрелявшей их при смене позиции.

Я только успевал перезаряжать кассеты. «Вот это уже материал. Это кадры... — подумал я. — Как там дела у Владимира? Может быть, и ему сегодня так же повезло, как мне?»

Не знал я, что Владимира уже нет в живых. Еще вчера, после того как мы расстались, он был убит осколком мины при съемке броска наших пехотинцев.

На привокзальной площади усилилась стрельба. Наши бойцы небольшими группами делали перебежки от вокзала к перевернутому трамваю.

Радуясь возможности снять столь эффектные кадры, я поднялся на насыпи во весь рост и снял еще несколько кадров. Резкий визг снаряда заставил плюхнуться на шпалы. В следующий момент я почувствовал сильный ожог, а потом увидел, что кисть правой руки беспомощно разжимается, выпуская ручку аппарата.

Ранение было тяжелым. Через несколько дней я оказался в московском госпитале. И здесь, уже выздоравливая, узнал о гибели брата.

А война приближалась к своему логическому концу. Вскоре весь госпиталь ликовал, отмечая вместе с Москвой день Великой Победы.

Р. Григорьев

«...Погиб геройской смертью»

Хочется начать эти заметки последними строками из сохранившегося фронтового дневника — строками сорок пятого года.

«...Мы возвращаемся на родину. Позади — пройденные с победными боями страны Европы; впереди — родная земля. Каждый вспоминает дорогие лица, милые сердцу пейзажи, думая и о своем «первом кадре» на родине.

Усаживаемся в машины и, прежде чем выехать на шоссе, в последний раз проезжаем по Вене. Есть много в городе чудесных зданий, величественных памятников, но солдатское сердце тянется к другим местам. Вот тихая улочка предместья Швехат. Здесь оператор И. Сокольников снимал тяжелый бой, закончившийся стремительным прорывом нашей пехоты к центру города. Вот последняя перед городом роща Венского леса. Отсюда с танкистами генерала А. Г. Кравченко пошли в бой операторы И. Грачев и К. Дупленский. Вот Бельведер — нелегко достались Г. Асланову кадры взятия замка.

Дом на Фаворитенштрассе. Под огнем противника, в грохоте боя здесь обосновалась база киногруппы. Все это недавние фронтовые будни кино операторов, чье повседневное мужество служило благородной задаче — в живых, образных документах рассказать миллионам людей о беспримерном героизме советских воинов.

На Рингштрассе, в парке, раскинувшемся у парламента, переживаем горестные минуты. На гранитной плите высечено: «Военный кинооператор, инженер-капитан Стояновский. Погиб геройской смертью в боях за Вену».

...В минутном молчании прощаемся с Семеном, смелым, талантливым киножурналистом, нашим боевым товарищем, соратником по искусству, отдавшим свою жизнь за любимую Родину. Он был честным, мужественным, жизнерадостным юношей. В огне боев суждено было развернуться и оборваться его таланту. Мы никогда его не забудем.

Вена — позади. Как в пущенной обратным ходом киноленте, мелькают памятные места весеннего наступления — рощи, деревни, города Австрии. Пересекаем австро-венгерскую границу, едем вдоль озера Балатон. Много месяцев не умолкал здесь грохот сражений. Теперь над озером тишина. На деревьях и столбиках сохранились стрелки с надписями «Ирис», «Лань», «Ковчег». Эти условные обозначения указывали путь нашим частям в их движении вперед. Находим знакомую стрелку — «Кино». По ней в дни сражений за Австрию операторы находили штаб киногруппы; сдавали отснятый материал, получали плёнку и, обменявшись впечатлениями, немного отдохнув, снова разъезжались по районам боев.

Въезжаем в предместья Будапешта. Этот город особенно памятен нам. Мы снимали его взятие от начала до конца: невиданные бои на улицах и площадях, бои за дома, ступеньки лестниц, комнаты; покинули Будапешт, когда прозвучал последний выстрел трехмесячной битвы и столица Венгрии была освобождена от гитлеровских войск, от фашизма.

Проезжаем растянувшийся вдоль Дуная Будафок. В дни боев гитлеровские снайперы с берегов острова Чепель обстреливали дорогу. Вспоминаются шутки Сени Стояновского: «Сбор в секторе первого снайпера»...

Я очень любил Семена, и мой долг — рассказать о нем подробнее.

Погиб он в Вене, снимая форсирование нашими войсками дунайского канала.

Цеплявшиеся за каждый клочок земли гитлеровцы вели по переправе шквальный минометный огонь, но наши саперы, успешно преодолевая

Оператор С. Стояновский. 3-й Украинский фронт. 1945 г.

водную преграду, продвигались вперед. С ними шли кинооператоры Иван Чикноверов и Семен Стояновский. Мина разорвалась с ними рядом. Взрывной волной Стояновского отбросило на развалины горевшего дома. Офицер, которому удалось вытащить раненого оператора из огня, рассказывал:

— Истекающий кровью, с перебитой рукой, он все еще держал камеру, а губы шептали: «Аппарат... сохраните аппарат... Не засветите пленку... Передайте в политуправление...»

Раны Чикноверова оказались легче. За жизнь Стояновского боролись лучшие врачи фронта. И все же любимца киногруппы 3-го Украинского фронта, отважного, всегда жизнерадостного товарища, требовательного к себе художника не стало.

...Комсомолец Семен Стояновский, токарь киевского завода «Арсенал», затем студент ВГИКа, защитил диплом оператора кинохроники в 1940 году. Война застала его у подножия Эльбруса, где он, тогда еще ассистент оператора, вел съемки восхождения альпинистов. А через несколько дней, уже в составе фронтовой киногруппы, снимал бои на реке Прут. Отсюда начались для него горькие дни отступления. Потом в автобиографии, рассказывая о своих дорогах войны, он писал: «Длинный путь отступления пролегает через Тирасполь, Одессу, Николаев, Запорожье, Днепропетровск, Донбасс. Второе, летнее отступление 1942 года проходит через Ростов, Сальск, Майкоп, Туапсе. Бои в районе Туапсе — Новороссийск. В январе 1943 года — наступление на Краснодар. Лето 1943 года — битва на Кубани. Осень 1943 года — десант в Крым».

За строками этой скупой автобиографии — бесценные кадры, сохра-

Оператор Я. Берлинер. 3-й Украинский фронт. У могилы Стояновского. Вена. 1945 г.

нившие правду тех дней: долгие марши, тяжкий солдатский труд, короткие передышки, схватки бронебойщиков с вражескими танками, действия пехоты в кубанских плавнях, атаки, бои у стен Новороссийска — талантливый репортаж, в котором искусство художника и мужество солдата слились воедино.

Стояновский снимал много и увлеченно, параллельно по нескольку сюжетов: накапливал детали, штрихи фронтовой, солдатской жизни. Даже частичный перечень его съемок в киногруппе Северо-Кавказского фронта свидетельствует о широте взглядов, разнообразии интересов фронтового киножурналиста: «Северо-восточнее Туапсе», «Ложная батарея», «Разрушенный Туапсе», «После боя (морская пехота отдыхает)», «Нефтегорские партизаны», «Взятие Краснодара», «Взятие станицы Абинская», «Казачки

помогают Красной Армии бить врага», «На перегоне «Полтавская», «Процесс предателей в Краснодаре», «Прорыв Голубой линии», «Девушки-снайперы», «Девушки-связистки», «Огневой шквал», «Взятие Темрюка», «Авиасъемки для фильма «Кавказ», «Похороны генерала армии Апанасенко в Ставрополе», «Десант в Крыму», «На Керченском плацдарме».

Бои на Керченском плацдарме в Крыму были серьезным испытанием для Стояновского. О них он часто рассказывал даже год спустя, в конце войны. Вспоминаю Югославию, переправу через Дунай близ Белграда. Фашистские самолеты бомбят наш понтонный паром. Зенитки их отгоняют, медленно продвигаемся к берегу. Уже вечер, снимать нельзя, беседуем.

Именно там, на пароме, во время переправы, при свете карманного фонарика Стояновский прочитал нам строки из своего дневника, относящиеся к осени 1943 года, когда он, оператор Южной группы войск, участвовал в десанте Советской Армии в Крым, в район Керчи.

Еникале и Опасная — два маленьких прибрежных поселка — первыми были освобождены от фашистов и стали нашим плацдармом на крымском берегу. Узкая полоска в три с половиной километра шириной вся простреливалась. Стояновский с группой операторов переправился на крымский берег в первые же дни десантной операции. Кроме него в группе были операторы Л. Котляренко, А. Левитан, А. Казначеев, и потом к ним присоединился фотокорреспондент Е. Халдей.

По моей просьбе Стояновский впоследствии перепечатал некоторые страницы дневника, и я сохранил их.

Вот как описал Семен всего лишь несколько пережитых им съемочных часов при десанте в районе Керчи:

«Стоит пасмурный и ветреный день. Я снимаю трофейные понтоны на тележках, а Саша[1] метрах в двухстах от меня, под горкой, остался с бойцами. Вдруг вокруг меня начинает что-то рваться — соображаю: артиллерийский налет. Лежу под понтоном и стараюсь «глубже» уйти в землю, но это невозможно, голову поднять тоже нельзя, так как над ухом со страшным свистом пролетают осколки, сверху падают комья земли.

Неожиданно обстрел прекратился. Оглядываюсь — вокруг огромные воронки, а я почему-то цел и невредим.

...На берегу оживление, и я бегу туда с аппаратом. Снимаю напряженную работу по разгрузке боеприпасов и погрузке раненых. На берегу встречаются два потока: в одну сторону бойцы волокут ящики со снарядами, а им навстречу плетутся раненые, многих несут санитары на себе.

У всех лица напряженные, так как слишком близко рвутся снаряды. Люди часто поднимают голову, прислушиваются, и никто, конечно, не обращает внимания на меня, а я снимаю хроникальные кадры, подсматриваю жизнь.

...Мы с Женей[2] уходим в Колонку, на передний край. Нам предстоит пройти около четырех километров... Артиллерия противника постреливает редко, да и то не в нашу сторону, а куда-то правее. Идем вдоль вражеского берега, и все время кажется, что противник нас видит. В Колонке сняли эпизод водружения красного флага на воротах завода имени Войкова. Идем дальше. Не доходя метров 1000—1500 до немецких позиций, двигаемся перебежками к берегу. Здесь есть высота, откуда виден хорошо город. Мы вползаем на нее. Лежим на обратном скате, чтобы нас не заметил противник и готовим аппараты к съемке: я — «Аймо», Женя — свои «лейки». Встаю во весь рост, снимаю кадры города и убегаю вниз. Жду Женю, но он еще снимает. Вдруг мимо просвистели одна за другой две пули...»

...Близко я узнал Семена Стояновского уже в дни нашего неудержимого

[1] Оператор А. Казначеев.

[2] Фотокорреспондент «Правды» Е. Халдей.

наступления, в киногруппе 3-го Украинского фронта. Помню, как он, ликуя, снимал в освобожденной Одессе, как рвался в Тирасполь, на земли Молдавии. Он стремился вместе с солдатами пройти по тем же дорогам, по которым не так давно отступал, и задумал снять грозный поток наших наступающих войск с тех же точек, с которых снимал их в тяжелые дни отступления.

И все время в непрерывном движении фронтовой жизни Стояновский творил, изобретал, искал, думал, как интереснее построить, снять кадр, найти новый штрих, живую деталь. «Интимная жизнь воинов с интересом смотрится зрителем. Нужно смелее показывать быт и лирику боев», — пишет Стояновский в своем дневнике. И дальше: «В съемке командования отойти от стандарта: показать генерала в непринужденной обстановке, например со стаканом чая в руке, за картой. Китель расстегнут...

Деталь, подчеркивающая усталость в походе: боец перекладывает ношу с одного плеча на другое.

Батальные сцены хорошо получаются, когда движущиеся объекты решены силуэтно (пример: танковый десант).

За обратным скатом высоты люди ходят во весь рост, зато на гребне высоты переползают, прижимаясь к земле.

Для большей экспрессии практиковать съемку портретов объективом 28.

Практиковать съемку с движения: идти параллельно с движущимся объектом, оптика 28. И панорамировать за движущимся объектом. Оптика 203».

Легко написать: «идти параллельно с движущимся объектом». Но он и ходил рядом с воинами, снимая их «с движения» в атаках, бросках, штурмах. Так были сняты им и его боевыми соратниками уличные бои в Вене.

Когда мы говорили Семену, что надо уметь запечатлевать правду сражения не рискуя собой, он с улыбкой отвечал:

— Это я беру реванш за Болгарию.

А в Болгарии, в портовом городе Бургасе, с ним приключилось вот что. С передовым отрядом советских воинов вошел он в город. Жители подняли его на руки и понесли по улице. Снимать было трудно, невозможно было удержать камеру, добиться устойчивости...

И так было не только в Бургасе. На Центральную студию документальных фильмов пришло письмо от офицера запаса ленинградца Алексея Лукьянова.

«Недавно, — пишет он, — я возвратился из Тырнова, куда был приглашен в связи с событиями двадцатилетней давности.

11 сентября 1944 года я и мои два фронтовых товарища — журналист Василий Гавура и кинооператор Стояновский — первыми из советских воинов ступили на улицы этого города на Балканах. Болгары нас встретили очень радушно, забросали цветами, буквально внесли на руках на центральную площадь, где состоялся митинг.

Отдельные моменты этой волнующей встречи запечатлены в документальном фильме «Вступление войск Советской Армии в Болгарию». Кадры эти принадлежат отважному фронтовому кинооператору Стояновскому. К сожалению, храбрый человек, Стояновский, который со своей камерой бывал в самых опасных местах, рядом с солдатами, на переднем крае, не дожил до дня победы, героически погиб в боях за освобождение Вены.

Огромная фотография Стояновского бережно хранится в музее города Велико-Тырново. Вот он, снимок более чем двадцатишестилетней давности. Неутомимый Стояновский за работой, он забрался на крышу автомашины и ведет съемку. В такие минуты он был одержим стремлением лучше и полнее запечатлеть очередной день военного времени, правдиво отразить события, людей.

В городе Велико-Тырново меня просили отыскать семью кинооператора Стояновского.

Убедительно прошу вас оказать мне помощь в поисках семьи Стояновского, фронтового кинооператора, помять о котором чтят в Болгарии».

Мы передали письмо Алексея Лукьянова семье Семена Стояновского, сообщили о просьбе болгарских товарищей в 118-ю школу города Киева, где Семен учился. Позднее, побывав в Киеве, я посетил эту школу. Директор школы Евгения Ивановна Ляхова, парторг Галина Ивановна Троян, комсорг Майя Тригрибцева делают все для того, чтобы жила в детских сердцах память о славном соученике, отважном кинооператоре. Его жизни и творчеству, отданным Родине, посвящен памятный уголок. Школьники связались с пионерами одного из районов Вены, и те обещали своим киевским друзьям бережно ухаживать за могилой Семена Стояновского.

Всматриваюсь в фотографию, снова и снова перечитываю надгробную надпись: «Военный кинооператор... погиб геройской смертью...» И думаю: подвиг Семена Стояновского — частица творческого подвига 257 фронтовых кинохроникеров.

Придет, наверное, день, когда у входа на студию нас встретит воплощенный в бронзу монумент фронтовому кинооператору, человеку с кинокамерой и боевым автоматом. Он это заслужил.

Л. Сааков

За несколько дней до окончания войны

В тихую июльскую ночь с аэродрома близ Винницы поднялся одинокий самолет. На борту двухмоторного скоростного бомбардировщика, управляемого искусным пилотом Героем Советского Союза летчиком Агамировым, летели к югославским партизанам фронтовые кинооператоры Владимир Ешурин и Виктор Муромцев. Недолго длился спокойный полет под куполом бархатного, усыпанного мерцающими звездами южного неба. Каскады разноцветных трасс и багровые вспышки выстрелов говорили о том, что самолет пролетает линию фронта. Операторы видели через прозрачный пол штурманской кабины летящие навстречу самолету разноцветные дрожащие струи пулеметных очередей. Звуки канонады были поглощены грохотом мотора. Уже несколько минут самолет шел среди светящегося от разрывов неба, круто уходя в спасительную высоту темного небосвода. Вдруг в кабине стало ослепительно светло. «Прожектор!» — крикнул Ешурин Муромцеву. В тот же миг самолет, резко клюнув воздух, стал стремительно проваливаться куда-то в бесконечную глубину. Еще несколько мгновений — и резкий рывок прижал к сиденьям затаивших дыхание операторов.

Самолет вышел из пике и, быстро довернув по курсу, уверенно продолжал путь по своей точной, незримой дороге. Зеленоватый свет приборов освещал смуглое лицо сидящего за штурвалом Агамирова. Операторы успокоились и задумались каждый о своем. Самолет пересек тонкую, светлеющую где-то внизу ленту Дуная. Теперь они летели над Румынией, а впереди, в темноте ночи, притаились города и села маленькой Болгарии.

В кабине самолета начало заметно светлеть. «Неужели рассвет?» — подумал Ешурин. Виктор Муромцев, как бы угадав мысли товарища, прокричал ему на ухо: «Луна!» «Хорошо это или плохо?» — промелькнуло в голове у Ешурина. «Хорошо для прыжка и плохо... для всего остального». Время выхода на цель приближалось. Они сидели друг против друга с парашютами за плечами, увешанные оружием, готовые к прыжку, — несколько грузный, крепко сколоченный

и медлительный Ешурин и совсем еще юноша, худощавый, стройный и хрупкий на вид Муромцев, с задумчивыми голубыми глазами, с мягкими светлыми волосами, зачесанными назад, вчера еще студент киноинститута, теперь бывалый и отважный кинокорреспондент.

Самолет ложится в вираж и делает большой круг. Летчик оборачивается к операторам. «Приготовиться!» — скорее угадывают, чем слышат они приказ командира корабля. Бортмеханик открывает нижний люк. Ешурин должен прыгать первым. Он с большим трудом протискивается в темное отверстие люка. Сильные, упругие струи воздуха прижимают его к фюзеляжу самолета. Идут роковые секунды. Расчет времени нарушен. Наконец толчок бортмеханика — и парашютист летит камнем вниз, в сизую лунную дымку. Когда парашют раскрылся, Ешурин увидел под собой темную массу леса и контуры торчащих по сторонам скал. Самолет гудел где-то вдали. Он сделал второй заход для прыжка Муромцева, а потом сделает еще два, чтобы сбросить грузовые парашюты с аппаратурой, пленкой и запасом продуктов. Вот и земля. Ешурина больно ударило о сосну. Тишина. Только где-то в кустах как-то по-домашнему уютно поют сверчки.

Недолгие блуждания в темноте и первое сербское слово «Кой?!» («Кто такой?!»). Два партизана с винтовками наперевес подошли к Ешурину. «Я русский! Я русский!»

«Партизаны обнимали и целовали меня, как брата. Я не забуду этой встречи в небольшом партизанском стане. Эта первая ночь в Югославии как бы удесятерила мои силы», — вспоминает Ешурин. Как выяснилось позже, Муромцева отнесло на десять километров от того места, где приземлился Ешурин. К счастью, и он попал на территорию соседнего партизанского отряда, а не к гитлеровцам, рыщущим в долинах. Приземлился Муромцев тоже с трудностями: его несколько раз сильно ударило о выступы скал, а потом, когда несущая сила парашюта была погашена, он покатился в темноту по крутому склону, больно изодрав тело о скалы. Вот наконец ему удалось задержаться, и вскоре он с большим трудом выбрался из ущелья. Близился рассвет.

На крутом склоне горы Муромцев увидел несколько хижин. Он подошел к первой из них и постучался. Одинокая старуха хозяйка со слезами на глазах обмыла и перевязала его кровоточащие ссадины, причитая, говорила, что наконец бог смилостивился над их бедным домом и послал им гостя русского, да из самой Москвы! Вскоре измученный Муромцев забылся в тяжелом сне, потерял чувство времени. Внезапно проснувшись, он увидел безмолвно сидящих на лавках, на полу, у двери и вокруг кровати, на которой он спал, югославских крестьян. Они уже много часов терпеливо ждали, когда проснется их дорогой гость, упавший прямо с полночного неба, рассматривали его обмундирование, оружие, по-

Оператор В. Муромцев с югославскими офицерами. Югославия. 1945 г.

гоны с тремя маленькими звездочками старшего лейтенанта. Начались бесконечные расспросы: как жизнь в Москве? Много ли техники в Красной Армии? Далеко ли войска от югославской границы? — и многое другое. Они говорили на разных языках, но понимали друг друга — эти мужественные сербские крестьяне-партизаны и русский офицер. Они были братьями.

Вскоре высланные на поиски Ешуриным партизаны обнаружили грузовые парашюты с аппаратурой и пленкой. Груз почти не пострадал, несмотря на то, что парашюты упали среди скал. Только бок одного из футляров был изрядно помят и часть пленки была испорчена.

Ешурин и Муромцев встретились, как давно не видавшиеся друзья. Установив связь с советской военной миссией, они добрались до районного центра и вскоре расстались. Много сотен километров с боями прошли по тылам противника отряды партизан, и с ними повсюду следовал советский военный кинооператор В. Ешурин.

Если извилистый путь югославских партизан, с которыми шел В. Ешурин, тянулся на восток, к границам Болгарии, то путь В. Муромцева уходил от места высадки в горную часть Югославии, через хребты Герцеговины и Черногории, к побережью Адриатического моря. Обладая внимательным и острым взглядом журналиста, этот талантливый юноша всегда горячо воспринимал происходящие на его глазах события и как бы слил всю свою работу и жизнь с делом благородной борьбы братского народа за свою независимость. Комсомолец В. Муромцев считал своим гражданским долгом выступать на митингах перед освобожденным населением сел и городов. Люди с величайшим вниманием и волнением слушали его и, улавливая в незнакомых русских словах заветный смысл, бурно аплодировали ему.

Много горячих писем пришлось написать Муромцеву своему начальству, прежде чем ему дали долгожданное задание — высадиться в Югославии. Ему и раньше приходилось бывать в тылу у врага, снимать боевые действия партизан.

Муромцев и Ешурин встретились в последний раз в памятные дни освобождения советскими войсками столицы Югославии — Белграда.

За несколько дней до окончания войны, 30 апреля, на подступах к Триесту разгорелся ожесточенный танковый бой. На небольшой высоте, поросшей густым кустарником и небольшими деревьями, находился передовой наблюдательный пункт командира танковой части. Его танк стоял тут же, замаскированный в кустах. Снаряды то и дело рвались в непосредственной близости от места, где, пользуясь удобным обзором, снимал разыгравшуюся перед ним на обширном поле танковую битву В. Муромцев. В разгар боя у Муромцева кончилась пленка, и он, соскочив с башни танка, откуда он снимал бой, побежал через открытое поле вниз, к оврагу, к своей машине. Командир части, заметив бегущего мимо оператора, встревоженно окликнул его:

— Куда ты, Муромцев?!

— Я сейчас, возьму пленку!..

Муромцев бежал через простреливаемое противником поле по-мальчишески легко, стремительный и разгоряченный.

Снаряд разорвался совсем рядом, и по обагренной кровью траве покатилась маленькая алюминиевая коробочка со снятой только что пленкой...

Это была последняя дорогая жертва отряда советских кинооператоров в Великой Отечественной войне.

И. Панов

Над рейхстагом — красное знамя

Восьмой день шли бои на улицах Берлина. Несмолкаемый гул и грохот стояли над городом.

По горящим улицам нескончаемым потоком двигались танки, артиллерия, машины, люди.

Восьмой день мы не видели неба. Вместо него над нами висели плотные тучи дыма и пыли.

Восьмые сутки мы без сна. Сон стал недосягаемой мечтой.

Бои — день и ночь, ожесточенные, упорные. Каждое мгновение кого-то вырывает из наших рядов смерть, и он остается навсегда на чужбине.

Город подготовился к уличным боям: перекрестки перекрыты баррикадами. Угловые дома, подъезды, подвалы превращены в доты.

Бои идут в воздухе, на земле, под землей, за каждый метр, чуть ли не за каждое окно дома.

Со злобой и остервенением дерутся гитлеровцы, как загнанный в ловушку зверь, которому уже некуда деваться.

Кажется иногда, что все кончено, сопротивление сломлено, дом, улица, район очищены от врага, но гитлеровцы чердаками, тоннелями метро опять выходят нам в тыл и поливают нас из пулеметов.

Около сорока фронтовых кинооператоров, двигаясь с войсками, с самыми передовыми их подразделениями, снимают величайшую из битв на кинопленку: Кармен, Дементьев, Мазрухо, Посельский, Дульцев, Соколов, Шнейдеров, братья Алексеевы, Томберг, Левитан, Аронс, Венц и многие другие. Среди них и я.

Уже засняты нами тысячи метров пленки, а события все нарастают. Каждый вечер возвращаемся на базу, чтобы разрядить отснятую, зарядить новую пленку и, не успевая даже поделиться впечатлениями, разъезжаемся по городу снова. Снимаем, снимаем, снимаем...

До берлинской операции каждый фронтовой кинооператор прикреплялся к той или иной армии и, получая информацию непосредственно от командования армии, сам выезжал затем на участки боевых действий, которые считал наиболее интересными.

В Берлине события развивались настолько стремительно, что методы работы пришлось изменить.

В Берлине у нас был уже свой штаб, руководили которым полковники Л. Сааков и Ю. Райзман.

Они ежедневно получали информацию от командования и направляли каждого из нас туда, где ожидались наиболее интересные события.

Никогда, кажется, не изгладится в памяти 29 апреля 1945 года. Я — в районе Потсдамского вокзала.

Танкисты ведут бои уже на улицах, непосредственно примыкающих к имперской канцелярии.

Какие массивные, угрюмые, тяжелые дома в этих кварталах. Подъезды забаррикадированы. Окна заложены кирпичом.

Над крышами домов бушует пламя. От бомбовых ударов, артиллерийской канонады вздрагивают, растрескиваются, рассыпаются стены. Улицы завалены щебнем, запружены подбитыми машинами, орудиями. Все дымится, горит. Танкам продвигаться трудно. Они ползут, расчищая себе путь, подминая что можно гусеницами, и с ходу, в упор бьют из орудий и пулеметов по окнам, подъездам, чердакам, откуда гитлеровцы засыпают их фаустпатронами.

Как уязвимы здесь даже самые маневренные из танков — наши прославленные «тридцатьчетверки», КВ.

Вспыхивает то одна, то другая машина. Танкисты еле успевают выпрыгивать из них. А кто-то и не успевает. На место подбитых из переулков выходят новые и новые машины, упорно пробиваются вперед.

Я лежу в подъезде, на куче какого-

то хлама. У меня отказал аппарат. Вожусь с ним; руки — по локти в зарядном мешке.

Недалеко от меня, за грудой дымящихся еще кирпичей, — наш пулеметчик. Возбужденный боем, седой от пыли, он сидит, как китаец, подобрав под себя ноги, и, отчаянно матерясь, разворачивая ствол пулемета то вправо, то влево, строчит по окнам противоположного дома. Оттуда отвечает немецкий пулеметчик. Пули цокают по штукатурке стен. Известковая пыль клубится над нами. Пулеметчик на моих глазах становится все белее. Рядом с ним лежит его убитый товарищ.

Я тороплюсь, хочу заснять дуэль пулеметчиков. Но аппарат заедает, отказывает. Через пролом разрушенной стены вижу, как из переулка, тяжело перевалив через завал, выползают три наших танка.

Операторы А. и Е. Алексеевы. 1-й Белорусский фронт. Берлин. 1945.

Оператор И. Панов. 1-й Белорусский фронт. Берлин. 1945 г.

Взрыв — и один из них горит.

В окне противоположного от нас дома — гитлеровец. Он нагло, буквально на глазах у нас свешивается с подоконника с очередным фаустпатроном.

Вспышка. Взрыв. Горит второй наш танк!

Из открывшегося люка машины друг за другом вываливаются три дымящихся клубочка, скатываются на землю и, уже горя, катятся по улице в подъезд ближайшего дома.

Идущий следом третий танк разворачивает на врага орудие. Выстрел. Грохот. Окно застилается облаком дыма, обваливается стена...

В темноте подъезда слышу короткий разговор:

— Двумя следующими машинами — по этой же улице!

— На сколько, товарищ капитан, продвигаться?

— Пока не подожгут!

— Есть!

И через минуту из переулка на улицу выходят еще две боевые машины; развернувшись, с ходу начинают вести огонь по окнам домов.

Группа пехотинцев пересекает двор и мгновенно где-то скрывается. На улицах пехоты почти не видно. Она передвигается из дома в дом дворами, чердаками, подвалами.

К концу дня я перебираюсь в район зоопарка. Ожесточенный бой идет и здесь. Звери брошены, подыхают от голода. Уже много дней их некому и нечем кормить. До них ли сейчас.

В разрушенной клетке лежит с выдранной гривой умирающий лев. Красивое, сильное животное, положив лапу на шею мертвой уже подруги, темными яростными глазами следит за каждым моим движением, пытается подняться для защиты. Но лапы не подчинаются. Нет сил!

Неподалеку — опрокинувшийся на спину бегемот. В боку у него торчит хвостовое оперение неразорвавшейся мины. Он ворочается и хрипло стонет. Помочь животным не могу. Снимаю — вот он, злой лик войны, во всем, повсюду...

Вечером на базе встречаюсь с Сааковым.

— Ты где был? — спрашивает он.

— В районе 5-й ударной, а затем в 8-й гвардейской, в зоопарке...

— А войска 3-й ударной вышли к рейхстагу.

Отправляюсь в район 3-й ударной, в знакомый уже стрелковый корпус Переверткина.

С генералом встречаюсь неожиданно, в одном из подъездов. Докладываю:

— Приказано, товарищ генерал, снять райхстаг.

— Что ж, — устало отвечает он, — иди снимай!

Осунувшееся, озабоченное лицо не спавшего уже несколько ночей человека, воспаленные, лихорадочно горящие глаза. Брови, щеки, виски серы от известковой пыли.

Закончив разговор с офицерами и отпустив их, генерал отвел меня в сторону и по-дружески разъяснил:

— Пытались взять рейхстаг еще на рассвете, с ходу — не получилось. Сейчас подбросили артиллерии, танков, начали атаку опять. Две небольшие группы из батальонов С. Неустроева и В. Давыдова ворвались в рейхстаг, ведут бои внутри. Остальных фашисты успели отсечь огнем. Залегли метрах в ста пятидесяти и не могут подняться. Шестого связного посылаю — не возвращается. Как будешь снимать — не знаю. Дам тебе провожатого, пробирайся пока к Шпре.

От дома к дому, из подъезда в подъезд, проломами в стенах, дворами, где ползком, где короткими перебежками пробираемся с провожатым по Альтмаобитштрассе к реке. В подземельях сталкиваемся с берлинцами. Они сидят, лежат. Уныло-безмолвные, безучастные, как каменные изваяния, укутанные шалями, пледами, одеялами, не обращают внимания на нас. Да и нам пока не до них!

Но вот пробитая снарядом стена магазина. Около нее люди с тюками, связками обуви, пачками мыла — растаскивают товары. У другого дома группа немцев разделывает кухонными ножами, растаскивает по кускам убитую лошадь. Запечатлеваю на пленку и это.

Около уцелевшей каким-то чудом водопроводной колонки — толпа: дети, старики, старухи с чайниками, кастрюлями, ведрами. Доносятся тревожные голоса:

— Вассер!.. Вассер!

Вода! Без пищи неделю прожить можно — без воды не проживешь.

Совершенно пустую площадь под градом пуль пересекает сухая, слегка прихрамывающая старуха, как привидение, как сама смерть. Что сделало ее безразличной к смертельной опасности? Может быть, безутешное материнское горе? Я снял ее.

К перекрестку подошла «катюша».

Залп — море огня, грохот гулких разрывов, похожий на извержение клубящийся столб бурой пыли.

Когда пыль осела, я увидел через визир камеры выброшенное кем-то из окна привязанное к палке белое полотнище.

Из подвалов, трусливо озираясь, вылезали, карабкались через завалы гитлеровцы с поднятыми руками, ошалелые, полубезумные. Перестрелка прекратилась. Пользуясь удобным моментом, мы с провожатым пересекли площадь и через несколько минут были уже на набережной у моста Мольтке. Отсюда орудия прямой наводкой били по рейхстагу.

Угловой дом полон артиллеристов. Спрашиваем их, как перебраться через мост к рейхстагу.

Смеются:

— Прямехонько, товарищ капитан! Рукой подать!

— А коли всерьез, — добавляет один из сержантов, — держитесь с нами! Не пропадете! Нам ведь тоже туда!

Спускаемся пока в подвал. Артиллеристы угощают нас холодным консервированным молоком. Офицер с погонами старшего лейтенанта говорит солдатам:

— Через пять минут для нас артналет. Под его прикрытием будем продвигать вперед два орудия.

Команда: «Всем наверх!» Поднимаемся и мы. Стены дома начинают дрожать от канонады. Артналет начат — артиллеристы дружно выталкивают две свои пушки на набережную и катят их к мосту, потом, уже под ответным огнем неприятеля, в облаке дыма и пыли, почти несут их на руках через мост.

Мы с солдатом, прячась за щитками орудий, преодолеваем мост вместе с ними и уже на той стороне реки, плотно прижимаясь к земле, буквально прилипая к ней, ползем по изрытой снарядами площади к рейхстагу. Ползем, раздирая о камни мостовой колени и локти.

Взрыв! Нас осыпает песком и горячим щебнем.

Укрываемся под стальным брюхом подбитого танка. Локти, колени — в крови, штаны разодраны, сердце готово, кажется, выпрыгнуть.

Перед нами рейхстаг!!! До него уже не более 200—250 метров!

Чувствую учащенное, горячее дыхание солдата-провожатого.

— Он? — многозначительно спрашивает солдат.

— Он! — отвечаю я.

— Вот он какой! Закурить бы теперь, товарищ капитан.

Закуриваем, лежим молча, каждый со своими мыслями...

Невольно вспоминаю осень 1944 года. Войска 3-го Белорусского фронта вышли к границам Восточной Пруссии. Пограничный столб с надписью: «Внимание! Внимание! Государственная граница Германии. До Берлина — 1200 километров...» И кто-то из солдат успел размашисто, четко приписать: «Все равно дойдем!!!»

И вот дошли!

Всматриваюсь из-под танка в огромное мрачное здание рейхстага.

Хочется «схватить на пленку», но просматривается он из-под танка плохо: все пространство передо мной завалено деревьями, подбитой техникой, мешками с песком, какими-то ящиками, мотками проволоки. Осматриваюсь, ищу более подходящего для съемки места.

В ближайшем доме сохранились балконы на втором и третьем этажах. Вот бы куда пробраться!

До дома не более двух десятков

Оператор М. Шнейдеров. 1-й Белорусский фронт. Берлин. 1945 г.

Операторы Г. Епифанов и Л. Мазрухо. Киногруппа ВВСКА. Берлин. 1945 г.

Оператор Б. Дементьев. 1-й Белорусский фронт. Берлин. 1945 г.

метров. Но кругом кромешный ад. Все дрожит, гудит. В воздух взлетают вырванные с корнем деревья, рушатся стены.

Порой кажется, что раскалывается и валится на нас само небо. Но дальше может быть хуже. Обстрел площади все усиливается.

Вот падает один из знакомых артиллеристов, другой, третий. Расчеты, подбирая, оттаскивая раненых товарищей, продолжают вести по рейхстагу огонь прямой наводкой.

Хочу заснять их — не могу высунуть головы. Надо подняться — какая-то непреодолимая сила словно пришивает к земле.

От рейхстага к нам бегут два солдата, видимо связные, которых ждет генерал. Вот они уже совсем рядом, и вдруг из какого-то колодца в упор по ним — автоматная очередь...

Первый солдат, очевидно тяжело раненный, по инерции добегает до колодца, падает на него. Затаскиваем раненого к себе под танк, пытаемся оказать ему помощь. Но глаза бойца стекленеют.

Выждав удобный момент, мы все же добираемся до дома с балконами. Их, видимо, облюбовали и артиллеристы, пытаются затащить одно из своих орудий на второй этаж.

Опережаю их, вбегаю в одну из комнат — не то, в другую — опять не то, в третью — наконец-то!

Выхожу на балкон — рейстаг передо мной как на ладони. Огромный, черный от копоти, широко раскинулся на площади своими массивными, тяжелыми колоннадами, лестницами. Над крышей — разбитый бомбами купол.

Окна заложены кирпичом. Оставлены только бойницы. Из них тонкими струйками выползает дым. Таким я и снимаю последнее логово фашистского зверя. И, как всегда, — неудовлетворенность. Кажется, что где-нибудь рядом есть точка для съемки лучше. Поднимаюсь на третий этаж, открываю дверь в такую же по расположению комнату... обалдеваю: у окна — группа гитлеровских автоматчиков, пулеметчик и фаустники...

Видимо, существует какая-то интуиция опасности: несмотря на грохот канонады, они разом все оборачиваются на скрип двери и тоже застывают на мгновение в оцепенении.

Кубарем скатываюсь по лестнице опять на второй этаж, к артиллеристам. Сообщаю им о соседстве.

Собираем группу автоматчиков, поднимаемся. Никого уже нет. Бросив в комнате своих убитых, гитлеровцы ушли.

Выхожу на балкон, еще и еще раз с различной оптикой снимаю рейхстаг.

Вечером, с новой волной штурма вслед за пехотой пытаемся с провожатым подобраться к рейхстагу еще ближе.

Прячась в воронках, за поваленными деревьями, опрокинутыми пушками, ползем по вспаханной снарядами, когда-то, вероятно, красивой площади — Кенигсплатцу.

Становится темно. Снимать нельзя, но какая-то непреодолимая сила все равно гонит вперед, вслед за всеми.

Вот уже и ночь одевает, окутывает все тьмой. Под ее защитой чувствуешь себя относительно спокойно, хотя гитлеровцы не прекращают обстрел площади ни на минуту.

В темноте натыкаемся не то на ров, не то на канал. Вспышка взрыва выхватывает из темноты какие-то бревна и переброшенные на ту сторону рельсы. Кидаемся к ним, перебираемся по рельсам через канал. Внизу темнеет мутная, грязная от взрывов вода, торчат каски убитых.

На другой стороне канала находим траншею, бежим по ней. Пехота здесь, очевидно, уже прошла. Только что была, по-видимому, горячая рукопашная схватка.

В темноте чуть ли не лоб в лоб сталкиваемся со связистом.

— Вот гадство! — ругается смертельно уставший солдат. — Линию перебило, а где?!.. Третий раз переползаю площадь — найти не могу!

Спрашиваем, далеко ли автоматчики.

— Рядом, — бросает он на ходу и исчезает в темноте.

Гитлеровцы словно чувствуют, что готовится против них решающий штурм, — усиливают обстрел площади. Продвигаться дальше трудно, ныряем в какой-то колодец, оборудованный как дот.

Над головами проносятся снаряды, грохочет артиллерийская дуэль. От частых взрывов светло как днем.

И вдруг разносится раскатистое «Урра-а-а!!!».

Поднялась пехота. При таком артобстреле?! Это кажется невероятным. Приподнимаемся на локтях, выглядываем из своего колодца. Вся площадь от края и до края во взрывах. Вспышки их словно мечутся из конца в конец и выхватывают на мгновения из темноты группы бегущих к рейхстагу солдат.

Вот они пробегают мимо нас, черные от порохового дыма и копоти. Следом бегут два санитара.

— Здесь есть ранен...

Конец фразы тонет в грохоте канонады. Небольшими группами пехота скапливается на ступенях широкой лестницы рейхстага.

Видны уже мелькающие каски солдат между колоннами.

Я вижу все и не могу ничего снять. Ночь!

Если бы на три-четыре часа пораньше — все было бы на пленке! Трудно передать, как горько бывает в такие минуты. Сползаю на дно своего убежища; готовясь к утру, перезаряжаю пленку.

Взвинченный, почти оглохший, от канонады, долго не могу прийти в себя. Руки дрожат, никак не найду рукава зарядного мешка. Солдат помогает мне. Только сейчас вспоминаю, что до сих пор не знаем имен друг друга, а кажется, что знакомы уже годы — так быстро сближает людей опасность. Спрашиваю:

— Солдат, как тебя зовут-то?

— Солдатом, товарищ капитан, и называйте. Все мы здесь солдаты.

— А все же? — продолжаю я. — Меня, например, зовут Иваном Васильевичем.

— А меня Сашкой, — тихо отвечает солдат.

— Вот и познакомились.

Солдат смеется.

— Откуда же ты, Саша? — допытываюсь я.

— С Забайкалья. Весна скоро и там. Бабы, поди, суетятся. Пахать пора, а мужиков нет. Да и пахать, наверное, нечем. Неужто и они, как в Белоруссии, сами в плуга впрягаться будут?

Оба молчим.

Двенадцать кассет перематываем мы с ним на руках.

Ночь уже на исходе. Небо над рейхстагом начинает светлеть, становится рыжеватым. С трепетом жду рассвета. Нестерпимо долго тянется время. Но вот наконец более или менее светло, по краям площади прорисовываются контуры развалин, просветляются детали.

Утро... Раннее утро 1 мая!

Развеялись дым и пыль ночного боя. Вот оно, поле страшной битвы. Шаловливый майский ветерок словно ласкает, баюкает убитых, шевельнет иногда с игривой неловкостью локон чьих-то волос, угол солдатской шинельки, расстегнутый ворот гимнастерки...

— Много нашей братвы осталось здесь, — раздумчиво говорит солдат. — Сделали свое дело — и лежат!

Навожу аппарат на рейхстаг. Хорошо видны широкие каменные ступени, тяжелые входные двери между колоннами. Они исковыряны осколками снарядов и гранат. И все здание какое-то исковырянное, избитое. Взгляд невольно скользит по стенам и колоннам вверх.

И вдруг вижу: на крыше, за карнизом фронтона, у скульптурной группы, — всколыхнувшееся красное полотнище.

Как пламя, взметнулось оно на ветру.

Вставляю в аппарат новую кассету, и уже в рамке в сильном ракурсе снизу вижу полощущийся алый стяг.

Нажимаю пусковую кнопку.

Снимаю водруженное над рейхстагом знамя Победы.

Раннее утро 1 мая.

Ю. Райзман

Берлин

Исторические дни боев за Берлин никогда не изгладятся из моей памяти.

Ясно помню ощущение, с каким я садился в самолет, который должен был доставить меня к месту сражений. Каждый из нас понимал, что битва за столицу Германии должна оказать решающее влияние на ход военных действий в Европе.

Берлин — мозг и сердце фашизма, и его падение могло не только сломить сопротивление военной машины гитлеровцев, но и предопределить крах фашизма во всем мире. Естественно, что мысль о сложности фильма, который должен был стать итоговым в борьбе нашего народа и народов Европы, ответственность перед буду-

щим зрителем, перед историей подавляли меня. Только попав на фронт, познакомившись ближе с фронтовыми операторами и увлекшись людьми, с которыми предстояло работать, я поверил в то, что мы сделаем фильм. Но сознание ответственности, даже своеобразное чувство страха не оставляли меня и весь наш творческий коллектив до последней минуты работы, до выпуска картины на экран.

Только тогда материал, который в просмотровом зале порой кажется безликим и маловыразительным, приобретает для авторов особое звучание. Он будет связан для них целым рядом ассоциаций с эпизодами фронтовой действительности, оставшимися за кадром. Может быть, эти эпизоды найдутся впоследствии в кассете другого оператора; может быть, эмоциональную окраску серенькому с виду куску придадут музыка, шумы, реплика диктора. Конечно, я понимал, что можно сделать превосходный фильм и из чужого, незнакомого материала. Профессиональные навыки, умение, наконец, талант режиссера-документалиста помогут искусно смонтировать кадры. Но вряд ли это получится так же эмоционально, как у свидетелей, участников.

Киногруппа 1-го Белорусского фронта во главе с режиссером Ю. Райзманом (второй слева). Берлин. 1945 г.

Мы не хотели и не могли быть холодными рассказчиками, не могли протоколировать события с беспристрастным спокойствием, стремились наполнить кадры чувствами, которыми жили свидетели и участники событий.

Еще до начала работы над первым моим большим документальным фильмом, «К вопросу о перемирии с Финляндией», мне казалось, что автор и режиссер документального фильма должны непременно увидеть своими глазами события, о которых будут рассказывать.

Практикой эти соображения подтвердились, оказались абсолютно верными.

Вспоминаю разочарование некоторых товарищей, смотревших вместе со мной кадры, снятые в дни подготовки решающего наступления на Берлин.

На экране мелькали груженные танками платформы, лесные дороги, закрытые сетками огневые позиции, саперы, наводившие на реке переправу, спрятанная в лесу труба бензопровода, к которой подъезжали машины для заправки.

Многим материал показался серым, будничным, пожалуй, даже скучным, а мы, очевидцы событий, видели в нем многое, ощущали масштабы, грандиозность, продуманность и точность в выполнении блистательно задуманной операции. Так было потому, что мы знали, в каком взаимодействии будут снятые по кусочкам моменты. Смонтированный потом эпизод, по отзывам критики и зрителей, получился удачным. Очевидно, мы сумели в конечном счете передать зрителю ощущения, которые остались от всего увиденного на фронте, прочувствованного и понятого нами самими.

В дни штурма Берлина в моем распоряжении было много операторов, я мог их расставить по своему усмотрению, но обстановка менялась, а с ней вместе менялись и съемочные задачи, необходимо было непрестанное общение с операторами. Поэтому одним из важнейших условий полноценной работы становилась безупречно налаженная связь.

Командование помогло нам в этом. В наше распоряжение были выделены связные мотоциклисты. Осуществлялась постоянная телефонная связь с политотделами армий, куда операторы, снимавшие действия этих армий, обязаны были каждые два часа давать сведения о снятом материале. О передвижениях армий мы узнавали в политуправлении фронта.

Кроме того, параллельная связь с операторами была налажена через секретаря Военного совета, которому операторы также сообщали о своем местонахождении и о произведенных съемках.

Даже в моменты безостановочного многокилометрового марша наших частей мы знали, где находится тот или иной оператор и в любую минуту могли передать ему задание. У меня и у начальника группы Л. Саакова было особое разрешение пользоваться связными самолетами. Менее чем за час мы могли добраться до любого участка фронта и лично руководить особо важными съемками. Такая организация придавала нашей системе гибкость.

Но в основном успех дела решали, конечно, операторы. С теплотой и уважением вспоминаю чудесный коллектив, с которым довелось работать.

Д. Ибрагимов, М. Посельский и А. Софьин, например, снимали в частях генерала Чуйкова, с которым они познакомились еще в дни героической обороны Сталинграда.

Отлично снял горящий Сталинград в 1943 году Н. Вихирев; теперь он снимал Берлин, маршала Жукова, командовавшего войсками. Р. Кармен, снимавший в Сталинграде Паулюса, снял в Берлине Кейтеля и стал, таким образом, как шутили его товарищи, «специалистом по капитуляциям».

От Ленинграда до Берлина прошли А. Богоров, Б. Дементьев и А. Погорелый.

С нами были: М. Шнейдеров, снимавший бои под Москвой, В. Соловьев, первым давший на экраны снятый в Калуге застенок гестапо, братья А. и Е. Алексеевы и И. Панов, которых перебросили к Берлину из-под Кенигсберга как специалистов по съемкам уличных боев, Л. Мазрухо, Б. Соколов, И. Аронс, А. Левитан, Ф. Леонтович, Е. Мухин, Н. Киселев, Г. Епифанов, сделавший превосходные кадры наземных боев, бомбардировок позиций противника, Г. Александров, В. Томберг, В. Фроленко, П. Горбенко, С. Шейнин, А. Арабов, Г. Островский, В. Симхович, С. Семенов, К. Венц, Г. Голубов, Л. Дульцев, И. Комаров, В. Лезерсон, К. Бровин, М. Ошурков. Все это были люди большого мастерства и отваги.

Об опасностях, которым подвергались во время съемок, сами они рас-

сказывали редко. Многое узнавалось нами потом случайно. Проезжая уже по мирному Берлину, один из операторов вдруг напомнил другому: «Около этого дома тебя чуть не подстрелили». И тот продемонстрировал дыру в шинели, о которой успел уже позабыть.

Собираясь по вечерам, операторы с воодушевлением рассказывали обычно о том, что видели за съемочный день.

И поначалу мы злились, ибо на экране видели только концы рассказанного. Потом поняли неизбежность этого — ведь пока оператор увидит что-то и схватится за аппарат, первая стадия события уже проходит. Постоянную досаду испытываешь потому, что не успеваешь снять и сотой доли увиденного.

Все наши операторы пришли к Берлину уже обогащенными опытом четырехлетней работы на фронте, и все же события опережали нас. Когда был получен приказ Верховного командования овладеть столицей фашистской Германии и водрузить знамя Победы над Берлином, каждый на фронте, начиная от генерала и кончая бойцом, воспринял это так, словно приказ был обращен лично к нему.

Канун завершающей битвы Великой Отечественной войны — грандиозного сражения за Берлин — застал нас на берегу Одера. Фронтовая группа операторов кинохроники прошла с войсками 1-го Белорусского фронта славный боевой путь, и теперь перед столицей Германии, у водного рубежа, на котором накапливались резервы и техника, мы с нетерпением ожидали начала наступления.

По заранее разработанной дислокации все тридцать девять операторов нашей группы были распределены по частям и подразделениям. При командовании фронтом осталась ударная группа из четырех человек во главе с автором этих строк.

Представитель военного командования сообщил, что операция начнется на рассвете. Кинематографистам решили находиться на КП командующего фронтом.

Командный пункт был оборудован южнее Кюстрина. С него хорошо просматривались окрестности, вплоть до города Зеелова, находившегося в руках гитлеровцев. Но было еще так темно, что снять можно было лишь общие планы грандиозной артиллерийской подготовки из 22 тысяч орудий различного калибра.

При вспышках от выстрелов операторам удалось, однако, снять и ряд крупных планов. То же сделали и операторы, находившиеся в частях. Так появились в фильме кадры отдельных моментов артиллерийского удара.

С рассветом операторы двинулись с наступавшими частями вперед, а мы перенесли временную базу в Зеелов, уже занятый к этому времени нашими войсками. Так начался последний этап нашего пути на Берлин, этап, характерный тем, что ни в одном из занимаемых войсками пунктов не приходилось долго задерживаться. Вперед и вперед рвались с боями части Советской Армии. С их первыми эшелонами шли советские кинооператоры. Из местечка в местечко, из города в город двигалась к Берлину наша киногруппа, с трудом успевая устанавливать связь с операторами частей и подразделений, давать им указания о съемках.

События развивались по плану, но часто опережали его. Мы заранее намечали пункты, в которых должны были состояться встречи и инструктивные беседы с кинооператорами. Нередко, прибыв в такой пункт в назначенное время, узнавали, что операторы вместе с войсками ушли дальше.

Первую широкую «творческую конференцию» смогли провести лишь в самом Берлине, после взятия одной из его улиц.

Каждый из операторов стремился первым заснять вступление наших войск в Берлин, и, когда на первую только что отбитую у врага улицу фашистской столицы прибыла наша оперативная группа, там оказалось

уже двадцать из тридцати девяти прикомандированных к частям кинохроникеров.

В дни берлинских боев операторы собирались обычно по утрам в штабе киногруппы, получали задания на день и каждый отправлялся затем по своему назначению.

Но к двум часам дня почти все оказались уже в боевых порядках 8-й гвардейской армии: каждый надеялся, что именно ему удастся снять водружение над рейхстагом красного знамении — величественного символа Победы. Однако азарт соревнования не нарушал товарищества.

Бои на улицах города шли с возраставшей силой, уже ничего не могло остановить советских воинов, полных решимости овладеть последним оплотом фашизма. И в ночь на 2 мая в штаб 8-й гвардейской армии, которой командовал дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Чуйков, явились немецкие парламентеры для переговоров о сдаче Берлина. Это событие, внешне менее эффектное, чем начало артподготовки, но важное для документального фильма, нам не удалось заснять, так как оно произошло ночью.

Но уже на рассвете по всему городу начались съемки капитуляции Берлина: снимали появлявшиеся в окнах домов белые флаги, сдачу оружия колоннами пленных. Однако отдельные вражеские части продолжали сопротивление, и операторам наряду с «мирными» эпизодами капитуляции приходилось снимать и вспыхивавшие еще местами боевые схватки, предательские нападения фашистов на советских воинов.

Все помнят незабываемае кадры штурма рейхстага и водружения на нем Красного знамени Победы. Эти кадры удалось снять операторам И. Панову и М. Шнейдерову, а через каких-нибудь 30—40 минут к рейхстагу пробилось еще не менее десяти операторов, которые сняли уже реющий над зданием алый стяг, само здание и другие планы, послужившие прекрасным монтажным материалом.

Несколько дней мы снимали эпизоды поверженного Берлина. 7 мая я должен был вылететь в Москву, но за несколько часов до вылета мне предложили задержаться. Оказалось, что на 8 мая назначено официальное подписание акта о безоговорочной капитуляции Германии.

Этот исторический момент нам удалось отснять подробно.

Девятого мая с материалом я вылетел в Москву.

Самолет сделал над Берлином круг. Внизу зияли руины поверженной столицы фашистской империи.

Вечером того же дня мы прибыли в Москву.

Столица социалистической державы-победительницы была озарена разноцветными огнями праздничного салюта. Этот контраст и подсказал конец фильма: таков сегодня Берлин... такова сегодня Москва...

К нашему приезду в студии скопилось свыше тридцати тысяч метров пленки, заснятой фронтовыми операторами. К этому нужно добавить около двадцати тысяч метров немецкой трофейной хроники, которую также следовало просмотреть. Из двухсот пятидесяти тысяч кадров нужно было отобрать примерно девятьсот.

Каждый кусочек материала для фильма о Финляндии я просматривал десятки раз. Разбуженный среди ночи, мог бы, наверное, спокойно разложить все кадры, словно карты в знакомом пасьянсе. А здесь мы едва успели просмотреть материал дважды, фильм же был гораздо сложнее.

И сделали его в шестнадцать дней.

Как же это удалось? Помогла творческая слаженность коллектива, работа с которым доставила мне большую радость. Делали все сообща, не гнушаясь никакой работы, не разграничивая ее «по рангам». Интуитивно был уловлен и принцип монтажа, основанный на остром столкновении нашей и гитлеровской техники и стратегии.

Иногда тот или иной интересный эпизод не «ложился» в фильме. Его откладывали и, казалось, даже забывали о нем, но вдруг у кого-то возникала счастливая мысль о новом сопоставлении или дикторская фраза вызывала новые зрительные ассоциации — и материал находил свое место.

Перед нами стояла трудная задача — осмыслить крах фашизма; задача эта требовала привлечения большого добавочного материала — литературного и зрительного. Про нас, основных авторов фильма, на студии в шутку говорили, что мы напоминаем шахматистов, играющих одновременно на тридцати досках, так много самых различных проблем приходилось решать сразу.

Все, что связано с работой над документальным фильмом «Берлин», навсегда останется в моей памяти как одна из лучших страниц жизни, как труд, принесший огромное творческое удовлетворение. И то, что удалось увидеть в дни войны — дни наивысшего подъема моральных и физических сил советских людей, — помогло впоследствии глубже познать замечательную душу нашего народа — героя и строителя.

Д. Рымарев

Весна Победы

Отгремели бои на улицах Берлина, гитлеровская Германия безоговорочно капитулировала.

Наступил долгожданный мир.

В Москву слетелись асы боевых киносъемок — лучшие операторы фронтовых киногрупп, чтобы принять участие в киносъемках черно-белого и цветного фильма о параде Победы.

24 июня 1945 года в Москве на Красной площади состоялся исторический парад.

Фронтовые операторы, начальники фронтовых групп на встрече в день празднования 35-летия Победы в Москве

На всех главных точках Красной площади и прилегающих зданиях видны люди с кинокамерами. Они должны показать будущему зрителю и масштабы парада, и его участников, и детали происходящего события.

Гремит оркестрами, ликует Красная площадь. Чеканя шаг, проходят, равняясь на Мавзолей Ленина, воины-победители, те, что громили врага под Москвой и под Сталинградом, на Орловско-Курской дуге и в Севастополе, в Будапеште и Вене и, наконец, в самом Берлине.

Сверкают позолотой боевые ордена на новеньких мундирах, которые успели сшить для всех участников парада.

Приятно сознавать, что вся эта великолепная картина парада будет заснята также и на цветную пленку и на экране зрители увидят ее такой же красочной и яркой, какой ее видит глаз. И мелкий дождичек, который сеет с утра над Москвой, — не помеха, потому что все это многоцветие мундиров и знамен, отражаясь, повторяется в зеркальной поверхности брусчатки. Большая группа солдат несет приспущенные знамена полков и дивизий третьего рейха. Вот она, проклятая паучья свастика в белом круге на фоне красного полотнища, обрамленного золотой бахромой и кистями.

Незабываемое зрелище — солдаты бросают к подножию Мавзолея фашистские знамена. Их уже целая груда. Они превратились в мокрые тряпки, попираемые сапогами советских воинов — победителей.

Итак, закончилась самая кровопролитная война в истории человечества, унесшая миллионы жизней, оставившая миллионы несчастных и обездоленных, уничтожившая неисчислимые материальные и культурные ценности.

Парад Победы на Красной площади возвестил начало новой эры — эры прочного мира, которого жаждут честные люди на земле.

Коротко об авторах

Кармен Роман Лазаревич (1906—1979) — кинооператор, режиссер, литератор. Народный артист СССР, Герой Социалистического Труда. В 1932 г. окончил Государственный институт кинематографии (ГИК). Принимал участие в киносъемках Кара-Кумского автопробега, революционных событий в Испании и Китае. Во время Великой Отечественной войны — фронтовой кинооператор, начальник киногруппы Западного фронта (1942—1943), 2-го Украинского фронта (1944). Принимал участие в съемках фильмов «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой», «Ленинград в борьбе», «Орловская битва», «Освобождение Советской Белоруссии», «От Вислы до Одера», «В Померании», «Берлин». После войны работал на Центральной студии документальных фильмов (ЦСДФ). Удостоен Ленинской премии за создание фильмов «Повесть о нефтяниках Каспия» и «Покорители моря». Художественный руководитель и один из режиссеров документальной киноэпопеи «Великая Отечественная». Награжден Орденом Красной Звезды.

Казначеев Александр Федорович (1909 — 1979) — кинооператор. С 1930 г. работал на Куйбышевской студии кинохроники. С 1942 г. — во фронтовой группе Закавказского, затем 2-го Белорусского фронтов. Принимал участие в съемках боевых эпизодов для киножурналов и фильмов «Кавказ», «В логове зверя», «В Померании». За фронтовые съемки неоднократно премировался. Награжден орденом Красной Звезды.

Лебедев Алексей Алексеевич (род. 1905) — кинооператор. В кино — с 1922 г. После окончания Государственного техникума кинематографии (ГТК) в 1930 г. — оператор Центральной студии кинохроники. С июня 1941 г. — на Юго-Западном и Западном фронтах. С января 1942 г. — начальник киногруппы Волховского фронта. При прорыве блокады Ленинграда был тяжело ранен. В 1944 г. принимал участие в создании киногруппы ВВСКА. В том же году был направлен на 2-й Украинский фронт в качестве начальника киногруппы. Удостоен Государственной премии за участие в создании фильмов «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» и «Освобожденная Чехословакия». Принимал участие в съемках фильмов «День войны», «Комсомольцы», «Будапешт», «Венгрия», «Парад Победы», «Берлинская конференция». Награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени. После войны на ЦСДФ.

Рымарев Дмитрий Георгиевич (род. 1909) — кинооператор. В 1932 г. окончил ГИК. Работал на Центральной студии кинохроники. С июля 1941 г. — в киногруппе Черноморского флота. В 1944—1945 гг. — в киногруппе Карельского и 2-го Украинского фронтов. Принимал участие в съемках фильмов «Черноморцы», «К вопросу о перемирии с Финляндией», «Победа на юге», «Будапешт», «Вена», «Парад Победы». Награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды. Дважды лауреат Государственной премии СССР.

Лыткин Николай Александрович (род. 1910) — кинооператор. В 1933 г. окончил ГИК и начал работать на студии «Мосфильм», а с 1935 г. — на Дальневосточной студии хроники. Удостоен Государственной премии СССР за участие в создании фильма «День нового мира». С июня 1941 г. — фронтовой оператор Северо-Западного, с 1943 г. — Калининского, а с 1944 г. — 3-го Белорусского фронтов. Принимал участие в съемках освобождения Тихвина, а также в съемках фильмов «Комсомольцы», «В логове зверя», «Кенигсберг». Награжден орденами Славы II степени и Отечественной войны I степени. После войны — на ЦСДФ.

Коган Соломон Яковлевич (род. 1913) — кинооператор. С 1937 г. — на Центральной студии кинохроники. Удостоен Государственной премии СССР за участие в создании фильма «Линия Маннергейма». В годы Великой Отечественной войны оператор киногруппы Южного, Закавказского и 3-го Украинского фронтов. Принимал участие в съемках обороны Одессы, а также фильмов «Кавказ», «Победа на юге», «Освобождение Белграда». Награжден орденом Красного Знамени и двумя орденами Красной Звезды. После войны — на ЦСДФ. Удостоен звания лауреата Государственной премии СССР за фильм «Советские китобои».

Крылов Анатолий Александрович (род. 1913) — кинооператор. В кино — с 1931 г. С 1938 г. — на Центральной студии кинохроники. С июля 1941 г. — на Центральном, затем на Западном и 3-м Белорусском фронтах. При проведении боевых киносъемок был дважды тяжело ранен. Удостоен Государственной премии СССР за участие в создании фильма «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой». Принимал участие в съемках фильмов «Орловская битва», «Освобождение Советской Белоруссии», «Минск наш», «Сражение за Витебск», «В Восточной Пруссии», «В логове зверя», «Кенигсберг». Награжден двумя орденами Красного Знамени. После войны — на ЦСДФ.

Касаткин Павел Дмитриевич (род. 1913) — кинооператор. В 1939 г. окончил ГИК. С июля 1941 г. — во фронтовой киногруппе Западного фронта. В 1943—1944 гг. — в партизанских соединениях на Украине, в 1944 г. — на 2-м Украинском фронте. Принимал участие в съемках фильмов «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой», «Битва за нашу Советскую Украину», «Крылья народа», «Победа на Правобережной Украине», «Будапешт», «Освобожденная Чехословакия». Дважды лауреат Государственной премии СССР. Награжден орденами Красного Знамени и Отечественной войны I степени, а также медалью «Партизану Отечественной войны». После войны — на ЦСДФ.

Бунимович Теодор Захарович (род. 1908) — кинооператор. В 1930 г. окончил Ленинградский фотокинотехникум и начал работать на Ростовской студии кинохроники. С октября 1941 г. — во фронтовой киногруппе Западного фронта. С 1942 г. — на Воронежском фронте. Удостоен Государственной премии СССР за участие в создании фильма «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» и за боевые съемки. Принимал участие в съемках фильмов «Крылья народа», «Освобождение Советской Белоруссии». Награжден орденом Красной Звезды. После войны — на студии «Союзмультфильм».

Богоров Ансельм Львович (род. 1903) — кинооператор. В 1926 г. окончил Ленинградский фотокинотехникум и начал работать на Ленинградской студии кинохроники. С июня 1941 г. — во фронтовой киногруппе Ленинградского фронта. Удостоен Государственной премии СССР за участие в создании фильма «Ленинград в борьбе». С 1942 г. и до конца войны — фронтовой оператор Волховского, Карельского и 1-го Украинского фронтов. Принимал участие в съемках фильмов «К вопросу о перемирии с Финляндией», «Победа на севере», «Берлин». Награжден орденом Красной Звезды. В послевоенные годы — на Ленинградской студии кинохроники.

Погорелый Анатолий Иванович (род. 1905) — кинооператор. В начале войны был мобилизован в ряды Советской Армии, командовал минометным батальоном 98-го стрелкового полка. С 1942 г. — оператор киногруппы Ленинградского фронта. После освобождения Ленинграда от блокады — на 1-м Белорусском фронте. Принимал участие в съемках фильмов «Ленинград в борьбе», «Великая победа под Ленинградом», «К вопросу о перемирии с Финляндией», «Берлин», «Разгром Японии». Дважды лауреат Государственной премии СССР. Награжден орденом Отечественной войны II степени. После войны — на Ленинградской студии кинохроники.

Овсянников Федор Иванович (1907—1977) — кинооператор. В кино — с 1933 г. Работал на Ленинградской студии кинохроники. С начала войны — на Северо-Западном фронте. С 1942 г. — на Северном флоте. С 1945 г. — на Балтийском флоте. Принимал участие в съемках сюжетов для киножурналов о героических подвигах военных моряков, а также в создании фильмов «69-я параллель», «Ленинград в борьбе», «Битва за Севастополь». Награжден медалью «За боевые заслуги». После войны — на Ленинградской студии кинохроники.

Шоломович Давид Григорьевич (1914—1965) — кинооператор. В 1939 г. окончил ГИК. Работал на Ростовской студии кинохроники. С января 1942 г. — оператор Южного, потом Закавказского, Северо-Кавказского фронтов, киногруппы ВВСКА. За успешное проведение воздушных киносъемок неоднократно премировался. Принимал участие в съемках фильмов «Кавказ», «Битва за Севастополь», «Освобождение Советской Белоруссии», «Победа на Правобережной Украине», «В Восточной Пруссии», «В Померании». Лауреат Государственной премии СССР. Награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени. После войны — корреспондент АПН.

Гиков Рафаил Борисович (1905—1946) — кинооператор. В 1929 г. окончил ГТК и начал работать на Центральной студии кинохроники. С декабря 1941 г. — во фронтовой киногруппе. С 1942 г. — начальник киногрупп Брянского фронта, затем 2-го Прибалтийского и Забайкальского фронтов. Принимал участие в киносъемках фильмов «Орловская битва», «Восьмой удар», «Разгром Японии» и ряда сюжетов для киножурналов.

Котляренко Леонид Тихонович (1917—1974) — кинооператор. С июня 1941 г. — ассистент оператора на Южном фронте, с сентября 1942 г. — оператор Закавказского, затем Северо-Кавказского фронтов. С октября 1944 г. — оператор 2-го Белорусского фронта. Принимал участие в съемках сюжетов для киножурнала и фильмов «Кавказ», «День войны», «Битва за Севастополь», «Освобождение Советской Белоруссии», «В логове зверя», «В Померании». Награжден орденами Красной Звезды и Оте-

чественной войны I степени, медалью «За отвагу». После войны — на ЦСДФ.

Кричевский Абрам Григорьевич (1912—1982) — кинооператор. С 1931 г. — на Украинской студии кинохроники. С 1936 г. — оператор Центральной студии кинохроники. На фронте — с первых дней войны. Принимал участие в съемках кинофильмов «Черноморцы», «День войны», «Сталинград», «Победа на юге», «Победа на Правобережной Украине», «Сражение за Витебск», «Вступление Красной Армии в Бухарест», «Вступление Красной Армии в Болгарию», «Освобожденная Чехословакия», «Берлинская конференция», «Парад Победы». Награжден двумя орденами Красной Звезды. Удостоен Государственной премии СССР. После войны — на ЦСДФ.

Орлянкин Валентин Иванович (род. 1906) — кинооператор. В 1936 г. окончил ГИК. Работал спецкором Центральной студии кинохроники в Крыму. С начала войны — на Юго-Западном фронте. Принимал участие в обороне Сталинграда. Затем — оператор Центрального и 1-го Украинского фронтов. Удостоен Государственной премии СССР за участие в создании фильма «Сталинград». Участвовал также в съемках фильмов «Битва за нашу Советскую Украину», «Победа на Правобережной Украине». После войны — на Украинской студии документальных фильмов.

Вейнерович Иосиф Наумович (род. 1909) — кинооператор. В 1932 г. окончил ГИК и работал на Белорусской студии кинохроники. С июля 1941 г. — во фронтовой киногруппе. Снимал в партизанских отрядах Брянщины и Белоруссии. В 1942 г. удостоен Государственной премии СССР. Участвовал в съемках фильмов «Наша Москва», «Народные мстители», «Освобождение Советской Белоруссии». Награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды. После войны — режиссер-оператор Минской киностудии.

Муромцев Виктор Николаевич (1906—1945) — кинооператор. В 1942 г. окончил ГИК и был направлен в киногруппу Северо-Западного фронта. Летом 1944 г. снимал боевые действия партизан Югославии. В апреле 1945 г. погиб во время съемок танкового сражения между частями Народно-освободительной армии Югославии и гитлеровскими войсками. Принимал участие в съемках фильмов «Народные мстители», «Освобождение Советской Белоруссии», «Югославия». Награжден орденом Красного Знамени и медалью «Партизану Отечественной войны». Удостоен Государственной премии СССР.

Рейзман Оттилия Болеславовна (род. 1914) — кинооператор. В 1935 г. окончила ГИК и начала работать на Центральной студии кинохроники. В годы Великой Отечественной войны снимала в партизанских отрядах Белоруссии, в киногруппе 2-го Украинского и Дальневосточного фронтов. Участвовала в съемках фильмов «Наша Москва», «Освобождение Советской Белоруссии», «Будапешт», «Разгром Японии», «Освобожденная Чехословакия». Награждена двумя орденами Отечественной войны II степени и медалью «Партизану Отечественной войны». Дважды лауреат Государственной премии СССР. После войны — на ЦСДФ.

Палажченко Алексей Евсеевич (1924—1979) — украинский писатель. В годы Великой Отечественной войны награжден орденом Отечественной войны II степени.

Вихирев Николай Александрович (1904—1976) — кинооператор. В кино — с 1927 г. С 1933 г. работал на Центральной студии кинохроники. С июня 1941 г. — на Южном, затем на Сталинградском, Центральном и 1-м Белорусском фронтах. За съемки боевых действий советской авиации награжден орденом Красной Звезды. Принимал участие в съемках фильмов «Сталинград», «Крылья народа», «Победа на Правобережной Украине», «Берлин». После войны — на ЦСДФ. Удостоен Государственной премии СССР за участие в создании фильма «День воздушного флота СССР».

Аронс Илья Борисович (1910—1983) — кинооператор. В 1942 г. окончил ГИК и уехал на фронт для съемки дипломной работы. В июле 1943 г. командирован на Северо-Кавказский фронт в качестве ассистента кинооператора. Принимал участие в съемках фильмов «Битва за Кавказ», «Комсомольцы», «Битва за Севастополь», «Освобождение Советской Белоруссии», «От Вислы до Одера», «Берлин». Награжден орденом Красной Звезды.

Шер Борис Ильич (род. 1914) — кинооператор. В кино — с 1934 г. На фронте — с июня 1941 г Принимал участие в съемках фронтовых кинорепортажей и фильмов «Ленинград в борьбе», «Крылья народа», «Народные мстители», «Освобождение Советской Белоруссии», «В Восточной Пруссии», «Разгром Японии». Награжден орденами Красного Знамени и Отечественной войны II степени, а также медалью «Партизану Отечественной войны». После войны — на ЦСДФ.

Шиманов Николай Васильевич — генерал-полковник авиации. Во время войны — член Военного совета Военно-Воздушных Сил Красной Армии. Принимал активное участие в создании киногруппы ВВСКА и ее оснащении.

Микоша Владислав Владиславович (род. 1909) — кинооператор. В 1932 г. окончил ГИК. Работал сначала на Дальневосточной студии.

затем на Центральной студии кинохроники. Участвовал в съемках обороны Одессы и Севастополя, а также освобождения Крыма. Удостоен Государственной премии СССР за участие в создании фильма «Черноморцы». Принимал участие в съемках фильмов «Комсомольцы», «Битва за Севастополь», «В логове зверя», «В Померании», «Разгром Японии». Награжден орденом Красного Знамени. После войны — на ЦСДФ.

Асланов Гай Григорьевич (1913—1974) — кинооператор. В 1938 г. окончил Ростовское художественное училище и начал работать ассистентом оператора на Ростовской студии кинохроники. С октября 1941 г. — на Южном фронте в качестве фронтового кинооператора. В дальнейшем — в киногруппах Закавказского, 4-го Украинского и 3-го Украинского фронтов. Участвовал в съемках боевых эпизодов для киножурналов и фильмов «Комсомольцы», «Победа на юге», «Будапешт», «Вена». Награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». После войны — на Ростовской студии кинохроники, затем на ЦСДФ.

Широнин Константин Ильич (род. 1912) — кинооператор. В 1932 г. окончил ГИК. Работал на Иркутской и Свердловской студиях кинохроники. С 1942 г. — оператор Северо-Западного и 2-го Прибалтийского фронтов. Во время съемок был тяжело ранен. Принимал участие в съемках фильмов «Восьмой удар», «В Померании», «В логове зверя». Награжден орденом Отечественной войны I степени. После войны — оператор ЦСДФ.

Литвин Александр Иванович (род. 1907) — кинорежиссер. В 1934 г. окончил режиссерский факультет ГИКа, работал добровольцем на строительстве Московского метрополитена. С 1937 г. — режиссер Ростовской студии кинохроники. Во время войны — начальник киногруппы 4-го Украинского фронта. Принимал участие в съемках освобождения Крыма и Чехословакии. Награжден орденом Красной Звезды. После войны — на Кишиневской киностудии.

Школьников Семен Семенович (род. 1918) — кинооператор. В кино — с 1934 г. С 1940 г. — в рядах Красной Армии. После ранения в 1942 г. — кинооператор Калининского, затем 1-го Прибалтийского фронтов. Снимал в партизанских отрядах. Принимал участие в фильмах «Народные мстители», «Освобождение Советской Белоруссии», «Восьмой удар». Награжден орденами Красного Знамени и Отечественной войны I степени, а также медалью «Партизану Отечественной войны». Трижды лауреат Государственной премии СССР. После войны — на Таллинской студии.

Григорьев (Кацман) Роман Григорьевич (1911—1972) — кинорежиссер. В кино — с 1931 г. Работал редактором на Центральной студии кинохроники. В годы Великой Отечественной войны был руководителем фронтового отдела Главного управления кинохроники, начальником киногрупп Северо-Западного и 3-го Украинского фронтов. После войны — режиссер на ЦСДФ. Создал фильмы «Болгария», «Слава труду», «Советская Якутия», «О Москве и москвичах», «Люди голубого огня», «Магистраль». Трижды удостоен Государственной премии СССР.

Ефимов Евгений Иванович (1908—1979) — кинооператор. В кино — с 1927 г. На фронте — с 1941 г. В 1943 г. был прикомандирован для съемок к частям Войска Польского. Принимал участие в съемках боев за освобождение Тихвина, Харькова, Варшавы, Берлина. После войны — на ЦСДФ. Удостоен Государственной премии за участие в создании фильма «Демократическая Венгрия».

Большинцов Мануэль Владимирович (1902—1954) — драматург, кинорежиссер. Один из авторов сценария фильма «Великий гражданин». В годы Великой Отечественной войны — главный редактор Центральной студии кинохроники. Руководил съемками фильма «От Вислы до Одера».

Медведкин Александр Иванович (род. 1900) — кинорежиссер. Народный артист РСФСР. В кино — с 1927 г. Был организатором и начальником кинопоезда. Постановщик ряда игровых сатирических фильмов («Счастье», «Чудесница» и др.). Во время войны — начальник киногруппы Западного и 3-го Белорусского фронтов. Награжден орденами Красного Знамени и Отечественной войны II степени. После войны — на ЦСДФ. Автор-режиссер ряда фильмов преимущественно в жанре политического кинопамфлета («Тень ефрейтора», «Тревожная хроника», «Склероз памяти» и др.). Лауреат Государственной премии СССР.

Сааков Леон Николаевич (род. 1909) — кинорежиссер. В 1935 г. окончил ГИК. С 1941 г. — инструктор политотдела авиачасти. С 1944 г. — начальник отдела фронтовых групп Центральной студии кинохроники. Руководил съемками фильмов «Хелм—Люблин», «Будапешт», «Берлин». После войны — на киностудии «Мосфильм».

Панов Иван Васильевич (1909—1972) — кинооператор. В 1934 г. окончил ГИК. До 1942 г. — оператор студии «Мосфильм». С 1942 г. — на Калининском, 1-м Прибалтийском, 3-м Белорусском и 1-м Белорусском фронтах. Участвовал в киносъемках фильмов «К вопросу о перемирии с Финляндией», «Освобождение Советской Белоруссии», «В Восточной Прусии», «Кенигсберг». Награжден двумя орденами Красной

Звезды и орденом Отечественной войны I степени. Удостоен Государственной премии СССР за участие в создании фильма «Берлин». В послевоенное время работал на киностудии «Мосфильм» и на ЦСДФ.

Райзман Юлий Яковлевич (род. 1903) — кинорежиссер. Народный артист СССР. Герой Социалистического Труда. В кино — с 1924 г. Постановщик ряда художественных фильмов («Каторга», «Земля жаждет», «Летчики», «Последняя ночь», «Машенька», «Урок жизни», «Коммунист» и др.). В годы Великой Отечественной войны — режиссер документальных фильмов «К вопросу о перемирии с Финляндией», «Берлин». За участие в создании этих фильмов дважды удостоился Государственной премии СССР. Режиссер киностудии «Мосфильм».

Их оружие — кинокамера /Сост. А. Лебедев,
И 95 Д. Рымарев. — 2-е изд., доп. — М.: Искусство,
1984. — 278 с., с ил.

Авторы статей, составляющих сборник, — фронтовые кинооператоры, создатели кинолетописи героической борьбы советского народа с фашистскими захватчиками в 1941—1945 годах. Все, что снято ими, — это зримая история Великой Отечественной войны, бесценные свидетельства ратных и трудовых подвигов советских людей, разоблачение звериной сущности фашизма. Сравнительно с предыдущим изданием, вышедшим в 1970 году, сборник дополнен новыми материалами, расширяющими «географию» событии, углубляющими представление о нелегком воинском труде человека с кинокамерой. Дополнена и обновлена также иллюстративная часть. Рассчитан на широкий круг читателей

И $\frac{4910020000-140}{025(01)-84}$ 102-84

ББК 85.53(2)
778

ИХ ОРУЖИЕ — КИНОКАМЕРА

Составители
Лебедев Алексей Алексеевич,
Рымарев Дмитрий Георгиевич

Редактор В. А. Рязанова, Л. Д. Ягункова
Художник Г. И. Сауков
Художественный редактор Г. К. Александров
Технический редактор Е. Н. Сапожникова
Корректор О. Г. Завьялова

ИБ № 2101

Сдано в набор 06.12.83. Подп. к печати 21.05.84. А 09703. Формат издания 70×90/16. Бумага тифдручная. Гарнитура «гельветика». Глубокая печать. Усл. печ. л. 20,475. Усл. кр. отт. 21,93. Уч.-изд. л. 24,281. Изд. № 15513. Тираж 30000. Заказ 1313. Цена 2 руб. 30 коп. Издательство «Искусство», 103009 Москва, Собиновский пер., 3.
Отпечатано с набора Калининского полиграфкомбината в ордена Трудового Красного Знамени Московской типографии № 2 «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129301, Москва, проспект Мира, 105.